

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ*

СУБЪЕКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТОИМЕНИЙ
И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ
В ИЗЪЯСНИТЕЛЬНО-ОБЪЕКТНОМ ТИПЕ
СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

ТВОРЧЕСТВО И ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ
В ПОНИМАНИИ ДЖЕКА ЛОНДОНА

БОРЬБА ЧЕЛОВЕКА СО СВОЕЙ СУДЬБОЙ В ДРАМЕ Ю. О'НИЛА
«ВСЕ БОЖЬИ ДЕТИ ИМЕЮТ КРЫЛЬЯ»

2018 / № 5

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2018 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по Филологическим наукам: группы специальностей Литературоведение (10.01.00) и Языкознание (10.02.00).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: Literary Studies (10.01.00) and Linguistics (10.02.00).

ISSN 2072-8522 (print)

2018 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Аношкина В.Н. — д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В.А. — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Гусман Т.Р. — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И.А. — д.филол.н., доц., МГОУ;

Колларова Э. — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Леденёва В.В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А.В. — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. — д.филол.н., проф., Цзилиньский университет (Китайская народная республика);

Норман Б.Ю. — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь);

Петров А.В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Супрун В.И. — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Шеншина В.А. — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндия);

Щедрина Н.М. — д.филол.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2018. — № 5. — 270 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Series editorial board
«Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philological sciences Sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V.A. Voropayev – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I.A. Kiseleva – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L.F. Kuposov – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.V. Ledeneva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

A.V. Motorin – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I.A. Nagorny – Doctor of Philological sciences, Professor, Jilin University (China);

B.Yu. Norman – Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A.V. Petrov – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V.I. Suprun – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E.Y. Titarenko – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N.M. Shchedrina – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2018. – № 5. – 270 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MRSU, 2018.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2018.

The Editorial Board address:
Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Аббасов А.Г. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СЛОВНИКА СЛОВАРЕЙ РАЗНЫХ ТИПОВ	8
Алексеева О.М. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЁН В ЭЗОПОВОМ ЯЗЫКЕ БАСНИ (РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ).....	16
Григорьев А.В. ИСТОРИЯ СЛОВ С ФОРМАНТОМ -МЕЙКЕР- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	22
Григорьева О.Н., Цзян Н. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ГОРОД» В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА	31
Гусейнов Г.-Р. А.-К. О СЛАВЯНСКО-НАХСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЮЗЕ: К ВЕРИФИКАЦИИ ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БАЗИСНОЙ ЛЕКСИКИ	39
Колесникова С.М. СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ НАЧАЛА ПОНЯТИЯ СЕМЬЯ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	53
Левина В.Н., Ван Хуэй ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С СЕМАНТИКОЙ «ГОРОД» КАК ЭЛЕМЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПАТРИОТИЗМ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ XX–XXI ВЕКОВ)	60
Лошаков А.Г. О ПРИНЦИПАХ МОДЕЛИРОВАНИЯ СВЕРХТЕКСТА.....	70
Манукян Г.В. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА КРАСОТА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	81
Милованова М.С., Шамсутдинова Р.Р. СУБЪЕКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТОИМЕНИЙ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	88
Мугумова А.Л., Гусейнов Г.-Р. А.-К. О ЯЗЫКОВЫХ СОЮЗАХ В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА С ЯЗЫКАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА. ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	102
Радзиховская В.К. К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ: ФСК ВЗАИМНОСТИ И ФСК ТЕМПОРАЛЬНОСТИ	113
Холодкова М.В. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	130
Шаповалова Т.Е. СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ИЗЪЯСНИТЕЛЬНО-ОБЪЕКТНОМ ТИПЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	139
Шаталова О.В., Головина Т.А. К ИСТОРИИ ЛЕКСЕМЫ ОБАЯНИЕ.....	147

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Андерс-Намжилова К.Ю. ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ТОЛКОВАНИЙ НА ДЕКАЛОГ В XVIII В.	155
Егорова М.А., Шевцова Л.И. ПОЭТИКА ГОТИЧЕСКОГО В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ»	164
Макиенко К.И. С.И. ПОНОМАРЕВ О РОЛИ В.А. ЖУКОВСКОГО В РАЗВИТИИ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ	173
Лунина И.Е. ТВОРЧЕСТВО И ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОНИМАНИИ ДЖЕКА ЛОНДОНА.....	185
Маркова А.С., Мамукина Г.И. НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОД КАК СМЫСЛОВОЕ ЯДРО ПОЭМЫ «КРЕСТЬЯНИН ГЕЛЬМБРЕХТ» В. САДОВНИКА.....	195
Маслова А.Г. ОБРАЗЫ ПРИРОДЫ В ПОЭЗИИ Е.И. КОСТРОВА	205
Пуряева Н.Н. А.П. БУНИНА НА СТРАНИЦАХ «ДАМСКОГО ЖУРНАЛА» ...	220
Семенец А.В. ФУНКЦИИ ОБРАЗА ЗЕРКАЛА: К ПРОБЛЕМЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ГЕРОЕВ В РОМАНАХ А. КАРТЕР	230
Сохряков Ю.И. БОРЬБА ЧЕЛОВЕКА СО СВОЕЙ СУДЬБОЙ В ДРАМЕ Ю. О'НИЛА «ВСЕ БОЖЬИ ДЕТИ ИМЕЮТ КРЫЛЬЯ» (1924)	241
Сюе Чэнь ГОЛОД В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ И.С. ШМЕЛЁВА, К. ГАМСУНА, ЛЮ ЧЖЭНЬЮНЯ.....	248

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Лю Цзоянь, Нагорный И.А. ЧАНЧУНЬСКИЙ ФОРУМ В ЦЗИЛИНЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА).....	258
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Никитин О.В. ДИДКОВСКАЯ В.Г. ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (XI–НАЧАЛО XVII В.): УЧЕБ.-МЕТОД. ПОСОБИЕ / В.Г. ДИДКОВСКАЯ; НОВГУ ИМ. ЯРОСЛАВА МУДРОГО. – ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД: ИЗД.-ПОЛИГР. ЦЕНТР НОВГУ ИМ. ЯРОСЛАВА МУДРОГО, 2015. 159 С.	262
--	-----

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

ЖУРНАЛУ «ВЕСТИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ» - 20 ЛЕТ	268
--	-----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

A. Abbasov. TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF A GLOSSARY OF DICTIONARIES OF DIFFERENT TYPES	8
O. Alekseeva. PECULIARITIES OF THE USING NAMES IN THE AESOPIAN LANGUAGE OF THE FABLE (REFERENTIAL ANALYSIS)	16
A. Grigorev. HISTORY OF THE RUSSIAN WORDS WITH THE FORMANT -МЕЙКЕР-	22
O. Grigorieva, N. Jiang. LEXICAL AND SEMANTIC GROUP “CITY” IN THE MODERN RUSSIAN MASS MEDIA	31
G.-R. Gusejnov. ON THE SLAVIC-NAKH LANGUAGE UNION: TO THE VERIFICATION OF HISTORICAL-ETYMOLOGICAL INTERPRETATION OF BASIC VOCABULARY	39
S. Kolesnikova. MEANING-FORMING SOURCES OF THE FAMILY CONCEPT IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURE.....	53
V. Levina, Wan Khuey. TEXT UNITS WITH SEMANTICS “CITY” AS AN ELEMENT OF SEMANTIC FIELD “PATRIOTISM” (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN SONG TEXTS OF THE 19TH-20TH CENTURIES)	60
A. Loshakov. PRINCIPLES OF SUPERTEXT MODELING	70
G. Manukyan. THE SEMANTIC STRUCTURE OF WORD КРАСОТА (ON THE RESULTS OF EXPERIMENTAL RESEARCH).....	81
M. Milovanova, R. Shamsutdinova. SUBJECTIVE POTENTIAL OF PRONOUNS AND THEIR FUNCTIONING IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE	88
A. Mugumova, G.-R. Gusejnov. ABOUT THE LANGUAGE UNIONS IN THE HISTORY OF ANCIENT RELATIONSHIP OF RUSSIAN WITH THE NORTH CAUCASUS LANGUAGES. HISTORICAL LINGUISTIC AND AREAL ASPECTS.....	102
V. Radzikhovskaya. INTERACTION OF FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORY: FSC OF RECIPROCITY AND FSC OF TEMPORALITY	113
M. Kholodkova. FUNCTIONAL-SEMANTIC SPECIFICITY OF THE COLLOQUIAL VOCABULARY IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE.....	130
T. Shapovalova. SYNTACTIC APPEARANCE OF TIME IN EXPLANATORY-OBJECT TYPE OF COMPOUND SENTENCES.....	139
O. Shatalova, T. Golovina. TO THE HISTORY OF THE LEXEME ОБЯЗАНИЕ.....	147

SECTION II. LITERARY STUDIES

K. Anders-Namzhilova. CHARACTERISTICS OF THE DECALOGUE INTERPRETATIONS IN 18TH CENTURY	155
M. Egorova, L. Shevtsova. THE POETICS OF THE GOTHIC IN M. LERMONTOV'S NOVEL "VADIM"	164
K. Makienko. S. PONOMAREV ON V. ZHUKOVSKY'S ROLE IN THE DEVELOPMENT OF JOURNALISM	173
I. Lunina. CREATIVITY AND CREATIVE PERSONALITY IN JACK LONDON'S UNDERSTANDING	185
A. Markova, G. Mamukina. THE NATIONAL CODE AS THE SEMANTIC CORE OF THE POEM "THE PEASANT HELMBRECHT" BY WERNHER DER GARTNAER	195
A. Maslova. IMAGES OF NATURE IN E. KOSTROV'S POETRY	205
N. Puryaeva. ANNA BUNINA IN "LADIES' MAGAZINE"	220
A. Semenets. FUNCTIONS OF THE MIRROR IMAGE: TO THE SELF- IDENTIFICATION PROBLEM OF THE CHARACTERS IN A. CARTER'S NOVELS	230
Y. Sohryakov. THE STRUGGLE OF A MAN WITH HIS DESTINY IN E. O'NEILL'S DRAMA "ALL GOD'S CHILLUN GOT WINGS"	241
Xue Chen. HUNGER IN THE ARTISTIC PERCEPTION OF I. SHMELEV, K. HAMSUN, LIU ZHENYUN	248

SCIENTIFIC LIFE

Liu Zuoyan, I. Nagornyy. CHANCHUN FORUM AT JILIN UNIVERSITY (PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA)	258
--	-----

REVIEW

O. Nikitin. V. DIDKOVSKAYA. HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE (11 – BEGINNING OF THE 12 CENTURY): TEXTBOOK / V. DIDKOVSKAYA; YAROSLAV-THE-WISE NOVGOROD STATE UNIVERSITY. VELIKIY NOVGOROD, PUBLISHING HOUSE OF POLIGRAPHIC CENTER OF YAROSLAV-THE-WISE NOVGOROD STATE UNIVERSITY, 2015. 159 p.	262
---	-----

EDITOR COLUMN

MAGAZINE «BULLETIN OF MOSCOW STATE REGION UNIVERSITY. SERIES: RUSSIAN PHILOLOGY» CELEBRATES 20TH ANNIVERSARY.....	268
--	-----

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-8-15

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СЛОВНИКА СЛОВАРЕЙ РАЗНЫХ ТИПОВ

Аббасов А.Г.

Бакинский государственный университет

AZ1148, г. Баку, ул. Академика Захид Халил, д. 23, Республика Азербайджан

Аннотация. В статье рассматривается одно из основных понятий лексикографии – «словник». Опираясь на данные разных лексикографических источников, автор приводит различные дефиниции этого слова. Анализируются различные подходы ведущих учёных к пониманию сущности понятия «словник». На основе толковых и терминологических словарей объясняются основные особенности словника. Исследование показывает, что любой словарь, в зависимости от типа состава слов, складывается по-разному. При выборе единиц для включения в словарь составитель должен учитывать цель и назначение словаря.

Ключевые слова: словарь, словник, вокабула, лексикон, лексикография, толковый словарь, терминологический словарь

TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF A GLOSSARY OF DICTIONARIES OF DIFFERENT TYPES

A. Abbasov

Baku State University

23, Akademika Zahid Khalil Street, Baku, AZ1148, Republic of Azerbaijan

Abstract. The article deals with one of the main notions of lexicography – glossary. Basing on the data from various lexicographical sources, the author gives different definitions of the word. The author also analyzes several approaches of leading scientists to understand the essence of the concept glossary. With the help of explanatory and terminological dictionaries, the main features of glossary are explained. The study shows that any dictionary, depending on words composition type, is compiled differently. When selecting the units to include in the vocabulary the compiler should consider the purpose and objectives of the dictionary.

Key words: dictionary, glossary, vocable, lexicon, lexicography, explanatory dictionary, terminological dictionary.

Один из важных вопросов в подготовке лексикографических средств связан со словарем. В составе каждого словаря в первую очередь требуется определение слов, которые должны быть включены в него. Перечень этих слов часто называется *словником*. «СЛОВНИК – список слов, которые объясняются разными способами в словаре; собрание ключевых слов в словаре. *Словник словаря*» [8, с. 255]. О.С. Ахманова определяет словник таким образом: «СЛОВНИК *англ.* word-list. Список слов, подлежащих словарной обработке; совокупность заголовочных слов в словаре. *Словник нормативный. Словник типовой*» [1, с. 422].

Первая часть определений, приведённая в двух источниках, почти идентична. Однако О.А. Ахманова выделяет два типа словника: 1) нормативный словник; 2) общий словник. Причина такого распределения связана с типами словарей. Поэтому А. Оруджев обозначает словник как список слов и фраз, включённых в любой словарь. По его мнению, вопрос о том, какие слова следует включать не только в толковый, но и в любой другой словарь, всегда вызывал дискуссии в работе по составлению словарей [9, с. 31]. Первоначальное составление и определение словника позволяет покончить с указанными спорами.

По словам С. Садыгова, «словник» означает алфавитный список слов для того или иного типа словаря, причём два условия являются основными для подготовки словника терминологических словарей: 1) рекритично пере-

смотреть и улучшить словник ранее опубликованных терминологических словарей; 2) выбор и систематизация необходимых терминов из оригинальных текстов, учебников, работ, написанных по отдельным областям науки [11, с. 304].

Построенные слова и фразы в словарях по алфавиту иногда неверно истолковываются как *вокабула*. *Вокабула* происходит от латинского языка и содержит смысл «отдельное слово». «Словник – это отдельное слово, взятое как предмет лексикологии и лексикографии. Первичная *вокабула*. Слово ограничено только одним языком (или относительными языками)» [8, с. 44]. Во многих объяснениях термина *вокабула* определяется как заглавное слово в словаре. Хотя заглавное слово и *вокабула* идентичны друг другу, но между ними есть разница. Каждое заглавное слово может быть в то же время *вокабулой*. Тем не менее каждая отдельная *вокабула* не является заглавным словом. «Современная лексикография подчеркивает важную социальную функцию словарей, которые обладают способностью фиксировать совокупность знаний общества определенной эпохи» [2, с. 101].

Вокабула – это не просто заглавное слово, а слово, которое разделено как отдельная словарная статья, нуждающееся в лексикографическом анализе и выражающее производное слово по своему составу.

Также употребляются номинации *список*, *лексикон* в качестве субститута термина словника. В список структурных единиц словаря иногда включают

словарное гнездо. Существуют некоторые противоречивые моменты в функциональности словарного гнезда как отдельной структурной единицы. Эти моменты, в первую очередь, обусловлены тем, что словарные гнезда образуют единицы словника как список заглавных слов. Словарь может иметь различные словарные гнезда [10].

Однако словосочетание, которое встречается в толковом словаре с наличием конкретной лексической единицы, не является отдельным словом в словаре. Устойчивые сочетания же находят своё объяснение в словарной статье, относящейся к соответствующему слову.

Составление словника толкового словаря является сложной проблемой и требует серьёзных исследований. С этой точки зрения словник любого толкового словаря может стать предметом дискуссий и подвергаться повторению и улучшению. «В связи с развитием вычислительной лексикографии, созданием электронных версий словарей очевидно, что все больше терминов будет включаться в словники словарей, получая строгое научное толкование, а сама структура словаря и словарной статьи будет совершенствоваться, способствуя увеличению разнообразия типов словарей» [5]. Группы слов, которые не включены в толковый словарь, также вызывают споры. Вот почему составители толкового словаря также определяют эту группу. Не случайно А. Оруджев предоставил дополнительную информацию о таких словах. Он пишет: «В словарь не включены: а) географические названия; б) названия городских поселений; в) имена людей, г) личные слова писателя, авторского изобре-

тия, которые не встречаются в работах других авторов; д) арготизмы; е) неприличные и бранные слова» [9, s. 54].

При составлении словника толкового словаря происходит выбор и разделение устаревших слов, архаизмов, локальных слов, вульгарных слов, терминологических единиц, неологизмов, разных производных слов и т. д. Дальнейшие исследования и анализ проводятся для включения этих единиц в словарь. В процессе исследования составитель должен обосновать, почему включено это слово или фраза в словарь. Таким образом, словник формируется по определённым критериям. Особенно важно разделить омонимы во время составления словника. В этом случае каждый омоним превращается в отдельную единицу словника словаря, и эти слова учитываются при определении статистических данных словника. Статистические данные словников разных типов словарей различаются. Например, в терминологических словарях может быть определено количество слов-терминов, терминологических словосочетаний, терминологических аббревиатур, буквенных знаков, символов и составных терминов.

Подготовка терминологических словарей относится к определённому периоду науки, этапу развития научного языка и, соответственно, лексикографии. По итогам общего развития лексикографических средств мы видим прогресс лексикона в направлении лексикографии. На современном этапе лексикография охватывает широкий спектр словарей, энциклопедий и информационных книг. Следовательно, каждое конкретное лексикографическое средство имеет словник, а отбор

единиц в состав этого словника основан на определённых принципах.

По словам В.И. Кодухова, терминологические словари с отраслевыми энциклопедиями имеют схожие черты. Сходство проявляется в составе словника и толковании терминов. В этом типе лексикографических средств лингвистический аспект ограничивается отметкой слова и морфемы, содержащихся в заимствованном термине [4, с. 196].

Словарные гнёзда, имеющие место в структуре словаря, распределены в общем корпусе словаря. Другая структурная единица, распределённая в общей структуре словаря, – это словник. Словник словаря последовательно сортируется в корпусе словаря и происходит из совокупности всех заглавных слов. В некоторых случаях нестандартный, повторяющийся и архаизированный термин в заглавных словах показан в словарной статье принятого термина. В этом случае словник словаря содержит не только заглавные слова, но также включает нестандартные термины, используемые в словарных статьях.

Говоря о словарном словнике и его принципах составления, С. Садыгова показывает, что целесообразно создавать два типа терминологических словников, которые отличаются друг от друга. По её словам, словник терминологических словарей в рамках образовательных программ высших учебных заведений и средних школ отличается от словника терминологических словарей, относящихся к общим областям науки. В то же время автор приходит к выводу, что «словник терминологических словарей должен быть полным. Так, если дан термин “график” и если

нет других производных от него терминов, таких как “графический метод”, “графическое решение”, “графический масштаб”, “графический анализ”, вероятно, его нельзя считать богатым словарем» [11, с. 307].

В целом, подготовка словника терминологических словарей также требует специальных исследований. Термины, которые будут включены в словник терминологического словаря, собираются особым образом. В этом случае отрасль обязательно принимается во внимание. Если отраслевая терминология упорядочена, то регистрацию проходит терминология в этой отрасли. Отмеченные термины составляют словник соответствующей отраслевой терминологии. Если разработан двуязычный словарь по данной отрасли, то термины для словника будут выбраны из соответствующей части словаря. «Поскольку терминосистема является открытой и постоянно пополняющейся в силу необходимости отражения новых замеченных свойств и сторон объекта новыми монолексемными и полилексемными терминами, при моделировании этой системы желательно оказывать предпочтение мотивированным терминам, имеющим прозрачную смысловую структуру» [6, с. 173].

Ключевым моментом словника терминологического словаря является то, что словник таких словарей включает в себя аббревиатуры символов, знаков, принятых единиц, терминологические словосочетания, составные термины. С этой целью анализируются все терминологические соединения с более чем тремя компонентами. В таком случае проверяют совместимость понятий терминологических соединений.

Основываясь на общем количестве буквенных знаков и символов, можно сделать выводы об их передаче в виде отдельных списков или таблиц. В химии химикаты имеют приемлемые условные знаки, и их довольно много. Поэтому нет необходимости отдельно включать все символы в словник словаря по терминологии химии. Единицы физической терминологии (*ампер, ватт, вольт* и т. д.) составляют большинство. Единицы полностью включаются в словник. После их написания в качестве заглавного слова соответствующие сокращения можно найти в скобках. Знаки и символы также могут быть добавлены в словарь как дополнение. Символы, соответствующие математическим терминам, тоже описываются аналогичным образом, а иногда в словаре даётся их толкование.

На практике показано включение терминов, относящихся к научным областям, наиболее близким к словнику терминологических словарей отдельной отрасли. Этот вопрос связан с назначением словаря. В технических науках, например в словаре физических терминов, отмечаются термины математики и, наоборот, в математической терминологии – термины физики. Термины близких отраслей проникают в соответствующие терминосистемы, и часто некий термин используется в одном и том же смысле в различной отраслевой терминологии.

С. Садыгова отмечает, что для составления словарей необходимо соблюдать следующие правила: 1) набор понятий, которые должны быть включены в словарь; 2) систематизация собранных терминов; 3) выбор точных выражений из терминов с точки зрения систематизации; 4) передача тер-

мина в словаре (толковый, двуязычный, многоязычный); 5) подготовка принципов передачи словника в словаре; 6) предоставление статистической информации о словаре; 7) подготовка правил для использования словаря» [11, с. 306–307].

Как видно, автор отмечает формирование состава словника в качестве основной задачи при подготовке словаря, то есть сначала ставит задачу набора слов, которые будут включены в словарь, а затем обращает внимание на подготовку принципов представления словника в словаре. Несомненно, в первую очередь следует собирать и систематизировать термины.

Как уже упоминалось, можно взять для фиксации имени отраслевых понятий, то есть список терминов из соответствующего словаря терминов на другом языке. Выбирая этот вид получения словника, имеем вероятность того, что та или иная концепция будет исключена из исследования, уменьшится путём использования определённого логически списка терминов. «Любой академический словарь решает не только вопросы нормализации ..., но и вопросы документирования состояния языка в определённый период времени» [3, с. 45.]

Основная функция терминологических словарей – это сбор отраслевых концепций, коррекция и предоставление их эквивалентов в других языках. Информационная функция этих словарей начинается с этого момента. При реализации функции терминологического словаря учитывается большая масса читателей. Информационные книги подготовлены для разных контингентов. Например, «Толковый географический словарь школьника»,

«Информационная книга школьника по биологии», «Словарь химии школьников», «Информационная книга по химии» и т. д. Эти информационные книги и словари подготовлены для разных целей.

При составлении определённого терминологического словаря в словник словаря нельзя включать термины, которые не принадлежат этой отрасли. Часть терминов общих отраслей включена в словник терминологического словаря. Например, в прикладной лингвистике используются элементы терминологии теории вероятности, математической статистики, теории множеств, теории графов, также лингвистическая терминология. Прикладная лингвистика возникла на стыке двух основных областей – математики и лингвистики. Однако не вся математическая терминология используется в прикладной лингвистике. Мы скорее сталкиваемся с лингвистическим применением теории вероятностей и математической статистики. «Обращают на себя внимание случаи, когда включённые в словари глагольные лексемы по результатам анализа текстовых корпусов оказываются малоупотребительными, однако авторы словарей не всегда это отмечают. Анализ текстовых корпусов даёт основание предполагать, что некоторые из отобранных разговорных единиц могут считаться устаревшими или устаревающими» [7, с. 61].

В общем, когда словарь терминов определяется именем конкретной отрасли, неверно размещать другие тер-

мины в этом словаре, потому что у специалиста другой отрасли возникнут трудности в разъяснении семантики таких терминов.

При составлении общих словарей для технических наук ключевые термины, близкие технической отрасли, могут быть включены в один словарь. Тем не менее, можно отметить, к какой отрасли конкретно относятся термины в словаре. Иногда в терминологическом словаре одной отрасли даются термины другой отрасли. Например, в словаре физических терминов можно встретить термины, принадлежащие к области математики, теоретической механики, астрономии, химии и т. д. Основная причина, по которой этот термин включён в другую отраслевую терминологию, – это неправильное составление словника словаря для соответствующей отрасли.

Термины, включённые в словник словаря, должны быть чисто терминологическими. Иногда случайно при составлении словника происходит включение единиц общеупотребительной лексики. Вообще говоря, словник, составленный для словаря, тщательно должен быть проверен и защищён от дублирования элементов. Заимствованные термины, используемые в словниках словарей, должны проверяться на основе словарей международных терминов, заимствованных слов и энциклопедий.

Статья поступила в редакцию 01.10.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.

2. Гадомский А.К., Полякова Ю.Ю. К вопросу о становлении и эволюционировании русской и польской лексикографии // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Том 24 (63). № 4. Часть 2. С. 101–110.
3. Каленчук М.Л. Академический орфоэпический словарь: специфика жанра // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения: Материалы докладов и сообщений международной научной конференции (12–14 декабря 2016 года). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 44–45.
4. Кодухов В.И. Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1987. 288 с.
5. Сарангова Т.А. Принципы составления словаря терминов *investor relations* // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 5(25). URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201338> (дата обращения: 15.09.2018).
6. Скуратов И.В., Сорокина Э.А. К вопросу об упорядочении современной терминологии и условий создания терминосистем (на материале французского и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 172–180.
7. Юшкова Л.А. Некоторые проблемы лексикографирования немецкой разговорной лексики (на примере немецких разговорных глагольных единиц) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 6. С. 59–67.
8. Adilov M.Ə. Verdiyeva Z.N., Apayeva F.M. Əzəhlə dilçilik terminləri. Bakə: Maarif, 1989. 364 s.
9. Orucov Ə. Azərbaycan dilinin izahlə filoloji ləpətinin nəzəri əsaslarə. Bakə: Elm, 1965. 124 s.
10. Qasəmov K.B. «İngiliscə-azərbaycanca qəsa kommərsiya terminləri ləpəti. Bakə: MBM, 2007, 128 s.
11. Sadəqova S. Azərbaycan dilinin terminologiyasə. Bakə: Elm, 2011. 380 s.

REFERENCES

1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966. 608 p.
2. Gadomskii A.K., Polyakova Yu.Yu. [To the question of the formation and evolution of Russian and Polish lexicography]. In: Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii" [Scientific Notes of Vernadsky Taurida National University. Series "Philology. Social communications"], 2011, vol. 24 (63), no. 4, part 2, pp. 101–110.
3. Kalenchuk M.L. [Academic orthoepic dictionary: genre specificity]. In: Russkaya leksikografiya XXI veka: problemy i sposoby ikh resheniya: Materialy dokladov i soobshchenii mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (12–14 dekabrya 2016 goda) [Russian lexicography of the 21st century: problems and ways to solve them: Materials of reports and messages of the international scientific conference (December 12-14, 2016)]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016. pp. 44–45.
4. Kodukhov V.I. Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987. 288 p.
5. Sarangova T.A. [Principles of compiling the *investor relations* glossary of terms]. In: Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal) [Russian

- Journal of Education and Psychology (e-journal)], 2013, no. 5 (25). Available at: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201338> (accessed: 15.09.2018).
6. Skuratov I.V., Sorokina E.A. [On systemizing modern terminology and conditions for creation of term systems (in French and Russian languages)]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 2, pp. 172–180.
 7. Yushkova L.A. [Problems of lexicography of the German colloquial vocabulary (on the example of the German colloquial verbal units)]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2017, no. 6, pp. 59–67.
 8. Adilov M.İ. Verdiyeva Z.N., Ağayeva F.M. İzahlı dilçilik terminləri. Bakı, Maarif, 1989. 364 s.
 9. Orucov Ə. Azərbaycan dilinin izahlı filoloji lüğətinin nəzəri əsasları. Bakı, Elm, 1965. 124 s.
 10. Qasimov K.B. «İngiliscə-azərbaycanca qısa kommərsiya terminləri lüğəti. Bakı, MBM, 2007, 128 s.
 11. Sadıqova S. Azərbaycan dilinin terminologiyası. Bakı, Elm, 2011. 380 s.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аббасов Аббас Гурбан оглу – доктор философии по филологии, доцент, заведующий кафедрой английского языка (по естественным наукам) Бакинского государственного университета;
e-mail: sevinc.n@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abbas Gurban Abbasov – PhD in Philosophy on Philology, associate professor, Head of the Department of English Language (on Natural Sciences), Baku State University;
e-mail: sevinc.n@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аббасов А.Г. К вопросу о формировании словника словарей разных типов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 8–15.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-8-15

FOR CITATION

Abbasov A.G. To the question of the formation of a glossary of dictionaries of different types. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 8–15.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-8-15

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-16-21

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЁН В ЭЗОПОВОМ ЯЗЫКЕ БАСНИ (РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Алексеева О.М.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. В статье освещается подход к анализу особенностей референции имён басенных персонажей И.А. Крылова и И.И. Дмитриева. Утверждается, что одним из средств создания аллегорического значения в баснях выступает имя (именная группа) в случае его условно-определённого референтного употребления. Выводы подтверждаются результатами сопоставительного анализа данных, полученных путём сплошной выборки имён персонажей из сборников произведений И.А. Крылова и И.И. Дмитриева. Статья адресована филологам и лингвистам, интересующимся теорией референции, а также изучением языковой специфики басенных текстов.

Ключевые слова: эзопов язык, иносказание, определённая референтность, референт, денотат.

PECULIARITIES OF THE USING NAMES IN THE AESOPIAN LANGUAGE OF THE FABLE (REFERENTIAL ANALYSIS)

O. Alekseeva*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract. The article highlights the approach to the analysis of the features of the reference names of the fable characters of I. Krylov and I. Dmitriev. It is argued that one of the means of creating an allegorical meaning in fables is the name (nominal group) in the case of its conditionally-defined reference use. The conclusions are confirmed by the results of a comparative analysis of data obtained by continuous sampling of the names of characters from the collections of works by I. Krylov and I. Dmitriev. The article is addressed to philologists and linguists who are interested in the theory of reference and the language specificity of fable texts.

Key words: allegory, Aesopian language, definite reference, referent, denotate.

Любой автор, создавая своё произведение (будь то басня, стихотворение, рассказ и т. д.), закладывает связь между действительностью языковой и внеязыковой. Это проявляется на всех уровнях организации текста, но в первую очередь, конечно, на лексическом уровне.

Язык басни имеет свои особенности: читая произведение этого жанра, мы вряд ли усомнимся в том, что читаем именно басню. В основе такого эффекта лежит особый язык басни – эзопов язык. Данный термин мы привыкли воспринимать как литературоведческий, в основе данного явления – стремление автора отобразить действительность через аллегорические образы, чаще всего животных, растений и т. д. Об эзоповом языке писали М.Д. Гаспаров [3], А.А. Потебня [11], Л.С. Выготский [2], М.Х.С. Мансур [5], Л.Я. Паклина [10], Е.Ф. Югай [14], В.В. Виноградов [1]. Несмотря на это, с позиций лингвистической науки об эзоповом языке сказано немного, причём исследователи расходятся в трактовке данного явления¹.

Изучение лингвистических особенностей эзопова языка мы считаем перспективным: специальное исследование в этом направлении представлено только в кандидатской диссертации Л.В. Савинич [12], хотя рассматриваемая проблема является многоплановой, объёмной. Автор описывает, с помощью каких лингвистических средств строятся приёмы эзопова языка, касается лексического и синтаксического уровней, стилистических приёмов, тропов.

Нас заинтересовало, какие особенности эзопова языка можно увидеть на коммуникативно-прагматическом уровне, исследуя басню. В основе ис-

следования лежит сопоставление референтного и нереферентного употребления именных групп «Наименование персонажа» (далее – ИГ) в текстах басен И.А. Крылова и И.И. Дмитриева. Когда мы говорим о референтном употреблении ИГ, то имеем в виду, что денотат, выражаемый ей, в той или иной степени известен и автору, и читателю – в зависимости от степени этой известности референтные употребления варьируются с точки зрения неокказальной теории от *определённых* до *неопределённых*. При анализе басенных текстов мы руководствовались классификацией Е.В. Падучевой [6]. Однако в ходе работы мы отметили случаи словоупотребления, которые невозможно с уверенностью отнести ни к одному из указанных в её работе типов.

Возникает вопрос о референциальных особенностях басенных произведений, в рамках которых автор создаёт вымышленный мир, не претендующий на восприятие его как реального: «...вымышленный мир, к которому производится референция в ходе художественной коммуникации, *не имеет существования, независимого от этой коммуникации*. Он порождается самим художественным текстом» [13, с. 241 (курсив наш. – О.А.)].

Характер аллегорического повествования эзоповым языком предполагает несовпадение денотата и референта: например, во фразе **Вороне** где-то Бог послал кусочек сыру... ИГ Ворона соответствует денотат *Всеядная птица семейства вороновых, серая с черным или черная*, а референтом можно назвать человека, который чертами своего характера и поведения соответствует указанному образу.

¹ В ЛЭС мы видим такое определение эзопова языка: «совокупность приёмов иносказания, определённым образом организуемых: аллегории, контекстуальные и ситуативные перифразы, аллюзии, «говорящие» псевдонимы, фигуры умолчания, завуалированная ирония, персонажи басни, фольклора, элементы сказочной фантастики и т. п.» [4].

При помощи каких языковых средств достигается определённая ИГ наименований персонажей басенных текстов и в чём заключается её особенность?

В предложениях, где впервые авторизуются персонажи, обозначающие их ИГ формально соответствуют схожим наименованиям в текстах других жанров. Сравним: *У Льва родился сын* (И.И. Дмитриев Воспитание Льва) и *Мой грустный товарищ*, махая крылом, кровавую пищу клюет под окном (А.С. Пушкин Узник) – ИГ *Лев* и *Мой грустный товарищ* обозначают персонажей, которые действуют, говорят с другими персонажами, их образ выполняет сюжетобразующую роль; подходя формально к определению характера определённости ИГ, мы должны будем назвать их статус *слабоопределённым*, то есть признать, что референт известен автору, но не читателю [7, с. 49]. И если при прочтении стихотворения «Узник» «...восприятие лирического текста предполагает, что читатели вынуждены становиться на точку зрения лирического героя, как бы отождествляя себя с отправителем сообщения» [13, с. 241], то при знакомстве с басней читатель не становится на позицию автора/другого персонажа: читатель оценивает героя сам, исходя из собственных знаний *реального мира*. Достигается это благодаря указанному выше эффекту несовпадения денотата и референта. Восприятие читателем данной ИГ можно описать по следующей формуле: «Мы все знаем кто это, но назовём его *Лев*». Такой тип употребления мы и обозначили как *условно определённый*.

Приведём примеры условно определённых употреблений имён в басен-

ных текстах: *Петух* нашёл Жемчужное Зерно (И.А. Крылов, Петух и Жемчужное зерно); *Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки Лисицу спрашивал Сурок...* (И.А. Крылов, Лисица и Сурок); *Но только вздумала Кота она просить...* (И.А. Крылов, Щука и Кот); *Старик Крестьянин с Батраком шёл...* (И.А. Крылов, Крестьянин и Работник); *Дуб с Тростью вступил однажды в разговоры...* (И.И. Дмитриев, Дуб и Трость); *Благочестива Мышь... оставила сей шумный мир...* (И.И. Дмитриев, Мышь, удалившаяся от света). Во всех этих языковых примерах ИГ имён персонажей имеют тот же характер определённости, что и ИГ *Лев* в строфе *У Льва родился сын*. Все представленные ИГ адресуют восприятие читателя к референтам, не совпадающим с денотатами. Эта разница в совокупности с восприятием текста как вымышленного, не имеющего сходства с реальным миром, предопределяет особый характер определённости данных ИГ.

Рассмотрев ИГ в басенных текстах, мы сопоставили их с ИГ имён персонажей в лирических произведениях. Для большей достоверности мы выбрали те тексты, в которых встречаются ИГ, лексически схожие с выявленными в баснях: *У зеркала, одна Посреди светлицы; В тонкий занавес окна Светит луч денницы; Шумным бьёт крылом петух, День встречая пеньем; Всё блестит...* (В.А. Жуковский, Светлана) – ИГ *петух* здесь употреблена нереперентно, ни для автора, ни для читателя референт, конечно, значения не имеет. В данном случае мы определяем тип употребления как *нереперентное* [8, с. 25; 9, с. 132]. *У лукоморья дуб зелёный; Златая цепь на дубе том: И*

днём и ночью **кот учёный** *Всё ходит по цепи кругом* (А.С. Пушкин, Руслан и Людмила) – для данной ИГ характерна презумпция существования и единственности, поэтому её денотативный статус – референтная определённая. Однако денотативное пространство пушкинской поэмы также не отличается достоверностью, и данная презумпция может быть реализована только в рамках вымышленного мира произведения. При этом ИГ *кот учёный* не является аллегорией на предмет из реального мира, поэтому мы отмечаем совпадение денотата и референта, что отличает данное употребление от выделенного нами в басенном тексте.

Таким образом, мы выделяем особые референтно употреблённые ИГ, по-видимому характерные только для эзопова языка. Их дифференциальными чертами являются: презумпция

существования и единственности; несовпадение денотата и референта; функционирование в денотативном пространстве, не стремящемся к достоверности; заложенная в характер повествования аллегория.

Чтобы полемически заострить выводы из проведённого и представленного в этой статье исследования, мы решили предложить их в такой форме: стоит употребить любое имя, референт которого не совпадает с денотатом, но может быть легко установлен (причём читатель знает об этом или заранее информирован) в тексте, не стремящемся к достоверности, и мы получим условно-референтное имя – субстантивно-коммуникативную основу эзопова языка.

Статья поступила в редакцию 06.11.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя / отв. ред. Д.С. Лихачёв, А.П. Чудаков. М.: Наука, 1990. 388 с.
2. Выготский Л.С. Анализ басни // Психология искусства. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. С. 111–114.
3. Гаспаров М.Л. Занимательная Греция [Электронный ресурс] // Античная литература : [сайт]. URL: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/gasparov-zanimatelnaya-greciya/index.htm> (дата обращения: 23.09.2018).
4. Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/lingvist.html> (дата обращения: 23.09.2018).
5. Мансур М.Х.С. Эвфемия и граничащие с ней языковые явления // Лексикология. Лексикография: (Русско-славянский цикл). Русская диалектология. Когнитивная лингвистика. Сборник статей по материалам XLVI Международной филологической конференции 13–22 марта 2017 г. в СПбГУ. СПб.: ВВМ, 2017. С. 34–41.
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В.А. Успенский; изд. 6-е, испр. М.: ЛКИ, 2010. 296 с.
7. Падучева Е.В. Однажды как показатель слабой определённости // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 45–55.
8. Падучева Е.В. Снятая утвердительность и другие близкие понятия // Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии: тезисы докладов международной конференции (Москва, 30 мая–1 июня 2016 г.). М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, 2016. С. 25.

9. Падучева Е.В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39. Iss. 2. P. 129–162.
10. Паклина Л.Я. Искусство иносказательной речи. Эзоповское слово в художественной литературе и публицистике / под ред. проф. Покусаева Е.И. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1971. 61 с.
11. Потехня А.А. Басня. Пословица. Поговорка / Из лекций по теории словесности // Потехня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. С. 90–97.
12. Савинич Л.В. Приёмы эзопова языка в журнале «Современник»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 20 с.
13. Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.. 496 с.
14. Югай Е.Ф. Этнография эзопова языка в творческой среде в позднее советское время // *Новый мир*. 2018. № 5. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_5/Content/Publication6_6910/Default.aspx [Электронный ресурс] (дата обращения: 23.09.2018).

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Yazyk i stil' russkikh pisatelei: Ot Karamzina do Gogolya* [Selected works. The language and style of the Russian writers From Karamzin to Gogol]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 388 p.
2. Vygot'skii L.S. [Analysis of the fable]. In: *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Rostov on Don, Feniks Publ., 1998. pp. 111–114.
3. Gasparov M.L. [Entertaining Greece]. In: *Antichnaya literatura* [Ancient literature]. Available at: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/gasparov-zanimatelnaya-greciya/index.htm> (accessed: 23.09.2018).
4. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Available at: <https://slovar.cc/rus/lingvist.html> (accessed: 23.09.2018).
5. Mansur M.Kh.S. [Euphemia and related linguistic phenomena]. In: *Leksikologiya. Leksikografiya: (Russko-slavyanskii tsikl). Russkaya dialektologiya. Kognitivnaya lingvistika. Sbornik statei po materialam XLVI Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii 13–22 marta 2017 g. v SPBGU* [Lexicology. Lexicography: (Russian-Slavic cycle). Russian dialectology. Cognitive linguistics. A collection of articles on materials of 46th International philological conference 13–22 March 2017 in St. Petersburg State University]. St Petersburg, VVM Publ., 2017. pp. 34–41.
6. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii* [The statement and its correlation with reality: Referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow, LKI Publ., 2010. 296 p.
7. Paducheva E.V. [Once as an indicator of weak certainty]. In: *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2016, no. 2 (32), pp. 45–55.
8. Paducheva E.V. [Suspended assertiveness and other similar concepts]. In: *Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii: tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii (Moskva, 30 maya–1 iyunya 2016 g.)*. [Grammatical processes and systems in the synchrony and diachrony: proceedings of the international conference (Moscow, 30 may–1 June 2016)]. Moscow, Vinogradov Russian language Institute of RAS Publ., 2016. pp. 25.
9. Paducheva E.V. [Suspended assertiveness and non-verticality (on the example of the Russian pronouns of negative polarity)]. In: *Russian Linguistics*, 2015, vol. 39, iss. 2, pp. 129–162.

10. Paklina L.Ya. Iskusstvo inoskazatel'noi rechi. Ezopovskoe slovo v khudozhestvennoi literature i publitsistike [Art of figurative speech. Aesopian word in fiction, and journalism]. Saratov, Saratov University Publ., 1971. 61 p.
11. Potebnya A.A. [Fable. Proverb. Saying / From lectures on the theory of literature]. In: Potebnya A.A. Teoreticheskaya poetika [Theoretical poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. pp. 90–97.
12. Savinich L.V. Priemy ezopova yazyka v zhurnale "Sovremennik": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The techniques of Aesopian language in the "Sovremennik" magazine: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1994. 20 p.
13. Shmelev A.D. Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost' [The Russian language and extralinguistic reality]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. 496 p.
14. Yugai E.F. [Ethnography of Aesopian language in a creative environment in the late Soviet period]. In: Novyi mir [New world], 2018. no. 5. Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_5/Content/Publication6_6910/Default.aspx (accessed: 23.09.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Ольга Максимовна – специалист по учебно-методической работе Ресурсного центра русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: om.alekseeva@mgou.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga M. Alekseeva – specialist in educational and methodical work of Resource Center of the Russian Language at Moscow Region State University;
e-mail: om.alekseeva@mgou.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеева О.М. Особенности употребления имён в эзоповом языке басни (референциальный анализ) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 16–21.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-16-21

FOR CITATION

Alekseeva O.M. Peculiarities of the using names in the Aesopian language of the fable (referential analysis). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 16–21.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-16-21

УДК 811.161.1'373.45;811.161.1'366
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-22-30

ИСТОРИЯ СЛОВ С ФОРМАНТОМ *-МЕЙКЕР-* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Григорьев А.В.

*Московский педагогический государственный университет
119991, г. Москва, улица Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является комплексное описание истории слов с формантом *-мейкер-* в русском языке. Основное содержание исследования составляет анализ контекстов из Национального корпуса русского языка и примеров из сети Интернет, содержащих данные слова. Проведённый анализ показал, что в русском языке представлены, с одной стороны, прямые заимствования с формантом *-мейкер-*, а с другой стороны, слова, образованные с его помощью на русской почве, что не даёт возможности однозначно оценить словообразовательный статус данного форманта. Автору удалось обобщить материал предыдущих исследований и связать словообразовательные проблемы данной группы слов с вопросом об их истории и происхождении.

Ключевые слова: словообразование, заимствования, сложные слова, формант *-мейкер-*, индоевропейский корень **tag-*.

HISTORY OF THE RUSSIAN WORDS WITH THE FORMANT *-МЕЙКЕР-*

A. Grigorev

*Moscow State Pedagogical University
1 build. 1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the article is a comprehensive description of the history of the Russian words with the formant *-мейкер-*. The main content of the study is the analysis of contexts from the National Corpus of the Russian Language and examples from the Internet that contain these words. The analysis showed that, on the one hand, there are direct borrowings with the formant *-мейкер-*, and on the other hand, there are words formed in the Russian language by this element. That is why it seems impossible to unambiguously assess the word-formation status of the formant *-мейкер-*. The author was able to summarize the material of the previous studies and link the word-formation problems of this word group with their origin and history.

Key words: word-formation, borrowings, composite words, formant *-мейкер-*, the Indo-European root **tag-*.

Данное исследование выполнено в рамках проекта кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета (МПГУ) – «Русский Древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка» [15] и посвящено изучению этимологического гнезда с вершиной **tag-* в русском языке. Лингвист, выполняющий такого рода исследования, должен

представить комплексное описание всех элементов этимологического гнезда, раскрывая семантическую историю исходного корня. При этом «этимологическая задача является в своей основе словообразовательной» [4, с. 6], так как появление новых слов с тем или иным корнем всегда сопряжено с вопросом об их образовании. Поэтому представляется важным указать хронологию появления новых элементов гнезда, словообразовательные связи, которые формируются между ними. В результате исследования мы определили, что к корню **tag-* восходят как исконные (*мазать*, *масло*, *масть* и др.), так и заимствованные лексемы (*магма*, *масса*, *матч* и др.). Среди заимствований особое место занимают слова с формантом *-мейкер-* (*маркетмейер*, *нюсмейкер*, *имиджмейкер* и др.).

Данную группу слов, которая, как показывает Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ), последние 20 лет активно пополняется, мы подробно рассмотрим в настоящей статье.

Исторически элемент *-мейкер-* восходит к индоевропейскому корню **tag-*, значение которого в германских языках развивается следующим образом: ‘месить, сжимать, намазывать’ > ‘строить’ > ‘делать’. Первоначально дериватом корня **tag-* стало западногерманское **takon* ‘лепить, формировать, подходить’. Затем оно становится источником для древнеанглийского *tacian* ‘делать, формировать, строить’, на базе которого возникло современное англ. *to take* с основным значением ‘делать’. Это предположительно связывается с тем, что в древности англосаксонские племена строили свои дома с использованием глины [20, р. 926; 23, р. 696]. В XIV в. от глагола

to take с помощью суффикса *-er* образуется существительное *maker* ‘тот, кто что-либо делает’, ‘создатель > Бог’. Данное существительное становится чрезвычайно распространённым в английском языке, причём обычно образуя сложное слово с другим существительным – объектом действия: *clock-maker* ‘тот, кто делает часы’ (первая фиксация в английском языке в середине XV в.), *money-maker* ‘тот, кто чеканит монеты’ (с XV в.), ‘вещь, которая приносит прибыль’ (с 1899 г.), *book-maker* (также *bookmaker*) – первоначально ‘издатель, переплётчик книг’ (с 1510 г.), *coach-maker* (также *coachmaker*) ‘тот, кто делает кареты’ (с 1590 г.), *cabinet-maker* ‘тот, кто делает мебель’ (с 1680 г.), *racemaker* (также *race-maker*) ‘наездник / лодка, задающая темп для других’ (с 1884 г.), ‘узел сердца, определяющий ритма’ (с 1910 г.), ‘устройство для стимуляции и регуляции сердцебиения’ (с 1951 г.), *automaker* ‘производитель автомобилей’ (с 1925 г.) и др. [18]

Обратим внимание, что в английском языке слово *maker* 1) обычно употребляется либо в сочетании с другим существительным, сохраняя раздельное написание (*maker of cars*, *coffee maker*), либо образует с ним сложное слово, которое пишется слитно (*kingmaker*, *policymaker*) или через дефис (*money-maker*, *image-maker*); в некоторых случаях допустимы оба написания (*filmmaker* / *film-maker*); 2) в сочетании с другим существительным обычно обозначает человека / компанию (*maker of cars*, *shoe maker*) или предмет (*coffee maker*, *pasta maker*), производящий что-либо [21].

В последнее время в русском языке встречаются отдельные употребления непосредственно заимствования *мей-*

кер в значении ‘человек, который из набора материалов и технологий создает какой-то новый продукт’ [11]. Однако такого рода употребление слова *мейкер* – явление совсем недавнее и редкое, в то время как заимствованные сложные слова со второй частью *-мейкер* (*имиджмейкер*, *нюсмейкер*, *хитмейкер* и др.) активно проникают в русский язык уже в течение двадцати последних лет.

В то же время необходимо отметить, что впервые слово с изучаемым нами формантом появилось в русском языке в начале XX в.: это транслитерированная форма английского *bookmaker* (первоначально ‘издатель, переплётчик книг’, с 1862 г. – ‘профессиональный спорщик’, ‘лицо, принимающее денежные ставки при игре в тотализатор (обычно на скачках и бегах)’ – *букмекер* (*букмеккер*). Данное слово в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (1905) описывается так: «Букмекер – устроитель частного тотализатора. Букмекеры имели книгу, в которую записывали ставки, удерживая в свою пользу известный %. Ввиду злоупотреблений букмекеры, а также вследствие появления тотализаторов, доходами с которых пользуются спортивные общества, деятельность букмекеров запрещена и преследуется, как мошенничество» [3, с. 329].

Также с 1905 г., по данным НКРЯ, данное слово начинает встречаться в произведениях русской классической литературы: «В этот день слово Цусима было у всех на языке – у игроков, у наездников, у букмекеров, даже у всех таинственных рваных личностей, обыкновенно неизбежных на бегах» (А.И. Куприн. Штабс-капитан Рыбников, 1905).

Интересно, что в современных текстах под влиянием продуктивной модели, когда транслитерация форманта заменяется транскрипцией, встречаются случаи использования вместо слова *букмекер* – *букмейкер* (без изменения семантики): Кто был заинтересован в информации – прежде всего букмейкеры, – тот ее получил (Тайная операция ‘Оскар’ // Труд-7, 2003.02.13); Уже финские букмейкеры принимают ставки в 100 евро на победу Сердючки (Мария Ремизова. Верка Сердючка приехала на ‘Евровидение’ с мамой // Комсомольская правда, 2007.05.08).

По данным НКРЯ, только в 90-е гг. XX в. начинается новый период активного заимствования сложных слов английского языка со второй частью *-мейкер* в русский язык [13]: *маркетмейкер* ‘фирма (брокер, дилер), которая берет на себя риск приобретения и хранения на своих счетах ценных бумаг определенного эмитента с целью организации их продаж’ [17, с. 171] (с 1995 г., но с 1998 г. слитное написание), *нюсмейкер* ‘человек – политический деятель, артист, спортсмен и т. п., который в тот или иной момент становится объектом внимания журналистов как представляющий интерес для читателей или зрителей’ [6, с. 532] (с 1996 г.), *имиджмейкер* ‘специалист по созданию имиджа кого-н. (напр., политического деятеля, дипломата, артиста и т. п.)’ [6, с. 295] (с 1996 г.), *клипмейкер* ‘мастер по производству клипов’ [6, с. 361] (с 1997 г.), *брендмейкер* ‘специалист или фирма, занимающиеся созданием брендов’ (с 1997 г.), *шоумейкер* ‘мастер по созданию шоу’ (с 1998 г.).

Описанные выше заимствования называют сложными словами с неизменяемым начальным компонентом

или аналит-сочетаниями, обе части которых имеют иноязычное происхождение [10, с. 11]. В данном случае возникает проблема разграничения собственно иноязычных слов и слов с иноязычным корнем, образованных уже в русском языке.

Поскольку обе части подобных сложных слов являются английскими заимствованиями, некоторые исследователи некритически предполагают, что такие слова целиком заимствуются из английского языка. Так, Л.П. Крысин в «Толковом словаре иноязычных слов» пишет, что источник русского *клипмейкер* – английское *clipmaker* [6, с. 361]. Однако, по данным словарей, а также Британского и Американского корпусов, в английском языке слово *clipmaker* не фиксируется [18; 19; 21; 22]. В данном случае к форманту *-мейкер* путём сложения добавляется уже существующее в русском языке слово *клип* (*клипмейкер* < *клип* + *-мейкер*). То же характерно и для слов *брендмейкер* и *шоумейкер*. Кроме того, есть случай, когда по той же модели к элементу *-мейкер* присоединяется русское слово *слух* ‘весть, известие о ком-либо, чем-либо’ – *слухмейкер* ‘персона, газета, организация и т. п., распространяющие информацию, достоверность которой нуждается в подтверждении’. Как отмечается в «Национальной политической энциклопедии», «термин “запущен” в 1996 г. газетой “Московский комсомолец”, в широкое употребление в других СМИ вошел с 2000 г.» [12].

Анализ материала показывает, что слова с компонентом *-мейкер* мы можем разделить на две группы: 1) слова, имеющие соответствия в английском языке (уже упомянутые *маркетмейкер* (*market-maker*), *нюсмейкер* (*newsmaker*), *имиджмей-*

кер (*image-maker*); а также *стармейкер* (*starmaker*) – с 1997 г., *плеймейкер* (*playmaker*) – с 2000 г., *фильммейкер* (*filmmaker*) – с 2001 г., *хитмейкер* (*hit-maker*) – с 2002 г., *нейсмейкер* (*racemaker*) – с 2003 г., *полисмейкер* (*polycytmaker*) – с 2010 г. и др.); 2) слова, которых, по данным словарей, а также Британского и Американского корпусов, в предполагаемом языке-источнике нет, но при этом каждая из частей сложных слов представлена по отдельности (*клипмейкер*, *брендмейкер*, *шоумейкер*, *патимейкер*). Сначала слова *clip*, *brand*, *show*, *party* заимствуются в русский язык, а затем с их помощью на русской почве образуются сложные слова с компонентом *-мейкер* [16].

Так, слово *брендмейкер* (с 1997 г.) имеет единичную фиксацию в НКРЯ, при этом достаточно активно используется в сети Интернет на сайтах, рассказывающих о различных профессиях: «Бренд-мейкер. Оцени профессию!» [2]. В английском языке аналогов не представлено.

Клипмейкер с момента первой фиксации в НКРЯ в 1997 г. активно используется уже чуть более 20 лет, обозначая человека, занимающегося конкретной сферой деятельности – созданием видеоклипов – коротких музыкальных или рекламных фильмов. И хотя в английском слово *clip* ‘видеокалип’ известно; человека, создающего различные типы видеопроизведения, называют словом *filmmaker*, которое, впрочем, также заимствовано в русский язык в транслитерированной форме *фильм-мейкер* (с 2001 г.), но значительно менее употребительно, чем *клипмейкер* (8 вхождений против 52 в НКРЯ). В отличие от слова *брендмейкер*, *клипмейкер* не только используется на сай-

тах, посвящённых обзору различных профессий, но и является в отдельных вузах названием направления подготовки: «Учебный план программы “Режиссура телевизионных программ” (Клипмейкер)» [5].

Для обозначения человека, устраивающего шоу, в английском используется не слово **showmaker* (отсутствует в языке), а *showman* ‘человек, устраивающий различного рода шоу, представления, развлечения’ [21], которое также заимствовано в русский язык. Примечательно, что слово *шоумен* ‘специалист по организации и проведению шоу’ [6, с. 890] является более частотным и начинает употребляться в русском языке значительно раньше (с 1991 г.), чем *шоумейкер* (72 вхождения против 1 по данным НКРЯ): «Сталин был сакральным *шоумейкером* эры печати и радио» (Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру, 1998). Возможно, автор хотел в данном случае подчеркнуть более активный характер субъекта, используя формант со значением «делателя»: Сталин – в данном случае не артист, развлекающий публику, а человек, **создающий** в печати и радио реальность, рассчитанную на сильный внешний эффект. Однако данное слово нельзя считать исключительно авторским окказионализмом. В 2009 и 2012 гг. были выпущены методические пособия, посвящённые тому, как стать успешным шоумейкером: «Шоумейкер – практическое руководство по коммуникативной игровой импровизации», «Шоу-мейкер: Сделай праздник для всех! Методическое пособие для профессиональных шоумейкеров, женихов, невест, именинников и активных гостей». Однако не вполне ясно, что именно авторы вкладывают в

понятие *шоумейкер*. В пособии 2009 г. говорится следующее: «Эта книга для тех, кто хочет создать свое Show. Создать собственную команду импровизации – отточить навыки – выступать в людных местах – распространять по интернету видеоролики и стать знаменитыми. Друзья, поверьте, мир не сошелся клином на “Comedy Club”. ... Эта книга для начинающих шоумейкеров и шоуменов, актёров, режиссёров и сценаристов – потому что с её помощью вы освоите мастерство импровизации и научитесь создавать свои шедевры без продюсеров и кредитов» [8, с. 3]. В то же время в пособии 2012 г. функции шоумейкера определяются так: «Вы легко и быстро сможете организовать незабываемое мероприятие для детей и взрослых, используя игровой материал этого издания» [1, с. 3]. Всё это свидетельствует о том, что значение данного слова ещё не устоялось, поэтому оно либо используется для создания художественного образа или для названия понятий, содержание которых автор сам не вполне может определить.

Нарастает популярность слова *патимейкер*, которое также не является прямым заимствованием из английского языка. Несмотря на то что употребления данного слова отсутствуют в НКРЯ, оно активно используется в сети Интернет, где пользователи определяют его значение как ‘человек, который организует вечеринку или дискотеку’ [7]. Кроме того, данное слово используется в названии телевизионного шоу «Патимейкеры» (с 9 августа 2018 г.) [14].

Для того чтобы установить, воспринимают ли носители языка элемент *-мейкер* как отдельный компонент словообразовательной структуры,

стоит обратиться к уже упомянутым прямым заимствованиям *маркет-мейкер* (< *market-maker*), *нюсмейкер* (< *newsmaker*), *имиджмейкер* (< *image-maker*). Для человека, не знающего английский язык, внутренняя форма данных слов не очевидна. Однако если слово *нюс* фиксируется в основном в транслитерированных названиях иностранных газет, а *маркет* не в составе сложных слов можно отнести к индивидуальному авторскому употреблению, то *имидж* 'представление о чьём-н. внутреннем облике, образе' по данным Национального корпуса русского языка, используется в текстах уже с конца 1970-х гг.: «Стал уже создаваться имидж, "Лучников-лук" – длинный худой старик со смеющимися глазами, одетый, как юноша: джинсы и кожаная куртка» (Василий Аксенов. *Остров Крым* (авторская редакция), 1977–1979). Поэтому весьма вероятно, что в слове *имиджмейкер* первая его часть – *имидж* – достаточно легко вычленилась без минимального знания английского языка. При понимании общего смысла (*имиджмейкер* – 'тот, кто занимается созданием имиджа') для носителя языка не составляет больших сложностей прийти к выводу, что оставшаяся часть *-мейкер-* служит для образования слов со значением некоего «делателя». По такой модели элемент *-мейкер-* 'делатель', по всей видимости, и был присоединён к уже существовавшим на тот момент словам *бренд*, *клип* и *шоу*.

При этом возможны разные подходы к трактовке элемента *-мейкер-* в составе слов. Первый вариант: выделить корень *-мейк-* и суффикс *-ёр-* со значением лица (как в словах *режисс-ёр*, *дириж-ёр*). Подобное решение можно объяснить тем, что в языке представ-

лены слова *ремейк* и *мейкап*, которые указывают на существование корня *-мейк-* в русском языке. Однако здесь мы сталкиваемся с проблемой, насколько слова *ремейк*, *мейкап* и *клип-мейкер*, *имиджмейкер* и под. осознаются носителями языка как родственные.

Второй вариант: элемент *-мейкер* в таких словах можно считать суффиксоидом, подобным по значению русским суффиксам *-тель*, *-щик*. Так, Е.В. Маринова отмечает, что «сам компонент *-мейкер-* уже претендует на «звание» суффикса, так как используется в образовании новых слов в русском языке (*вирмейкер* 'программист, создающий вирусы', *слухмейкер* 'о том, кто постоянно создает и распространяет слухи'» [9, с. 401]. Е.В. Петрухина подчёркивает, что членимость подобных слов и их восприятие как производных укрепляется за счёт того, что число подобных слов в текстах СМИ и Интернета продолжает расти, появляются десятки новых производных (*суши-мейкер*; *пицца-мейкер*, *топик-мейкер*, *матч-мейкер*, *файлмейкер*, *шоумейкер*, *климат-мэйкеры*), в которых первую часть сложных производных занимают лексемы, заимствованные ранее (*клип*, *суши*, *пицца*, *топик*, *файл*, *шоу*, *видео*) [16].

Однако представляется не вполне обоснованным выделение аффикса *-мейкер-* в словах, в готовом виде заимствованных из английского языка, так как элемент *-мейкер-* уже изначально был представлен в них при заимствовании и не служил средством их образования в русском языке.

Таким образом, к сложным словам с формантом *-мейкер-* относятся не только собственно заимствования из английского языка, которые начинают

активно проникать в русский язык в последние 20 лет, но и новообразования на русской почве. В первом случае *-мейкер-* заимствуется в составе английского слова, а во втором – выступает в качестве словообразовательного форманта. Разные типы мотивации не дают возможности однозначно утверждать, что *-мейкер-* во всех исследуемых словах можно считать суф-

фиксоидом. Однако наблюдаемый в последние годы в русском языке рост количества новых лексических единиц с использованием элемента *-мейкер* указывает на то, что данная словообразовательная модель в настоящее время является чрезвычайно продуктивной.

*Статья поступила в редакцию
17.10.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Аводзорд Ю. Шоу-мейкер. Сделай праздник для всех! СПб: Комильфо, 2012. 112 с.
2. Бренд-мейкер [Электронный ресурс] // Мое образование: [сайт]. URL: https://моеобразование.ru/professions_brend_meyker.html (дата обращения: 30.09.2018).
3. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского; доп. Т. I. СПб.: Брокгауз–Эфрон, 1905. 478 с.
4. Варбот Ж.Ж. Праславянская морфология, словообразование и этимология. М.: Наука, 1984. 256 с.
5. Клипмейкер [Электронный ресурс] // Первая национальная школа телевидения. Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина: [сайт]. URL: <http://www.1tvs.ru/klipmejker> (дата обращения: 30.09.2018).
6. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
7. Кто такой патимейкер [Электронный ресурс] // Большой вопрос: [сайт]. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2057724-kto-takoj-patimejker.html> (дата обращения: 30.09.2018).
8. Кузьменко М. Шоумейкер – практическое руководство по коммуникативной игровой импровизации. Киев, 2009. 90 с.
9. Маринова Е. В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6–2. С. 399–403.
10. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX–начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дисс. ... д. филол. наук. М., 2008. 44 с.
11. Мейкер – профессия будущего [Электронный ресурс] // Редкие земли: [сайт]. URL: <http://rareearth.ru/ru/news/20161021/02625.html> (дата обращения: 30.09.2018).
12. Национальная политическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://politike.ru/> (дата обращения: 30.09.2018).
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 30.09.2018).
14. Огонь вечеринки: на «Пятнице!» стартует новое шоу «Патимейкеры» [Электронный ресурс] // Tricolor TV Magazine : [сайт]. URL: <http://tricolorrtvmag.ru/article/canals/novoe-shou-patimeykery-startuet-s-09-08-2018-na-kanale-pyatnitsa/> (дата обращения: 30.09.2018).
15. Русский Древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка / под ред. А.М. Камчатнова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.drevoslov.ru/> (дата обращения: 30.09.2018).
- 16.

17. Петрухина Е.В. Новые явления в русском словообразовании // Образовательный портал «Слово». URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/45939.php#_edn2 (дата обращения: 30.09.2018).
18. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов XXI века. М.: Астрель, 2011. 413 с.
19. British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 30.09.2018).
20. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.byu.edu/COCA/> (дата обращения: 30.09.2018).
21. Klein E.A. Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam: Elsevier Scientific Publishing Co., 1969. 1776 p.
22. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 30.09.2018).
23. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oed.com/> (дата обращения: 30.09.2018).
24. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke Verlag, 1959. 1183 p.

REFERENCES

1. Avodzord Yu. Shou-meiker. Sdelai prazdnik dlya vseh! [Show maker. Make a holiday for all!]. St. Petersburg, Komil'fo Publ., 2012. 112 p.
2. [Brand-maker]. In: Moe obrazovanie [My education]. Available at: https://moeobrazovanie.ru/professions_brend_meyker.html (accessed: 30.09.2018).
3. Brokgauz F.A. Entsiklopedicheskii slovar'. T. I [Encyclopedic dictionary. Vol. I]. St. Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1905. 478 p.
4. Varbot Zh.Zh. Praslavjanskaya morfonologiya, slovoobrazovanie i etimologiya [Proto-Slavic Morphology, word-formation and etymology]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 256 p.
5. [Clip maker]. In: Pervaya natsional'naya shkola televideniya. Rossiiskii gosudarstvennyi universitet im. A.N. Kosygina [The first national school of television. Kosygin Russian State University]. Available at: <http://www.1tv.ru/klipmejker> (accessed: 30.09.2018).
6. Krysin L.P. Tolkovyj slovar' inoyazychnykh slov [The explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 944 p.
7. [Who is partymaker?]. In: Bol'shoi vopros [The big question]. Available at: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2057724-kto-takoj-patimejker.html> (accessed: 30.09.2018).
8. Kuz'menko M. Shoumeiker – prakticheskoe rukovodstvo po kommunikativnoi igrovoi improvizatsii [Showmaker – a practical guide to the communicative game of improvisation]. Kiev, 2009. 90 p.
9. Marinova E.V. [Adaptation of foreign language vocabulary at the modern stage: new developments and trends]. In: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2011, no. 6–2, pp. 399–403.
10. Marinova E.V. Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX–nachala XXI vv.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Foreign words in the Russian speech of the late 20th – early 21st centuries: problems of assimilation and functioning: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2008. 44 p.
11. [Maker is a profession of the future]. In: Redkie zemli [Rare lands]. Available at: <http://rareearth.ru/ru/news/20161021/02625.html> (accessed: 30.09.2018).
12. Natsional'naya politicheskaya entsiklopediya [National political encyclopedia]. Available at: <http://politike.ru/> (accessed: 30.09.2018).

13. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 30.09.2018).
14. [Party Fire: new show "Partymakers" starts on "Friday!"]. In: Tricolor TV Magazine [Tricolor TV Magazine]. Available at: <http://tricolortvmag.ru/article/canals/novoe-shou-patimeykery-startuet-s-09-08-2018-na-kanale-pyatnitsa/> (accessed: 30.09.2018).
15. Kamchatnov A.M., ed. Russkii Drevoslov. Istoriko-slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka. [The Russian Drevoslov. Historical word-formation dictionary of Russian language]. Available at: <http://www.drevoslov.ru/> (accessed: 30.09.2018).
16. Petrukhina E.V. [New phenomena in the Russian word formation]. In: Obrazovatel'nyi portal "Slovo" [Educational portal «the Word»]. Available at: https://www.portal-slovo.ru/philology/45939.php#_edn2 (accessed: 30.09.2018).
17. Shagalova E.N. Samyi noveishii slovar' russkogo yazyka XXI veka [The newest dictionary of the Russian language of the 21st century]. Moscow, Astrel' Publ., 2011. 413 p.
18. British National Corpus. Available at: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (accessed: 30.09.2018).
19. Corpus of Contemporary American English. Available at: <https://corpus.byu.edu/COCA/> (accessed: 30.09.2018).
20. Klein E.A. Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam, Elsevier Scientific Publishing Co., 1969. 1776 p.
21. Longman Dictionary of Contemporary English. Available at: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed: 30.09.2018).
22. Oxford English Dictionary. Available at: <http://www.oed.com/> (accessed: 30.09.2018).
25. 23. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern, Francke Verlag, 1959. 1183 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорьев Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета;
e-mail: greg988@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Grigorev – Doctor in Philological Science, Professor at the Department of General Linguistics, Moscow State Pedagogical University;
e-mail: greg988@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Григорьев А.В. История слов с формантом -мейкер- в русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 22–30.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-22-30

FOR CITATION

Grigorev A.V. History of the Russian words with the formant -*мейкер*-. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 22–30.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-22-30

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-31-38

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ГОРОД» В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА

Григорьева О.Н., Цзян Н.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается употребление слов, относящихся к лексико-семантической группе «город» в языке средств массовой информации. Авторами обосновывается идея о том, что в современном русском языке состав этой группы расширяется и пополняется благодаря актуализации устаревших слов и притоку заимствований. Появление новых номинаций города связано также с появлением в современном мире новых типов крупных населённых пунктов. Исследование показало, что в публицистических текстах слова со значением «город» могут приобретать различные оттенки смысла, которые позволяют выразить авторскую оценку описываемых событий. Особую роль играет образ города в рекламе. Выявленные в статье закономерности функционирования лексем определённой лексико-семантической группы в масс-медиа могут послужить основой для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексема, заимствование, коннотация, сложение, публицистический текст.

LEXICAL AND SEMANTIC GROUP “CITY” IN THE MODERN RUSSIAN MASS MEDIA

O. Grigorieva, N. Jiang

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the use of words related to the lexical-semantic group “city” in the mass media language. The authors justify the idea that in the modern Russian language, the composition of this group is expanded and replenished due to the updating of obsolete words and inflow of borrowings. The emergence of new city namings is also associated with the emergence of new types of large localities in the modern world. The study showed that in journalistic texts words with the meaning “city” can acquire different shades of meaning, which allow to express the author’s assessment of the described events. The image of the city plays special role in advertising. The patterns of lexemes functioning in a certain lexical-semantic group in mass media that are revealed in the article can serve as a basis for further research in this field.

Key words: lexical-semantic group, lexeme, borrowing, connotation, addition, journalistic text.

Город представляет собой образ жизни человека и способ существования культуры. Как пишет Г.И. Ревзин, у города нет автора, поэтому его в обычном

© СС ВУ Григорьева О.Н., Цзян Н., 2018.

смысле нельзя считать произведением искусства. В то же время город является такой же сложной материей, как и другие виды искусства, такие как, например, архитектура и кино. Восприятие города затрудняет то, что за ним стоит «неосознанный опыт поколений, а не выверенный авторский» [7].

В настоящее время урбанистические исследования имеют множество направлений. Город является объектом изучения философии, истории, социологии, антропологии, экономики, культурологии, искусствоведения. Однако в рамках лингвистики феномен города изучен недостаточно. Данная область русской лексики не была предметом специального лингвистического исследования.

Представляется интересным рассмотреть лексико-семантическую группу «город» в структурном и функциональном аспекте. В состав лексико-семантической группы, как известно, входят лексические единицы, относящиеся к одной части речи, между которыми может быть установлена связь на основании общих компонентов значения [2, с. 151]. Появление в современном русском языке новых единиц ЛСГ «город» объясняется усиливающимся процессом урбанизации. Этот процесс зародился ещё в давние исторические времена. Роль городов в жизни общества по мере их развития повышалась, особенно заметно это стало в XIX в. В XX в. она усиливается, масштабы урбанизации становятся ещё более значительными, особенно после Второй мировой войны. По отношению к этому времени принято говорить о начале так называемой «городской революции». Вместе с появлением новых форм расселения рождаются новые

номинации. Состав исследуемой группы расширяется и пополняется также благодаря актуализации устаревших слов, таких как *град*, и притоку заимствований: *мегаполис*, *таун*, *сити* и др.

Группа слов, называющих город и городское образование в современном русском языке включает 34 единицы: *город*, *городок*, *городочек*, *городишко*, *городище*, *град*, *моnogород*, *киногород*, *наукoград*, *город-герой*, *город-сад*, *город-спутник*, *город-миллионер*, *города-побратимы*, *город-парк*, *город-крепость*, *город-отель*, *город-призрак*, *город-невидимка*, *город-остров*, *остров-град*, *город-государство*, *столица*, *центр*, *порт*, *агломерация*, *конурбация*, *мегаполис*, *мегалополис*, *метрополия*, *полис*, *таун*, *сити*, *технополис*.

Среди них 20 слов являются производными от *город* и *град*, в их числе уменьшительные *городок*, *городочек*, *городишко*, увеличительное *городище*, слова, образованные путём сложения основ: *моnogород*, *киногород* и *наукoград*. *Моnogород* – это своего рода город-завод, где существует тесная связь между функционированием крупного предприятия и жизнью самого поселения. В качестве примера можно привести такие известные российские моногорода, как Байконур, Снежинск и Курчатов, создание которых было необходимо для развития оборонной и атомной промышленности. Это были особые закрытые города с ограничениями для въезда и выезда, у них было специальное снабжение. Территория, занимаемая какой-либо крупной киностудией, получила название *киногорода* [6].

Наукограды начали создаваться в России в связи с необходимостью дальнейшего развития отечественной

науки и техники. Само слово *наукograd* родилось в подмосковном городе Жуковском в 1991 г. при создании движения «Союз развития наукоградов». Академгородок в Новосибирске, основанный в 1957 г., был первым наукоградом. Затем под Москвой появились такие города, как Дубна, Черноголовка, Обнинск и другие. В качестве синонима слова *наукograd* используется *технополис* – город, где занимаются наукой и высокими технологиями. Значение этой номинации в последние годы значительно расширилось.

Интерес представляет окказиональное префиксальное образование *предгород*, встреченное нами в статье В.Н. Топорова, в которой говорится о достаточно позднем с точки зрения мировой истории возникновении города около десяти тысяч лет назад. Этот город был совсем не похож на тот, который ассоциируется с этим понятием у нас. Автор пишет, что применительно к эпохе неолита правильнее говорить о «*предгороде*» и что важна сама идея «города», которая «в первых городских поселениях, в «*предгороде*» достаточно очевидна» [8, с. 121].

Достаточно продуктивным способом образования наименований города является сложение слов. Ряд слов давно были включены в толковые словари. К ним можно отнести такие лексические единицы, как *город-герой* – таким почётным званием удостаивались в Советском Союзе города за героизм и мужество, которые проявили их защитники во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.; *город-сад* – небольшой город с редко стоящими домами, многочисленными территориями, засаженными деревьями, и небольшим

числом жителей (несколько десятков тысяч); *город-спутник* – город или посёлок городского типа близ крупного города; он предоставляет своим жителям возможность трудиться и обеспечивает им социальное и бытовое обслуживание, а также культурную связь с крупным мегаполисом; *город-миллионер* – город, численность населения которого превышает один миллион человек; *города-побратимы* (только мн. ч.) – два города разных стран, установившие постоянные дружеские связи для укрепления сотрудничества между народами. Шанхай – Санкт-Петербург, Москва – Пекин.

К относительно новым номинациям относится слово *город-парк*, обозначающее своего рода «город в городе». Это самостоятельное городское пространство с высоким уровнем комфорта и инфраструктурным решением¹. Нами зафиксированы также следующие составные слова: *город-крепость* – город, защищённый массивными крепостными стенами, *город-остров*, или *остров-град* Свияжск, Хасима в Японии; *город-призрак* – город, покинутый жителями по разным причинам. Например, город Припять в Украине, оставленный в результате Чернобыльской аварии; *город-отель* – крупнейший отельный комплекс в Сочи, *город-курорт* то же, что *курортный город*; *город-невидимка* – о затопленном граде Китеже². Городом-мифом Н.В. Шмидт называет Петербург в изображении Анны Ахматовой [9]. Номинации *город-дева*, *город-блудница*

¹ См. Информационный портал города Московский. URL: http://26km.ru/new_news/2012/apr/first-Moskovsky-city-park.html

² Слово *город-невидимка* употребляется совсем в другом значении, о чём будет сказано ниже.

и *город-бездна* использует в приведённой выше статье В.Н. Топоров, имея в виду Иерусалим и Вавилон [8, с. 122]. Очевидно, что этот список не является исчерпывающим.

Слово *град* отличается особой стилистической окраской. В словаре оно имеет помету «традиционное, поэтическое». В религиозном дискурсе употребляются устойчивые словосочетания *град человеческий*, *град Божий*, имеющие глубокий философский смысл. Вот как митрополит Антоний пишет в 1991 г. о послании Патриарха Алексия к молодёжи: «Для верующего человека *град человеческий* должен стать так глубок, так широк, как *град Божий*, где не только человек мог бы жить, но где мог бы жить и действовать Бог, превращая всё земное в нечто гораздо большее». Перифраза *Святой град* означает *Иерусалим*. Особая экспрессивность слова *град* позволяет ему сохранять свою актуальность в публицистике. Ярким примером может служить отрывок из статьи Александра Проханова: «Сказочный кит, на котором цвели купола и главы *волишебного града Китежа*, – это образ русского чуда, которое до времени таится в пучине, а потом всплывает, как *мистический град*» [Известия, 2014.03.10].

Слово *столица* появилось в русском языке в начале XVII в. Происходит оно от древнерусского существительного *стол*, которое означало «престол, трон, место правления князя». От него образовалось прилагательное *стольный*. В древнерусских памятниках начиная с XI в. можно встретить словосочетание *стольный город*. Поначалу так называли только Киев, но затем оно стало употребляться и по отношению к некоторым другим городам. В одном

из источников начала XV в. *стольным городом* была названа Москва. Слово-сочетания *стольный город* и *стольный град* и сейчас употребляются в русском языке, в первую очередь в языке средств массовой информации: «Где деньги – там и *стольный град* – Москва ведь тоже была не первой *столицей* России, так что – как пришла к ней столичность, так и ушла в 1712-м...» [Комсомольская правда, 2012.05.31].

В Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова *столица* определяется так: 1. Административно-политический центр государства; главный город страны. 2. Публиц. О городе, являющем центром чего-л. (области, края и т. п.) [1, с. 1272]. Ближким слову *столица* является номинация *центр* в 5 значениях. Так называют город, который имеет особое значение для определённой области или целой страны в плане административного правления, промышленного и культурного развития [1, с. 1461]. Обычно слово *центр* в значении «город» требует определения: *культурный центр*, *политический центр*, *районный центр*, *областной центр*. Приведём пример из газетного текста: «После школы уехала учиться в экономический колледж в *областном центре*» [Комсомольская правда, 2014.07.24].

Лексико-семантическая группа «город» включает несколько заимствованных из английского, французского, латинского и греческого языка слов, имеющих специальное значение: *агломерация*, *конурбация*, *мегаполис*, *мегалополис*, *метрополия*, *полис*, *порт*, *технополис*, *центр*, *сити*.

• *Агломерация* (лат. *agglomeratio* присоединяю, накапливаю) – слияние многих городов и населённых пунктов

в единое городское поселение, а также самое такое поселение [4, с. 38]. Крупнейшими агломерациями являются Токио, Мехико, Москва, Нью-Йорк.

- *Конурбация* (лат. *con* вместе + *urbs* город) – городская агломерация полицентрического типа [4, с. 392]. «Еще в 2006 году группа московских авторов сделала прогноз о возможном развитии в будущем *конурбации* вокруг Екатеринбурга с участием Челябинска и Перми. Образование *конурбации* – это, по сути, превращение территории в некие “ворота в глобальный мир”» [Российская газета, 13.12.2012].

- *Мегаполис* (греч. *megas* большой + *polis* город) – огромный город, который образовался путём слияния множества городов и других поселений [4, с. 470]; то же, что *мегалополис* [5]. *Метрополия* (лат. *metropolis* столица, главный город < греч. *mētēr* мать + *polis* город) – в эпоху античности город-государство, который имел свои колонии [4, с. 482]. То же значение имеет слово *полис*. «Целый год тысячи девушек с разных уголков необъятного *мегаполиса* ждали этого момента!» [Комсомольская правда, 2014.07.02]; «Вероятность заработать серьезную болезнь в *мегаполисе* на фоне психических “неполадок” очень высока» [Комсомольская правда, 2014.07.25]

- *Порт* (фр. *port* < лат. *portus* пристань, гавань) – приморский город, имеющий специальное место, где находится стоянка судов, а также происходит их ремонт, разгрузка и погрузка [1, с. 927].

- *Сити* (англ. *city* город, городской центр деловой жизни) – в некоторых странах так называют город, отличающийся своими особыми при-

вилегиями. В Англии *сити* – название большого старинного города. Наименование *сити* присваивалось городам, в которых была резиденция епископа, и тем, которые получили от короля специальные грамоты. В Америке значительный в определённой степени город, имеющий местное самоуправление, также называется *сити* [3].

Слова *город* и *град*, как и некоторые заимствованные слова, такие как греческое *полис*, немецкие *бург* и *штадт*, персидское *канд*, тюркизированная форма *кент*, используются в составе топонимов: *Новгород*, *Волгоград*, *Китеж-град*, *град Китеж*, *Севастополь*, *Екатеринбург*, *Кронштадт*, *Самарканд*, *Ташкент* и т. д.

Заимствования последнего времени *таун* и *сити* употребляются в составе сложных слов и словосочетаний: *таун-хаус* (англ. *townhouse* от *town* небольшой город, посёлок и *house* здание) – малоэтажный жилой дом или общественное здание на несколько многоуровневых квартир, как правило, с изолированными входами, *Университи*. *Обувьсити* – названия крупных магазинов и др. Наименования части города, так называемого *города в городе*, также включают компонент *сити* и *таун*. Например, *Москва-Сити* – деловой центр, *даунтаун* (англ. *downtown*, букв. нижний город) – центральная, обычно высотная часть города. Показательны такие примеры из СМИ: «Везде *даунтаун* с небоскребами и частные домики в пригороде» [Советский спорт, 2013.04.14]; «“*Яппи Таун*” – своеобразный “город в городе” – будет построен рядом с Московским международным деловым центром “*Москва-Сити*”» [РИА Новости, 25.03.2008]. *Яппи* толкуется

в современных словарях как «молодой преуспевающий специалист, профессионал, проживающий в городе».

Кроме номинации *Яппи Таун* в газетных текстах можно встретить другие окказиональные образования: «В приграничных городах уже стали образовываться *«раша-тауны»*, где жилье скупается россиянами» [Комсомольская правда, 2013.07.23].

Разновидностью *города в городе* являются так называемые *города мигрантов*, или *города-невидимки*. «Наш корреспондент прошелся по невидимому городу и поразился его масштабам. ... За последние несколько лет не всегда заметная обычным москвичам инфраструктура «города мигрантов» расширилась и укрепилась. Приезжие стремительно обустривают Москву под себя. Больше всего в этом преуспели киргизы. ... **Из чего состоит город-невидимка**» [Комсомольская правда, 2018.08.20].

В современных масс-медиа слова *город* и *столица* достаточно часто употребляются в названиях некоторых газет и журналов, а также в рекламных слоганах. Приведем некоторые примеры: журнал «Столица», газеты «Город» (Таганрог), «Город N» (Ростов-на-Дону), «Город и горожане» (Железнодорожск), «Наш город» (Пенза), «Про Город» (Казань); «Урюпинск – столица российской провинции»; «Добрянка – столица доброты»; «Кунгур – чайная столица»; «С Днём рождения, любимый город» (к 100-летию Мурманска); «Керчь – город тысячелетий»; «Лучший город земли» (к Дню города Москвы)

Постоянное пополнение лексико-семантической группы «город» в русском языке отражает все возрастающее влияние городской цивилизации на современного человека.

Статья поступила в редакцию 18.10.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2006. 1536 с.
2. Вендина Т.И. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 2001. 288 с.
3. Историческая энциклопедия в 16 тт. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1969. 972 с.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
5. Листенгурт Ф.М. Мегалополис // Большая советская энциклопедия: в 30 тт. Т. 1. М.: Советская Энциклопедия, 1974. С. 550.
6. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984. 808 с.
7. Ревзин Г.И. Как устроен город [Электронный ресурс] // Коммерсантъ : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3242167> (дата обращения: 12.09.2018).
8. Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 99–132.
9. Шмидт Н.В. Из истории городского текста: Город-миф в поэтической традиции Серебряного века. М.: Издательство Международного независимого эколого-политологического университета, 2008. 204 с.

REFERENCES

1. Kuznetsov S.A., ed. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of Russian]. St. Petesburg, Norint Publ., 2006. 1536 p.
2. Vendina T.I. Bragina N.G. Vvedenie v jazikoznanie [Introduction to linguistics]. Moscow, Vyschaja shkola Publ., 2001. 288 p.
3. Istoricheskaja encyclopedija: v 16 tt. T. 12. [Historical encyclopedia in 16 vols. Vol. 12]. Moscow, Sovetskaja enciclopedia Publ., 1969. 972 p.
4. Krysin L.P. Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov [The explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 944 p.
5. Listengurt F.M. [Megalopolis]. In: Bolshaja Sovetskaya Encyclopedija: v 30 tt. T. 15. [Great Soviet Encyclopedia: in 30 vols. Vol. 15.]. Moscow, Sovetskaya Encyclopedija Publ., 1974. pp. 550.
6. Kotelova N.Z., ed. Novye slova i znachenija. Slovar-spravochnik po materialam pressy I literatury 70-h godov [New words and meanings. Dictionary-reference of the materials of the press and literature of the 70s]. Moscow, Russkii yazik Publ., 808 p.
7. Revzin G.I. [How the city works]. In: Kommersant' [Kommersant]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3242167> (accessed: 12.09.2018).
8. Toporov V.N. [The text of the Virgin City and the Harlot City in mythological aspect]. In: Issledovaniya po structure teksta [Studies on the structure of the text]. Moscow, Nauka Publ., 1987. pp. 99–132.
9. Shmidt N.V. Iz istorii gorodskogo teksta: gorod-mif v poeticheskoi traditsii Serebryanogo veka [From the history of the city text: the Myth City in the poetic traditions of the Silver age]. Moscow, International Independent Ecological and Political University Publ., 2008. 204 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорьева Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: lonogrig@yandex.ru

Цзян Нань – аспирант кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: 137169123@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Grigorieva – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Russian language, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: lonogrig@yandex.ru

Nan Jiang – postgraduate student at the Department of Russian language, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: 137169123@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Григорьева О.Н., Цзян Н. Лексико-семантическая группа «город» в современных российских масс-медиа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 31–38.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-31-38

FOR CITATION

Grigorieva O.N, Jiang N. Lexical and semantic group “city” in the modern Russian mass media. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 31–38.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-31-38

УДК 811.351.14/16

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-39-52

О СЛАВЯНСКО-НАХСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЮЗЕ: К ВЕРИФИКАЦИИ ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БАЗИСНОЙ ЛЕКСИКИ

Гусейнов Г.-Р. А.-К.

Дагестанский государственный университет

367000, г. Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43А, Республика Дагестан,

Российская Федерация

Аннотация. В статье в широком историко-этимологическом контексте славянских и нахских языков рассматривается та часть их базисной лексики (по различным спискам, известным на сегодняшний день), которая привлекается автором концепции славяно-нахского языкового союза для доказательства его существования. В результате произведённого анализа была установлена недостоверность соответствующих лексических фактов и невозможность их привлечения к доказательству существования рассматриваемого языкового союза.

Ключевые слова: славяно-нахский языковой союз, верификация, базисная лексика.

ON THE SLAVIC-NAKH LANGUAGE UNION: TO THE VERIFICATION OF HISTORICAL-ETYMOLOGICAL INTERPRETATION OF BASIC VOCABULARY

G.-R. Gusejnov

Dagestan State University

43A, Gadzhieva st., Makhachkala, 367000, Republic of Dagestan, Russian Federation

Abstract. The article in a broad historical and etymological context of Slavic and Nakh languages considers the part of their basic vocabulary (according to the various lists known today) which the author attracts to prove the existence of the concept of Slavic-Nakh language union. As a result of the made analysis, the author establishes the unreliability of the corresponding facts and impossibility of their attraction to the proof of the existence of the considered language union.

Key words: Slavic-Nakh language union, verification, basic vocabulary.

Сравнительно недавно в одном из квалификационных исследований (автор А.Д. Вагапов) было высказано мнение о том, что «материалы славянских и нахских языков, рассматриваемые в плане ареальной лингвистики, дадут дополнительный импульс и вектор в изучении истории славянских и нахских языков с точки зрения языкового союза В. Поляка» [7, с. 5; 8, с. 4]. Последнее априорно предполагает непосредственную территориальную смежность древнейших областей распространения соответствующих языков в условиях, когда сама концепция славяно-кавказского языкового союза уже была подвергнута крити-

© СС ВУ Гусейнов Г.-Р. А.-К., 2018.

ке в 70–80-х гг. прошлого века автором данной работы и таким авторитетным кавказоведом, как Г.А. Климов [см. 12, с. 5–6].

Непосредственной же целью историко-этимологического анализа, который осуществляется в данной работе, является последняя часть тезиса А.Д. Вагапова, согласно которому «основная масса наиболее ранних и прочно вошедших в словарный состав нахского языка заимствований обязана своим происхождением индоевропейским языкам (“если речь идет о возможном в принципе отдаленном генетическом родстве этих языков”))» [7, с. 208].

Как известно, в историческом языкознании для установления родства тех или иных языков всё чаще применяется историко-этимологическая интерпретация разных по числу наименований списков базисной лексики (М. Сводеш, С.А. Старостин (207-словный список), С.Е. Яхонтов и др.). При этом к числу подобных лексических форм нахских и славянских языков А.Д. Вагаповым относятся следующие: ‘гора’, ‘шея’, ‘зуб’, ‘спина’, ‘живот (брюхо)’, ‘белый’, ‘черный’, ‘умирать’. Сюда же включены некоторые иные, привлёкшие внимание А.Д. Вагапова названия частей тела, которые отсутствуют в этих списках, получив отражение в опросном словнике (1310 статей) «Межконтинентального словаря» (обозначения пальца вообще (у А.Д. Вагапова и названия некоторых из них), а также челюсти) [см. 26, с. 178, 188, 207, 215].

При этом одно из упомянутых выше фонетических сходств, не относящихся к названиям частей человеческого тела, в значении ‘чер-

ный’ (праслав. *koreнь- – пранах. *koran – «угольный») [8, с. 10] в тексте диссертации не рассматривается. В отношении первого из отмеченных Вагаповым [6, с. 90; 8, с. 11] прилагательных – праслав. *bely/*bělъjъ/*bělъ ‘белый’ (и.-е, но не «совсем ясного... характера» [см.: 4, с. 83–85; 37, с. 84; 41, с. 79]) – пранах. *bieli ‘светло-желтый; желток’, следует отметить, что в нахских языках обозначение светло-жёлтого цвета не отмечено, тогда, как жёлтый в чеченских диалектах – можа/мôдж/мâжу/мâжун [3, с. 346], но инг. моажа ‘коричневый’, моакха ‘светло-коричневый’ [28, с. 304, 305]. К рассматриваемому славянскому понятию в вайнахских языках и чеченских диалектах обнаруживает близость лишь инг. бели ‘желток’ [3, с. 213], беле ‘желтковый’ [28, с. 304, 305]. Оно не имеет соответствий в бацбийском языке, что низводит данное фонетическое совпадение до индоевропейско-ингушского при семантической несовместимости его компонентов – (белый – желтковый). Данная ингушская форма включается в один ряд с инг., кист. bil, итум. bil ‘хна’ [3, с. 195] с привлечением сюда бацб. bil ‘хна’, ‘белый, желток’ [6, с. 90], не отмеченного в цитируемом выше словаре и в бацбийско-русском словаре братьев Кадагидзе [19] (ср. авар. bil ‘хна’), ибо хна, как известно, иного цвета. Это говорит о непреодолимых различиях в семантике, но автор [6, с. 91; 7, с. 105] пытается их избежать при помощи утверждения, согласно которому «есть все основания считать первоначальным значением славянских слов не ‘белый’, но не ‘желто-бурый’, ‘коричневый’».

В последнем глагольном сопоставлении в качестве славянского компо-

нента представлено русск. диал. неясного происхождения халеть 'умирать, засыхать', усвоенное, возможно, из офенского языка, в котором из греч. *xalo* 'гибну, пропадаю', что даёт основание автору сблизить его с малоупотребительным в современных нахских языках (чеченском и бацбийском) хала 'неметь', 'угасать', 'чахнуть', хотя в словарях, в которых фиксируется данное слово, оно отмечено в значении 'лишиться чего-либо, потерять что-либо' (чеч.), '(по)гаснуть' при производном халдар '(по)тушить' (бацб.), досл. 'погасшим сделать'. Вместе с тем, отмечая близость нахского слова к осет. *халун*/*халун* 'портить', 'разрушать' (исконного характера [см. 2, с. 138–139]), А.Д. Вагапов [7, с. 201–202] полагает, что «семантически осет. *халун* ближе к греч. *xalo* 'портить, разрушать, ослаблять, распускать, развязывать', тогда как чеч. хала 'слабеть', 'умирать', 'чахнуть' – к русск. *халить* 'умереть', *халеть* 'умирать'. Возможно, и славянские, и нахские, и осетинские слова заимствованы из греческого языка в скифский».

Однако в «Словаре скифских слов» очерка В.И. Абаева «Скифо-сарматские наречия» какие-либо соответствия рассматриваемым словоформам не обнаруживаются [см. 29, с. 276–311], осетинское слово носит исконный характер (см. в предшествующем изложении), и какие-либо факты, свидетельствующие о проникновении (древне)греческих слов в нахские языки, до сих пор остаются неизвестными. Тем более в условиях отсутствия какой-либо территориальной смежности между последними двумя языками.

Вместе с тем праслав. *goga* 'скала, камень' (но *гъга* 'гора, лес' [6, с. 43])

при *goga* 'гора, лес' и.-е. уровня, наряду с другим значением 'поглощать', 'жерло', 'горло, извергающее воду' [43, с. 29] или 'гора, покрытая лесом' > 'лес' [6, с. 43; 43, с. 29], которое обнаруживает близость к груз.-зан.**goga*- 'горка, холм' [см. 22, с. 64], что объясняется связями с и.-е. языками [см. 15, с. 83], но в дальнейшем Г.А. Климов [24, с. 175–176] рассматривал его как собственно грузинский индоевропеизм–пранах. **гара* 'осколок' [7, с. 9], который встречается в связанном виде в прямом значении (но лишь на вайнахском уровне) в составе основ с семантикой 'расколотые (дрова)', в несвязанном виде – чеч. *го, гара* 1) 'род, поколение'; 2) 'кусочек бревна' и инг. *гар* 'плаха, часть ствола (четвертая), расколотого вдоль', но при этом данная лексема относится к числу возможных булгаризмов [см. 12, с. 38], ввиду чего представляется более убедительным считать это лексическое совпадение в силу значительных семантических различий случайным.

Наиболее показательными из вышеупомянутых семантем А.Д. Вагапов полагает названия человеческого тела, связывая их с так называемым основным словарным фондом [см. 6, с. 26], т. е. базисной лексикой (см. в предшествующем изложении) предполагая, видимо, в какой-то мере генетическую общность языков, ставших предметом его внимания.

Об этом говорит, в частности, следующее его утверждение: «Влияние индоевропейской лексики на нахскую (если речь идет о возможном в принципе отдаленном генетическом родстве этих языков) было не только наиболее ранним по времени, но и наиболее сильным по воздействию в

процессе формирования словарного состава нахского языка. Полученные результаты дают, безусловно, дополнительную аргументацию гипотезы Вацлава Полака о славяно-кавказском языковом союзе. Дальнейшие исследования в данном направлении, надо полагать, дадут ещё более веские доказательства ее истинности» [7, с. 208–209].

Однако анализ А.Д. Вагаповым привлекаемых им с этой целью лексических фактов, как будет показано в последующем, позволяет говорить о том, что речь в конечном счёте идёт об отсутствии каких-либо внятных свидетельств, говорящих о наличии предполагаемых им славянско-нахских «изоглосс» в этой лексико-семантической группе, в т. ч. имеющих также какое-нибудь индоевропейское происхождение. Так, сходство праслав. *vortь ‘шея’ – чеч. vorta ‘шея’ < пранах. *vartu [8, с. 8], хотя в монографии [6, с. 26] речь шла о пранах. *вартан//*вартун ‘шея’ (ср. ещё у Джаукяна [15, с. 132]: и.-е. uer-t- ‘вертеть, крутить’ (перс. gard-an, серб. врот ‘шея’-нах.: чеч. vorta, инг. foart ‘шея’)) можно объяснить, с одной стороны, индоевропейским характером славянской лексемы со значением ‘шея’, известной, однако, в восточно- и южнославянских языках как инновация. При этом в лезгинских и аваро-андийских языках отражается гораздо более позднее перс. gardan ‘шея’: авар. gabur, анд., кар. garu, тинд. gjaru, ботл. garu, годоб. gjaru [25, с. 103].

С другой – усвоением нахского слова, анлаутное v-, в котором поддерживается инг. foart ‘шея’ (<*fartun / чеб.*vartun ‘шея’ в результате оглушения анлаутного *v- [см. 18, с. 186–188]) при отсутствии общего и.-е. назва-

ния шеи [см. 9, с. 815] не из иранского (н.-перс.) garden <*vartana и не столько из др.-инд. глагольной основы vart- ‘вертеться’ [см.: 5, с. 263; 37, с. 144, 167; 41, с. 3], сколько из субстантивного митанни-арийского ɟartanna «поворот», которое мотивируется др.-инд. vartate «поворачивается» при вед. var-tan «колея» [см. 9, с. 546]; ср.: прасл. vōrtь, *vorta ‘шея’ ‘то, что поворачивается (подвижная часть тела)’ < ‘поворот (головы)’ < и.-е. *ɟort-o- ‘поворот, вращение’ (имя действ.) от *ɟer-t- ‘вертеть, поворачивать’ [см. 5, с. 263], что не позволяет говорить о славяно-ирано-нахской изоглоссе, как полагает А.Д. Вагапов [6, с. 27].

Тем более что в нахских языках уже была выявлена ещё одна митанни-арийская форма, усвоение которой могло иметь место в период пребывания пранахов в восточной Малой Азии, по крайней мере, не позже II тыс. до н. э., когда носители митанни-арийского языка вымерли, а в аварском оказалась представленной ареально не связанная с митанни-арийским более восточная древнеиндийская форма [см.: 13; 14]. В итоге можно полагать, что источником данного сходства стало генетическое родство праслав. *vortь ‘шея’ и митанни-арийского ɟartanna «поворот», которое отразилось в пранахском *vartun ‘шея’, лабиальный элемент в нём мог развиваться за счёт его переноса из анлаута этимона.

Кроме того, следует отнести к числу случайных «сходств» пранах. qali ‘зуб’ [8, с. 8] /qale ‘коренной зуб’ [6, с. 32], ср.: чеб. qale, чеч. qela / инг. qala ‘коренной зуб’ [см.: 3, с. 136; 18, с. 88] и неясные в отношении к ним лексемы отдельных дагестанских языков с глухим анлаутом – заднеязычным лабиали-

зованным согласным, возникшим из глухого увулярного фриктивного χ – вследствие делабиализации последующих лабиализованных гласных – лезг. $kk^wala\chi$, тинд. $\chi^w\acute{a}j\lambda a$, чам. $x^waba\lambda$ (где λ – глухая латеральная аффриката) ‘коренной зуб’ [25, с. 80], не включённых в число общедагестанских основ с тем же значением [см. 10, с. 78, 85]. Они восходят при реконструкции к расходящимся с анализируемой формам: лезг. $kk^wala\chi < *gola\chi$ [см. 33, с. 227–247, 285–286], тинд. $\chi^w\acute{a}j\lambda a < *xola$, чам. $x^waba\lambda < *xola$ [см.: 21, с. 325–326], в которых, видимо, подобно нахским языкам [см. 18, с. 260], инлаутные -j- и -b- могут представлять классные показатели, перемещённые внутрь основы – праслав. $kъ\lambda$ - ‘зуб’ ($kъ\lambda$ ‘клык’ [6, с. 32]) и.-е. уровня, но о.-с. $*kъ\lambda$ -ъ/ $*kъ\lambda$ -о [45, с. 192], где $*kъ\lambda$ - – нулевая степень $*kl$ -о абляута в о.-с. $*kol$ -ti [37, с. 403; 45, с. 193]. При этом и её индоевропейский уровень – $*kel$ -($*kol$ -ol- ‘бить’, ‘ударять’, ‘сечь’ [37, с. 404; 44, с. 155] исключает какое-либо взаимное влияние рассматриваемых лексем.

Кроме того, имеет место необоснованное сопоставление, точнее, речь должна идти о фонетическом созвучии праслав. $*рахъ$ «низ живота, подмышка» – пранах. $*рах$ ‘легкие’ [7, с. 37], установление семантической связи между которыми не представляется возможным.

К числу аналогичных следует отнести нахский компонент сходства праслав. $*miezi\pi\acute{s}ь$ ‘мизинец’ (о.-с. $*m\acute{e}z$ - из и.-е. $*moi$ -’h [37, с. 530; 46, с. 229] или $*meg$ ’h [18, с. 229]) – пранах. $*маза$ -палиг то же [6, с. 29] (ср.: чеч. $mazar$ ’elg, акк. $mazar$ ’alg при итум. $mizan$ ’elg «безымянный палец» [см. 3, с. 137]), квалифицируемого авто-

ром [6, с. 30] (в дальнейшем праслав. $*mizin$ - – пранах. $*mizin$ - [см. 8, с. 8]) как славянско-итумкалинская изоглосса, но при этом «славянский и пранахский уровень могут не соответствовать друг другу», и как следствие предложенное им сопоставление лишается всякого смысла. Тем более что, по лексико-статистическим данным, распад вайнахской (чечено-ингушской) языковой общности имел место в начале II тыс. н. э. [27, с. 21], и дальнейшее диалектное членение чеченского могло иметь место лишь после этого времени, как, в принципе, и праславянского [12, с. 9], что исключает бытование подобной «изоглоссы».

Что касается пранах. $*маза$ - «безымянный палец», которое сравнивается с $*miezi\pi\acute{s}ь$ ‘мизинец’, сопоставляемым с лит. $ma\acute{h}as$ ‘малый’, лтш. $mazs$ ‘маленький’, прусск. $assais$ то же [35, с. 244; 46, с. 228], то в этом случае гораздо более убедительным представляется его отождествление с др.-ир. (авест., VI-IV вв. до н.э.) $mazant$ -‘большой’ с адъективным и причастным аффиксом авест. ant - [45, с. 72, 129]. Считается, что лексема отложила в скифском (но при неизвестности в осетинском) в виде $maz(a)$ ‘большой, великий’ (< и.-е. $(*mek$ ’H) уровня [9, с. 782]), поддерживаемым авест. maz . Однако иллюстрирующие данное положение примеры вызывают значительные сомнения в отношении своего ауслата, так как в т. н. скифской лексике греч. графема ξ выступает в качестве субститута шести согласных фонем, неизвестных греческому языку, в т. ч. -z [см. 29, с. 296, 329].

При этом безымянный палец по длине, как известно, примерно соответствует указательному пальцу. Од-

нако в иранских языках обозначение «пальца» (руки или ноги) первоначально обозначало «большой палец», название которого не связано с понятием «большой» [40, с. 86]. В тюркских языках, в которых на праязыковом уровне название пальца также реконструируется как «большой палец», на том же уровне восстанавливается инкорневое название мизинца [см. 32, с. 253–257].

В неясном отношении, особенно ввиду отсутствия в осетинском, к рассматриваемой основе оказываются ареально смежные этому языку к.-балк. мазалы 'большой, огромный, гигантский' [20, с. 456], кум. мазаллы то же, где -лы/-ллы – адъективный аффикс. При этом в кум. мазаллы < *мазанлы, где -лл < *н+л, что объясняется древними пратюркскими процессами [см. 31, с. 329–330], которые могли также обусловить появление к.-балк. мазалы в условиях, когда геминация для карачаево-балкарского языка не характерна. Поэтому не исключено, что обе формы могли развиваться из (авест.) mazant +лы > мазаллы в достаточно давнем прошлом.

Не исключено вместе с тем, что кум. мазаллы и к.-балк. мазалы имеют исконно тюркское происхождение, если допустить их возведение к к.-балк. базы-къ 'толстый', 'коренастый', кар. г. базы-х 'толстый', тат. базы-къ 'коренастый', 'дюжий' [36, с. 98], кум. базы-къ 'толстый', в которых ауслаутное -къ (>-х) может рассматриваться в качестве аффикса Ср. осет. тузуq, тжзуq 'коренастый', 'дюжий', 'массивный', которое возводится к тюрк. базуq 'человек среднего роста', 'коренастый и крепко сложенный, крепкий, дюжий, выносливый' (со ссылкой на словарь

В.И. Радлова [1, с. 146]). Однако при этом развитие *b->m- в осетинском не отмечается, включая освоение заимствований с b-аналаутом [см.: 1, с. 60–146; 39, с. 188–189], что указывает на усвоение из языка с m- аналаутом, развившимся из *b-, присущим кыпчакским языкам, и не отвечает позиционным характеристикам данного явления в азербайджанском и туркменском [см. 16, с. 40]. Всё это говорит о возможности усвоения др.-ир. (авест.) mazant в пранах. *maza, хотя в целом вопрос об этимоне нахского слова остаётся открытым, но его рассмотрение в рамках взаимоотношений с праславянским языком представляется невозможным.

Вторая часть анализируемой лексики рассматривается в рамках другого сходства (праслав. *pal – пранах. *p'al 'палец' [8, с. 8] (в монографии [6, с. 27] праслав. *palъ 'палец' – пранахск. p'al 'палец')), однако и этом случае контакт на праславяно-нахском уровне представляется невозможным, ибо о.-с. *pal(ьсь) < *pôl(ikos) имеет и.-е. основу pō:l [37, с. 617]. Восстановление пранах. *pal представляется неубедительным ввиду того, что данная форма репрезентируется чеч.-инг. p'elg, акк. p'dlg < чеч. p'alig [см. 18, с. 88–89], более позднего диалектного характера при бацб. t'ark ('палец ноги'), кист. t'elg, связанными через пранах. *t'ark [25, с. 89] с дагестанскими языками в значении «палец ноги» [см.: 25, с. 88; 10, с. 81]. Вместе с тем нуждается в специальном рассмотрении, не входящем в число задач данной работы, отношение пранах. *t'ark и соответствующих форм дагестанских языков к сев.-вост. уйг. tarmaq 'палец', имеющему в некоторых других тюркских, в основном,

кыпчакских, языках значения 'лапа, когти', 'ветка, разветвление', при кум. [см. 32, с. 255–256] 'ответвление от канала речки', а вайнахских – к корей. *pāl* 'мера рук (от кисти до плеча)', имеющего соответствия в иных языках – тюркских и монгольских [см. 47, с. 67–68]. Однако А.Д. Вагапов [6, с. 29] по непонятной, на первый взгляд, причине «исключает для нахск. *r'al* вероятность усвоения из славянского источника», предполагая, видимо, тем самым обратный процесс, каковой столь же маловероятен.

Следует, по всей видимости, исключить из рассмотрения как явление какого-либо контактного характера сходство праслав. **skemica* 'челюсть' (точнее, эндемическое белор. *скемица* 'челюсть', где – *ica* суффикс [6, с. 33]), восходящее, по мнению автора, к пранах. **qīema* 'челюсть' [8, с. 8], так как якобы «и.-е. формы [к ним возводится первый компонент] следует признать [по непонятной причине] продолжениями пранахских» [6, с. 34]. Славянский [компонент] этой «изоглоссы», корневая часть которой возводится к и.-е. корню *(s)kem/(s)kom-* с праславянскими репрезентатами со значением «щемять», «оскомина» в русском и других славянских языках [7, с. 40–41], а, по мнению других авторов, имеет в и.-е. праязыке возможно, значение «сжимать», но с предположительно неустойчивым *s* (*s-mobile*) [2; 37, с. 607–608; 38, с. 433]. Данная основа при допущении в аналауте *s-mobile* [см.: 12, с. 118–119; 30, с. 72–73] может быть возведена к и.-е. **kemb[h]* – 'разрывать', 'раздроблять' назализованного характера, которому отвечают тох. *A kam*, тох. В *keme* 'зуб', др.-инд. *jambha-* 'зуб', греч. *ῥομφος* 'шип', 'кол', ст.-слав.

zo(n)bŭ 'зуб'. С учётом же другой интерпретации рассматриваемого и.-е. корня как **gem-* 'хватать, брать, сжимать' (>**gemb[h]* 'кусать', 'раскусывать', 'жалить' > **gomb[h]os-* > и.-е. **zonbŭ* 'зуб' [37, с. 330–331]) данный корень считается ностратическим [17, с. 290], что исключает саму возможность возведения анализируемого славянского корня к пранахскому источнику. Тем более что пранахская общность, по лексикостатистическим данным, выделялась из восточнокавказской не ранее середины III тыс. до н. э. [см. 27, с. 21]. Кроме того, пранахский уровень формы **qīema* 'челюсть', привлекаемой для мотивации соответствующего «сходства», носит, в свою очередь, весьма сомнительный характер, так как поддерживается лишь диалектными чеч., акк. *qema* 'челюсть' при инг. *цеггберд*, кист. *чан*, итум. *салаз* то же [см. 3, с. 136] при том, что присовокупляемое к ним А.Д. Вагаповым [7, с. 41] инг. *qema* обозначает 'инструмент для разминания кожи' [28, с. 239], что присуще и чеченскому языку.

Кроме того, возникновение ещё одного лексического сходства, связанного с названием челюсти, – праслав. **salazki* – пранах. **sālaz* 'челюсть, сани' [8, с. 8], первый компонент которого известен в русском языке лишь с XVII в., не имеет праславянского характера и удовлетворительной этимологии, обусловлено влиянием тюркских (булгарских) языков [11, с. 14–17].

Другой случай, обусловленный непониманием во внимание явных семантических и фонетических (вокализм) расхождений, наряду с аналогично некачественной реконструкцией праформы, имеет место и в «сходстве» праслав. **bok* 'бок' – пранах. **baq*

‘спина’ [6, с. 36; 8, с. 8], невзирая на уже установленное пранах. *buq, присущее всем трём нахским языкам и, возможно, имеющее родственные формы в некоторых дагестанских языках [см. 25, с. 99]. Но оно видится Вагаповым [8, с. 8] как и.-е.-нахское и даже и.-е.-северокавказское при противоречащем этому послылу его утверждению о том, что «слав. *bokъ, не имеющее ясной этимологии, находит параллель в пралезг. бакв ‘ребро, бок’, тогда как нах. баг//бакъ ‘спина’ семантически больше соответствует прагерм. bak ‘спина’». Действительно, праслав. *bōkъ, *btoku род. ед. ч. «не имеет ни этимологических, ни достоверных внеславянских соответствий» при известности мнений о его заимствовании из германского либо рассмотрения обеих форм в качестве общего «праевропейского» наследия [см. 4, с. 321]. Кроме того, и пралезг. бакв ‘ребро, бок’ может восходить к более раннему buq [см. 33, с. 243], явно коррелирующему с вышеприведённой пранахской формой.

Сюда же можно отнести другое семантическое псевдосходство: праслав. *deg-/degъ ‘туловище’, ‘стан’ – пранах. diegh ‘туловище’ [6, с. 30] (*die ‘туловище’ [8, с. 8]), ибо праслав. *deg-/degъ отмечено в славянских языках в значении ‘ремень, супонь’ с производными от него формами, в т. ч. ‘рост’, но не ‘туловище’, и имеет параллели в других и.-е. языках [42, с. 25] (~и.-е. *t[h]oek[h]- ‘тело’, ‘части тела’, ‘оболочка’, ‘шкура’ > хетт. tuekka- ‘тело’, ‘личность’, tuekkes ‘части тела’ [9, с. 812]), в то время как изолированное на восточнокавказском уровне чеч.-инг. deg в словаре Алироева [3, с. 133] имеет значение ‘тело (человека или животного)’ при

бацб. de ‘тело’ [19, с. 198; 25, с. 99], ‘туловище’ [19, с. 198], ‘ствол’ [25, с. 100].

Таким образом, практически ни один из рассмотренных элементов базисной лексики лексических сходств, привлечённых А.Д. Вагаповым для доказательства прошлого бытования славянско-нахского языкового союза, не подтвердил с достаточной степенью надёжности возможность его существования. О том же свидетельствуют упомянутые в предшествующем изложении индоарийский и древнеиранский лексические элементы пранахского языка, усвоенные не позже II тыс. до н. э. по VI–IV вв. до н. э. и указывающие на то, что его носители ещё не могли находиться в пределах Северного Кавказа и тем более Восточной и Центральной Европы, где проживают славяне. Примерно в это же время (к первой половине III тыс. до н. э.) индоиранские племена появились на севере Ирана [9, с. 915], в ареальной смежности с которым могли находиться (см. ниже) и древние носители пранахского языка, если принять во внимание наличие в них вышеупомянутых лексических элементов.

Картина не меняется при локализации индоиранской прародины в Центральной Европе в конце II – первой трети I тыс. до н. э. и уходе части скифов в IX в. до н. э. со своей волгоуральской прародины на Кавказ [34, с. 14, 19], так как первоначальной областью распространения нахских языков было Закавказье. Миграция вайнахских (будущие чеченцы и ингуши) племён отсюда на север имела место гораздо позже – в конце раннего – начале позднего средневековья, когда всё пространство между Северным Кавказом и славянами было занято в это

время тюркскими племенами. Поэтому в данную эпоху какие-либо непосредственные взаимосвязи нахских языков региона со славянскими не представляются возможными [12, с. 10].

Контактами с ними А.Д. Вагапов безуспешно пытается объяснить (см. выше) возникновение целого ряда славянско-нахских лексических «сходств». Их анализ, произведённый в предшествующем изложении,

ещё раз подтвердил мысль, автором которой является известный компаративист Г.А. Климов [23, с. 22]: «Чем меньше степень родства между двумя сравниваемыми языками, тем больше вероятность случайного совпадения в звукотипе сопоставляющегося материала».

*Статья поступила в редакцию
30.08.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. М.: Наука, 1973. 448 с.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. М.: Наука, 1989. 325 с.
3. Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала: Чечено-ингушское книжное издательство, 1975. 383 с.
4. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3. М.: Институт русского языка РАН; Институт филологии Сибирского отделения РАН, 2009. 344 с.
5. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 8. М.: Институт русского языка РАН; Институт филологии Сибирского отделения РАН, 2014. 352 с.
6. Вагапов А.Д. Славяно-нахские лексические параллели. Грозный: Медиани, 1994. 191 с.
7. Вагапов А.Д. Нахско-славянские лексические изоглоссы: дисс. ... канд. филол. наук. Грозный, 2005. 245 с.
8. Вагапов А.Д. Нахско-славянские лексические изоглоссы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Грозный, 2005. 19 с.
9. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. С. 441–1328.
10. Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1977. 165 с.
11. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Некоторые древние (до XVIII века) лексические (контактные) особенности вайнахских языков в контексте их взаимоотношений с дагестанскими, иными ориентальными и русским языками // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Русский язык в Дагестане: проблемы межкультурной коммуникации». Махачкала, 2007. С. 10–22.
12. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений русского языка с языками народов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана. Махачкала: ИП Овчинников, 2010. 214 с.
13. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Некоторые индоарийские лексические элементы нахско-дагестанских языков в контексте локализации регионов их первоначального и последующего распространения // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. Вып. XIX. С. 194–199.
14. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Генетические общности и ареальные связи нахско-дагестанских языков в контексте некоторых новых взглядов на их особенности // Материалы VI

- Международной научной конференции «Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи». Махачкала: Алеф, 2018. С. 117–122.
15. Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван: Академия наук АрмССР, 1967. 217 с.
 16. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. М.: Восточная литература, 2007. 223 с.
 17. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. М.: Наука, 1981. 370 с.
 18. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 299 с.
 19. Кадагидзе Д., Кадагидзе Н. Цова-тушинско-грузинско-русский словарь. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 935 с.
 20. Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева, Х.И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. 832 с.
 21. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Издательство МГУ, 1990. 363 с.
 22. Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М.: Наука, 1964. 306 с.
 23. Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. М.: Наука, 1990. 167 с.
 24. Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М.: Наследие, 1994. 249 с.
 25. Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. М.: Восточная литература, 2003. 511 с.
 26. Комри Б., Халилов М. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Сопоставление основной [базисной] лексики. Лейпциг-Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2010. 897 с.
 27. Коряков Ю.Б. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006. 76 с.
 28. Куркиев А.С. Ингушко-русский словарь. Магас: Сердало, 2004. 544 с.
 29. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / отв. ред. Расторгуева В.С. М.: Наука, 1979. 389 с.
 30. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: Высшая школа, 1974. 410 с.
 31. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1984. 484 с.
 32. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.
 33. Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М.: Наука, 1980. 350 с.
 34. Удодова А.Д. О локализации и этнической атрибуции ираноязычных племён в контексте раннескифской истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 14–21.
 35. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 3. М.: Прогресс, 1971. 827 с.
 36. Хабичев М.А. Взаимовлияние языков Западного Кавказа. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1980. 151 с.
 37. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х тт. Т. 1. М.: Русский язык, 1994. 621 с.
 38. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х тт. Т. 2. М.: Русский язык, 1994. 560 с.

39. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Фонология. М.: Наука, 1986. 232 с.
40. Эдельман Д.И. Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания // Вопросы языкового родства. 2009. № 1. С. 81–94.
41. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 2. М.: Наука, 1975. 238 с.
42. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 235 с.
43. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 224 с.
44. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 10. М.: Наука, 1983. 198 с.
45. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 13. М.: Наука, 1967. 285 с.
46. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 18. М.: Наука, 1993. 255 с.
47. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / отв. ред. Э.В. Севортяна. М.: Наука, 1978. 349 с.

REFERENCES

1. Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. T. II [Historical-etymological dictionary of Ossetian language. Vol. II]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 448 p.
2. Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. T. III [Historical-etymological dictionary of Ossetian language. Vol. III]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 325 p.
3. Aliroev I.Yu. Sravnitel'no-sopostavitel'nyi slovar' otraslevoi leksiki chechenskogo i ingushskogo yazykov i dialektov [Comparative dictionary of special vocabulary of the Chechen and Ingush languages and dialects]. Makhachkala, Chechen-Ingush book publishing house, 1975. 383 p.
4. Anikin A.E. Russkii etimologicheskii slovar'. Vip. 3 [Russian etymological dictionary. Iss. 3]. Moscow, Institute of Russian Language of RAS; Institute of Philology, Siberian Branch of RAS Publ., 2009. 344 p.
5. Anikin A.E. Russkii etimologicheskii slovar'. Vip. 8 [Russian etymological dictionary. Iss. 8]. Moscow, Institute of Russian Language of RAS; Institute of Philology, Siberian Branch of RAS Publ., 2014. 352 p.
6. Vagapov A.D. Slavyano-nakhskie leksicheskie paralleli [Slavic-Nakh lexical Parallels]. Groznii, Mediani Publ., 1994. 191 p.
7. Vagapov A.D. Nakhsko-slavyanskii leksicheskie izoglossy: dis. ... kand. filol. nauk [Nakh-Slavic lexical isoglosses: PhD thesis in Philological Sciences]. Groznii, 2005. 245 p.
8. Vagapov A.D. Nakhsko-slavyanskii leksicheskie izoglossy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Nakh-Slavic lexical isoglosses: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Groznii, 2005. 19 p.
9. Gamkrelidze T.V. Ivanov Vyach. Vs. Indoevropeiskii yazyk i indoevropeitsy. T. II [Indo-European language and Indo-Europeans. Vol. II] Tbilisi, Tbilisi University Publ., 1984. pp. 441–1328.
10. Giginishvili B.K. Sravnitel'naya fonetika dagestanskikh yazykov [Comparative phonetics of the Dagestan languages]. Tbilisi, Tbilisi University Publ., 1977. 165 p.
11. Guseinov G.-R. A.-K. [Some ancient (up to the 18th century) lexical (contact) features Vainakh languages in the context of their relations with Dagestan, other Oriental and

- Russian languages]. In: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Russkii yazyk v Dagestane: problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii" [Materials of All-Russian scientific-practical conference "Russian language in Dagestan: problems of intercultural communication"]. Makhachkala, 2007. pp. 10–22.
12. Guseinov G.-R. A.-K. Istoriya drevnikh i srednevekovykh vzaimootnoshenii russkogo yazyka s yazykami narodov Severo-Vostochnogo Kavkaza i Dagestana [History of ancient and medieval relations of the Russian language with the languages of the peoples of North-Eastern Caucasus and Dagestan]. Makhachkala, IP Ovchinnikov Publ., 2010. 214 p.
 13. Guseinov G.-R. A. K. [Indo-Arian borrowings in the Nakh-Dagestanian languages and the problem of the original localization and the subsequent distribution of these languages]. In: Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology], 2015, no. XIX, pp. 193–202.
 14. Guseinov G.-R. A.-K. [Genetic community and the areal connection of Nakh-Dagestan languages in the context of new views on their features]. In: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Kavkazskie yazyki: genetiko-tipologicheskie obshchnosti i areal'nye svyazi" [Proceedings of the 6th International scientific conference "Caucasian languages: genetic and typological similarities and areal context"]. Makhachkala, Alef Publ., 2018. pp. 117–122.
 15. Dzhaugyan G.B. Vzaimootnoshenie indoevropeskikh, khurrito-urartskikh i kavkazskikh yazykov [The relationship of Indo-European, Hurrite-Urartian and Caucasian languages]. Yerevan, Armenian SSR Academy of Science Publ., 1967. 217 p.
 16. Dybo A.V. Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov [Linguistic contacts of early Turks]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2007. 223 p.
 17. Illich-Svitych V.M. Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov. Vvedenie. Sravnitel'nyi slovar' [The comparison of Nostratic languages. Introduction. Comparative dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 370 p.
 18. Imnaishvili D.S. Istoriko-sravnitel'nyi analiz fonetiki nakhskikh yazykov [Historical and comparative analysis of the phonetics of the Nakh languages]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1977. 299 p.
 19. Kadagidze D., Kadagidze N. Tsova-tushinsko-gruzinsko-russkii slovar' [Tsova-Tushino-Georgian-Russian Dictionary]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1984. 935 p.
 20. Tenishev E.R., Suyunchev H.I., ed. Karachaevo-balkarsko-russkii slovar' [Karachay-Balkar-Russian dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1989. 832 p.
 21. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika [Comparative study of Dagestanian languages. Name. Phonetics]. Moscow, Moscow State University Publ., 1990. 363 p.
 22. Klimov G.A. Etimologicheskii slovar' kartvel'skikh yazykov [Etymological dictionary of the Kartvelian languages]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 306 p.
 23. Klimov G.A. Osnovy lingvisticheskoi komparativistiki [The foundations of linguistic comparative studies]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 167 p.
 24. Klimov G.A. Drevneishie indoevropейizmy kartvel'skikh yazykov [The oldest indo-europeisms of Kartvelian languages]. Moscow, Nasledie Publ., 1994. 249 p.
 25. Klimov G.A., Khalilov M.Sh. Slovar' kavkazskikh yazykov [The dictionary of Caucasian languages]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003. 511 p.
 26. Komri B., Khalilov M. Slovar' yazykov i dialektov narodov Severnogo Kavkaza. Sopostavlenie osnovnoi [bazisnoi] leksiki [Dictionary of languages and dialects of the peoples of the North Caucasus. Mapping basic vocabulary]. Leipzig–Makhachkala, Dagestan Scientific Center of RAS Publ., 2010. 897 p.

27. Koryakov Yu.B. Atlas kavkazskikh yazykov [Atlas of Caucasian languages]. Moscow, Piligrim Publ., 2006. 76 p.
28. Kurkiev A.S. Ingushsko-russkii slovar' [Ingush-Russian dictionary]. Magas, Serdalo Publ., 2004. 544 p.
29. Rastorgueva V.S., chief ed. Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskie yazyki [Fundamentals of Iranian linguistics. The old-Iranian languages]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 389 p.
30. Savchenko A.N. Sravnitel'naya grammatika indoevropskikh yazykov [Comparative grammar of the Indo-European languages]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974. 410 p.
31. Tenishev E.R., chief. ed. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov [Comparative-historical grammar of Turkic]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 484 p.
32. Tenishev E.R., chief. ed. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages: the Lexicon]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 822 p.
33. Talibov B.B. Sravnitel'naya fonetika lezginskikh yazykov [Comparative phonetics of Lezgian languages]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 350 p.
34. Udodova A.D. [On the Localization and Ethnic Attribution of the Iranian-Speaking Tribes in the Context of Early Scythian History]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences], 2018, no. 1, pp. 14–21.
35. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4-kh tt. T. 3 [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. Vol. 3]. Moscow, Progress Publ., 1971. 827 p.
36. Khabichev M.A. Vzaimovliyaniye yazykov Zapadnogo Kavkaza [The mutual influence of the languages of the Western Caucasus]. Cherkessk, Karachay-Cherkessia branch of the Stavropol book publishing house, 1980. 151 p.
37. Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V 2-kh tt. T. 1 [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1994. 621 p.
38. Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V 2-kh tt. T. 2 [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language. In 2 vols Vol. 2]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1994. 560 p.
39. Edel'man D.I. Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov: Fonologiya [A comparative grammar of East-languages: Phonology]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 232 p.
40. Edel'man D.I. [On Certain Problems of Comparative Iranian Linguistics]. In: Voprosy yazykovogo rodstva [Journal of Language Relationship], 2009, no. 1, pp. 81–94.
41. Trubachev O.N., ed. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov Vip. 2 [Etymological dictionary of Slavic languages. Iss. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 238 p.
42. Trubachev O.N., ed. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Vip. 4 [Etymological dictionary of Slavic languages. Iss. 4]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 235 p.
43. Trubachev O.N., ed. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Vip. 7 [Etymological dictionary of Slavic languages. Iss. 7]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 224 p.
44. Trubachev O.N., ed. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Vip. 10 [Etymological dictionary of Slavic languages. Iss. 10]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 198 p.
45. Trubachev O.N., ed. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Vip. 13 [Etymological dictionary of Slavic languages. Iss. 13]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 285 p.
46. Trubachev O.N., ed. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Vip. 18 [Etymological dictionary of Slavic languages. Iss. 18]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 255 p.

47. Sevortyan E.V., chief ed. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B" [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Inter-Turkic bases with the letter "B"]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 349 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского госуниверситета,
e-mail: garun48@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Garun-Rashid A.-K. Guseinov – Doctor in Philological sciences, professor at the Department of Russian language, Dagestan State University,
e-mail: garun48@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гусейнов Г.-Р. А.-К. О славянско-нахском языковом союзе: к верификации историко-этимологической интерпретации базисной лексики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 39–52.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-39-52

FOR CITATION

Guseinov G.-R. A.-K. On the Slavic-Nakh language union: to the verification of historical-etymological interpretation of basic vocabulary. In: Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 39–52.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-39-52

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-53-59

СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ НАЧАЛА ПОНЯТИЯ *СЕМЬЯ* В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Колесникова С.М.

Московский педагогический государственный университет

119991, Москва, улица Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация. В русской лингвокультуре понятие *СЕМЬЯ* раскрывает культуру общества, традиции и их преемственность в современном мире. Универсальное понятие *СЕМЬЯ* является одним из важнейших ценностных ориентиров в воспитании и образовании. В статье проанализированы лексикографические данные; определяются смыслообразующие начала, отражающие наиболее полную картину функционирования концепта *СЕМЬЯ*; исследованы родственные парадигматические отношения, их взаимодействие и реализация как в языке, так и в национальной картине мира.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, смыслообразующие начала, парадигматические отношения, семантические универсалии, положительная и отрицательная семантика.

MEANING-FORMING SOURCES OF THE *FAMILY* CONCEPT IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURE

S. Kolesnikova

Moscow State Pedagogical University

1 build. 1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russian Federation

Abstract. The concept of *FAMILY* in the Russian linguoculture reveals the culture of society, traditions and its continuity in the modern world. The universal concept of *FAMILY* is one of the most important of values in upbringing and education. The article provides the analysis of the lexicographic facts; defines the concept's meaning-forming sources which reflect the most complete picture of the concept's *FAMILY* functioning. It also studies the paradigmatic relations, their interaction and implementation both in language and in the national picture of the world.

Key words: concept, concept sphere, meaning-forming sources, paradigmatic relations, semantic universals, positive and negative semantics.

В современной русистике универсальные концепты и средства их представления являются центром научных исследований, представляя собой связующие

компоненты в мировой антропоцентрической системе «ЧЕЛОВЕК – МИР»: концепт ЛЮБОВЬ¹, концепт ЧЕСТЬ², концепт ДУША³, СЕМЬЯ [3; 4] и другие.

Универсалии СЕМЬЯ, ДОМ, РОДНЯ во многом схожи в поликультурной интерпретации, а их уникальность и специфика проявляются в фольклоре и народных традициях: в семье ребёнок получает основы морально-нравственного, этического воспитания, общего и эстетического образования, культуры (от культуры быта, традиций и ценностей до общей и мировой культуры).

Ценность концептуального понятия СЕМЬЯ, очевидна для русской лингвокультуры. Исследование концепта семья как явления социального, культурного сквозь призму языка даёт нам возможность оценить его смыслообразующие начала и увидеть всё многообразие связей и отношений в семье. Данными положениями подтверждается актуальность рассматриваемой в настоящей статье проблемы.

Основные значения слова СЕМЬЯ сохраняются во всех существующих лексикографических источниках. Словарь русского языка (под ред.

С.И. Ожегова, 1984 г.) отмечает следующие значения: **семья** – 1. Группа живущих вместе родственников (муж и жена, родители с детьми). – *Дружная семья. Глава семьи.* 2. перен. Единство, объединение людей, сплочённых общими интересами (*высок.*). 3. Группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и детёнышей, а также обособленная группа некоторых животных или растений одного вида. *Семья медведей. Семья бобров. Пчелиная семья* (группа из рабочих пчёл, матки и трутней). *Семья гусей.* * Семья языков – в языкознании: группа родственных языков. // *уменьш.* Семейка (к 1 знач., и в значении группка, кучка, стайка, к 3 знач.). // *прил. семейный* [6].

Сравним толкования разнотипных словарей [7]: *Семья* – основанное на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью, будучи необходимым компонентом социальной структуры любого общества и выполняя многие социальные функции (Демографический энциклопедический словарь); *Семья* – основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью. Как устойчивое объединение возникает с разложением родового строя... (Энциклопедический словарь); *Семья* – основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью. В *браке* и *семье* отношения, обусловленные различием полов и половой потребностью... (Философская энциклопедия).

¹ См., например: Колесникова С.М. Концепт «любовь» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2006. № 1. С. 17–27.

² См., например: Колесникова С.М. Смыслообразующие начала концепта «честь» в языке современной военно-патриотической прессы // МедиаАльманах. 2017. № 1. С. 125–131

³ См., например: Колесникова С.М. Концепт *душа* в русской языковой картине мира // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. Вып. II. М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 67–75.

Синонимы: *близкие, вотченник, голодняк, династия, дом, задруга, мафия, пчелосемья, род, рой, семейка, семейные, семейный круг, семейство, семейюшка, фамилия, фиефо, хомут, юрт.*

Данные словарей позволяют установить ядерные смыслообразующие начала универсального понятия в русской лингвокультуре: СЕМЬЯ – группа близких родственников (отношения муж – жена, родители – дети). Лексика, описывающая концептосферу СЕМЬЯ, довольно обширна, поскольку в последнее время само понятие *семьи* претерпело значительные изменения, произошла её трансформация: в понятие СЕМЬЯ включаются не только нуклеарные семьи, но и более сложные отношения и по парадигматическим линиям, и по синтагматическим линиям; членами *семьи* могут быть не кровные родственники (*мачеха, отчим, попечители и опекуны*).

Ядерными смыслообразующими началами понятия СЕМЬЯ являются МАТЬ и ОТЕЦ. Для их обозначения создано много производных, определяемых толковыми словарями с пометами *ласкательное, разговорное, шуточное, высокий стиль* и т. д. [ср., 5]: МАТЕРЬ, МАМА, МАМОЧКА, МАТУШКА, МАМАША/МАМАШКА – ПАПА, БАТЮШКА, БАТЯ, ПАПАША/ПАПАШКА. Ср.: МАТЬ/ОТЕЦ – женщина/мужчина по отношению к детям, нейтральное, принятое в официально-деловом стиле речи.

Другие слова, входящие в концептосферу понятия СЕМЬЯ, характеризуются эмоциональной окрашенностью: МАМОЧКА (ласк.); МАТУШКА (устар., простор.); МАМАША (прост.); МАМАШКА (разг., сниж.); МАТЕРЬ (высок.) / ПАПАША (разговорн.),

прим.: Словарь (под ред. Д.Н. Ушакова) сопровождает форму слова ПАПАШКА пометой «пренебреж.», другие словари – «прост., вульг.»; БАТЯ (просто-реч.) [8].

В концепт СЕМЬЯ входят родственные парадигматические отношения по нисходящей линии, см., единицы, входящие в концептосферу СЕМЬЯ: ДЕД – БАБА и производные от них (ДЕДУШКА – БАБУШКА, ДЕДУЛЯ – БАБУЛЯ). Обращаем внимание на многозначность слова БАБА: это не только вариант названия родственных отношений, так называют и замужнюю крестьянку; простую необразованную женщину (а), и (разгов., иронич.) робкого, слабохарактерного мужчину (б), и поднимающуюся и опускающуюся ударную часть механического молота (в).

Рассмотрим слова, включающие родственные парадигматические отношения по восходящей линии: РЕБЁНОК – ДИТЯ – ЧАДО (устар.) – ОТПРЫСК. Слова СЫНОВЬЯ и СЫНЫ являются неотъемлемой частью концепта СЕМЬЯ, см.: СЫНОВЬЯ (нейтральн.) – СЫНЫ (чаще – высок.), ср.: *сыны Отечества*.

Большое количество слов, описывающих анализируемый универсальный концепт, вступает в антонимические отношения (*внуки – деды, внуки – прадеды, предки – потомки*) [5], образуя своеобразные микрополя с гармоничными отношениями между всеми аспектами (логико-понятийным, коннотативно-признаковым и фоносемантическим) слова [ср., 1].

Полное понимание смыслового наполнения концепта возможно только при его сравнении в поликультурном пространстве. Настоящее исследова-

ние предлагает обратиться к материалу, являющемуся непосредственным выражением культуры русского народа (пословицы и поговорки) и средоточием народной мудрости, дошедшей до наших дней из глубины веков. Пословицы и поговорки передают отношение народа к социально важным явлениям. Представим различия в национальной картине мира на примере концептуального понятия *СЕМЬЯ*, которое всегда пользовалось особым вниманием и служило источником создания большого количества пословиц и поговорок [2]. В современном русском языке представлены следующие пословицы и поговорки: о сплочённости семьи – *Дерево держится корнями, а человек семьёй. Семья сильна, когда над ней крыша одна; о мире и спокойствии в семье – В семье согласен, так идёт дело прекрасно. В семье дружат – живут не тужат. Согласие да лад – в семье клад. Согласную семью горе не берёт. Вся семья вместе, так и душа на месте; о детях в семье – Дитя хоть и хило, да отцу с матерью мило. В хорошей семье хорошие дети растут. Жизнь родителей в детях. Добрые дети – дому венец, а злые – конец. За что отец, за то и дети. Хорошие дети – отцу и матери утешенье.*

Концепт *СЕМЬЯ* раскладывается на несколько семантических полей, образующих его концептосферу: «отношения между родителями и детьми», «брачные отношения», «дальние родственники». Рассмотрим родственные парадигматические отношения на примере пословиц и поговорок и сравним, как в них отражены ролевые связи:

1. Модель «МУЖ–ЖЕНА» в русском языке: *Птица крыльями сильна, жена мужем красна. Лучшие жить со змеёю,*

чем со злою женою. Жена при муже хороша, без мужа не жена. Муж задурит, половина двора горит; а жена задурит, и весь сгорит. Без мужа жена всегда сирота. Муж в поле пахать, а жена руками махать. Пословицы в русском языке отрицают самостоятельность и независимость женщины, женщина всегда должна быть при муже, он её опора и поддержка, в то же время жена – хранительница домашнего очага, однако высмеивается взбалмошный и склочный характер женщины.

2. Модель «РОДИТЕЛИ – ДЕТИ» в русском языке: *Кто свою мать уважает, тот и чужую не обидит. Бывает, что родители заботливы, а детки не работливы. Дитя хоть криво, да отцу, матери мило. Слепой щенок и тот к матери лезет. Живы родители – почитай, померли – поминай! Кто почитает своих родителей, того и дети будут почитать. Ласковый телёнок двух маток сосёт, а неласковый и свою не может.* В русской традиции особое место отводится матери: мать – самый родной человек для ребёнка, она больше всех о нём заботится; кроме того, родители любят своих детей, какими бы те ни были. В русской традиции пословицы подчёркивают важность уважения и почитания родителей (*сыновья – почитательность*).

3. В модели «ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ» лексические единицы, описывающие дальнее родство, чаще заменяются в живом русском языке на аналитические семантические образования, ср.: *деверь – брат мужа, шурин – брат жены, золовка – сестра мужа, свояченица – сестра жены* и др.

4. В русском языке в большом количестве представлены пословицы и поговорки, характеризующие отношения

«ТЁЩА – ЗЯТЬ», «СВЕКРОВЬ – НЕ-ВЕСТКА» (модель 4), ср.: *Жена с советом, тёща с приветом, а родимая матушка с лаской. Был у тёщи, да рад утёкиши. У тёщи зубы болят – зятю отдых сулят. Тёща в гости катит, зять из дома бежит. Свекровь злится, что невестка веселится. Тёща в дом, всё вверх дном. Нигде не удивляются, что зять с тёщей ругаются.* В русской лингвокультуре *тёща* и *зять* не дружны, *тёща* не принимает *зятя*, *зять* не любит *тёщу*, не считает её второй матерью, между ними чаще плохие отношения; отношения между *свекровью* и *невесткой* скорее плохие – невестка недостаточно хороша, неумела; *свекровь* её наставляет и поучает. Такая модель отношений достаточно стереотипна для русского менталитета и находит выражение в языке, в том числе в большом количестве анекдотов об отношениях *зятя* и *тёщи*, *свекрови* и *невестки*.

Концепт СЕМЬЯ опосредованно связан с понятиями ДОМ, ОЧАГ и ФАМИЛИЯ, РОД, ср.: ДОМ – 1. Жилое (или для учреждения) здание. *Каменный дом.* 2. Своё жилье, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство. *Дойти до дому.хлопотать по дому. У матери на руках весь дом.* 3. (мн. нет). Место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования. *Общеввропейский дом. Родина – наш общий дом.* 4. (чего или какой). Учреждение, заведение, обслуживающее общественные нужды. *Дом отдыха. Дом учёных.* 5. Династия, род.

Дом Романовых. Мой дом – моя крепость – посл. о надёжной неприкосновенности дома, семьи. *Дома и стены помогают* – посл. «дома, в семье человек чувствует себя увереннее и комфортнее» [6].

Таким образом, универсальное понятие СЕМЬЯ представляется довольно значимым для современного общества, а следовательно, находит отражение и непосредственно в языке, где обрастает новыми формами выражения и связями с другими концептами. Для анализа лингвокультурного смысла принимаются отдельные смыслообразующие начала универсального понятия СЕМЬЯ. Так, для любого человека, живущего на земле, *семья* (в значении «союз двух людей противоположного пола»), – это символ *любви, верности* и взаимного *уважения*, символ *продолжения рода* и жизни – фамилии. *Семья* – это великий *труд*, доставляющий *радость, счастье* и *удовлетворение*, символ *благополучной жизни* и *успеха*. Обращение к языковым универсалиям, концептам помогает расширить знания не только о языке, но и о русской культуре и менталитете русского народа. Таким образом, данная проблема затрагивает самые важные жизнеутверждающие вопросы нравственности и морали, в том числе социальные, педагогические, психологические, духовные, культурные и философские.

Статья поступила в редакцию 18.10.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурская Е.А. Фоносемантические оппозиции в творчестве поэтов Серебряного века (на материале поэтических текстов Игоря Северянина) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 18–26.

2. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Высшая школа, 1991. 544 с.
3. Колесникова С.М. Заметки по семантике и грамматике современного русского языка: Избранные труды. М.: ФЛИНТА, 2016. 318 с. [Электронный ресурс] // Директ Медиа : [сайт]. URL: https://www.directmedia.ru/book_482434_zametki_po_semantike_i_grammatike_sovremennogo_russkogo_yazyika/ (дата обращения: 15.09.2018).
4. Колесникова С.М. Концепт *семья*: лингвокультурологический аспект исследования и реализация в ФГОС // Формирование культурно-толерантной личности в поликультурном социуме: коллективная монография / отв. ред. И.Г. Рябова. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт, 2014. С. 52–70.
5. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: более 2 000 антонимических пар / под ред. Л.А. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. 384 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 633.
7. Семья [Электронный ресурс] // Академик:[сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F&from=xx&to=ru&did=&style=> (дата обращения: 15.09.2018).
8. Толковый словарь русского языка: в 4-х томах/ под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М.: Астрель, АСТ, 2000.

REFERENCES

1. Burskaya E.A. [Phono-semantic oppositions in the poetry of the Silver Age (basing on I. Severyanin's works)]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkayafilologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series Russian philology], 2016, no. 4, pp. 18–26.
2. Zhukov V.P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow, Vysshayashkola Publ., 1991. 544 p.
3. Kolesnikova S.M. [Notes on the semantics and grammar of the modern Russian language]. In: Direkt Media [Direct Media]. Available at: https://www.directmedia.ru/book_482434_zametki_po_semantike_i_grammatike_sovremennogo_russkogo_yazyika/ (accessed: 15.09.2018).
4. Kolesnikova S.M. [The concept of family: linguocultural aspect of research and implementation in the FSES]. In: Ryabova I.G., chief ed. Formirovanie kul'turno-tolerantnoi lichnosti v polikul'turnom sotsiume [The formation of cultural and tolerant personality in multicultural society]. Saransk, Mordovia State Pedagogical Institute Publ., 2014. pp. 52–70.
5. L'vov M.R. Slovar' antonimovrusskogoyazyka: bolee 2 000 antonimicheskikh par [Dictionary of antonyms of the Russian language: more than 2,000 antonymy pairs]. Moscow, Russkiiyazyk Publ., 1984. 384 p.
6. Ozhegov S.I. Slovar' russkogoyazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkiiyazyk Publ., 1984. pp. 633.
7. [Family]. In: Akademik [Academician]. Available at: <https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F&from=xx&to=ru&did=&style=> (accessed: 15.12.2018).
8. Ushakov D.N., ed. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4-kh tomakh. T. 3 [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 3]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2000

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесникова Светлана Михайловна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета;
e-mail: asya26@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana M. Kolesnikova – Doctor in Philological Sciences, Leading Researcher, professor at the Department of Russian Language at Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: asya26@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесникова С.М. Смыслообразующие начала понятия *СЕМЬЯ* в русской лингвокультуре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 53–59.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-53-59

FOR CITATION

Kolesnikova S.M. Meaning-forming sources of the *family* concept in the Russian linguoculture. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 53–59.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-53-59

УДК 81'42; 801.7

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-60-69

ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С СЕМАНТИКОЙ «ГОРОД» КАК ЭЛЕМЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПАТРИОТИЗМ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ XX–XXI ВЕКОВ)

Левина В.Н.¹, Ван Хуэй²

¹Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

²Даньчжоуский филиал Хайнаньского университета

571737, пров. Хайнань, г. Даньчжоу, пос. Баодаосиньцунь, Китайская народная республика

Аннотация. Целью статьи является анализ текстовых единиц с семантикой «город» как элемента текстового семантического поля «патриотизм». Авторами проанализирован корпус русских песенных текстов XX–XXI вв. Выявлены текстовые единицы с семантикой «город», которые в условиях контекста актуализируют патриотическую семантику. Проведённый анализ показал, что основную их часть составляют топонимические единицы. По итогам исследования авторами сделан вывод о том, что в песенном контексте данные текстовые единицы приобретают дополнительную приращенную патриотическую семантику. Предложены методы изучения лексического уровня песенного текста посредством построения текстового семантического поля. Статья адресована специалистам в области филологии и смежных сфер гуманитарного знания.

Ключевые слова: песенный текст, текстовые единицы с семантикой «город», семантическое поле «патриотизм».

TEXT UNITS WITH SEMANTICS “CITY” AS AN ELEMENT OF SEMANTIC FIELD “PATRIOTISM” (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN SONG TEXTS OF THE 19TH-20TH CENTURIES)

V. Levina, Wan Huey

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation

Hainan University Danzhou

Baodaoxincun village, Danzhou city, Hainan province, 571737, China

Abstract. The article shows an analysis of text's units with the semantics “city” as an element of textual semantic field “patriotism”. The authors analyzed the corpus of the Russian song texts of the 19th-20th centuries. The analysis revealed the textual units with semantics “city”, which actualize the patriotic semantic in the context. It also showed that the majority of units consist of toponyms. According to the results of the study, the authors concluded that these textual units acquire additional incremental patriotic semantics in the song context. The authors pro-

© CC BY Левина В.Н., Ван Хуэй, 2018.

posed methods for studying the lexical level of a song text by constructing a text semantic field. The article is addressed to specialists in the field of philology and related fields of humanitarian knowledge.

Key words: song text, textual units with semantic “city”, semantic field “patriotism”.

Песенный текст является сложным феноменом, который содержит в себе признаки национальной культуры, традиций, поэтому требует особого пристального внимания исследователей разных областей гуманитарного знания. Следует также отметить, что «песня всегда представляла собой определённую шкалу жизненных ценностей человека, поэтому она издавна использовалась в дидактике», а песенный материал занял определённое место в методике преподавания русского языка как родного, неродного и, конечно, как иностранного, которая в настоящее время активно развивается в условиях интернационализации образования [20, с. 173].

Целью настоящего исследования является функционально-семантический анализ текстовых единиц с семантикой «город» в русских песенных текстах XX–XXI вв. с использованием метода семантического поля.

Песня – это отражение эпохи, мировоззрения, часть массовой культуры, элемент языковой культуры, аккумулирующий морально-нравственные ценности поколений, иными словами, это «текст, созданный автором в некоторой культуре, воспроизводит речевые и эмотивные характеристики, типы поведения, восприятие жизни, характерные для носителей данной лингвокультурной общности, т. е. в нём проявляется координация систем текст – социум» [14, с. 13]. Для многих русских песенных текстов XX–XXI вв. актуальной является патриотическая

семантика, которая имеет различные средства выражения.

В задачи нашего исследования входит рассмотрение лексического уровня песенного текста как наиболее динамично развивающегося элемента языковой системы. Важность обращения к патриотической семантике носит, помимо научного и педагогического интереса, «общественно-социальный характер, который выражается в сохранении и передаче исторической памяти народа. В песенных текстах язык в доступной форме реализует одну из важнейших своих коммуникативных функций – аккумулятивную функцию» [18, с. 16].

Понятие «патриотизм» востребовано современной исследовательской практикой, так как «патриотизм – чувство древнее, выражающееся через любовь к Родине, к ближнему, своему месту рождения и жительства», которое сейчас в силу явлений глобализации подвергается трансформации [8; 21]. В широком понимании «патриотизм» – это «нравственный принцип – любовь человека к своей стране, что включает чувства, знания, ценностные ориентации, убеждения, коллективные установки и действия» [13, с. 143]. Эти факторы определяют актуальность проблематики настоящего исследования.

Тексты песен представляют собой коммуникативное пространство, которое формируется «благодаря внутритекстовым коммуникативным механизмам» и «межтекстовым взаи-

модействиям разного рода» [3, с. 3]. С одной стороны, поэтический текст, в частности песенный, отражает черты индивидуально-авторской картины мира, а с другой, – это «сложный феномен, совмещающий национальные и индивидуальные черты», основой которых является авторская система номинаций объектов, характерных ключевых лексем и их вариативные сочетания [16, с. 48]. Песенный текст, в иерархической типологии текстов, выступает как видовое понятие по отношению к поэтическому тексту. Но здесь, безусловно, нужно говорить об особом типе поэтического текста, который обращён в будущей степени к эмоциональной сфере человека в силу наличия невербального музыкального компонента. Поэтому песня может рассматриваться как креолизованный, или поликодовый, текст [2].

Все вышесказанное может служить подтверждением того факта, что «тексты музыкальных произведений являются продуктом, направленным на определённого реципиента, что, в свою очередь, обязывает его быть “на уровне”, то есть быть понимаемым своим потребителем, а вернее, определённым классом потребителей. Любой текст понимаем не только тогда, когда при его прочтении не возникает никаких вопросов по его содержанию, но и когда он вызывает у читающего определённые эмоции» [10, с. 108].

Урбанистическая тема на протяжении долгого времени является актуальной для филологических исследований. Так, например, в последние десятилетия изучается языковое пространство города с позиций когнитивной лингвистики на различном языковом материале [1; 9], описываются

современные топонимические явления в ономастике городской среды [22]. Рассмотрению же тематической группы лексики «город» в русских песенных текстах XX–XXI вв. уделено, на наш взгляд, недостаточно внимания лингвистов.

На наш взгляд, одним из продуктивных методов исследования лексического уровня песенного текста видится метод семантического поля. Причём в данном случае речь идёт о текстовом семантическом поле, которое позволяет рассмотреть песенный текст в функционально-семантическом аспекте и дать комплексное описание такого сложного языкового, социо-культурного феномена. Такой текст отличается употреблением лексических единиц в эстетико-художественной функции, поэтому текстовое семантическое поле будут образовывать текстовые единицы с различным типом семантики (исходной, приращённой, ассоциативной). Это связано, в первую очередь, с тем, что «структура лексического значения образуется, прежде всего, предметно-логическими связями, исходящими от его интенционального ядра и захватывающими в периферию его содержания импликационные признаки» [7, с. 129].

Тематическая группа лексики «город» была выявлена в ходе анализа текстового пространства русских песенных текстов XX–XXI вв. Методом сплошной выборки были определены текстовые единицы, которые в условиях контекста имеют патриотическую семантику и являются доминантными в организации текстового семантического поля «патриотизм». Наряду с тематической группой лексики «город» были также определены «родина», «дом», «любовь»,

«война», которые входят в текстовое семантическое поле «патриотизм» русских песенных текстов.

Как показало исследование, тематическая группа лексики «город» занимает одну из ключевых позиций в семантическом поле «патриотизм» в русских песенных текстах XX–XXI вв. В лексикографических источниках значение слова *город* определяется в трёх аспектах: 1) «крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр»; 2) «центральная главная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригородов»; 3) «городская местность в отличие от сельской, деревенской» [15, с. 140; 4]. В толковании понятия «патриотизм» присутствует значение «любовь к месту, где человек родился, живёт в настоящее время или жил раньше». Поэтому в данном случае исходное значение локальности лексемы *город* расширяется в контексте песни и текстовая единица с семантикой «город» приобретает значение «особое место, важное дорогое место», т. е. патриотическую семантику.

Лексические единицы этой группы могут быть рассмотрены как единицы с пейзажной семантикой, так как согласно классификации, предложенной В.Н. Левиной, в число пейзажных единиц входят единицы с социальной семантикой – так называемый городской пейзаж [11, с. 14]. Однако «изображение природного или городского пространства, так или иначе, ставит вопрос об отношениях человека с миром в целом» [12], поэтому в художественных произведениях «природа отличается своей полифункциональностью»

[19, с. 139], а пейзажные описания «обеспечивают целостное восприятие художественной действительности и участвуют в организации композиции произведения, выражает авторскую оценочность или модальность» [5]. Это суждение подтверждает тот факт, что во многих проанализированных песенных текстах всё-таки актуализированной оказалась патриотическая семантика, а пейзажное значение текстовой единицы является вторичным, фоновым, дополнительным.

Всего было выявлено и проанализировано более 100 русских песен о городе. К их числу относятся: песни о Москве (71), Санкт-Петербурге (19), Сталинграде (3), Вологде (1), Самаре (1), Ростове-на-Дону (1), Екатеринбурге (1), Севастополе (2), Кавказе (1), Урале (1), Тамбове (1) и др. Статистика показывает, что наибольшее количество песен написано о городах Москва и Ленинград (ныне Санкт-Петербург), например: «Москва майская», «Песня о Москве», «Москва – великий город», «За Ленинград», «Бессмертный Ленинград», «Песня о Ленинграде» и др., что вполне объяснимо: Москва и Ленинград – это главные города-символы России. Поэтому внутри тематической группы текстовых единиц с семантикой «город» отдельно рассмотрены такие группы текстовых единиц как «Москва» и «Ленинград (Санкт-Петербург)».

Группа текстовых единиц с патриотической семантикой «Москва» включает такие, которые можно объединить по следующему общему значению: «характеристика города», «номинация человека», «ономастические

единицы», «атрибутика города». Так, в проанализированных песенных текстах группа «характеристика города» репрезентируется следующими текстовыми единицами, содержащими и экспрессивно-оценочное значение: 1) *молодеть, цвести, светить*; 2) *родной, милый, любимый, родимый, дорогой, замечательный, красивый, праздничный, лучший, великий, прекрасный, могучий, гордый, яркий, молодой, нарядный, золотой, богатый, удивительный, сильный, хороший, величавый, прославленный*; *мать, столица, сердце, город-герой, слава, счастье*; группа «номинации человека» является малочисленной и представлена такими лексемами, как *москвич, комсомолцы*. Частотным является использование в текстах песен лексем с общим значением «ономастические единицы»: *Ленин; площадь Свердлова, часы кремлевские, Кремль, Мавзолей, Красная площадь, Останкинская вышка, Арбат, Москва-река, Ленинские горы, Пресня и др.*, с помощью которых автор обращается к фоновым знаниям адресанта песенного текста. Рассмотренные текстовые единицы с семантикой «город» в тексте наряду с пейзажной семантикой (так как это ключевые слова урбанистического пейзажа) приобретают ещё и патриотическую семантику, став символами определённой эпохи.

Лексема *Москва* приобретает патриотическую семантику в контексте синонимических рядов: 1) *родной, милый, любимый, родимый, дорогой*; 2) *замечательный, лучший, прекрасный, хороший*; 3) *могучий, сильный*; 4) *прославленный, славный, величавый*. Частотным является употребление текстовой единицы *Москва – сердце* в различных

грамматических вариантах, в которой актуализируется метафорическое значение «сердце страны, историко-культурный и общественный центр», что свидетельствует о наличии патриотической семантики [4].

Интересной, с точки зрения репрезентации патриотической семантики, является современная песня «Москва – звонят колокола» О. Газманова, в которой лексема *Москва* повторяется 17 раз. Примечателен своей метафоричностью припев этой песни: *Москва – звонят колокола. // Москва – златые купола. // Москва – по золоту веков // Проходит летопись времён* [6]. В нём индивидуально-авторскими единицами, которые в условиях контекста обладают патриотической семантикой, представлена богатая история *Москвы*, её величественность, гордость за неё (*по золоту веков, летопись времён*), *Москва* позиционируется как центр духовной культуры (*звонят колокола, златые купола*).

В другой песне известного творческого тандема А.Н. Пахмутовой и А. Добронравова «Город нашей славы» *Москва* предстаёт одушевлённым существом, предметом гордости, прославления: *Ты эти крылья мне дала // И молодость дала мне, и силы. // Как я люблю тебя, Москва! // Ты от моей любви ещё красивей* [17]. Интересен также и припев: *Город самый главный, // Самый дорогой, // Город нашей славы, // Вечно молодой, // Город нашей славы, // Город волшебства, // Город златоглавый — // Гордая Москва!* [17]. Данная текстовая единица в условиях контекста также приобретает патриотическую семантику.

Обращает на себя внимание также наличие устойчивой текстовой единицы

с патриотической семантикой *Москва златоглавая*, которая уже давно вышла за рамки контекста песенного текста.

В текстах песен о Ленинграде (в песнях частотно название «Ленинград») образ города имеет иное языковое выражение. Больше внимания обращается на его архитектурный облик, историческое прошлое, связанное с событиями Великой Отечественной войны. Так, например, лексико-семантическая группа «характеристика города» представлена следующими текстовыми единицами: *белые (ночи); родимый, дорогой, чёрные, дымные, прощальная, прекрасный, светлый, любимый, бессмертный, священный, великий, красивейший, печальный, величавый, седой, боевой; голод, холод, жажда, боль, жара, пурга, дым, тишина*. В песнях о Ленинграде отражён образ русского человека, черты его характера: мужество, твёрдость, героизм, бессмертие, любовь к городу, народу и ненависть к врагу, оптимизм, гордость за г. Ленинград, в котором есть такие особенные места, как Нарвские ворота, Литейный мост, Летний сад, Кировский завод, застава Нарвская, особенное природное явление – белые ночи. Любовь к городу выражена посредством синонимического ряда текстовых единиц: *родимый, дорогой,*

любимый, которые в данном контексте приобретают патриотическую семантику. Данные текстовые единицы встречаются и в песнях о Москве, что свидетельствует о важности этих двух городов для России.

Текстовые единицы с семантикой «город» образуют микрополе с ядерным словом «город» как элементом текстового семантического поля «патриотизм» в русских песенных текстах XX–XXI веков. В центре микрополя находятся, прежде всего, топонимические конструкции и экспрессивно-оценочные слова (*Москва златоглавая, Москва – сердце, город*), а на периферии поля находятся словосочетания со значением «атрибутика города» (*улицы, проспекты* и др.).

Песни – средство сохранения исторической памяти, а также средство коммуникации с последующими поколениями и аккумуляции определённых знаний и ценностных ориентиров, один из способов формирования патриотического отношения к Родине, к её героическому прошлому, что определяет дальнейшие исследования этого культурного феномена в междисциплинарном русле.

Статья поступила в редакцию 15.10.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдонина Л.Н. Великий Петр и его город в «Петербургской поэме» А. Блока: лексико-стилистический аспект // Русская словесность. 2008. № 5. С. 73–77.
2. Анисимова Е.Е. Креолизованные тексты – тексты XXI века? Взаимодействие вербального и паралингвистического в тексте: учеб. пособие. Воронеж: Центрально-чернозёмное книжное издательство, 1999. 148 с.
3. Бабенко Л.Г. Коммуникативное пространство художественного текста в свете теории речевых жанров // Новые подходы к изучению семантики: материалы межвузовской научной конференции / сост. Т.М. Воронина, А.М. Плотникова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. С. 3–18.

4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.10.2018).
5. Витрук О.А. Пейзаж как текстовое явление: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 24 с.
6. Газманов О. Москва – звонят колокола [Электронный ресурс] // Коллекция текстов песен LYRICSHARE : [сайт]. URL: <http://lyricshare.net/ru/oleg-gazmanov/moskva-zvonyat-kolokola.html> (дата обращения: 23.09.2018).
7. Гетманцев С.М., Каширский С.Н. Семасиология о значении слова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2. С. 129–133.
8. Журавлёв А.Л., Юревич А.В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88–98.
9. Кириченко О.К. Концепт «Петербург» в речевом обиходе города: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. 23 с.
10. Конюхов Е.А. Языковые средства выражения эмоций в современном русском и немецком песенных дискурсах (на материале песен групп DDT и RAMMSTEIN) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32). Ч. II. С. 107–110.
11. Левина В.Н. Пейзажная картина мира в системе русской языковой культуры: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2013. 45 с.
12. Лобанова Г.А. Пейзаж // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. Москва: Издательство Кулагиной, 2008. С. 160.
13. Магарил С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142–151.
14. Муратова Е.Ю. Дискурсивная составляющая поэтического текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 4. С. 11–14.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. 944 с.
16. Панишева М.В. Поэтическая картина мира в отражении лексической статистики // Новые подходы к изучению семантики: материалы межвузовской научной конференции / сост. Т.М. Воронина, А.М. Плотнокова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. С. 48–56.
17. Пахмутова А.Н., Добронравов Н.Н. Город нашей славы [Электронный ресурс] // А.Н. ПАХМУТОВА В ИНТЕРНЕТЕ : [сайт]. URL: <http://pakhmutova.ru/songs/moscow.shtml> (дата обращения: 15.09.2018).
18. Пискунова С.В., Левина В.Н., Ван Х. Текстовые единицы с патриотической семантикой в русских песнях XX–XXI вв.: функционально-семантический аспект // Неофилология. 2017. Т. 3. Вып. 2 (10). С. 14–18.
19. Садулаева М.Х. Человек и природа в чеченской прозе (по произведениям С. Бадиева) // Вестник Чеченского государственного университета. 2014. № 2. С. 139–141.
20. Стрельчук Е.Н. Песня как одно из средств развития русской речевой культуры иностранных студентов // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Т. II (Психолого-педагогические науки). С. 173–175.
21. Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 67–74.
22. Щербак А.С. Концептуальное мировосприятие топонимического пространства Тамбовского края // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 9 (125). С. 243–248.

REFERENCES

1. Avdonina L.N. [Peter the Great and his city in "the Petersburg poem" by A. Blok: a lexicostylistic aspect]. In: *Russkaya slovesnost'* [Russian literature], 2008, no. 5, pp. 73–77.
2. Anisimova E.E. *Kreolizovannyye teksty – teksty XXI veka? Vzaimodeistvie verbal'nogo i paralingvisticheskogo v tekste* [Are Creolized texts the texts of the 21st century? The interaction of the verbal and the paralinguistic in the text]. Voronezh, Tsentral'no-chernozernoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. Publ., 1999. 148 p.
3. Babenko L.G. [Communicative space of the literary text in the light of the theory of speech genres]. In: Voronina T.M., Plotnikova A.M., comp. *Novye podkhody k izucheniyu semantiki: materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii* [New approaches to the study of semantics: proceedings of the interuniversity scientific conference]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2012. pp. 3–18.
4. Kuznetsov S.A., chief ed. [Big explanatory dictionary of the Russian language]. In: *Spravochno-informatsionnyi portal GRAMOTA.RU* [Reference and information portal GRAMOTA.RU]. Available at: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed: 01.10.2018).
5. Vitruk O.A. *Peizazh kak tekstovoe yavlenie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The landscape as a textual phenomenon: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Rostov-on-don, 2011. 24 p.
6. Gazmanov O. [Moscow – the bells are ringing]. In: *Kollektsiya tekstov pesen LYRICSHARE* [A collection of lyrics LYRICSHARE]. Available at: <http://lyricshare.net/ru/oleg-gazmanov/moskva-zvonyat-kolokola.html> (accessed: 23.09.2018).
7. Getmantsev S.M., Kashirskii S.N. [The semasiology about the meaning of the word]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2016, no. 2, pp. 129–133.
8. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. [Patriotism as an object of psychological research]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2016, vol. 37, no. 3, pp. 88–98.
9. Kirichenko O.K. *Kontsept "Peterburg" v rechevom obikhode goroda: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The concept "Petersburg" in the everyday speech of the city: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2005. 23 p.
10. Konyukhov E.A. [Language means of expression of emotions in modern German and Russian song discourse (based on the songs of other bands DDT and RAMMSTEIN)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 2 (32), Part II, pp. 107–110.
11. Levina V.N. *Peizazhnaya kartina mira v sisteme russkoi yazykovoi kul'tury: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Landscape picture of the world in the system of the Russian language culture: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Tambov, 2013. 45 p.
12. Lobanova G.A. [Landscape]. In: *Poetika: Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [Poetics: a Dictionary of relevant terms and concepts]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi Publ., 2008. pp. 160.
13. Magaril S.A. [Meanings of patriotism – historical transformations]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2016, no. 1, pp. 142–151.
14. Muratova E.Yu. [The discursive component of the poetic text]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2012, no. 4, pp. 11–14.
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.
16. Panisheva M.V. [The poetic world picture in the reflection of the lexical statistics]. In: Voronina T.M., Plotnikova A.M., comp. *Novye podkhody k izucheniyu semantiki: materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii* [New approaches to the study of semantics:

- proceedings of the interuniversity scientific conference]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2012. pp. 48–56.
17. Pakhmutova A.N., Dobronravov N.N. [The city of our glory]. In: A.N. PAKHMUTOVA V INTERNETE [A. Pakhmutova in the internet]. Available at: <http://pakhmutova.ru/songs/moscow.shtml> (accessed: 15.09.2018).
18. Piskunova S.V., Levina V.N., Van Kh. [Text units with a patriotic semantics in the Russian songs of the 20–21st centuries: functional-semantic aspect]. In: Neofilologiya [Neophilology], 2017, vol. 3, no. 2 (10), pp. 14–18.
19. 9. Sadulaeva M.Kh. [Human and Nature in the Chechen prose (on the works of S. Baduev)]. In: Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chechen State University], 2014, no. 2, pp. 139–141.
20. Strel'chuk E.N. [A Song as One of Means of Development of Foreign Students' Russian Speech Culture]. In: Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2011, no. 1, vol. II (Psychological and pedagogical sciences), pp. 173–175.
21. Khalii I.A. [Patriotism in Russia: experience of classification]. In: Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies], 2017, no. 2, pp. 67–74.
22. Shcherbak A.S. [The conceptual worldview of toponymic space of the Tambov region]. In: Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki" [Tambov University Review. Series Humanities], 2013, no. 9 (125), pp. 243–248.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левина Вера Николаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка № 1 Российского университета дружбы народов;
e-mail: levina_vn@mail.ru

Ван Хуэй – преподаватель русского языка Даньчжоуского филиала Хайнаньского университета;
e-mail: vkhuey@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vera N. Levina – Doctor in Philological Sciences, associate professor at the Department of Russian Language No. 1, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);
e-mail: levina_vn@mail.ru

Khuey Van – Teacher of Russian Language; Hainan University Danzhou;
e-mail: vkhuey@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Левина В.Н., Ван Хуэй. Текстовые единицы с семантикой «город» как элемент семантического поля «патриотизм» (на материале русских песенных текстов XX–XXI вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 60–69.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-60-69

FOR CITATION

Levina V.N., Van Khuey. Text units with semantics “city” as an element of semantic field “patriotism” (based on the materials of the the Russian song texts of the 19th–20th centuries). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 60–69.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-60-69

УДК 80; 81-13; 81'42; 82:1; 821

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-70-80

О ПРИНЦИПАХ МОДЕЛИРОВАНИЯ СВЕРХТЕКСТА

Лошаков А.Г.

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
филиал в г. Северодвинск
164500, ул. Капитана Воронина, д. 6, г. Северодвинск, Архангельская область,
Российская Федерация*

Аннотация. Моделирование сверхтекста должно проходить в координатах, заданных такими инстанциями, как внетекстовая структура, ценностная позиция субъекта творческой деятельности, его смысловая установка. Данные инстанции определяют содержание следующих принципов моделирования сверхтекста: принцип смысловой координации между сверхтекстовой реальностью и внетекстовой реальностью, которые образуют органическое единство; принцип диалогического взаимодействия между внетекстовой структурой и коллективным творческим сознанием; принцип непрерывности текстопорождающего процесса; принципы архитектоники и трансгрессии. Сверхтекст представляет собой не только целостное, но и системное образование, порождающее структуру, тем самым определяется значимость для теории сверхтекста принципа системности. Содержание данных принципов раскрывается на примере северного, ломоносовского и пушкинского сверхтекстов.

Ключевые слова: сверхтекст, принципы сверхтекста, внетекстовая структура, концептосфера, системность, трансгрессия, архитектоника сверхтекста.

PRINCIPLES OF SUPERTEXT MODELING

A. Loshakov

*Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk branch
6 Voronina st., Severodvinsk, 164500, Russian Federation*

Abstract. Supertext modeling should take place in the coordinates specified by the following factors: non-textual structure, value position of the subject of the creative action and his semantic setting. Such factors determine certain principles of supertext modeling: the principle of conceptual co-ordination between supertext and non-text reality, which form the intrinsic unity; the principle of the dialogue-type interaction between non-textual structure and collective creative conscious; the principle of the continuity of text generating process; principles of architectonics and transgression. The supertext is not only holistic but also a systematic phenomenon, which generates structure; by that, the importance of consistency principle is emphasized. The content of the above principles is demonstrated with the help of several supertexts: Northern Russian Literature, Lomonosov and Pushkin supertexts.

Key words: supertext, supertext principles, non-textual structure, conceptosphere, consistency, transgression, cortex architectonics.

© СС ВУ Лошаков А.Г., 2018.

Для теории сверттекста, шире – макротекстовеждения, вопросы о понятийной сущности сверттекста, содержании принципов организации его внешней и внутренней структур, его значимости для национального менталитета и находящегося с ним в отношениях генетико-исторической взаимообусловленности социокультурного пространства, продолжают сохранять свою актуальность. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные публикации последнего десятилетия, посвящённые разным типам сверттекстов – локальным, именным, журнальным и др. [см, например: 6; 8; 10; 14; 15; 16; 21]. Ввиду многоаспектности изучаемого явления, уточняются известные положения о сущностных свойствах сверттекста, описанные в уже ставших классическими трудах В.Н. Топорова [19]; Н.А. Купиной и Г.И. Битенской [7], Н.Е. Меднис [11] и др., и, как следствие, корректируются предложенные ими его определения.

В нашем понимании сверттекст представляет собой общность (парадигму) текстов, в которой посредством тех или иных культурно-языковых кодов и сообразных им стилистических стратегий конструируется модель мира отмеченной целостностью внетекстовой структуры (денотата-концепта), которая априори обладает смыслом и в силу этого субъектностью и интенциональностью – способностью коммуницировать и аффицировать, детерминированной включением в её бытие субъектов текстовой деятельности.

Как явствует из определения, важнейшим принципом моделирования сверттекста является принцип смысловой координации между сверттекстовой реальностью и стоящей за нею

внетекстовой структурой – целостного фрагмента мира, преисполненного смыслом и ценностями. Иначе говоря, признания того, что реальность сверттекстовая и реальность внеположная ей представляют собой *органическое* единство, между ними существуют генетические, исторически сложившиеся концептуально-языковые связи и отношения, в силу чего обе они характеризуются неповторимым своеобразием. По словам Э.Г. Аветяна, «субъективное вырастает из объективного и направляется им ... Текст генерирован сущностью, а сущность реализована в тексте» [1, с. 3, 11]. Важно подчеркнуть, что роль внетекстовой структуры, прецедентного мифологизированного локуса, как фактора порождения локального сверттекста (Петербургского текста) была раскрыта Топоровым [19, с. 3]. Признак общей внетекстовой ориентации разрозненных текстов как доминантный указывается в определении сверттекста, предложенном Н.Е. Меднис [11, с. 9], которое наиболее часто цитируется в филологических и культурологических исследованиях.

Обозначенной соотнесённостью, в частности, объясняется известный изоморфизм тематических, модально-оценочных, мотивно-образных, хронотопических словесных рядов, сюжетных схем, функционирующих в текстах, которые, несмотря на их принадлежность разным авторам, эпохам, литературным направлениям, оказываются втянутыми в пространство сверттекста. Поэтому закономерно, что ведущим средством межтекстовой связи на уровне сверттекста исследователи называют повтор [3, с. 65].

Внетекстовая структура – это не только пространство живой реальности, носящей черты индивидуальности (субъект возможностей), но и субъект воздействия на творческое, культуросозидающее сознание, инициатор текстопорождения, в русле которого в конкретных текстах реализуются её формообразовательные силы (образный, мифогенный и эмоциональный потенциал), получают избирательную словесную репрезентацию (символизацию) её ценностно-смысловые контексты, те или иные её локусы (зрительные, слуховые, осязательные и др.). Как и в языке, в свертхтексте нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент (текст, субтекст, словесный ряд, сюжетное звено) проявляет себя как часть целого, вариант актуализируемого инварианта. Оба они: и свертхтекст и внетекстовая структура, порождающая его, ведущая с ним и его реципиентом опосредованный диалог, – обладают единой органической концептосферой, между частями которой происходит постоянный обмен смысловой энергией. «Обращённость к слушателю всегда предполагала одновременную обращённость к трансцендентному источнику речи – Богу. Память и воображение – неотъемлемые свойства концепта, направленного на понимание здесь и сейчас, с одной стороны, а с другой – он есть синтез трёх способностей души и как акт памяти ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее» [12, с. 30]. Так, единство духовной тональности словесно-образного строя, скажем, Северного текста русской литературы обязано своей внеположной смыслопорождающей инстанции – Русскому

Северу (топосной структуре), поэтому этот свертхтекст должно мыслить как символическое выражение ценностной сущности Русского Севера, его «внутренней формы» (В. Гумбольдт), как логосную форму его бытия [14].

Такое понимание смысловой координации двух реальностей соответствует особенностям органического, контекстуального мышления, для которого первичны взаимоотношения между целым и частью, оплодотворённой целым. «Границы различных объектов вторичны, ... свойства частей – не внутренне присущие им свойства: они могут быть поняты только в контексте более крупного целого» [2, с. 184]. Об этом же в своё время писал В. Гумбольдт, характеризуя внутреннее свойства языка как такового, истоки его изобразительности и экспрессивности: «Язык при этом не просто переносит какую-то неопределённую массу материальных элементов из природы в нашу душу; он несёт в себе ещё и то, что предстаёт нам во всей совокупности бытия как форма. ... язык приближает его [человека] к пониманию запечатлённой в природе всеобщей формы, в которой тоже ведь можно видеть развёртывание – пускай непостижимое – духовных сил» [5, с. 81]. В нашем же случае речь идёт о том, что определённая, существующая в своих границах, целостная внетекстовая структура, особый многогранный мир, преломляясь в тело свертхтекста, наделяет его индивидуальными особенностями (языковыми, поэтическими, аксиологическими). Так, например, украинский вариант гоголевского текста, описанный в диссертационном исследовании М.А. Кушнерёвой, произрастает из «образа-мифологемы

Н. Гоголя», обладающего признаками семантического пространства, в котором аккумулированы устойчивые смыслы, культурные ассоциации и прецедентные феномены, что обуславливает его открытость для творческой деятельности, рефлексии всё новых и новых авторов [8, с. 6].

Таким образом, внетекстовая структура, стоящая за сверхтекстом, хотя и главная, но не единственная координата, требующая учёта при моделировании сверхтекста, описании устройства его внутреннего пространства, которое, говоря словами Топорова, ««сильнее» любого внешнего пространства» [20, с. 284]. В числе других принципов следует назвать принцип диалогических отношений между внетекстовой структурой и коллективным творческим сознанием; принцип непрерывной кумуляции текстов в пространстве сверхтекста.

Множественное «я» коллективного субъекта, которое ведёт диалог с внетекстовой структурой и претворяет её содержание в сверхтекст, – это вторая инстанция, ответственная за его идентификационные свойства и его «внутреннюю жизнь». Взаимодействуя с внетекстовой структурой, постигая и отображая особенности её бытия в парадигме текстов, проявляя при этом эстетическое начало и логосные потенции, коллективное сознание («призма субъективности») конституирует третью инстанцию – модально-ценностную пресуппозицию коллективного субъекта текстовой деятельности, из которой исходит антитетичная в своей сущности «максимальная смысловая установка» (В.Н. Топоров) сверхтекста. В силу действия этого нормативно-регулятивного установления происходит

направленный отбор определённых стилистических стратегий, смысловых оппозиций и контрверзов, выдвижение в качестве приоритетных тех или иных ценностно-смысловых контекстов и соподчинение всех этих элементов основной целевой установке. Как справедливо подчёркивает Л.М. Гаврилина, развивая мысль М.М. Бахтина о сущности архитектоники, в сверхтексте «взаимодействие двух противоположных и противостоящих друг другу начал является не условно-случайным, а сущностно обусловленным» и, следовательно, обеспечивающим его целостность [4, с. 108].

Принцип архитектоники, экстраполированный на концепцию сверхтекста, отражает «борьбу, противостояние двух начал: силы и тяжести, несущих и несомых частей сооружения, которое выглядит надёжным, жизнеспособным, психологически устойчивым и эстетически привлекательным. Когда мы говорим об архитектонике локального сверхтекста, мы имеем в виду именно такое устойчивое, неслучайное, «воззрительно необходимое» расположение и связь конкретных частей и элементов целого» [4, с. 108]. Так, сверхсмысловые установки ломоносовского и пушкинского текстов, мотивированные высоким аксиологическим статусом соответствующих им персонических внетекстовых структур – жизнью и творчеством Ломоносова и Пушкина, реализуются посредством контрадикторных стилистических стратегий – сакрализации и профанации. И если стратегии сакрального диапазона (мифологизация, канонизация, «эталонизация» и др.) служат цели утверждения и продвижения во времени и пространстве об-

разов этих прецедентных личностей, воплотивших в себе свойства национального идеала (гениальность, образцовая оригинальность таланта, дар прозрения, патриотизм, народность, духовность, чувство ответственности за национальное достоинство народа, равновеликость миру, мужественность, честность, свободолюбие, великодушные и др.), то, напротив, стратегии профанирующего и пуристического регистров выражают стремление авторов очистить эти образы от мифических, идеализирующих смысловых наслоений (десакрализация, демифологизация), от литературных и идеологических штампов и стереотипов (деканонизация). Крайним проявлением последней тенденции является снижение, обытовление и опошление того и другого образа – невольная или намеренная демонстрация оскорбительного, а то и кощунственного (с позиции традиционализма) отношения к ним и памяти о них. В связи со сказанным отметим, что, например, пародийный субтекст ломоносовского текста, представленный, в частности, произведениями А. Сумарокова, И. Баркова, М. Хераскова, ориентирован не только на «текст творчества» Ломоносова, но и на его «текст жизни». Так, в сумароковской пародии «Дифирамб» обнаруживаются оскорбительные намёки на пристрастие Ломоносова к Бахусу: «Крепчайших вин горю в жару, / Во исступлении пылаю: / В лучах мой ум блистает солнца, / Усугубляя силу их» [17, с. 97]. Несмотря на то что этот субтекст прочно привязан к контексту литературной борьбы середины XVIII в., тем не менее он сохраняет свою актуальность и на синхроническом уровне существования сверхтекста, выполняя

в нём роль содержательно-ценностного фона, мотивирующего основания при осмыслении, например, тех эпизодов романа М.К. Попова «Свиток», в которых изображаются непростые отношения Ломоносова с Тредиаковским и Сумароковым: «Ах, плутни! Ах, каналы! Уж не сами ли Васька с Алексашкой, применившись к Шумахеру, предложили сей коварный план? С них станется, особливо с Васьки – не зря же в отрочестве с иезуитами обретался. Никак не может смириться, что не он первый...» [13, с. 295].

Сверхтекст представляет собой как целостное, так и системное, самоорганизующееся, т. е. порождающее структуру (формальную организацию) образование. По словам Аветяна, «корень единства и принцип единообразного моделирования – в характере порождающей субстанции. ... Основной генерирующий принцип – первозданная духовность, внедряющая себя в естественный материал» [1, с. 167]. Так, системность ломоносовского текста есть следствие непрерывной вербализации духовной сущности феномена Ломоносова, осуществляемой в литературно-художественной (и не только) деятельности русских поэтов и писателей. Ценность структуры сверхтекста в первую очередь заключается в том, что элементы каждого её уровня, по отдельности и в купе, являются реализаторами смысла, следовательно, структурные страты надо мыслить в качестве факторов, обеспечивающих устойчивость сверхтекстовой системы, её сохранность и модально-смысловое единство. Смысловая значимость каждой единицы сверхтекста должна определяться, выводиться из

целого, в горизонте «целевого» смысла сверхтекста.

Стратификация структуры того же Ломоносовского текста может производиться с учётом разных критериев, но главным условием тем не менее остаётся признание того, что «структурная организованность – эмпирическая реальность системы» [1, с. 165], а выделяемые в многослойной материи сверхтекста уровни – это факторы, обеспечивающие его структуре устойчивость, а самому сверхтексту целостность и сохранность, модально-смысловое единство. Многоуровневый характер системы сверхтекста обеспечивает переход от непрерывного к прерывному [ср. 9, с. 324]. Основными уровнями данного сверхтекста, на наш взгляд, являются следующие: *денотативный* (текст жизни и текст творчества Ломоносова как внетекстовая структура), *прототекстовый* (мифогенные документальные, автобиографические и биографические тексты), *субтекстовый* (жанровые, «направленческие», авторские и др. парадигмы текстов). Также следует говорить о мифической и мифопоэтической составляющих (константах) данного сверхтекста. Каждый из уровней находится в непосредственной соотнесённости с концептосферой сверхтекста, обладает своей прагматикой, семантикой, синтактикой, парадигматикой и, следовательно, может выступать относительно самостоятельным предметом исследования. Объективированные в сверхтексте смыслы-ценности служат системной основой для развития и функционирования национального персонического концепта «Ломоносов», для обособления и профилирования его художественного аспекта.

Ещё один принцип организации сверхтекста – принцип трансгрессии, объясняющий когнитивно-рецептивные особенности его идентификации и осмысления, возникающие на линии «сверхтекст – текст» метатекстовые взаимоотношения. Смысловая трансгрессия проявляется в ситуации, когда при восприятии того или иного «возможного мира» авторского текста в нём с разной степенью отчётливости начинает проступать многогранная духовно-эстетическая реальность сверхтекста (его образ). Как результат – текст оказывается втянутым в орбиту сверхтекста, насквозь пронизанным его смысловыми излучениями, прошитым его ключевыми образами, мотивами, сюжетами, коннотациями, что создаёт эффект смысловой глубины текста. И, разумеется, только исследователь может, что называется продвигаясь по проступающим в тексте дискретным метонимическим знакам целого, реконструировать сверхтекст, воссоздать его структуру, выявить его связи и отношения с данным текстом (субтекстом), изучить его генетический экспрессивно-смысловой потенциал (субстрат). Об этом свойстве писал Топоров, когда характеризовал сильное энергетическое поле Петербургского текста. Сверхтекст, по его мысли, втягивает в себя «множественно-различное», индивидуально-вариантное, оценочное и преобразует всё это в плоть и дух единого текста [19, с. 9].

Таким образом, под смысловой трансгрессией понимается актуальная направленность автономного текста к преодолению границ собственной целостности, их расширению за счёт других текстов и утверждению себя в

качестве компонента новой целостности – это с одной стороны, а с другой – способность сверхтекста преодолевать границы автономных текстов, утверждать их субтекстовый статус в рамках своей целостности. Трансгрессия как принцип организации единого смыслового пространства сверхтекста (единой континуальной художественной картины мира) проявляет себя в *направленной* ассоциативно-смысловой актуализации определённого ряда текстов, в экспликации их парадигмальных связей и отношений, благодаря ей интенсифицируются процессы интеграции, транспонирования смыслов, метатропеизации, смыслового сгущения слова и т. д. Трансгрессивными по своей сути являются такие выделенные Топоровым категориальные признаки сверхтекста, как кросс-жанровость, кросс-темпоральность, кросс-персональность [19, с. 26, 27, 85]. При этом подчеркнём: вызываемая трансгрессией дисперсия смысла вовсе не лишает конкретный текст смысловой целостности (как считает, например, Н.Д. Артамонова [18]), она определяет новый уровень (сверхтекстовый) и новый контекст для его осмысления (обусловленный кореференцией к единому денотату-концепту интегрируемых в сверхтекст текстов, их актуализированными транстекстуальными связями).

В именных, локальных, событийных сверхтекстах дискретный способ представления цельности внетекстовой структуры осуществляется посредством словесных рядов, включающих прецедентные для того или иного локуса, события или персоны имена, «памятные места», ситуации, а также соответствующие коннотативные

элементы (маркеры сверхтекста), например, ими могут быть единицы диалектной речи, того или иного идиостилия, номинации пространственно-ландшафтных объектов, ключевые слова, образы, мотивы, сюжеты. Чем больше плотность сверхтекстовых маркёров-коннотаторов в тексте, чем весомее их позиция, тем сильнее, интенсивнее происходит в нём эффект трансгрессии, обуславливающий интеграцию текста в пространство сверхтекста и, следовательно, порождение смыслов. Исходя из сказанного, сверхтекст может быть определён как такая текстовая формация, в рамках которой в ряду самостоятельных текстов, соотносящихся с единым концептом-денотатом (внетекстовой структурой), интенциональным образом осуществляется семантическая трансгрессия, которая приводит к устранению их внешних границ, актуализации словесно-образного инварианта, созданию единого кросс-жанрового, кросс-темпорального, кросс-персонального художественного (семиоэстетического) пространства.

Итак, изучение разных типов сверхтекста, разработка адекватных методик его анализа с учётом его конститутивных свойств и многоаспектного содержания сможет приблизить нас к «созданию обобщающих исследований, формирующих полное и адекватное представление о разнообразии и богатстве русской картины мира, отображённой в художественном творчестве» [16, с. 132]. Поскольку в текстовой деятельности внетекстовая структура имеет свойство быть постоянно «разворачиваемой» и интерпретируемой, являть себя в новых и новых смысловых ипостасях, постоль-

ку теория сверхтекста должна базироваться на принципе множественности моделей, постулирующем возможность построения не одной, а нескольких моделей изучаемого объекта на основе разного набора его исходных признаков. Это позволит получить наиболее полное и непротиворечивое представление о сущности данного сверхсемантического феномена. Анализ как сверхтекста, так и любого его субтекста должен проходить в координатах, заданных как внетекстовой структурой, так и таким инстанциями, как «Я» субъекта текстовой деятельности;

антитетичная сверхсмысловая установка, а также с опорой на принципы системности; смысловой координации внетекстовой и сверхтекстовой реальности, инвариантного и вариантного; диалогического характера отношений между внетекстовой структурой и коллективным творческим сознанием; итеративной кумуляции интегрируемых в сверхтекст текстов; архитектоники; трансгрессии.

*Статья поступила в редакцию
16.08.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Аветян Э.Г. Семиотика и лингвистика. Ереван: Издательство Ереванского университета, 1989. 286 с.
2. Арабаджи Д.М. Между сакральным и профанным: сборник статей. Одесса: Друк, 2009. 224 с.
3. Волкова Зл.Н. Текст и сверхтекст в эпосе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 1. С. 59–69.
4. Гаврилина Л.М. Архитектоника локального сверхтекста культуры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 104–111.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
6. Костырева О.В. Средства создания целостности коллективно-авторского сверхтекста журнала «Сатирикон» // Перспективы развития современной филологии: материалы IV международной научной конференции. 1–2 июня 2012 г., Санкт-Петербург. СПб.: Открытие, 2012. С. 6–12.
7. Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура: коллективная монография / под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1994. С. 214–233.
8. Кушнерёва М.А. Гоголевский текст в украинской литературе второй половины XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 2017. 21 с.
9. Леви-Стросс К. Мифологии: в 4 т. Т. 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 406 с.
10. Лошаков А.Г., Шушарин И.А. Прологомены к концепции Пушкинского текста русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 117–127.
11. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного педагогического университета, 2003. 170 с.
12. Неретина С.С. Тропы и концепты. М.: ИФРАН, 1999. 277 с.
13. Попов М.К. Свиток. Архангельск: Правда Севера, 2006. 656 с.
14. Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: Имидж-Пресс, 2017. 410 с.

15. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. 237 с.
16. Старыгина Н.Н. Система локальных свертхтекстов русской литературы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2017. № 3 (95). Ч. 2. С. 129–136.
17. Сумароков А.П. Дифирамб // Русская стихотворная пародия (XIII–начало XX в.) / вступ. статья, подг. текста и прим. А.А. Морозова. Л.: Советский писатель, 1960. С. 97–98.
18. Текст остаётся текстом? (круглый стол) / Лошаков А.Г., Папуша И.С., Беглова Е.И., Бойцова О.Ю., Ширинянц А.А., Гуторов В.А., Халикова Н.В., Симашко Т.В., Швецова В.М., Герасименко Н.А., Шаповалова Т. е., Муратова Е.Ю., Акулова А.А., Леденёва В.В., Артамонова Ю.Д. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 03.05.2018).
19. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПб., 2003. 616 с.
20. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т.В. Ци-вьян. М.: Наука, 1983. С. 227–285.
21. Шилина А.Г. Русскоязычный женский журнал Украины в аспекте теории текста (синергетический анализ): монография. Симферополь: Антикава, 2012. 280 с.

REFERENCES

1. Avetyan E.G. Semiotika i lingvistika [Semiotics and linguistics]. Yerevan, Yerevan State University Publ., 1989. 286 p.
2. Arabadzhi D.M. Mezhdru sakral'nyim i profannym: sbornik statei [Between the sacred and the profane: a collection of articles]. Odessa, Druk Publ., 2009. 224 p.
3. Volkova Zl.N. [Text and supertext in the epic]. In: Vestnik Rossiiskogo universiteta družhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [Bulletin RUDN University .Language Studies, Semiotics and Semantics], 2016, no. 1, pp. 59–69.
4. Gavrilina L.M. [Architectonics of local supertext of culture]. In: Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2016, no. 3, pp. 104–111.
5. Humboldt W. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 2000. 400 p.
6. Kostyreva O.V. [Means of creating the integrity of the collective and author's supertext of the journal "Satirikon"]. In: Perspektivy razvitiya sovremennoi filologii: materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 1–2 iyunya 2012 g., Sankt-Peterburg [Perspectives of development of the modern Philology: materials of 4th international scientific conference. June 1–2, 2012, Saint Petersburg]. St. Petersburg, Otkrytie Publ., 2012. pp. 6–12.
7. Kupina N.A., Bitenskaya G.V. [Supertext and its variants]. In: Chelovek – tekst – kultura [Human – text – culture]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 1994. pp. 214–233.
8. Kushnereva M.A. Gogolevskii tekst v ukrainskoi literature vtoroi poloviny XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Gogol text in the Ukrainian literature of the second half of the twentieth century: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Kiev, 2017. 21 p.
9. Levi-Strauss C. Mifologiki: v 4 t. T. 1. Syroe i prigotovlennoe [Mythologies: in 4 vol. Vol. 1. The Raw and the Cooked]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1999.. 406 p.

10. Loshakov A.G., Shusharin I.A. [Prolegomena to the concept of the Pushkin text of the Russian literature]. In: Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"], 2016, no. 5, pp. 117–127.
11. Mednis N.E. Sverkhteksty v russkoi literature [Supertexts in the Russian literature]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2003. 170 p.
12. Neretina S.S. Tropy i kontsepty [Tropes and concepts]. Moscow, IFRAN Publ., 1999. 277 p.
13. Popov M.K. Svitok [Scroll]. Arkhangelsk, Pravda Severa Publ., 2006. 656 p.
14. Galimova E.Sh., Loshakov A.G., comp., chief ed. Severnyi tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa. T. 1 [Northern text as a logos form of the existence of the Russian North. Vol. 1]. Arkhangel'sk, Imidzh-Press Publ., 2017. 410 p.
15. Anisimov K.V., chief ed. Sibirskii tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve [Siberian text in the national narrative space]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2010. 237 p.
16. Starygina N.N. [The system of local supertexts of the Russian literature]. In: Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.YA. Yakovleva [Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2017, no. 3 (95), iss. 2, pp. 129–136.
17. Sumarokov A.P. [Dithyram]. In: Russkaya stikhotvornaya parodiya (XIII–nachalo XX v.) [Russian poetic parody (18th –beginning of 20th century)]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1960. pp. 97–98.
18. Loshakov A.G., Papusha I.S., Beglova E.I., Boitsova O.Yu., Shirinyants A.A., Gutorov V.A., Khalikova N.V., Simashko T.V., Shvetsova V.M., Gerasimenko N.A., Shapovalova T.E., Muratova E.Yu., Akulova A.A., Ledeneva V.V., Artamonova Yu.D. [Does the text remain the text? (round table)]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal) [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2017, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 03.05.2018).
19. Toporov V.N. Peterburgskii tekst russkoi literatury. Izbrannye trudy [Petersburg text of the Russian literature. Selected works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2003. 616 p.
20. Toporov V.N. [Space and text]. In: Tekst: semantika i struktura [Text: semantics and structure]. Moscow, Nauka Publ., 1983. pp. 227–285.
21. Shilina A.G. Russkoyazychnyi zhenskii zhurnal Ukrainy v aspekte teorii teksta (sinergeticheskii analiz) [Russian-language women's magazine of Ukraine in the aspect of text theory (synergetic analysis)]. Simferopol, Antikva Publ., 2012. 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лошаков Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске;
e-mail: a.loshakov@narfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr G. Loshakov – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of Literature and Russian Language, Humanitarian Institute of Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk Branch;
e-mail: a.loshakov@narfu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лошаков А.Г. О принципах моделирования сверхтекста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 70–80.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-70-80

FOR CITATION

Loshakov A.G. Principles of supertext modeling. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 70–80.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-70-80

УДК 811.161.1'373:81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-81-87

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА *КРАСОТА* (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Манукян Г.В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы синонимические, антонимические и другие парадигматические отношения слова *красота*. Источниками исследования послужили лексикографические данные: словари («Словарь антонимов русского языка» М.Р. Львова и «Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова), а также результаты проведённых автором экспериментальных исследований. Определены семантико-стилистические синонимы слова *красота*, отмечено расширение его антонимического потенциала, отсутствие омонимических отношений.

Ключевые слова: семантика, синонимические и антонимические отношения, экспериментальное исследование.

THE SEMANTIC STRUCTURE OF WORD *KRACOTA* (ON THE RESULTS OF EXPERIMENTAL RESEARCH)

G. Manukyan

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation

Financial University under the Government of the Russian Federation

49, Leningradsky prospect, Moscow, 125993, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the synonymous, antonymic and homonymous relations of the word *красота*. The sources of the research were lexicographic data: “Dictionary of Antonyms of the Russian Language” by M. Lvov and “Dictionary of Synonyms and Similar Expressions” by N. Abramov, as well as the results of the experimental studies carried out by the author. The article argues that the synonyms of the word *красота* are different in stylistic coloring, and notes the expansion of its antonymic potential and the absence of homonymous relationships.

Key words: semantics, synonymous, antonymic and homonymous relations, experimental research.

Семантика (от греч. *sēmantikós* «обозначающий») – это раздел семиотики, в котором изучаются значения. В последнее время «эпоха развития лингвистики –

это, бесспорно, эпоха семантики; ... человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации» [2].

Анализируя семантическую структуру слова *красота*, мы изучили данные словарей русского языка, а также провели эксперименты, посредством которых выявлялись синонимические, антонимические и омонимические отношения данного слова.

Л.Ф. Копосов отмечает, что «словари ... являются одним из самых распространённых лингвистических источников» [5, с. 154–155].

В «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под ред. Д.Н. Ушакова лексическая единица «красота» имеет 6 значений. В первом значении данная лексема употребляется только как отвлечённое существительное к слову «красивый» (*красота рисунка, красота северной природы*). Второе значение полисеманта – «красивое, прекрасное» (*истина, добро и красота*). Форму только множественного числа – «красивые места; то, что производит художественное впечатление» (*красоты Крыма, поэтические красоты*) [8] – имеет третий лексико-семантический вариант (ЛСВ). Четвёртый ЛСВ – «красивая, привлекательная наружность» (*он не отличался красотой*) [8]. Пятый – «красавица» (*влюблён я, дева-красавица*) [8]. Шестой, последний ЛСВ, связан с прономинализацией имени существительного, т. е. данное слово употребляется в роли междометия: «очень красиво, хорошо, ловко (просторечное, часто ироническое)» (*поскользнулся, упал в грязь – красота!*) [8].

«Когда говорят о богатстве языка, ... ссылаются на обилие и разнообразие синонимов. Когда хотят сделать речь безупречной по форме – ищут синонимы» [4, с. 70].

В языкознании синонимия принята понимать в узком и широком смысле: в узком – свойства слов, которые полностью совпадают в значении; такое понимание данного явления очень важно при перефразировке смысла высказывания; в широком – важно для того, чтобы осмыслить функционирование в языке лексических единиц, которые не полностью совпадают в значении.

«Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова определяет слово *красота* через следующие синонимы: *краса, благолепие, великолепие, живописность, изящество, изящность, картинность, миловидность, нарядность, прелесть, пригожесть, художественность* [1].

Мы провели масштабный эксперимент, в котором приняло участие 100 опрашиваемых. Респонденты были разделены нами на группы по следующим критериям:

1) гендерная принадлежность: 50 мужчин и 50 женщин;

2) возраст: молодёжь (от 16 до 30 лет) – 33%, люди среднего возраста (от 31 года до 60 лет) – 34%, пожилые люди (от 61 года) – 33%;

3) социальный статус: высокий – 33%, средний – 33%, низкий – 34%;

4) образование: люди с высшим образованием – 50%, люди без высшего образования – 50%;

5) городское и сельское население: городское – 50%, сельское – 50%.

В результате эксперимента были названы следующие синонимы к слову

красота (расположены по частотности употребления).

1. *Хорошо* (15) – встречается в речи разных людей: называли и мужчины, и женщины; чаще встречается в речи людей рабочих профессий (64%), среди городских и сельских жителей наблюдается примерно равная статистика (52% к 48% соответственно).

2. *Прекрасно* (13) – любят употреблять все, но процент девушек всё-таки преобладают; это слово часто называли также люди преклонного возраста (68%).

3. *Порядок* (11) – часто встречается в речи женщин средних лет, высокого социального статуса, в основном, центральной России; нередко называла молодёжь: юноши – 76%, девушки – 24%.

4. *Отлично* (10) – употребляет исключительно молодёжь, вне зависимости от географического положения.

5. *Красавица* (7) – это слово встретилось в речи людей как средних, так и пожилых лет, имеющих средний социальный статус.

6. *Неотразимость* (4) – было названо мужчинами, описывающими произведения искусств; в данном случае красота рассматривается как свойство объекта, а не субъекта и называется вместе с такими глаголами, как *любоваться*, *восхищаться* и т. д.

7. *Прелесть* (2) – можно встретить в речи пожилых женщин.

8. *Супер* (2) – данное слово называли молодые москвичи.

9. *Красивый* (1) – как ни странно, было названо лишь один раз мужчиной 30 лет.

10. *Очарование* (1) – именно с этим словом ассоциируется слово *красота* у пожилого офицера.

11. *Всё ОК* (1) – интернационализм, который отмечен молодым человеком.

12. *Смазливость* (1) – назвала домохозяйка, живущая на юге России.

13. *Чудо* (1) – это слово было названо респондентом, вспомнившим русскую классическую литературу.

14. *Блеск* (1) – назвал молодой человек, который недавно вернулся из Парижа.

Среди этих слов довольно часто встречается молодёжный жаргон (*отлично, супер*), нельзя не отметить американское *всё ОК*, которое, по всей видимости, является результатом современной глобализации общества.

По мнению Е.В. Ганиной и Л.А. Баландиной, «глобализация – постепенное преобразование мирового пространства в единую зону. ... Под языковой глобализацией принято понимать активное и повсеместное распространение английского языка» [3, с. 74]. Данную позицию поддерживают многие современные учёные. «Народы никогда не существуют изолированно. Они взаимодействуют, и в процессе такого взаимодействия идет взаимообмен ... элементами лингво-коммуникативных систем» [9, с. 96]. Конечно, в условиях современного мира, когда каждый день появляются новые явления, новые предметы, требующие номинации, языку сложно сохранять чистоту. Здесь важную роль играют лингвисты, их задача – минимизировать проникновение заимствованной лексики.

Таким образом, основываясь на результатах эксперимента, который мы провели, можно заключить, что слово *красота* в современном понимании имеет большое количество разных по стилистической окраске синонимов.

Сходства между «Словарём синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова и результатами нашего эксперимента, безусловно, прослеживаются (*прелесть*), но их очень мало. Автором данного словаря выделены слова, которые уже употребляются очень редко (*краса, благолепие, великолепие, пригожество*). В нашем эксперименте встречается большое количество неологизмов. Ведь с момента издания словаря (1999 г.) прошло довольно много времени, а наш эксперимент был проведён в сегодняшние дни.

М.Х. Шхапацева и Л.М. Пазова, раскрывая понятие «антонимия», учитывают разные аспекты: «Антонимия является основным выразительным средством создания контраста, противопоставления, противоположности внутри одной сущности: качества, свойства, действия, процесса, времени, отношения, места и т. д.» [10, с. 89].

«Словарь антонимов русского языка» М.Р. Львова приводит три антонимические пары к слову *красота*: *красота – безобразие, красота – уродство, красота – некрасивость* [6, с. 139].

Нами был также проведён эксперимент, в котором приняло участие 100 человек (различных по гендерному и возрастному признакам, образованию, а также по социальному статусу и географическому положению), в ходе которого были выявлены следующие антонимы к слову *красота* (расположены по частотности употребления).

1. *Некрасота* (29) – чаще остальных называла молодёжь и мужчины разных профессий; также нередко встречалось в речи людей низкого социального статуса (78%) и не имеющих высшего образования (69%).

2. *Урод* (17) – встречается в речи лиц мужского пола, низкого социального статуса, рабочих профессий.

3. *Кошмар* (9) – называли как молодые люди, так и девушки; люди разного уровня образования; географическое положение – в основном Москва и ближайшее Подмосковье.

4. *Чудовище* (6) – это слово любят употреблять в своей речи лица женского пола в отношении лиц мужского пола, вне зависимости от социального статуса и профессии.

5. *Убожество* (5) – больше распространено на окраинах, нежели в городах.

6. *Несуразность* (3) – любимое слово старшего поколения.

7. *Неопрятность* (1) – названо мужчиной преклонных лет, раньше работавшим в юридической сфере.

Для большинства респондентов антонимом к слову *красота* является *некрасота*, то есть образование слова при помощи отрицательной частицы *не*. На втором месте – *урод* – о внешности человека. Также среди ответов наблюдаются слова *убожество* и *несуразность*. Проведённый нами эксперимент показывает, что люди стали более категоричными в своих суждениях, а также то, что на сегодняшний день слово *красота* расширило свой антонимический потенциал.

Если сопоставлять «Словарь антонимов русского языка» М.Р. Львова и проведённый нами эксперимент, можно отметить, что в обоих случаях наблюдается слово *некрасивость* и *уродство*, а состоит различие в том, что лексема *безобразие* отсутствует в результатах экспериментального исследования.

Омонимических отношений слово *красота* не имеет. Можно предположить, что последнее значение, данное в «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под ред. Д.Н. Ушакова, связанное с прономинализацией имени существительного – употребление в качестве междометия – в дальнейшем выделится в самостоятельное.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы относительно семантической структуры слова *красота*.

1. Анализ «Словаря синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова показал, что данное слово имеет большое количество лексико-семантических вариантов. Это подтвердил и наш эксперимент. Многие слова уже вышли из употребления (*краса, благолепие, великолепие, пригожество*), другие в скором времени тоже не будут употребляться (*изящность, живописность, художественность*). А вместо них в нашем лексиконе, возможно, будет появляться всё больше интернационализмов, в частности, англицизмов (*всё ОК, супер*).

2. В «Словаре антонимов русского языка» М.Р. Львова слово *красота* входит в три антонимические пары: *красота – безобразие, красота – уродство, красота – некрасивость*. Эти отношения сохраняются и в наши дни. В ходе эксперимента было названо много антонимов к интересующему нас слову, что позволило проанализи-

ровать его подробнее. Такие слова, как *урод* и *чудовище*, говорят о том, что в современном обществе слово *красота* ассоциируется, в первую очередь, со внешностью человека; а такое слово, как *неопрятность*, свидетельствует не только об эстетической природе данного полисеманта, здесь красота противопоставляется и нечистоплотности. Также хотелось бы отдельно остановиться и на слове *несуразность*. Здесь красота понимается широко: она обязательно должна иметь пропорцию, т. е., можно сказать, что общепризнанное утверждение о том, что красота не имеет стандартов, идеалов, в нашем обществе некоторыми людьми ставится под сомнение: они считают, что какие-то общие правила всё же существуют и должны быть учтены при анализе красоты.

3. Омонимов у лексической единицы *красота* нет. Мы предполагаем, что употребление данного слова в качестве междометия в скором времени может выделиться в самостоятельное.

4. Сделанные выше выводы говорят о том, что слово *красота* изменило свой семантический объём. Согласившись с мнением Р.И. Поляковой, отметим, что «лексическое значение слова “размывается”, а само слово приобретает новые оттенки значений» [7, с. 84].

Статья поступила в редакцию 17.09.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов; 7-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=abramov&word=krasota> (дата обращения: 29.08.2018).

2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Языки русской культуры; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(275\)1.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(275)1.pdf) (дата обращения: 15.08.18).
3. Баландина Л.А., Ганина Е.В. Лингвистические аспекты глобализации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. Т. 6. № 3 (23). С. 73–84.
4. Евгеньева А.П. Синонимы русского языка // Современный русский язык. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. С. 70.
5. Копосов Л.Ф. Названия канцелярских служащих в ранних словарях русского языка // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. / отв. ред. О.В. Шаталова. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 154–158.
6. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Боле 2 000 антонимических пар / под ред. Л.А. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. 384 с.
7. Полякова Р.И. Изменение лексического значения слов в молодёжной среде // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 4 (12). С. 82–84.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. А–Кюрины. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/11/us1f0202.htm> (дата обращения: 20.08.2018).
9. Федорова Е.А., Нестерова Е.Н. Инновационное общество и активные процессы в русскоязычной коммуникации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 3 (11). С. 94–98.
10. Шхапацева М.Х., Пазова Л.М. Антонимы, антонимия, антонимическая парадигматика в русском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2015. № 3. С. 88–94.

REFERENCES

1. Abramov N. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii: Okolo 5 000 sinonimicheskikh ryadov. Bolee 20 000 sinonimov [Dictionary of the Russian synonyms and similar expressions in meaning: About 5 000 synonymic rows. Over 20 000 synonyms]. Available at: <http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=abramov&word=krasota> (accessed: 29.08.2018).
2. Apresyan Yu.D. Izbrannyye trudy. Tom 1. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka) [Selected works. Volume 1. Lexical semantics (synonymous means of language)]. Available at: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(275\)1.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(275)1.pdf) (accessed: 15.08.18).
3. Balandina L.A., Ganina E.V. [Linguistic aspects of globalization]. In: Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University], 2016, vol. 6, no. 3 (23), pp. 73–84.
4. Evgen'eva A.P. [Synonyms in the Russian language]. In: Sovremennyyi russkii yazyk [Modern Russian language]. St. Petersburg, Saint-Petersburg university Publ., 1996. pp. 70.
5. Kopusov L.F. [The names of the clerks in early dictionaries of the Russian language]. In: Shatalova O.V., chief ed. Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii. Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati d.f.n., professora Voilovoi K.A. [Russian Slavic language in intercultural communication. Collection of scientific papers on the results of the international scientific conference dedicated to the memory of Professor Doctor in Philological Sciences K. Voylova]. Moscow, MRSU Ed. Office Publ., 2017. pp. 154–158.

6. L'vov M.R. Slovar' antonimov russkogo yazyka: Boleje 2 000 antonimicheskikh par [Dictionary of antonyms of the Russian language: more than 2 000 antonymy pairs]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1984. 384 p.
7. Polyakova R.I. [Changes in the Lexical Meaning of Words in Young People's speech]. In: Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University], 2013, no. 4 (12), pp. 82–84.
8. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 4 t. T. 1. A–Kyuriny [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Vol. 1. A–Kuriny]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/11/us1f0202.htm> (accessed: 20.08.2018).
9. Fedorova E.A., Nesterova E.N. [An Innovative Society and Active Processes in the Russian-Language Communication]. In: Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University], 2013, no. 3 (11), pp. 94–98.
10. Shkhapatseva M.Kh., Pazova L.M. [Antonyms, antonymy and antonymic paradigmatics in the Russian language]. In: Vestnik Adygheiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya i iskusstvovedenie" [The Bulletin of the Adyghe State University. Series "Philology and the Arts"], 2015, no. 3, pp. 88–94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манукян Гретта Викторовна – аспирант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; преподаватель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: 05112002@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gretta V. Manukyan – postgraduate student at the Department of the history of the Russian language and General Linguistics, Moscow Region State University; the teacher at the Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: 05112002@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Манукян Г.В. Семантическая структура слова *красота* (по результатам экспериментального исследования) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 81–87.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-81-87

FOR CITATION

Manukyan G.V. The semantic structure of the word *красота* (on the results of experimental research). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 81–87.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-81-87

УДК 81'367.626 (местоимения, ссылка на каталог) / 81'367.7 (синтаксическая роль и использование различных частей речи и грамматических категорий)
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-88-101

СУБЪЕКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТОИМЕНИЙ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Милованова М.С., Шамсутдинова Р.Р.

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современного функционирования местоимений, связанные с процессами субстантивации и предикативации местоименной лексики (включая фразеологизмы с местоименным компонентом), которые относятся к явлениям переходности в области частей речи. Основанием для перехода может быть назван субъективный потенциал местоимений, вытекающий из их категориального значения, а именно из их абстрактной семантической природы. Субъективность местоимений проявляется в их непосредственном отношении к речевому акту, к фигуре говорящего, что позволяет конкретизировать их семантику в условиях речевой ситуации. В результате перехода местоименная лексика может занимать положение в центре другой части речи (*не по себе, ничего*), на периферии (*ничего, не в себе, я, себя*), в зоне синкретизма (*я, ты, себя, весь из себя, весь такой*).

Ключевые слова: местоимения, субъективность, явления переходности, субстантивация, предикативация.

SUBJECTIVE POTENTIAL OF PRONOUNS AND THEIR FUNCTIONING IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

M. Milovanova, R. Shamsutdinova

Pushkin State Russian Language Institute
6, Ak. Volgina st., Moscow, 117485, Russian Federation

Abstract. The article deals with the features of modern functioning of pronouns associated with the processes of substantivation and predicativation of the pronoun vocabulary (including phraseological units with a pronominal component), which relate to the phenomena of transposition in parts of speech. The basis for the transposition can be called the subjective potential of pronouns, arising from their categorical meaning, namely from their abstract semantic nature. The subjectivity of pronouns manifests itself in their direct relation to the speech act, to the figure of the speaker, which allows us to specify their semantics in the context of the speech situation. As a result of the transposition, the pronominal vocabulary can occupy a position in the center of another part of speech (*не по себе, ничего*), on the periphery (*ничего, не в себе, я, себя*), in the syncretism zone (*я, ты, себя, весь из себя, весь такой*).

Key words: pronouns, subjectivity, the phenomena of transposition, substantivation, predicativation.

Местоимения представляют собой уникальный класс слов, который характеризуется семантическим своеобразием, обусловленным абстрактной природой реализуемого ими значения. «Слова означающие» [19, с. 5], «слова указующие» [11, с. 3], местоимения – это «арсенал смысловых абстракций, заключённых в языке в целом» [19, с. 8]. Отсутствие вещественного значения делает местоимения семантически ёмкими и позволяет им наполняться конкретным содержанием непосредственно в условиях речевого акта. Не случайно Л.Ю. Максимов отмечал: «Самые абстрактные в языке слова – местоимения – в речи, в конкретном предложении, в конкретной ситуации становятся самыми определёнными словами» [цит. по: 6, с. 70]. Таким образом, в силу того, что местоимения, по мысли А.М. Пешковского, «имеют субъективно-объективное значение, т. е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чём он мыслит» [10, с. 154], связь местоимений с позицией говорящего становится очевидной.

Указание на говорящего и на речевой акт [7, с. 27], разноаспектные обозначения говорящего в речевом произведении [17, с. 4] составляют понятие субъективности как следствия характерного для речи эгоцентризма. Центральное положение в речи «я» говорящего, «способность говорящего представлять себя в качестве “субъекта”» [2, с. 293] содействуют формированию обширного поля разноуровневых средств, так или иначе связанных с самовыражением отправителя речи, что в совокупности может быть представлено в виде семантической категории субъективности. В.В. Химик

определяет категорию субъективности следующим образом: это «семантико-прагматическая категория, объединяющая систему семантических и прагматических полей вокруг главного содержательного ядра – говорящего, “я”, и его субстанционального представления, реального или потенциального, как результата преодоления дистанции между субъектом речи и субъектом сообщаемого факта» [17, с. 374]. В своей ядерной части категории субъективности пересекается с функционально-семантическим полем личности, которое объединяет средства, выражающие различные варианты отношения к лицу, связи участников обозначаемой ситуации с участниками акта речи [16, с. 5–7], что обусловлено значимостью для обоих образований категории лица и личных местоимений. Последние составляют абсолютный центр категории субъективности, ввиду способности концентрированно представлять основные роли субъекта речи в высказывании относительно других лиц и предметов сообщения [17, с. 366]. В субъективной природе личных местоимений не приходится сомневаться: признанные исследователями эгоцентрические слова, они выстраивают базовую дейктическую систему координат вокруг говорящего. Однако субъективность сосредоточена отнюдь не только в личных местоимениях: субъективность характерна для местоимений в целом как для класса слов, имеющих самое прямое отношение к речевой ситуации в соответствии со своим категориальным значением [20, с. 5–7]. Присущие местоимениям указательность и абстрактность определяют их субъективный характер,

что даёт основания для различных трансформационных процессов, в которые вовлекаются собственно местоименные лексемы и фразеологизмы с местоименными компонентами в современном русском языке.

Грамматически разнородные местоимения обнаруживают некоторые дифференциальные признаки других знаменательных частей речи (существительного, прилагательного, наречия, числительного, категории состояния), что позволяет не распределить их по данным лексико-грамматическим классам, а лишь соотнести с ними. На основании категориальной соотносительности с разными частями речи и разрядового значения (указательность, вопросительность, неопределенность и т. д.) Е.Н. Сидоренко выстраивает свою семантическую классификацию местоимений [13]. Что интересно, ещё Г.П. Павский отмечал возможность подобной категориальной соотносительности местоимений и их абстрактный характер: «... местоимение служит только формою для умственного созерцания и распределения вещей по категориям. Так, например, под оглавление *кто, что* подходят все существительные, под оглавление *какой, чей* – все прилагательные, под оглавление *сколько...* или *который* – все числительные» [цит. по: 3, с. 266].

Соотносительность не означает тождество, а потому местоимения-существительные, в частности, личные местоимения не обладают полным набором грамматических признаков существительного. Так, местоимениям нормально чужды атрибутивные отношения, что отмечается исследователями [17, с. 115; 13, с. 75; 12, с. 35; 10, с. 158]. Признак, как правило, при-

писывается в рамках предикативной связи: *Ты первый сказал мне, что я красивая* (М. Шишкин, Письмовник), *А может он просто блаженный. Да нет, не блаженный, он умный* (Е. Евтушенко, Ягодные места). Атрибутивная подчинительная связь допускается местоимениями как сопутствующая только при наличии предикативной связи: *Он только увидел, как, счастливая, она снова появилась возле своей машины* (В. Маканин, Однодневная война). Тем не менее, фиксируется значительное количество употреблений следующего характера: *Успешный Я* (название серии тренингов для развития детей дошкольного возраста), *Собирайся со мной: «Новая-старая я»* (Макияж и наряд (название видео блогера Osia), *Мой новый стиль! Новая фигура! Новая я!* (название видео блогера Swasti Ji), *Создание образа роковой красотки! НОВАЯ Я на СТС (программа)*, *Роскошная Я!* (название группы в социальной сети ВКонтакте), *Новая счастливая ты!* (студии маникюра Лены Лениной), *Люди с течением жизни будут очень серьёзно меняться, для этого уже сейчас есть большие возможности, и, соответственно, под нового тебя тебе нужны новые люди* (А. Цыпкин // Домашний очаг, июнь 2018), *Счастливые дети – счастливая ты* (слоган квартальной программы по приглашению косметической компании «Орифлэйм»), *Навстречу новому себе* (рекламный слоган компании Mitsubishi Motors), *В поисках нового себя* (название книги коуча Елены Агафоновой), *Боль – как путь к себе настоящей* (название видео на канале коуча Ирины Норны), *Встреча с настоящим собой! Матрица-перезагрузка тренинг на райском острове!* (рекламный ролик

тренинга). Способность местоимения сочетаться с определением говорит об актуализации предметной семы в его значении и, следовательно, о происходящем процессе субстантивации [6, с. 78], востребованность которого в современной речи подтверждает обнаруженный речевой материал.

Субъективность и абстрактность личных и возвратного местоимений при субстантивации позволяют одновременно обобщить и конкретизировать адресата высказывания. Сообщение адресуется всем и каждому как отдельно взятой личности одновременно. Особняком в данном случае стоят словоупотребления, использованные в названиях видеозаписей блогеров, когда я наполняется однозначным содержанием, соотносясь с конкретным денотатом – автором видео. Примеры типа *Успешный Я*, *Роскошная Я* характеризуются единовременной обобщённостью / конкретизацией сообщаемого факта: ‘пройдя тренинг, именно я (каждый) смогу стать успешным’; ‘присоединившись к группе, я (одна из многих) утверждаю свою привлекательность’. Подобное употребление местоимений может быть расценено как приём интимизации (особенно в случаях употребления местоимения *ты*), когда отправитель речи, обращаясь ко многим, стремится показать уникальность каждого адресата и привлечь тем самым его внимание. Примеры, включающие неточечное возвратное местоимение *себя*, характеризуются наибольшей степенью обобщённости. Что важно, большая часть подобных примеров обнаружена в названиях видеозаписей, журнальных статей и интернет-публикаций, а также в рекламе.

Субстантивированные местоимения в контекстах типа *счастливая ты* занимают положение в зоне синкретизма, совмещающая в себе характерные для местоимений семы абстрактности и указательности и актуализированную в указанных синтаксических условиях сему предметности, свойственную существительным. Движение местоимений по шкале переходности в данном случае может выглядеть следующим образом: местоимение (предикативные отношения): *Ты счастливая, у тебя каждый день все сначала* (Е. Завершнева, Высотка) / местоимение (основные предикативные отношения, сопутствующие атрибутивные отношения): *Счастливая, ты всегда любила тех, кто был тебе нужен* (Э. Радзинский, Княжна Тараканова) / субстантивированное местоимение (атрибутивные отношения, актуализация семы предметности; здесь же местоимения могут функционировать и в качестве дополнения и синкретичных второстепенных членов предложения с объектным значением): *Новая счастливая ты!* Соответственно, для местоимения я примеры типа *Новая я!* в названии видео блогера могут составить следующее звено перехода, для возвратного местоимения *себя* промежуточное звено (наличие обособленного определения) опускается в силу того, что возвратное местоимение не может выполнять функцию подлежащего и вступать в субъектно-предикатные отношения, однако возможны две ступени конкретизации (обобщённость / конкретизация – закрепление за конкретным денотатом).

Другой процесс, который охватывает местоимения, – предикативация – переход местоимений в категорию

состояния. Среди местоимений есть лексемы, которые соотносятся с предикативами, это слова *каково*, *таково* [13, с. 111]. Именно местоимение *каково* Н.Ю. Шведова ставит в качестве местоименного исхода во главу языкового смысла «состояние» [19, с. 158–163]. Кроме того, выделяется группа прономинально-предикативных контаминантов, объединяющих признаки местоимений и слов категории состояния: *некого*, *нечего* (в косвенных падежах), *негде*, *некуда*, *неоткуда*, *некогда*, *незачем*, *неотчего* [13, с. 106–107]. Однако фиксируются и случаи непосредственно перехода, которые задействуют как местоименную лексику, так и ряд местоименных фразеологизмов. Предпосылками для перехода вновь становятся абстрактность и вытекающая из неё субъективность местоимений. Рассматривая историческое развитие категории состояния, в частности, пополнение класса за счёт существительных, В.М. Панфилов обращал внимание на то, что одним из оснований для перехода является абстрактный характер транспонируемых существительных [9, с. 8], что также актуально и для местоимений. При переходе изначальная абстрактность местоименной семантики сохраняется, в результате чего в условиях речевого акта говорящий может уточнять оттенок испытываемого состояния (ср. *Я – особа нервная и отнюдь не героического нрава, была просто вне себя от ужаса* (Н. Воронель, Без прикрас. Воспоминания) / *А он-то вообразил – она будет вне себя от радости, что он приехал* (В. Панова, Володя)), что говорит о субъективном характере сообщаемого факта. Е.М. Вольф отмечала, что «состояния субъективны по

своей природе» [4, с. 324]. Интересен в этом отношении следующий пример, содержащий в себе типичные слова категории состояния, который отражает субъективную интерпретацию состояния объективной реальности участниками речевой ситуации, а именно перенос одним из них внутреннего физического состояния на состояние окружающей среды: – *Вот это всё – неважно... Мне надо тебе сказать... кое-что... Пойдём в комнату, холодно...*

Холодно не было, было тепло. Должно быть, её знобило. Снотворное, кофе, нервы... (В. Белоусова, Второй выстрел).

Условием для перехода местоимений и местоименных фразеологизмов является синтаксическая функция предиката [1]. Что важно, объём категории состояния понимается нами следующим образом: ядро данной части речи составляют безлично-предикативные слова, выполняющие функцию предиката безличного предложения, на периферии фигурируют предложно-падежные сочетания и идиоматическая лексика, играющие роль сказуемого двусоставного предложения [8]. Таким образом, транспонируемая местоименная лексика употребляется в предложениях указанных типов. Рассмотрим несколько случаев.

Интересное функционирование в области категории состояния показывает отрицательно-обобщающее местоимение *ничего*. *Ничего* представляет собой омокомплекс, в который наряду с указанным местоимением входят ещё четыре функциональных омонима: неизменяемое прилагательное, слово категории состояния, наречие и частица [5]. Русский семантический

словарь отмечает неизменяемость данного местоимения и указывает: «то же, что ничто (разг.)», где последнее трактуется как «ни один предмет, ни одно явление» [11, с. 16], что позволяет говорить о семантике отрицания бытия, существования чего-либо, реализуемой местоимением *ничего*. Однако и здесь есть место для конкретизации абстрактного отрицания: отрицанию могут подлежать разные явления (ср. *У меня тут **ничего** нет – ни пижамы, ни бритвы...* (И. Грекова, Перелом) – отрицание наличия предметов / – *Я **ничего** не знал, – быстро ответил он зачем-то* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей) – отрицание наличия информации), что ставит отрицание в зависимость от ситуации и говорящего. Кроме того, *ничего* демонстрирует субъективность восприятия объективной действительности разными субъектами: *Осторожно, ступеньки...* – *Я **ничего** не вижу...* – *Я вижу* (Д. Биленкин, Космический бог).

Отправной точкой перехода *ничего* в категорию состояния является функционирование данной лексемы в качестве сказуемого двусоставного предложения, когда *ничего* может быть охарактеризовано как неизменяемое прилагательное: *Голос у него был **ничего**, терпимый* (М. Палей, Дань саламандре). В таком употреблении актуализируется сильная оценочная сема, что свидетельствует о субъективном отношении говорящего к предмету высказывания, однородное сказуемое *терпимый* помогает конкретизировать оценку. Движение по шкале переходности от *ничего*-прилагательного до *ничего*-предикатива происходит в рамках общего поля субъективности, где оцениваемый признак с точки зре-

ния говорящего характеризуется как постоянный (прилагательное) либо как ситуативный, временный (категория состояния). Промежуточное положение могут занимать предложения с неопределённым субъектом (*оно, всё, это*): *Просто ты забыла многое. Это **ничего**...* *Врач сказал, всё восстановится* (А. Жвалевский, Е. Пастернак, Время всегда хорошее).

В категории состояния *ничего* обнаруживает ряд возможных употреблений, связанных с разными синтаксическими условиями. *Ничего* может выполнять роль сказуемого двусоставного предложения, обозначая временное состояние субъекта высказывания как относительно положительное по мнению говорящего: *Она обняла его у порога, в глаза глядела, улыбаясь хитро. – Вы, Александр Михалыч, сегодня **ничего**. Бодры* (В. Ремизов, Воля вольная). – *Как жизнь молодая? – Не жалуюсь, дядя Миша. – Мать как? – Мама **ничего**, болеет всё, – ответил, улыбаясь, Родька* (Ф. Абрамов, Дом). Что важно, обозначая состояние лица, *ничего* очень часто употребляется в неполных двусоставных предложениях: – *Как ты там? – **Ничего**...* – *немножко удивленно проговорил Феррапонт* (В. Токарева, Своя правда). Состояние субъекта может выражаться и в рамках типичной для категории состояния модели безличного предложения. Если в предыдущих случаях актуализировался как субъект, так и его состояние, то в данном больший акцент делается на состоянии: *И особенно тяжело было в первый год. Николаю Алексеевичу ещё **ничего** было, он был постарше. А его шестнадцатилетней Иринушке, должно быть, круто при-*

ходилась (Ф. Сологуб, Помнишь, не забудешь).

Функционирование *ничего* в безличном предложении позволяет расширить реализуемую им семантику состояния до состояния окружающей среды (в пространственном и временном смыслах): *Совсем ничего было бы в церкви, если б не приходилось так долго стоять* (И. Грекова, Фазан). *Как похолодало-то резко. Утром ещё ничего было* (А. Маринина, А. Горкин, Шестикрылый серафим). Кроме того, в безличном предложении возможно совмещение семантики состояния субъекта и оценки ситуации в целом: *У мамы ноги болят. Раньше ещё ничего было. А три дня назад – после похорон – почти совсем отнялись* (М. Трауб, Нам выходить на следующей). Таким образом, *ничего* демонстрирует плавное движение по направлению к центру категории состояния, функционируя в зависимости от разных синтаксических условий и в качестве ядерной, и в качестве периферийной единицы, реализующей семантику состояния.

Особую группу представляют местоименные фразеологизмы со стержневым компонентом *себя*, функционирующие на разных уровнях категории состояния. Возвратное местоимение *себя* в данном случае играет ключевую роль: оно «служит для обозначения направленности действия на самого производителя действия» [11, с. 16] – в нашем случае состояния. Следовательно, местоимение *себя* замыкает внимание субъекта на себе, который воспринимает себя же как точку отсчёта при оценке испытываемого или наблюдаемого состояния. При этом *себя* становится своего рода нормой, в то время

как фразеологизмы описывают различные от неё отклонения.

Фразеологическая единица *не по себе* занимает положение в ядре категории состояния, выполняя функцию предиката безличного предложения. Контекст помогает конкретизировать оттенки состояния субъекта: *Как-то мне было не по себе*, и даже больше того... да, пожалуй, мне было **страшно** (В. Белоусова, Второй выстрел). *Ходить так – взад-вперёд – даже понавилося, это отвлекало, давало занятие ногам. И он припомнил, как когда-то, ещё мальчишкой, впервые увидел в зоопарке медведя, вот так же расхаживавшего в своей клетке туда-сюда. Тогда он пожалел косолапого бедолагу: видно, очень уж ему не по себе, коль мечется целыми часами. А теперь не в таком же ли положении и сам. В клетке* (В. Быков, Бедные люди). В первом случае состояние расценивается как страх, во втором – как тревога. Современное употребление данного фразеологизма демонстрирует результат связанного с изменением синтаксических условий диахронного перехода оборота с периферии категории состояния в её центр: речевые примеры позапрошлого столетия фиксируют употребление оборота в личной конструкции, этот же вариант с пометой «устар.» приводится и в Большом академическом словаре [14, с. 273]: *Видно ты что-нибудь не по себе? Видно страшный сон испугал тебя?* (Н.А. Полевой, Клятва при гробе Господнем). Вероятно, сильная сема состояния и регулярное функционирование оборота в безличной конструкции способствовали его переходу в ядро категории состояния.

На периферии данной части речи функционирует местоименный фразеологический оборот *не в себе*, в основе которого лежит пространственная метафора. Осознание говорящим себя как пространства, за пределы которого можно «выйти», особенно ощущается в следующих примерах: – *Ты что, Игорь Владимирович? Не в себе? – В себе* (Т. Устинова, Большое зло и мелкие пакости). *Очень точное выражение, между прочим. Именно так: не в себе, а где-то снаружи, сбоку, в некотором удалении от собственных выводов и поступков* (В. Белоусова, Второй выстрел). В одинаковых синтаксических условиях – в позиции предиката двусоставного предложения – оборот *не в себе* в зависимости от контекста может занимать место на периферии прилагательного, обозначая постоянный признак, либо на периферии категории состояния, указывая на временное, преходящее состояние: *Сидит у меня в нервном отделении один субъект. Не то чтобы он полностью сумасшедший, но всё-таки не в себе* (В. Пьецух, Русские анекдоты) – *Извините, но я сегодня не в себе* (П. Акимов, Плата за страх). Обозначая состояние субъекта, *не в себе* может занимать и позицию определения: *Заявление написано ясно, отчётливо и собственноручно. Да, может, собственноручно (а может – и нет). Но человеком явно не в себе, в стрессе, в отчаянии* (С. Ландау, На краю круга девятого). В этом примере проявляется интересное сочетание дифференциальных признаков прилагательного и категории состояния: синтаксической функции определения и семы временного состояния, что явно смещает оборот в зону синкретизма. Кроме

того, сохраняется местоименная абстрактность, позволяющая говорящему субъективно трактовать оттенки состояния. Об этом говорят и другие примеры: – *Не в себе она сегодня: мошкара, говорит, заела* (К. Бадигин, Секрет государственной важности). *Дочь плакала... Муж тоже не в себе. Не в своей тарелке. Твой звонок внёс в нашу жизнь ненужное смятение* (Т. Набатникова, День рождения кошки). *Зина с утра была не в себе – чёрные глаза так и буйствовали* (И. Грекова, Перелом). *Вот ситуация! Понимаю, что люди не в себе, что им сейчас море по колено* (Г. Горин, Когда горит душа). Темпоральные локализаторы могут способствовать смещению оборота в зону синкретизма: с одной стороны, субъект испытывает временное, с другой стороны, достаточно продолжительное состояние: *Все обошлось, хотя ещё с полгода юноша был не в себе: рыдал, топал ногами, пробовал уморить себя голодом, помышлял о побеге, о мищении...* (С. Лурье, Поступки, побуждения, слова). Позиция дуплексида – члена предложения с двойной связью – также выводит фразеологизм в зону синкретизма ввиду изменения синтаксических условий и смещения акцента на действие: *Да и из комнаты Катя выходила явно не в себе, будто только проснулась и, что к чему, ещё не понимает* (В. Шаров, Воскрешение Лазаря). *Он прибежал не в себе. Потому что один тип оглушил его: «Вы говорите про Таню?..»* (Ю. Трифонов, Время и место). В приведённых примерах оборот играет роль дуплексида с атрибутивно-обстоятельственным значением сопутствующего состояния [18], которое характеризует субъект только в момент совершения обозна-

чаемого действия, а значит, является временным. Кроме того, актуализации временного признака-состояния способствуют контекст и грамматические характеристики глаголов, выполняющих функцию сказуемого: конкретно-процессное значение глагола несовершенного вида *выходила* и конкретно-фактическое значение глагола совершенного вида *прибежал*. Несколько иная картина наблюдается в контекстах с десемантизированным глаголом, представляющим собой вещественную связку [18], входящую в состав составного именного сказуемого: семантический центр тяжести здесь сдвигается на именную часть, выражающую состояние субъекта: *Миша Попов последнее время ходил не в себе* (С. Каледин, Записки гробокопателя). Таким образом, местоименный оборот *не в себе*, фигурируя в качестве периферийной единицы категории состояния, нередко смещается в зону синкретизма, однако сохраняет при этом сему состояния, которое может субъективно интерпретироваться говорящим как разные оттенки ненормального состояния. *Переждав минутки две за водосток, позволив догнать себя, Векишин яростно вернулся назад и вбежал в ближайшую подворотню. Там действительно обнаружился человек, и он ни чуточки не сопротивлялся, когда Векишин схватил его обмякшие, выше локтя, руки в свои, железные. Домовый фонарь светил поблизости... и сразу отлегло от сердца. Нет, не враг, а свой в доску, до гроба верный товарищ, сам Бабкин, стоял перед ним, тараща знакомые, чуть навывкате с испугу глаза, кстати, одетый как-то не по сезону легкомысленно и **весь** вроде **не в себе*** (Л. Леонов, Вор). Так, указан-

ный случай демонстрирует наложение смыслов, когда семантика состояния ненормы представляется исчерпывающей, охватывающей всего субъекта, благодаря использованию местоимения *весь*, являющегося важным компонентом нескольких местоименных фразеологизмов.

Местоимение *весь*, означающее всеобщность, всеохватность, может указывать на полноту, исчерпанность или интенсивность признака или состояния [19, с. 8; 11, с. 23], что проявляется в оборотах *весь из себя* и *весь такой*. Данные фразеологизмы обнаруживают максимальную абстрактность семантики, позволяющую говорящему использовать их при необходимости указания на чрезмерное, исключительное проявление состояния в самых различных контекстах. Большой фразеологический словарь русского языка трактует *весь из себя* как «целиком и полностью, слишком. Имеется в виду проявление в полной мере какого-л. качества, свойства, признака и под.» [15, с. 136]. Схожей семантикой обладает и *весь такой*, где указательное местоимение *такой* может субъективно наполняться разным смыслом, но в целом будет указывать на некоторое особенное состояние / характеристику субъекта: достаточно вспомнить ставшую классикой цитату из кинофильма «Покровские ворота»: *Я вся такая внезапная, такая противоречивая вся...* Этот пример показывает две важные особенности данного оборота (равно как и оборота *весь из себя*): во-первых, будучи компонентом составного именного сказуемого двусоставного предложения, он согласуется с субъектом в роде и числе, следовательно, не является неизменяемым и не может перехо-

дить в категорию состояния как часть речи (учитывая структуру оборотов, *весь из себя*, благодаря застывшему неизменяемому компоненту *из себя*, формально ближе к категории состояния, нежели полностью изменяемый *весь такой*), во-вторых, при указанных фразеологизмах нередко используются слова-конкретизаторы в силу обобщённого характера семантики (ср. самостоятельное употребление оборота при парцелляции: *Короче, новенькая у них. Вся из себя. Вроде твой к ней неровно дышит* (С. Шаргунов, Фото-робот Евы)). Что важно, оба оборота обнаруживают контексты, тяготеющие как к прилагательному, так и к категории состояния, однако первое как постоянный признак более частотно для *весь из себя*, в то время как второе – для *весь такой*, чаще указывающего на сиюминутное особенное состояние. На наш взгляд, картина движения данных оборотов в частеречном пространстве может быть представлена следующим образом.

Весь из себя: Иногда мне начинает казаться, что любить-то они меня, конечно, любят. И жалеют. Абсолютно искренне. А вот постоянные похвалы: *какая я, дескать, вся из себя* стойкая, мужественная и кроткая – это наверняка ради моральной поддержки (Н. Катерли, Дневник сломанной куклы) – постоянный признак, фразеологизм тяготеет к имени прилагательному / И тут явилась не запылилась я, *вся из себя* молодая, обаятельная, привлекательная, и возраст – сорок – «раскалённая пустыня» (Л. Иванова, Искренне ваша грешница) – смешение семантических признаков: постоянный признак субъекта актуализируется, «подсвечивается» в рамках

контекста / – *Смотрю... Дорохов! – рассказывал вздохом Шепетуха, ничего, как глухарь, вокруг себя не замечая. – Но уже в форме и весь из себя фронт-франтом. С чего бы, думаю, ты так вырядился? Надо поглядеть!* (Н. Дежнев, Год бродячей собаки) – актуализируется временный признак, оборот тяготеет к категории состояния.

Весь такой: – Ты высокий, красивый, плечи у тебя широкие, руки сильные... Но ты *весь такой* лёгкий, что мне просто страшно! Ты, по-моему, не на самолете можешь в Барселону лететь, а просто так... (А. Берсенева, Полёт над разлукой) – субъективно выделенный постоянный признак субъекта, фразеологизм тяготеет к имени прилагательному / Она всё так же молча смотрела на меня. Она была *вся такая* летняя, загорелая, белая с короткими рукавами трикотажная кофточка – мелкими васильками. К серым её глазам. Так хорошеет женщина, когда она влюблена (Г. Бакланов, Мой генерал) – актуализируется временный признак, оборот тяготеет к категории состояния.

Стоит отметить частотность употребления оборота *весь такой* в совокупности со словами-конкретизаторами в обособленных конструкциях (1) и в позиции дуплексиа (2), актуализирующих сему ситуативного признака-состояния: (1) *Меня спрашивают: «Кем работаете?» А я стою, вся такая в белых сапогах, говорю: «Доцент». И тишина гробовая* (О. Андреева, Человек, которого нельзя называть. Краткий курс борьбы за справедливость). (2) *Я дверь открыла, а он стоит передо мной весь такой в дублёнке и в норковой шапке* (А. Геласимов, Жанна). Я иду *вся такая* с виду приличная жен-

щина с испанской внешностью, а на самом деле я только что написала подметное письмо или опустила в замочную скважину соседей несколько молодых клопов (Г. Щербакова, Дивны дела Твои, Господи...).

Любопытны случаи комбинирования данных фразеологизмов, когда говорящий стремится показать максимальную чрезмерность описываемого признака-состояния (1) или постоянного признака, актуального в рамках контекста, (2), иронично его оценивая: (1) *Подшлёпывает Белобрюх, **весь из себя такой** милый ребёнок* (М. Петросян, Дом, в котором). (2) *Я-то и так знаю, что позади Садовая, и аптека Гаевского на углу, а чуть правее моего затылка – Воронцов. Генерал-губернатор Новороссийского края. Стоит себе в сквере **весь такой из себя** бронзовый на пьедестале из крымского диорита и в ус не дует* (Т. Соломатина, Мой одесский язык). Итак, несмотря на благоприятные семантические предпосылки – абстрактность значения и обусловленную ею субъективность – и синтаксические условия, обороты *весь из себя* и *весь такой* ввиду сохранения дифференциального признака прилагательного – способности согласоваться с субъектом в роде и числе – функционируют в зоне синкретизма между прилагательными и категорией состояния, при этом *весь из себя* больше тяготеет к прилагательным (ред-

ки случаи актуализации временного признака-состояния), а *весь такой* – к словам категории состояния, чаще «подсвечивая» актуальный признак-состояние.

Таким образом, субъективность как непосредственная связь с речевым актом, с позицией говорящего характерна для местоимений, что обусловлено их категориальным значением, прежде всего, отсутствием вещественного значения, абстрактностью, благодаря чему говорящий может наделять их конкретным, ситуативным содержанием. Субъективный потенциал местоимений позволяет данным лексическим единицам расширять свои «полномочия» и активно перемещаться в частеречном пространстве, в результате чего в современном русском языке отмечаются интересные случаи субстантивации и предикативации как собственно местоимений, так и местоимённых фразеологизмов. Подобный процесс создаёт динамику в области частей речи, в связи с чем можно наблюдать как «веерные» переходы (*ничего*), так и функционирование на определённых уровнях других частей речи (*не по себе, не в себе; я, себя* в случае второго этапа конкретизации) и в зоне синкретизма (*я, ты, себя, весь из себя, весь такой*).

Статья поступила в редакцию 07.09.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: Монография. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
4. Вольф Е.М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов / отв. ред. О.Н. Селивёрстова. М.: Наука, 1982. С. 320–339.

5. Высоцкая И.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова «НИЧЕ-ГО»: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993. 210 с.
6. Высоцкая И.В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности: монография. Новосибирск: Новосибирский педагогический государственный университет, 2009. 192 с.
7. Гуревич В.В. О «субъективном» компоненте языковой семантики // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 27–35.
8. Милованова М.С. Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 4–10.
9. Панфилов В.М. К истории развития категории состояния, или предикативов, в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1961. 22 с.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
11. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Институт русского языка; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I: Слова указующие (местоимения) / Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М.: Азбуковник, 2002. XXV, 807 с.
12. Селивёрстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
13. Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. Киев; Одесса: Лыбидь, 1990. 148 с.
14. Словарь современного русского литературного языка / под ред. В.И. Чернышёва. Т. 13. С–сняться. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. 757 с.
15. Телия В.Н., Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2014. 784 с.
16. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / А.В. Бондарко и др.; отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991. 371 с.
17. Химик В.В. Категория субъективности в русском языке: Эгоцентрический потенциал субъектных компонентов высказывания: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1991. 391 с.
18. Чеснокова Л.Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. Ростов-на-Дону, 1973 [Электронный ресурс] // GenLing.ru: Общее языкознание : [сайт] URL: <http://genling.ru/books/item/f00/s00/z0000015/index.shtml> (дата обращения: 28.07.2018).
19. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
20. Шелякин М.А. Русские местоимения: значение, грамматические формы, употребление. Тарту: Тартуский государственный университет, 1986. 91 с.

REFERENCES

1. Babaitseva V.V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka [The phenomenon of transition in the grammar of the Russian language]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 640 p.
2. Benvenist E. Obshchaya lingvistika [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p.
3. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 720 p.
4. Vol'f E.M. [Condition and symptoms. Assessment of the conditions]. In: Semanticheskie tipy predikatov [Semantic types of predicates]. Moscow, Nauka Publ., 1982. pp. 320–339.

5. Vysotskaya I.V. Morfologicheskii status i sintaksicheskie funktsii slova "NICHEGO": dis. ... kand. filol. nauk [Morphological status and syntactic function of the word "NOTHING": PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1993. 210 p.
6. Vysotskaya I.V. Substantivatsiya v svete teorii sinkhronnoi perekhodnosti [The substantiation in the light of the theory of synchronous transition]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2009. 192 p.
7. Gurevich V.V. [On the "subjective" component of language semantics]. In: Voprosy yazykoznaniya [Topics in the study of language], 1998, no. 1, pp. 27–35.
8. Milovanova M.S. [Language and World: lexical fund of the category of state in modern Russian]. In: Russkii yazyk za rubezhom [Russian Language Abroad], 2018, no. 3, pp. 4–10.
9. Panfilov V.M. K istorii razvitiya kategorii sostoyaniya, ili predikativov, v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [To the history of the development of the category of state, or predicatives, in Russian: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Krasnoyarsk, 1961. 22 p.
10. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 544 p.
11. Shvedova N.Yu., chief ed. Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii. T. I: Slova ukazuyushchie (mestoimeniya) / Slova imenuyushchie: Imena sushchestvitel'nye (Vse zhivoe. Zemlya. Kosmos) [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings. Vol. I: Words indicating (pronouns) / Words calling: Nouns (All living things, Earth., Cosmos)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. XXV. 807 p.
12. Seliverstova O.N. Mestoimeniya v yazyke i rechi [Pronouns in language and speech]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 151 p.
13. Sidorenko E.N. Ocherki po teorii mestoimenii sovremennogo russkogo yazyka [Essays on the theory of the pronouns of modern Russian language]. Kiev; Odessa, Lybid' Publ., 1990. 148 p.
14. Chernyshev V.I., ed. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 13. S–snyat'sya [Dictionary of the modern Russian literary language. Vol. 13. S–snyat'sya]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1962. 757 p.
15. Teliya V.N., Gudkov D.B., Kovshova M.L. Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka [The big phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, AST-Press Publ., 2014. 784 p.
16. Bondarko A.V., chief ed. Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost' [The theory of functional grammar. Personality. Voices]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. 371 p.
17. Khimik V.V. Kategoriya sub»ektivnosti v russkom yazyke: Egotsentricheskii potentsial sub»ektnykh komponentov vyskazyvaniya: dis. ... dokt. filol. nauk [Subjectivity category in Russian: The egocentric potential of the subjective components of the utterance: D. thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 1991. 391 p.
18. Chesnokova L.D. [Semantic types of sentence members with double relations]. In: GenLing.ru: Obshchee yazykoznanie [GenLing.ru: General linguistics]. Available at: <http://genling.ru/books/item/f00/s00/z0000015/index.shtml> (accessed: 28.07.2018).
19. Shvedova N.Yu. Mestoimenie i smysl: Klass russkikh mestoimenii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva [Pronoun and meaning: The class of Russian pronouns and the semantic spaces they open]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. 176 p.

20. Shelyakin M.A. Russkie mestoimeniya: znachenie, grammaticheskie formy, upotreblenie [Russian pronouns: meaning, grammatical forms, usage]. Tartu, Tartu State University Publ., 1986. 91 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Милованова Мария Станиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина;
e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute.

Шамсутдинова Регина Ринатовна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина;
e-mail: RRSamsutdinova@pushkin.institute.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria S. Milovanova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Russian and General Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

Regina R. Shamsutdinova – postgraduate student at the Department of the Russian and General Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: RRSamsutdinova@pushkin.institute

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Милованова М.С., Шамсутдинова Р.Р. Субъективный потенциал местоимений и их функционирование в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 88–101.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-88-101

FOR CITATION

Milovanova M.S. Shamsutdinova R.R. Subjective potential of pronouns and their functioning in the modern Russian language. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 88–101.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-88-101

УДК 811.351.14/16

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-102-112

О ЯЗЫКОВЫХ СОЮЗАХ В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА С ЯЗЫКАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА. ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Мугумова А.Л.¹, Гусейнов Г.-Р. А.-К.²

¹ Дагестанский государственный педагогический университет
367003, г. Махачкала, ул. Ярагского, д. 57, Республика Дагестан,
Российская Федерация

² Дагестанский государственный университет
367000, г. Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43А, Республика Дагестан,
Российская Федерация

Аннотация. Основная цель статьи – критическое рассмотрение попытки одного из современных исследователей дополнительно аргументировать материалом нахских языков гипотезу Вацлава Поляка о славяно-кавказском языковом союзе. Она уже была негативно оценена исследователями, в том числе автором данной статьи. В результате произведённого анализа языковых и историко-лингвистических данных, которые были привлечены для обоснования подобного союза для нахских и славянских языков, была установлена их полная теоретическая и практическая несостоятельность.

Ключевые слова: славяно-кавказский языковой союз, историко-лингвистический и ареальный аспекты.

ABOUT THE LANGUAGE UNIONS IN THE HISTORY OF ANCIENT RELATIONSHIP OF RUSSIAN WITH THE NORTH CAUCASUS LANGUAGES. HISTORICAL LINGUISTIC AND AREAL ASPECTS

A. Mugumova, G.-R. Gusejnov

Dagestan State Pedagogical University
57, Yaragского st., Makhachkala, 367003, Republic of Dagestan, Russian Federation
Dagestan State University

43A, Gadzhieva st., Makhachkala, 367000, Republic of Dagestan, Russian Federation

Abstract. The main objective of the article is to critically examine the attempt of one of the modern researchers to justify with the material of Nakh languages Václav Polyak's hypothesis about the Slavic-Caucasian language union. It was already criticized by researchers, including the author of the article. As a result of the made analysis of language and historical and linguistic data, which were used to justify a similar union of Nakh and Slavic languages, the authors provide their full theoretical and practical insolvency.

Key words: Slavic-Caucasian language union, historical-linguistic and areal aspects.

На сегодняшний день исследование истории взаимоотношений и обусловивших их контактов русского языка с языками народов Северного Кавказа отличается в целом сравнительно высоким уровнем своей изученности. Имея в виду их историю до начала XVIII в., максимально продвинутыми в рассматриваемом аспекте являются языки нахско-дагестанских и тюркских народов Северо-Восточного Кавказа [см. 8].

Что касается более однородного языкового ландшафта Центрального и Западного Кавказа, то специальные исследования, посвящённые данной проблематике, здесь не известны, за исключением наблюдений, посвящённых отдельным лексическим фактам. На их основе были сделаны в своё время, в основном во второй половине XX в., выводы, надёжность которых вызывает значительные сомнения, что отражает вместе с тем общий уровень развития контактологического языкознания того времени.

Их детальный анализ не входит в число задач данной работы, если иметь в виду утверждения о том, что заимствование русских слов в адыгские языки имеет место ещё задолго до образования Киевской Руси, когда между славянами и адыгами существовали торговые, военные и религиозные связи, ибо «древние славяне еще с V–VI веков общаются с адыгами» [3, с. 21]. Вышеозначенное относится и к утверждениям аналогичного порядка, связанным с осетинским языком и древней историей его носителей, ибо, как полагали некоторые из известных его исследователей, контакты скифо-сарматско-аланских племён со славянским миром начинаются с IV в.

н. э., т. е. до распада праславянского языка [1, с. 134–136], как (см. выше) и в отношении адыгов. Полагали также, что «процесс заимствования слов из русского языка в осетинский начался, видимо, еще до монгольского нашествия» [21, с. 213].

Как известно, причиной появления заимствований в том или ином языке являются языковые контакты, к числу следствий которых относятся и языковые союзы [16, с. 134]. Понятие и термин «языковой союз» были впервые сформулированы в статье Н.С. Трубецкого «Вавилонская башня и в смешение языков» (1923), в которой в качестве его примера (Балканский языковой союз) в Европе он назвал балканские языки (болгарский, румынский, албанский и новогреческий), принадлежавшие к совершенно разным ветвям индоевропейской семьи [22]. Уже в 1926 г. Кр. Сандфельд произвёл первое систематическое исследование и интерпретацию всего корпуса балканизмов в грамматике, фразеологии и лексике [26] ([ср. 18]), а в 1930 г. Н.С. Трубецкой писал о языковом союзе как о любой, в принципе, «совокупности языков, обнаруживающих существенное сходство в синтаксическом плане, в принципах морфологического строя, в некотором числе общих культурных слов, а иногда также и внешние аналогии в звуковой системе, но без обязательного сопровождения их закономерными фонетическими корреспонденциями» [27].

В 1946 г. чешский учёный Вацлав Поляк обнародовал концепцию славянско-кавказского языкового союза, возникновение которого было обусловлено, как он полагал, прямым контактом предков некоторых народов

Кавказа с праславянскими жителями части южнорусских степей, о чём свидетельствует заслуживающий, на его взгляд, внимания расцвет типичной кубанско-терской бронзовой культуры, которая проникла в черноморские южнорусские степи до Дуная¹. К свидетельствам, подтверждающим историческое пребывание носителей кавказских языков в ареальной смежной со славянами области, он отнёс ранее упоминавшиеся в западноевропейской лингвистической литературе лексические сходства между славянскими и кавказскими языками – картвельскими и восточнокавказскими, главным образом, дагестанскими. Предложенный союз рассматривался им как проявление конвергентного сближения в рамках евразийского союза [25, S. 27].

Евразийский союз, постулировавшийся ещё в 1931 г. Р.О. Якобсоном, носил одноуровневый фонологический характер [см. 23] и включал большое число языков Европы и Азии, как, в принципе, с ареальной точки зрения, и славянско-кавказский языковой союз, постулированный В. Поляком. Однако при этом следует иметь в виду, что лежащее в основе концепции

евразийского союза противопоставление согласных по мягкости-твёрдости, считающееся одним из наиболее бесспорных из его проявлений, оказывается известным широкому кругу ностратических языков, включая славянский, тохарский, финно-угорский и тюркский [10, с. 325–326], но никак не проявляет себя в каком-либо из не относящихся к ностратическим так называемых кавказских языков, прежде всего тех, лексические материалы которых использовались В. Поляком.

Следует отметить, что интерес к соответствующей проблематике, связанной в основном с Балканским языковым союзом [4; с. 25], а также с другими языковыми союзами [20], имеющими в том числе отношение к кавказским языкам [2], сохраняется и в настоящее время. Не исключено, что укреплению концепции В. Поляка могла способствовать публикация в выходившем с 1922 г. в Праге журнале “Slavia” статьи В.А. Пархоменко, в которой говорилось о «значительном скоплении восточнославянских масс» между Волгой, Доном и Кавказскими горами с VII, если не с VI века» [17, с. 380]. Последнее, в принципе, является явным ареальным и историческим анахронизмом, если принять во внимание время и место выделения восточных славян из праславянской общности, о которой см. в последующем изложении.

Речь, по всей видимости, идёт о так называемых «сакалиба», которых ещё досоветские российские историки отождествляли со славянами. Не случайно, имея в виду дискуссионный характер соответствующего вопроса, примерно в то же время ещё В.В. Мавродин полагал, что «вряд ли следует

¹ Сравнительно недавно данная культура была интерпретирована иным образом – как результат «смешения куро-аракской (картвельской) культуры, продвинувшейся из Закавказья, со степной кубано-днепровской (индоарийской) – из Прикубанья», что поддерживается, на взгляд автора данной концепции, тем, что индоарийские заимствования в картвельской и грузинско-занской общностях являются следствием продвижения переднеазиатских индоариев из Северного Причерноморья через Кавказ (критический анализ её языкового аспекта см. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А.Л. Ещё раз об индоевропеизации Кавказа (по данным лингвистики) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017. Вып. XXI. С. 185–193).

отрицать наличие славян в составе “сакалибов” на Дону и на Кавказе, правда, не в виде сплошного населения, как это предполагал В.А. Пархоменко, а в виде отдельных поселений, родов и племен» [15, с. 18]. При этом, имея в виду обозначенные хронологические рамки статьи – X–XIV вв. – следует полагать, что речь в его статье должна идти о древнерусском, но не праславянском населении рассматриваемого региона.

Кроме того, под вышеупомянутыми сакалиба мог подразумеваться, как до сих пор полагают некоторые исследователи, и тюркоязычный этнос, если иметь в виду, в частности, его упоминание арабскими авторами и в Дагестане¹. Тем более, что с сакалиба чаще всего арабы ассоциировали тюрок – волжских булгар и куманов [19], которые были представлены и на Северном Кавказе. Не случайно, надо полагать, что арабский географ Ибн-ал-Факих (около 903 г.), писал, что гора Кабк (Кавказ), в пределах которой находится нынешний Дагестан, «соседит со страной греков до границ алан и доходит до страны славян. На ней есть также род славян, остальные армяне...» [15, с. 17].

Однако уже в примечании к статье В. Поляка известный чешский лингвист Вацлав Махек (1894–1965) весьма обоснованно, как будет показано в последующем изложении в связи с другой концепцией аналогичного порядка,

¹ См.: Гусейнов Г.-Р. А.-К. Праславяне-сакалиба на Волге, Дону и в Дагестане в аспекте древних взаимоотношений русского языка с тюркскими языками народов Северо-Восточного Кавказа и «аргумент ржи» // IX Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие». М.: Икар, 2008. С. 11–18.

указывал, что нескольких лексических схождений явно недостаточно для тех далеко идущих выводов, которые делает её автор. Тем более, что между славянами и кавказцами не было прямого соседства, а толкование собственных имён (анты, киммерийцы) на кавказском языковом материале, как и соединение этнических групп с определёнными праисторическими культурами, только возможность и ничего больше [см. 25, s. 30 сноски 1].

В дальнейшем несостоятельность концепции славянско-кавказского языкового союза В. Поляка (1946) и была показана нами [см. 9; 24], что приобрело в последующем хрестоматийный характер [см. 11, с. 173–174]. Однако сравнительно недавно к концепции славянско-кавказского союза вновь обратился, также на базе лексики и отчасти морфологии нахских (чеченского, ингушского и бацбийского) языков, А.Д. Вагапов, который первоначально в своей монографии посредством столь же неквалифицированного, как В. Поляк, рассмотрения лексических сходств, игнорируя необходимый в подобных случаях учёт сопутствующих ареальных и исторических фактов, априорно исходил из того, что «многочисленные письменные источники свидетельствуют о том, что славянские и северокавказские племена, по крайней мере, с VI–VII веков интенсивно контактировали на обширной территории от Северного Кавказа до Северного Причерноморья» [7, с. 16].

И в последующем в своей кандидатской диссертации он продолжает утверждать, что «материалы славянских и нахских языков, рассматриваемые в плане ареальной лингвистики, дадут

дополнительный импульс и вектор в изучении истории славянских и нахских языков с точки зрения языкового союза В. Поляка» [5, с. 5; 6, с. 4].

Соответственно цель настоящей публикации заключается в критическом рассмотрении дополнительной аргументации гипотезы Вацлава Поляка о славяно-кавказском языковом союзе, предпринятой А.Д. Вагачевым на материале нахских языков. Предметом нашей статьи является в соответствии с указанной выше её целью анализ теоретических положений исследования А.Д. Вагачева с привлечением дополнительных историко-лингвистических и ареальных материалов.

При этом создаётся впечатление, что лейтмотивом монографии А.Д. Вагачева (издана в 1994 г.), в которой были обнародованы основные положения концепции автора, является следующее из них, возможно, ангажированное известными событиями конца XX в. в регионе: о несостоятельности «антинаучных заявлений некоторых историков об отсутствии до XVI века [время появления первых русских поселенцев-казаков] постоянного вайнахского населения на плоскости, особенно затеречных районов» [7, с. 16] (последние с их абсолютно преобладавшим русским населением были включены в состав республики только в 1957 г.).

В кандидатской диссертации это положение было заменено А.Д. Вагачевым иным, более неопределённым и обтекаемым тезисом, согласно которому её научная новизна «заключается в том, что она даёт определенные основания говорить о том, что имели место длительные и интенсивные славяно-нахские связи с древнейших времён.

Не убедительна, на наш [А.Д. Вагачева] взгляд, противоположная точка зрения о том, что контакты чеченского языка с русским представляют позднейший этап в истории чеченской лексики дооктябрьского периода, начало которого относят к дооктябрьскому периоду» [6, с. 4–5], с добавлением в заключительной части автореферата: «и что все контакты вайнахов с внешним миром происходили непременно через посредство тюрков или алано-осетин» [5, с. 15].

Известно, что подобный характер контактов присущ практически всем языкам бывшего СССР, которые исторически не имели непосредственного территориально смежного контакта с носителями славянских, а также русского языков, при том, что тюркские языки имеют достаточно древнюю историю непосредственных взаимоотношений со славянскими языками [13]. Тем более, что какие-либо достоверные исторические и языковые данные о том, что «имели место длительные и интенсивные славяно-нахские связи с древнейших времён», на сегодняшний день неизвестны.

Так, праславянская языковая общность существовала до её распада в конце I тыс. н. э. (V–VII вв. н. э.), как, в принципе, и прапанахская, единство которой имело место до середины I тыс. до н. э. Первая локализуется в тех или иных ареалах, территориально значительно отдалённых от Северо-Восточного Кавказа, где проживают носители вайнахских (чеченского и ингушского) языков, вторая – висло-одерском, среднедунайском или среднечеченском. Предки вайнахов – прапанахи – только с эпохи Золотой Орды, в конце раннего–начале позднего средневеко-

вья, начинают двигаться из Закавказья к северу и лишь затем, в позднем средневековье, начинается миграция вайнахов к востоку (будущие чеченцы) и к западу (будущие ингуши) [см.: 8, с. 9–10; 14, с. 21].

Однако, как полагает, вопреки вышеизложенному, А.Д. Вагапов, «...основная масса наиболее ранних и прочно вошедших в словарный состав нахского языка заимствований обязана своим происхождением индоевропейским языкам, в частности, славянским. Влияние индоевропейской лексики на нахскую было не только наиболее ранним по времени, но и наиболее сильным по воздействию в процессе формирования словарного состава нахского языка» [5, с. 5; 6, с. 4].

Соответственно какие-либо свидетельства индоевропейского воздействия на нахский не приводятся, но свою квалификационную работу А.Д. Вагапов завершает утверждением, что «всё это свидетельствует о длительных и интенсивных славяно-нахских связях с древнейших времен, а значит не соответствует фактам вывод Г.-Р. Гусейнова [см. 9, с. 171] о том, что контакты чеченского языка с русским представляют позднейший этап в истории чеченской лексики дооктябрьского периода». Затем, воспроизведя дословно приведённый в предшествующем изложении отрывок («Напротив, основная масса наиболее ранних и прочно вошедших в словарный состав нахского языка заимствований обязана своим происхождением индоевропейским языкам, в частности, славянским»), А.Д. Вагапов приводит в изменённом виде ещё один уже цитировавшийся нами выше отрывок, ср.: «Влияние индоевропейской

лексики на нахскую (если речь идёт о возможном в принципе отдалённом генетическом родстве этих языков) было не только наиболее ранним по времени, но и наиболее сильным по воздействию в процессе формирования словарного состава нахского языка. Полученные результаты дают, безусловно, дополнительную аргументацию гипотезы Вацлава Полака о славяно-кавказском языковом союзе. Дальнейшие исследования в данном направлении, надо полагать, дадут ещё более веские доказательства её истинности» [6, с. 208–209].

Так, в вышеуказанном отношении А.Д. Вагапов воспроизводит положение, содержащееся в его монографии, по которому «индоевропейские и нахские языки состоят в более близких генетических отношениях, чем нахские и дагестанские»¹, но далее продолжает: «Рассматриваемый... лексический материал *как будто* [курсив наш, – А.М., Г.-Р.Г.] свидетельствует в пользу по-

¹ Об их невозможности см.: Гусейнов Г.-Р. А.К. Об одной новейшей концепции взаимных отношений нахских и славянских языков // Тезисы докладов II Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Симпозиум III. Ч. I. Пятигорск: ПГЛУ, 1998. С. 122–125; Гусейнов Г.-Р. А.-К. Некоторые языковые аспекты (вай)нахского этногенеза. К вопросу о древнейших взаимосвязях (вай)нахских и славянских (индоевропейских) языков в историко-лингвистическом, лексико-статистическом и ареальном контексте // Тезисы докладов Девятого международного colloквиума Европейского общества кавказоведов. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН, 1998. С. 208–210; Гусейнов Г.-Р. А.-К. (Восточно)кавказский или индоевропейский? Об одной новейшей концепции генетической принадлежности нахских языков // Тезисы докладов XI Colloквиума Европейского Общества Кавказоведов. М.: Макс-Пресс, 2002. С. 31.

следней точки зрения» [7, с. 6]. Видимо, поэтому в автореферате им приводятся не подкреплённые какими-либо доводами «примеры» [5, с. 16–17] лексических сходств нахских языков с материалом некоторых германских, в т. ч. древних, языков. По его мнению, они якобы «наглядно свидетельствуют о непосредственных и, по всей видимости, длительных контактах вайнахских племен с населением Восточно-Европейской равнины» не только со славянами, но и варягами».

Однако в текст его диссертации они по непонятным причинам так и не вошли. И не случайно, как справедливо указывал выдающийся кавказовед Г.А. Климов [12, с. 7]: «Несмотря на обилие самых различных и иногда уже давно сформулированных гипотез..., совершенно неясными остаются генетические взаимоотношения кавказских языков или их отдельных групп с другими языками. Адептами этих гипотез являются, как правило, авторы,

поверхностно знакомые с материалом этих языков».

Таким образом, предполагать какие-либо непосредственные взаимосвязи пранахов с праславянами даже а posteriori не представляется возможным в силу отсутствия территориальной смежности ареалов проживания их носителей. И в послезолотоордынское время начало установления самих русско-чеченских связей, которое имело место в Притеречной зоне, где проживали терские казаки, относится лишь к концу XVII–началу XVIII вв.¹. Именно с этого времени, подобно другим народам Северного Кавказа, и стали развиваться русско-чеченские языковые связи.

Статья поступила в редакцию 30.08.2018 г.

¹ Гусейнов Г.-Р. А.-К. О (старо)кумыкском происхождении гребенских казаков-гуноевцев в контексте вопроса об этноязыковой принадлежности средневекового населения Терско-Сулакского междуречья // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 130–138.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. 168 с.
2. Алексеев М.Е. Кавказский языковой союз или кавказские языковые союзы? // Тезисы докладов конференции «Языковые союзы в Евразии». М.: Институт языкознания РАН, 2005. С. 9–10.
3. Апажев М.Л. Влияние русского языка на кабардинский. Вопросы лексики, семантики, фонетики: дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1963. 152 с.
4. Балканское языкознание: итоги и перспективы (материалы румынско-русского симпозиума, Санкт-Петербург, 2–3 октября 2009 г.) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2009. Т. V. Ч. 1. с. 5–338.
5. Вагапов А.Д. Нахско-славянские лексические изоглоссы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Грозный, 2005. 19 с.
6. Вагапов А.Д. Нахско-славянские лексические изоглоссы: дисс. ... канд. филол. наук. Грозный, 2005. 245 с.
7. Вагапов А.Д. Славяно-нахские лексические параллели. Грозный, 1994. 191 с.
8. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений русского языка с языками народов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана. Махачкала: ИП Овчинников, 2010. 214 с.

9. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К истории чеченской лексики (на материале русско-чеченских языковых контактов): дисс. ... канд. филол. наук. Грозный, 1979. 178 с.
10. Иванов Вяч. Вс. Контакты праславянского языка с тохарским // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1998. С. 325–330.
11. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986. 209 с.
12. Климов Г.А. Кавказские языки // Дагестанский лингвистический сборник. М.: Academia, 1997. С. 7–10.
13. Кожевникова Е.А. Тюркизмы в современном русском языке // Грани познания (электронное периодическое издание). 2009. № 1(2). URL: <http://www.grani.vspu.ru> (дата обращения: 5.08.2018).
14. Коряков Ю.Б. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006. 76 с.
15. Мавродин В.В. Славянорусское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Учёные записки Ленинградского госпединститута им. А.И. Герцена. 1938. Т. 11. С. 7–49.
16. Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта, 2016. 160 с.
17. Пархоменко В.А. Киевская Русь и Хазария (роль хазарского торгового капитала в истории Киевской державы) // *Slavia*. 1927. Т. VI. № 2–3. С. 380–387.
18. Русаков А.Ю., Соболев А.Н. Субстанциально-функциональная теория балканского языкового союза и славянские языки. Доклад к XIV Международному съезду славистов в Охриде, Македония. СПб.: Наука, 2008. 40 с.
19. Сакалиба [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/330964> (дата обращения: 5.08.2018).
20. Тезисы докладов конференции «Языковые союзы в Евразии». М.: Институт языкознания РАН, 2005. 90 с.
21. Тресков И.В. и др. О роли русского языка и русской культуры в развитии языков и культур народов Северного Кавказа / Тресков И.В., Керашева З.И., Кулаев Н.Ф., Туркаев Х.В. // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976. С. 201–215.
22. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Директ-Медиа, 2013. С. 450–469.
23. Эдельман Д.И. К теории языкового союза // Вопросы языкознания. 1978. № 3. С. 110–115.
24. Gusejnow G. Zur Frage des slawisch-kaukasischen Sprachbundes // *Sprache in Geschichte und Gegenwart*. Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1980. S. 139–145.
25. Polák V. K problemu lexikálního shodu mezi jazyky kavkazskými a jazyky slovanskými (Kritický a historický přehled dosavadní práce) // *Listy Filologické a Pedagogické*. 1946. ročník 70. S. 23–31.
26. Sandfeld K. *Balkanfilologien. En oversigt over dens resultater og problemer*. København: Bianco Lunos, 1926. 126 S.
27. Trubetzkoy N.S. Proposition 16. Über den Sprachbund // *Actes du premier Congrès international de linguistes à la Haye (du 10–15 Avril 1928)*. Leiden: A.W. Sijthoff, 1930. Vol. 1. S. 17–18.

REFERENCES

1. Abaev V.I. Skifo-evropeiskie izoglossy na styke Vostoka i Zapada [Scythian-European isoglosses at the crossroads of East and West]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 168 p.
2. Alekseev M.E. [Caucasian language Union or Caucasian language unions?]. In: Tezisy dokladov konferentsii "Yazykovye soyuzы v Evrazii" [Abstracts of the conference reports "Linguistic alliances in Eurasia"]. Moscow, Institut yazykoznanіya RAN Publ., 2005. pp. 9–10.
3. Apazhev M.L. Vliyanіe russkogo yazyka na kabardinskii. Voprosy leksiki, semantiki, fonetiki: dis. ... kand. filol. nauk [The influence of the Russian language in Kabardian. Questions of vocabulary, semantics, phonetics: PhD thesis in Philological Sciences]. Nalchik, 1963. 152 p.
4. [Balkan linguistics: results and perspectives (proceedings of the Romanian-Russian Symposium, St. Petersburg, 2–3 October 2009)]. In: Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanіy [Acta linguistica Petropolitana], 2009, Vol. V, Part 1, pp. 5–338.
5. Vagapov A.D. Nakhsko-slavyanskіe leksicheskie izoglossy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Nakh-Slavic lexical isoglosses: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Groznyi, 2005. 19 p.
6. Vagapov A.D. Nakhsko-slavyanskіe leksicheskie izoglossy: dis. ... kand. filol. nauk [Nakh-Slavic lexical isoglosses: PhD thesis in Philological Sciences]. Groznyi, 2005. 245 p.
7. Vagapov A.D. Slavyano-nakhskie leksicheskie paralleli [Slavic-Nakh lexical Parallels]. Groznyi, 1994. 191 p.
8. Guseinov G.-R. A.-K. Istoriya drevnikh i srednevekovykh vzaimootnoshenіy russkogo yazyka s yazykami narodov Severo-Vostochnogo Kavkaza i Dagestana [History of ancient and medieval relations of the Russian language with the languages of the peoples of North-Eastern Caucasus and Dagestan]. Makhachkala, IP Ovchinnikov Publ., 2010. 214 p.
9. Guseinov G.-R. A.-K. K istorii chechenskoi leksiki (na materiale russko-chechenskikh yazykovykh kontaktov): dis. ... kand. filol. nauk [On the history of Chechen vocabulary (on the material of Russian-Chechen language contacts): PhD thesis in Philological Sciences]. Groznyi, 1979. 178 p.
10. Ivanov Vyach. Vs. [Contacts of Proto-Slavic language with Tochar]. In: Slavyanskoe yazykoznanіe. XII Mezhdunarodnyi s»ezd slavistov. Doklady rossiiskoi delegatsii [Slavic linguistics. 12 international Congress of Slavists. Reports of the Russian delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1998. pp. 325–330.
11. Klimov G.A. Vvedenie v kavkazskoe yazykoznanіe [Introduction to the Caucasian linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 209 p.
12. Klimov G.A. [Caucasian languages]. In: Dagestanskii lingvistikheskii sbornik [Dagestan linguistic collection]. Moscow, Academia Publ., 1997. pp. 7–10.
13. Kozhevnikova E.A. [The türkisms in the modern Russian language]. In: Grani poznaniya (elektronnoe periodicheskoe izdanie) [Facets of cognition (e-periodical)], 2009, no. 1(2). Available at: <http://www.grani.vspu.ru> (accessed: 5.08.2018).
14. Koryakov Yu.B. Atlas kavkazskikh yazykov [Atlas of Caucasian languages]. Moscow, Pilgrim Publ., 2006. 76 p.
15. Mavrodin V.V. [Slav-Russian population of the Lower Don and North Caucasus in the 10–14th centuries]. In: Uchenye zapiski Leningradskogo gospedinstituta im. A.I. Gertsena [Scientific notes of the Herzen Leningrad State Pedagogical Institute], 1938, vol. 11, pp. 7–49.
16. Pan'kin V.M., Filippov A.V. Yazykovye kontakty: kratkii slovar' [Language contacts: a brief dictionary]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 160 p.

17. Parkhomenko V.A. [Kievan Rus and Khazaria (the role of the Khazar merchant capital in the history of Kievan state)]. In: Slavia [Slavia], 1927, vol. VI, no. 2–3, pp. 380–387.
18. Rusakov A.Yu, Sobolev A.N. Substantsial'no-funktsional'naya teoriya balkanskogo yazykovogo soyuza i slavyanskije yazyki. Doklad k XIV Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov v Okhride, Makedoniya [Substantial-functional theory of the Balkan linguistic Union and the Slavic languages. Report to the 14th International Congress of Slavists in Ohrid, Macedonia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. 40 p.
19. [Sakaliba]. In: Akademik [Academician]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/330964> (accessed: 5.08.2018).
20. Tezisy dokladov konferentsii "Yazykovye soyuzy v Evrazii" [Abstracts of the conference "Linguistic alliances in Eurasia"]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN Publ., 2005. 90 p.
21. Treskov I.V., Kerasheva Z.I., Kulaev N.F., Turkaev Kh.V. [On the role of the Russian language and Russian culture in the development of languages and cultures of the peoples of the North Caucasus]. In: Razvitie yazykov i kul'tur narodov SSSR v ikh vzaimosvyazi i vzaimodeistvii [The development of languages and cultures of the Soviet peoples in their interrelation and interaction]. Ufa, 1976. pp. 201–215.
22. Trubetskoi N.S. [The tower of Babel and the confusion of languages]. In: Trubetskoi N.S. Nasledie Chingiskhana [The Legacy of Genghis Khan]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2013. pp. 450–469.
23. Edel'man D.I. [To the theory of linguistic Union]. In: Voprosy yazykoznaniya [Topics in the study of language], 1978, no. 3, pp. 110–115.
24. Gusejnow G. Zur Frage des slawisch-kaukasischen Sprachbundes. In: Sprache in Geschichte und Gegenwart. Jena, Friedrich-Schiller-Universität, 1980. S. 139–145.
25. Polák V. K problem lexikálnich shod mezi jazyky kavkazskými a jazyky slovanskými (Kritický a historický přehled dosavadní práce). In: Listy Filologické a Pedagogické, 1946, ročník 70, S. 23–31.
26. Sandfeld K. Balkanfilologien. En oversigt over dens resultater og problemer. Kobenhavn, Bianco Lunos, 1926. 126 S.
27. Trubetzkoy N.S. Proposition 16. Über den Sprachbund. In: Actes du premier Congrès international de linguistes à la Haye (du 10–15 Avril 1928). Leiden, A.W. Sijthoff, 1930. Vol. 1. S. 17–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мугумова Анна Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Дагестанского государственного педагогического университета;
e-mail: garun48@mail.ru.

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета;
e-mail: garun48@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna L. Mugumova – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Theory and History of the Russian language, Dagestan State Pedagogical University;
e-mail: garun48@mail.ru.

Garun-Rashid A.-K. Guseinov – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of the Russian language, Dagestan State University;
e-mail: garun48@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мугумова А.Л., Гусейнов Г.-Р. А.-К. О языковых союзах в истории древних взаимоотношений русского языка с языками северного Кавказа. историко-лингвистический и ареальный аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 102–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-102-112

FOR CITATION

Mugumova A.L., Guseinov G.-R. A.-K. About the language unions in the history of ancient relationship of Russian with the North Caucasus languages. Historical linguistic and areal aspects. In: Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 102–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-102-112

УДК 81 -13; 81.411.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-113-129

К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ: ФСК ВЗАИМНОСТИ И ФСК ТЕМПОРАЛЬНОСТИ

Радзиховская В.К.

Московский педагогический государственный университет

119991, Москва, улица Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация. Статья исследует взаимодействие полей (взаимности и темпоральности), т. е. задачу, поставленную в функциональной грамматике, выделяющей поле взаимности в поле залоговости. Порождающая модель поля взаимности, подвергаясь в процессе реализации в речи конвергенции (от сложносочинённого предложения к простому и слову) и дивергенции (от слова к простому предложению и сложносочинённому предложению), является в тексте и сложносочинённым предложением, и простым, и сочетанием слов в членах предложения – их фразеологизацией, и словом, несущим информацию о взаимных отношениях. Автором поднимается проблема субъективно-объективного характера функционально-семантической категории темпоральности, раскрываемая во взаимодействии с хронотопом поля взаимности, что важно для методологии исследования функционально-семантических полей и лингводидактики. При этом выявляется автономность субъективного времени поля взаимных отношений, фиксируемого преимущественно лексически (периферией функционально-семантических категорий), и объективность семантики грамматического центра функционально-семантической категории темпоральности, реализующейся в речевых актах мысле-рече-языковой деятельности относительно момента речи.

Ключевые слова: темпоральность, объективное и субъективное время, хронотоп поля взаимности, предмет взаимных отношений.

INTERACTION OF FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORY: FSC OF RECIPROCITY AND FSC OF TEMPORALITY

V. Radzikhovskaya

Moscow State Pedagogical University

1 build. 1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russian Federation

Abstract. The article explores the interaction of fields (reciprocity and temporality), i.e. the task posed in the functional grammar, that highlights the field of reciprocity in the field of voice. The generating model of the field of reciprocity undergoes the convergence in the process of realization in speech (from a complex sentence to a simple word) and divergence (from a word to a simple sentence and a complex sentence). In the text, the model can be a complex sentence, and a simple one, and a combination of words in the sentence members - their idiom, or a word that carries information about mutual relations. The author raises the problem of the subjective-objective nature of the functional-semantic category of temporality, which is revealed in inter-

action with the chronotope of the field of reciprocity. This is important for the methodology of research of functional-semantic fields and linguodidactics. The author reveals the autonomy of the subjective time of the field of mutual relations, which is fixed mainly lexically (the periphery of the functional-semantic categories). As well as the objectivity of the semantics of the grammatical center of the functional-semantic category of temporality, which is realized in speech acts of thought-speech-language activity.

Key words: temporality, objective and subjective time, chronotope of the field of reciprocity, the subject of mutual relations.

Исследование функционально-семантической категории (ФСК) взаимности проводится с целью выявления её формирования и функционирования на основе понимания её **порождающей модели** и **программы информирования** о взаимном значении, заложенном в деструктурном состоянии слова [14; 27]: *действия субъектов, связь которых обусловлена их объектной зависимостью друг от друга, прямой или косвенной*, – развёрнуто представленной в тексте сложносочинённым предложением ($A_s:Pr:B_o + B_s:Pr:A_o$, где A_s – субъект, он же объект, B_o – объект, он же субъект” [20]), способным сворачиваться в простое предложение $A_{so}:Pr:B_{os}$, уплотняться (конвергироваться) по форме в A с B -ом :Pr или A и $B:Pr$ *друг друга (друг с другом, друг за другом и т. д.)*, используя местоимённые построения взаимного значения, в словообразовательные конфикальные формы взаимно-возвратных глаголов, вплоть до слова, вновь открытого для исходной дивергентной конструкции сложного предложения [26], в целом при этом опираясь на концепцию **оценки** как основания формирования мысле-рече-языковой деятельности и языка как результата этой деятельности [2; 5].

Сама ФСК взаимности поэтому понимается широко, включая в себя полувзаимные глаголы, затронутые ещё

в исследовании Н.А. Янко-Триницкой [39], но не только глаголы, обозначающие ответное действие, такие как *отозваться, откликнуться*, по А.В. Попову [23]. Под наблюдением оказываются также глаголы, инициирующие создание поля взаимных отношений, например, *спросить, позвать*. Кроме того, из эксперимента не исключаются глаголы, определённые нами¹ как взаимно-объектные, не ускользнувшие от внимания проф. В.П. Недялкова в его типологии взаимных конструкций [16]. Известными грамматическими трудами А.А. Холодовича [35], В.С. Храковского [36], лексико-семантическим трудом Ю.Д. Апресяна [1] поддерживается рассмотрение в пределах функционально-семантической категории взаимности конверсной лексики, формирующей ситуацию взаимных отношений (*купить – продать, спросить – ответить* и т. д.). В семантическое поле взаимных отношений попадает также позиция объекта взаимных отношений как момент порождающей модели взаимной семантики, не безразличной к её лексическому наполнению, что отмечает лексикография толкованием исследуемого язы-

¹ Подробнее см.: Радзиховская В.К. О залоговой характеристике глаголов взаимного действия // Развитие и функционирование русского глагола. Сборник № 133. Волгоград: Издательство Волгоградского пединститута имени А.С. Серафимовича, 1980. С. 61–69.

кового материала [27], банк которого представлен в нашем эксперименте более 6000-ами фактов. Номинация так называемого нами «предмета взаимного интереса» настолько существенна в создании поля взаимности, что позволяет исследователю рассматривать ФСК взаимности не только из её грамматического центра, формирующегося в поле залоговости, солидно обследуемого в функциональной грамматике, но и приглашает нас войти в функционально-семантическое поле взаимности со стороны лексической периферии: периферия же, конечно, ориентируется на грамматику, чтобы не выпасть из языковой системы, и нарабатывает лексику грамматической значимости [3, с. 14], с помощью которой формируется и грамматическое единство ФСК взаимности как её категориальная единица [3, там же]. При формировании грамматического единства ФСК взаимности используются слова-квалификаторы (лексика грамматической значимости), например, *взаимно все друг за друга ручаемся* [9, т. I, с. 208], *обоюдное нарушение* (спорт. комментатор, ТВ, «Самара», 2018), *вдруг песня хором грянула / Удалая, ... согласная* – ‘приведенная по звучанию в согласие’ [17, с. 11] и др. Что лексико-грамматическое единство не препятствует истолкованию поля как единства грамматического [3, с. 14], подтверждается и становлением грамматики в онтогенезе, которое и держит связную речь, ведёт ребёнка в язык в периоде своеобразной детской речи [28]. Наименование объекта взаимных отношений по-разному участвует в формировании соответствующей ситуации: предмет может быть не назван, а может сознательно утаиваться,

но может и поглощаться (квантоваться, например, с глаголом) – лексикализироваться: *...За скромным обедом вяло перебрасывались незначительными замечаниями* (Шолохов), фразеологизироваться: *«дело дошло до ножей, до драки»* [9, т. III, с. 460]. И исчезать полностью. Оставаясь в этом движении свободной, лексическая периферия сохраняет свою автономию (об автономности периферии как свойстве сложной системы см. [13, с. 314]), сохраняя иерархичность как свойство самоорганизующихся сложных систем, и в этом отношении не затрагивать грамматический центр поля ФСК. Однако именно на периферии грамматические категории «теряют свой застывший и неподвижный вид и становятся принципами бесконечно разнообразных значений в зависимости от живого контекста речи» [15, с. 196]. В поле взаимных отношений на периферии ФСК взаимности в лексике усиливается центробежное движение, возникает явление вторичной номинации предмета взаимного интереса. Центростремительные силы ведут периферийную лексику в функциональный центр ФСК взаимности в речи – ФСП взаимности – в грамматическую основу коммуникативной единицы, предложения: *Взаимно.; Долги погашаются.* – выстраивают коммуникацию.

Одна и та же порождающая модель поля взаимных отношений: действие субъектов, связь которых обусловлена их объектной зависимостью друг от друга, прямой или косвенной, – естественно реализуясь на глагольной основе [20], в силу тяготения периферии к центру, стремления попасть в грамматическую основу коммуникативной единицы допускает отклонения в

пользу имён. В грамматической основе предложения могут оказаться имена – наименования лиц – *субъектов* взаимных отношений в сказуемом, и предмета взаимного действия – *объекта* в подлежащем конструкции страдательного залога, и как вариант этого последнего предметного проникновения в построение предложения могут оказаться наименования *орудий действия*, выступающие как квалификаторы характера взаимных отношений (они **на ножах** [9, т. III, с. 460]). Таким образом, порождающая модель поля взаимности подвижна и позволяет в речи использовать частеречную организацию семантики взаимных отношений в стилистических целях.

В поле взаимных отношений происходит взаимодействие всех ведущих к формированию ФСК взаимности категорий:

- более всего **конструирующей** её – функционально-семантической категории персональности (в которой происходит уравнивание действующих сторон)¹;

- **адаптирующей** ситуацию взаимных отношений по оценке – функционально-семантической категории модальности (благодаря чему смещается и даже исчезает в представлении взаимных отношений противоположение по реальности/нереальности)²;

- **координирующей** актуализацию взаимного значения – функционально-семантической категории темпоральности (поскольку поле взаимности имеет свой хронотоп), – что и является здесь предметом особого внимания;

- пространство и мера поля взаимности организуется функционально-семантическими категориями предметности и квантитативности;

- направление движения поля взаимности регулируется функционально-семантическими категориями причины/цели – следствия, что в целом, отвечая на вопрос: *кто/что направляет* это движение, *правит миром*, – по **оценке** и функциональной целесообразности [2, с. 11] поднимает языковую культуру до уровня формирующегося на данный момент феномена «языкового идеала» [22], выводя всю триаду мысле-рече-языкового единства в эстетические категории *прекрасного* (*умного и доброго*), что сказывается на эстетической составляющей языка [4, с. 188–214].

В системе взаимодействия полей в ситуации взаимных отношений функциональная координация всех моментов мысле-рече-языкового действия обусловлена соотношением внешних по отношению к нему моментов и его собственным внутренним движением, поскольку **время** – это и есть отношение состояния *внешнего мира* к *внутреннему* состоянию рассматриваемого события – *пространство существования*. **Время** – это, по определению В.И. Даля, «пространство бытия», «длительность бытия»; «сила в своих *развитиях*» [9, т. I, с. 264] – **отношение бытия к бытию** («время за нами, время перед нами, а при нас его нет» [9,

¹ см.: Кирьянов А.П., Радзиховская В.К. Синергетизм квантовой парадигмы в научно-практической деятельности // Проблемы исторического познания: сборник статей. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2013. С. 77–93.

² см.: Кирьянов А.П., Радзиховская В.К. Причинность и случайность альтернативы в сложной системе. // Проблемы исторического познания: сборник статей. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 120–138.

т. I, там же]) – сказать что-либо надо вовремя. Такое понимание *времени* даёт основание принять определение времени, данное В.П. Катаевым: «Время есть отношение небытия к бытию» (ТВ, «Культура», 26.12.2016) – это как раз *время при нас*, которое мы можем / не можем понимать, осваиваем (осваивая, не всегда понимаем), создаём, отражая ситуацию поля взаимных отношений как закрытую структуру.

В темпоральности поля взаимности мы различаем два плана: внешний, состоящий в соотнесённости времени взаимных отношений с моментом речи, и внутренний, представляющий соотношение времени действия участников взаимного действия относительно друг друга. Фоновой по отношению к полю взаимных отношений выступает лексика, которая находится на периферии системы средств, обслуживающих языковое поле взаимности, но в которой также кодируются временные параметры интересующего нас события – фрагмента поля взаимных отношений. Для каждого момента поля взаимных отношений есть определённое пространство-время (свой хронотоп): *взятка* – событие названо по предмету взаимных отношений со стороны адресата, в исторических документах XIX в. оно фиксировалась и как *подарок* для *благосклонности*, и как *защита от проблем* (историк Е. Корчмина, Радио России, «Persona grata» В. Ушканов, 23.07.2016) – номинация шла со стороны адресанта, как и используемое ещё в современной речи *благодарность*; *взятка* и *взятничество* – «систематическое пользование взятками» [32, т. I, столбец 286] различаются по временным параметрам.

К внешним воздействиям носителей темпоральной семантики относятся лексические компоненты в обстоятельственных синтаксических конструкциях, выстраивающие поле взаимных отношений. Контекст так или иначе модифицирует временные параметры поля взаимности: *И он [Бах. – В. Р.] приспособился между двумя хоралями бежать в ближнюю пивнушку: отыграет начало – и туда; пока длится проповедь, вполне успеешь вытянуть кружечку, поговорить с друзьями; а как проповедь подходит к концу, он опять на месте, за органом, опять – хорал...* [29, с. 478] – внутреннее время поля взаимных отношений: *поговорить с друзьями* – измерено здесь внешними по отношению к нему событиями: *пока длится проповедь* и *между двумя хоралями* – известными своими временными параметрами безотносительно к моменту речи; *Я покорюсь моему счастью так, как другие покоряются несчастью, но я не могу отделаться от страха перед будущим.* [6, с. 69] – план будущего определяется во внешней характеристике по отношению к моменту речи конкретной ситуации или в обобщённом вневременном значении: *Контракты, как и люди, недолговечны* (полемика по ТВ, 2015).

Внутреннее время взаимных отношений, понимаемое как ‘длительность’ [38, с. 137] протекает неоднородно: *У меня с ним разговор короткий* [31, с. 44]; *Был он долгодотоски – Летний бой за этот самый Населённый пункт Борки* [31, с. 124]. Поле взаимности в языке-речи-мысли хранит механизмы согласования всех моментов действия, определяемых субъективными временными параметрами, его создаю-

щими. Внутреннее время поля взаимности как синхронизация взаимных действий есть результат выключения его из внешних взаимодействий.

А. Герман: *У счастья нет времени, ни прошлого, ни будущего, есть только мгновения, такие вспышки* («Памяти А. Герман» – док. фильм, ТВ, «Культура», 2014). Близкое к такому пониманию темпоральной характеристики поля взаимности, получающего номинацию *счастье*, кроется и в несогласии с выражением: *С новым годом, новым счастьем*, – высказанным профессором Университета культуры Е. Атикович: *Счастье либо есть, либо нет. Это не та категория, которая обновляется* (Радио России, 06.2016), понимание своего субъективного времени, может быть, интуитивное понимание/непонимание автономности темпоральной характеристики взаимодействия с миром является и в высказывании Базарова: *А что касается до времени – отчего я от него зависеть буду? Пускай же лучше оно зависит от меня* [34, с. 47] – *‘Мое время главное, я веду время, я правлю миром’*, – так выводит И.С. Тургенев главного героя своего времени.

Онтологически соотнесение внутреннего субъективного времени поля взаимности (как события) с осью внешнего объективно текущего времени (фиксируемого субъективными речевыми актами в реальном мире), в котором «прячется» *счастье, судьба*, основанная на реализации взаимных отношений, становится точкой отсчёта для выяснения субъективного будущего: *Гадает ветреная младость, / Которой ничего не жаль, / Перед которой жизни даль / Лежит светла, необозрима; / Гадает старость сквозь очки / У*

гробовой своей доски, / Все потеряв невозвратно; / И все равно: надежда им / Лжет детским лепетом своим. [25, гл. 5, стр. VII].

О времени соотнесения взаимных отношений писателя с миром – субъективном времени поля взаимности, очевидно, говорил В.П. Катаев, когда советовал писать воспоминания не в хронологическом порядке, думая о времени не по отношению к моменту речи, но о том моменте времени, которое хранится в слове как стимуле порождения речи. В его определении времени («Время есть отношение небытия к бытию» – ТВ, «Культура», 26.12.2016), как и в приведённом высказывании тургеневского героя, время просматривается с точки зрения его восприятия, возможности/невозможности познания и освоения. На основании этой связи, устанавливаемой посредством обработки информации, может быть, появляется антиципация (предвосхищение) событий. Определение В.П. Катаева приемлемо с позиции квантовых представлений о мире и взаимодействии в нём. Этот временной параметр представляется не грамматической организацией речи, не моментом речи, но лексической компонентой языка – словом как мерой времени – и измеряется памятью мозга – событием. Моя дочь, когда пошла в детский сад, недели через две вдруг попросила веревку. – «?» – «*На прогулке я буду вязать узлы и буду знать, когда ты за мной придёшь*». (Таня Кирьянова, 1983 г.р., запись 1987 г.) – придумала, как измерить время – своё субъективное время. К поиску более объективного непосредственного восприятия времени пришёл её сын, когда определил время по отношению к солнцу. Февральским

вечером, уходя из детского сада, он стал приглашать детей из своей группы собраться в субботу или в воскресенье на детскую площадку возле его дома. «Когда, в какое время?» – спрашиваю. Вглядываясь в тёмное небо зимнего вечера, отвечает: «*Когда солнце будет наверху*». (Костя Ватолкин, 2010 г.р., запись 2017 г.).

Субъективное время прослеживается в разной темпоральности имён, фиксирующих ситуацию взаимных отношений: *женитьба – свадьба, замужество – супружество* – различаются во временных параметрах по длительности. Как-то 5-летний Костя обратил внимание, как ребёнок по радио рассказывает, что он рисует: «...это мои друзья ..., а это наша воспитательница, с горы на санках катится, ..а это мои будущие родители ... очень красивые». – Заинтересовался: А что такое *будущие родители*. – заметил противоречивость временной характеристики слов (Костя Ватолкин, запись 2015 г.).

Поле взаимности формируется временем, стремящимся к единству его субъектов относительно друг друга – внешнего объекта действия, поэтому при поддержке внезапным значением возникает эффект усиления взаимного значения: *И новые друзья ну обниматься, ну целоваться!* [11]) – глагол в неопределённой форме, поддержанный междометной частицей *ну*, характерной для обозначения «при инф. имеющем знач. “начал, принялся делать что-н.”» [32, т. III, столбец 830] в ситуации взаимодействия, передаёт неожиданное интенсивное – сокращённое по длительности – взаимное действие.

В поле взаимности различаются (различает и [40]) отношения одно-

временности и последовательности действий его участников; в поле одновременных взаимных действий (или понимаемых одновременными) различается фаза вступления в поле взаимных отношений – *конвергенции* ($\rightarrow\leftarrow$), фаза синхронизации ($\rightarrow\leftarrow$), собственно взаимного действия, и фаза выхода из него – *дивергенции* поля взаимности ($\leftarrow\rightarrow$). Сложность временной характеристики взаимного действия в её уникальности для каждой ситуации: действие может быть многомерно в количественном и качественном отношении и противоречивым по оценочной компоненте: например, в состоянии погружения в поле взаимных отношений, когда [Базаров] *перестал говорить с Аркадием об Одинцовой, перестал даже бранить её «аристократические замашки»*; правда, Катю он хвалил по-прежнему и только советовал умерять в ней сентиментальные наклонности, но похвалы его были торопливы, советы сухи, и вообще он с Аркадием беседовал гораздо меньше прежнего... он как будто избегал, как будто стыдился его... [34, с. 103] – ‘Базаров в фазе конвергенции оберегает своё поле взаимных отношений от внешних воздействий’, – его взаимодействие с миром количественно и качественно меняется.

Одновременное взаимное действие производится одновременно его участниками: *Клейн и Лисецкий переглянулись ещё красноречивее, чем прежде и пожали плечами* [24, с. 32]. Тем не менее, одновременность в поле взаимных отношений весьма относительна, например, *приветствия* при встрече или расставании лишь стремятся к одновременности: • *Все хлопает. Онегин входит: / Идёт меж кресел по ногам,/*

Двойной лорнет, скосясь, наводит / На
ложи незнакомых дам; / Все ярусы оки-
нул взором, / Всё видел: лицами, убором/
Ужасно недоволен он;/ **С мужчинами со
всех сторон / Раскланялся**, потом на
сцену/ в большом рассеянии взглянул,/ **От-
воротился, и зевнул...** [25, с. 14] – и
действие *раскланяться* можно лишь
приравнять к таким одновременным
взаимным действиям физического
движения, как *встретиться, разъ-
ехаться*. Во временном отношении
по-разному складывается сама ситуа-
ция приветствия: *Николай Петрович
быстро обернулся и, подойдя к челове-
ку высокого роста в длинном балахоне
с кистями, только что вылезшему из
тарантаса, крепко стиснул его обна-
женную красную руку, которую тот не
сразу поддал* [34, с. 22].

Темпоральные возможности гла-
гола движения в поле взаимности об-
условливаются лексически: движение
по этикету – психофизическое дви-
жение, обусловленное культурой со-
циума и проблемное в межъязыковом
общении: *раскланяться* – «с кем-чем.
1. Поклониться друг другу при встрече
или расставании...2. перен. Навсегда
распростаться (разг. ирон.)» [32, т. III,
столбец 1221] – по теории нейтрализа-
ции значений форм (фонем и морфем)
М.В. Панова, в этом случае видится
также нейтрализация лексического
значения ‘интенсивного взаимного
действия’, видимо вследствие развития
противоположного антивзаимного
значения, чему способствует конфи-
кальная модель образования глагола:
‘раз... ...ся’, интонационно закрепляе-
мая по оценке, как и в окказиональном
употреблении глагола *разговориться*:
*Н-да... Речи неладные... Не первый раз
я слышу их, и всё более они не нравятся*

*мне... Когда-нибудь мы с тобой, Пётр,
разговоримся навсегда* [8, с. 59] ‘реча-
ми разойдёмся’ – в ситуации развития
антивзаимного значения интонацией
нейтрализуется собственно взаимное
значение: «|| с кем-чем вступить в бе-
седу или затянуть, продлить беседу...,
пустившись в подробности» [32, т. III,
столбец 1141] – в разных значениях
слова имеют свои временные параме-
тры.

Внутреннее время поля взаимно-
сти растяжимо: *Отсюда версты три /
Есть дьякон... тоже с голосом... / Так
вот они затеяли / По-своему здоро-
ваться на утренней заре* [17, с. 121].
Именно относительная одновремен-
ность взаимных действий способ-
ствует различению фаз развития поля
взаимности: а) *Они сошлись: волна и
камень./ Стихи и проза, лёд и пламень/
Не столь различны меж собой./ Спер-
ва взаимной разнотой/ они друг другу
были скучны; / Потом понравились:
потом/ Съезжались каждый день вер-
хом,/ И скоро стали неразлучны./* [25,
с. 35]; б) *И, слово за слово, знакомятся
они. Потом дружатся, / Потом не мо-
гут уж расстаться* [11].

В одновременности взаимных дей-
ствий проступает динамическая не-
однородность протекания взаимных
отношений в сложных системах из-за
наличия своего временного параметра
для каждого участника взаимного дей-
ствия: – *Сколько времени мы с вами не
виделись, однако! – сказала она. – Пять
лет! За это время сколько воды в море
утекло, сколько произошло перемен,
даже подумать страшно! Вы знаете,
я замуж вышла... из графини стала
княгиней. И уже успела разойтись
с мужем* [37, с. 241]. Для реализации
взаимного действия важна как раз

соотнесённость временных параметров участников взаимного действия, способствующая синхронизации их субъективного времени. В языках для изображения этого соотношения складывается закон согласования временных форм глагола, в русском языке регулируется употребление видовременных форм глагола. Проблема динамической неоднородности темпоральности поля взаимных отношений замечена Р. Рождественским в «Балладе о разнице во времени»: *Вдруг твоё люблю прошло, потому что существует эта разница во времени* [30, с. 87]; собственно, проблеме синхронизации субъективного времени любви посвящён роман А. Пушкина: (Онегин) *Я знаю: век уж мой измерен: / Но чтоб продлилась жизнь моя. / Я утром должен быть уверен, Что с вами днём увижу я...* (Письмо Онегина к Татьяне [25, с. 162]) – (Татьяна) *Когда б надежду я имела / Хотя редко, хоть в неделю раз, / В деревне нашей видеть вас, / Чтоб только слышать ваши речи, / Вам слово молвить, и потом / Все думать, думать об одном / И день и ночь до новой встречи.* (Письмо Татьяны к Онегину [25, с. 61]) – каждый идёт в своё время. Именно несовпадение субъективного времени субъектов поля взаимности препятствует реализации взаимных отношений в положительном ключе: *На суд взыскательному свету / Представить ясные черты / Провинциальной простоты, / И запоздалые наряды, / И запоздалый склад речей; / Московских франтов и Цирцей / Привлечь насмешливые взгляды!.. / О страх! Нет, лучше и верней / В глуши лесов остаться ей* [25, с. 135]. Разница в течении субъективного времени предъявляет требования к языковому

коду и налагает правила речевого поведения, корректирующие трудности взаимных контактов (необходимость ласки и внимания к детям, уважения к старшим и т. д.): *Генерал стоит над нами, – / Оробеть при нём не грех, – / Он не только что чинами, / Боевыми орденами, / Он годами старше всех. // Ты, обжёгшись кашей, плакал, / Ты нешком ходил под стол, / Он тогда уж был воякой, Он ходил уже в атаку, / Взвод, а то и роту вёл* [31, с. 105].

Отношения последовательности выступают при поочередном выполнении взаимного действия его участниками. Причём временные маркёры (*сначала один – потом другой*) могут выражать, но необязательно выражают именно взаимный характер такого действия. В предложении: *Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! – сказали мы с Петром Ивановичем...»* [7, с. 41] – не выражается взаимных отношений, поскольку в этой ситуации, как известно, действия осуществлялись в одном направлении – это совместное действие, а взаимное действие имеет взаимно направленный характер: либо взаимно конвергентный, либо взаимно дивергентный – здесь можно заметить динамически неоднородное действие в поле взаимности нескольких субъектов. Взаимные действия последовательного характера (а точнее одновременно-последовательного – смешанного характера) представлены в предложении: *Я не находила слов выразить мой восторг и удивление; я только бросилась ей на шею, и мы долго нежничали, и смеялись, и говорили всякий вздор от радости* [10, с. 101]. Техника речи предполагает поочередность выполнения речевых действий, но сложность мысле-рече-языково-

го действия состоит в нелинейности его характера, что проявляется в «совмещении» актуализации речи его участников (антиципации в процессе восприятия собеседниками поступающей информации), особенно ярко проявляющемся в свободном разговоре. Для выражения последовательно осуществляемых действий в поле взаимности в русском языке используется словообразовательная модель, обеспечивающая такой хронотоп: префиксально-постфиксальное образование от переходных глаголов с приставкой: *пере... ..ся*, чаще поэтому используемое в форме несовершенного вида (*перебрасываться, переглядываться, перекоряться, переписываться, перебрехиваться* – прост., замечено в живой речи окружения, осужд.): *И мы долго так переглядывались с ней, и оба только делали вид: я – будто книжку читаю, а она – будто рубашку шьёт* [18]. Сходная ситуация по темпоральной характеристике передаётся фразеологическим сочетанием *обмениваться взглядами*: *Клейн и Лисецкий удалились за шкафы и после короткого совещания вернулись, время от времени обмениваясь грустными, но красноречивыми взглядами* [24, с. 33]; одноактность взаимного действия представляется формой совершенного вида: *...И путешественник залётный, / Перекрахмаленный нахал, / В гостях улыбку возбуждал, / Своей осанкою заботной, / И молча обмененный взор / Ему был общий приговор* [25, с. 158].

Внутреннее время поля взаимности выражается не столько грамматически, сколько словообразовательными и лексическими средствами, подсказывается контекстом и ситуацией (словообразовательно видовой фор-

мой глагола – способом действия – характером распределения действия во времени, касаясь и события взаимных отношений). Субъективное время прослеживается в разной темпоральности имён, фиксирующих ситуацию взаимных отношений: *женитьба – замужество – супружество* – не совпадают во временных параметрах, как и в меняющейся временной характеристике находится упомянутое слово *родители*: (в разговоре с молодёжью) *будущие родители* – (ребёнок в детском доме рисует и мечтает о жизни в семье) *...а это мои будущие «родители»*; имена лиц в поле взаимности имеют разные временные параметры: *Катюша Маслова* и *подсудимая Екатерина Маслова* из романа Л. Толстого «Воскресение» – имеют разные временные ориентиры.

Наличие у взаимного действия своего внутреннего времени доказывается также возможным и даже часто встречающимся разрывом внутреннего времени взаимного действия, когда встречные взаимные действия разнесены во времени (*Татьяна – Онегин*). Разнесённые во времени, встречные акты взаимных действий нарушают цельность поля взаимных отношений. В то же время поле взаимных отношений как факт случившегося сохраняется и при разнесении взаимных действий во времени, потому что мера взаимного действия количественно и качественно непосредственно с объективным временем не соотносится, однако память следствие событий взаимного значения сохраняет и имеет влияние на развитие взаимных отношений, в связи с этим просматривается и несостоятельность реализации взаимности/антивзаимности по оценке: *Я верю во взаимность: вы ударили*

меня – я ударю вас («Радиогурман», Радио России, 29.05.2016.) – временной план внешнего воздействия будущего ослабляет временное значение по реальности.

Столкновение внутреннего времени поля взаимности с временем момента речи может дать разные эффекты на фоне разной модальности, поскольку внутреннее время взаимного действия определяется модальным фоном, в котором оно протекает. Модальность общения участников взаимного действия может влиять на его временные параметры и реальность. Например, сбой с побудительной модальности *просьбы, совета* на реальную модальность, когда вместо вопроса, обсуждения даётся ответ, предлагается решение, упреждается возможное ответное действие: («Мой секундант? – сказал Евгений – / Вот он: мой друг, *monsieur Guillot*,) / Я не **предвижу** возражений / На представление моё! Хоть человек он неизвестный, Но уж, конечно, **малый честный**». / *Зарецкий губу закусил*. [25, с. 116] – упреждение отрицательного ответа, хотя и бездоказательное, и ложное, регулирует здесь внутреннее время взаимных отношений: отрицательный ответ исключается.

Внешнее время, являющееся в реальной модальности при реализации порождающей модели глагольной структурой, представляется отношением к моменту речи. Исследование взаимодействия временного плана поля взаимного значения и его контекста способствует выявлению позиций усиления или ослабления взаимного значения, *модификации* (модуляции контекстом оттенков значения заданного формой временного параметра: *всегда, редко, никогда не виделись...* и

т. д.) и *нейтрализации*, представленного формой значения (движения его в другой временной план), как эта проблема поставлена в позиционной грамматике М.В. Панова [21].

Временной план будущего обычно ослабляет реальность взаимного действия, даже по обоюдному желанию направленного на конвергентное развитие, и ведёт к модификации значения взаимных отношений: *Прощаясь с Базаровым, Одинцова протянула ему руку и сказала: «Мы ещё увидимся, не правда ли?» – «Как прикажете», – ответил Базаров. – «В таком случае увидимся»* [34, с. 120].

В плане будущего, однако, может быть и усиление реальности создания поля взаимности с разными оттенками, например, с оттенком перфектного значения: *Вы меня удивляете, господа*, – промолвила Одинцова, – **но мы ещё с вами потолкуем** [34, с. 96]; *Кто-нибудь ещё расскажет*, / Как лежали там в тоске. / Третьи сутки кукиш кажет / В животе кишка кишке [31, с. 119]. В модальности угрозы, предвещения нежелательных последствий возникает усиление значимости поля взаимности вследствие ожидания возможного развития антивзаимных отношений: – **Ладно, я с тобой завтра поговорю!** – проворчал я и пошел спать [18]; Я поговорю с ребятами... **Скоро у нас будет собрание об успеваемости** [18].

Перетекание в другой временной план, а тем более в другую модальность: Я не **предвижу** возражений... [25, с. 116] – ‘Я думаю, не будет возражений’; *Вдруг **твоя любовь** прошло...* – [30, с. 87] – ‘вдруг твоя любовь прошла’ – погружение глагольной формы в противоречивый контекст, её транс-

позиция может сказаться на отчётливости проявления семантики взаимных отношений, что может привести к нейтрализации грамматических форм [21]. Они становятся, по Д.Н. Овсянко-Куликовскому [19], *мнимыми* – не выполняют заданную им функцию¹.

Главным моментом представления временного плана поля взаимности (как и модальности) выступает **оценка** представления ситуации (прития/непрития её, осуждаемой, ожидаемой и т. д.). Прагматика оценочного фона, выстраивающего хронотоп взаимных отношений, просматривается в конверсных построениях диалога безотносительно к временной шкале в непосредственной ориентации по цели взаимных действий, которые могут и усиливать, и ослаблять поле взаимности.

Колебания в целесообразности поля взаимности, сомнение ослабляет и конкретно-фактическое и обобщённое значение времени (как в ситуации понижения реальности в плане будущего): *На Пьера нашло сомнение в справедливости того, что он был здесь вчера, виделся с Наташей и говорил с ней* [33, с. 600] – и, наоборот, в плане прошлого: *Только двое тех танкистов, / Тот водитель и стрелок всё глядят на гармониста, – / Словно что-то невдомёк. / что-то чудится ребятам, / В снежной кружится пыли, / **Будто виделись когда-то, / Словно где-то подвезли.*** [31, с. 57] – происходит усиление значимости поля взаимности.

¹ См. подробнее: Радзиховская В.К. О модификации и нейтрализации значения функционально-семантической категории взаимности // Межвузовский сборник: Переходность и синкретизм в языке и речи. М.: Прометей, 1991. С. 259–265.

По оценке перспектива желания взаимных отношений ведёт развитие поля взаимности в будущее: – *Я убеждена, что мы не в последний раз увидимся, – произнесла Анна Сергеевна с невольным движением* [34, с. 190].

По оценке в идеале поле взаимности не имеет определённого временного параметра: важен сам факт взаимных отношений, как нулевая фаза инициации взаимных отношений, но важна **гармонизация** соотношения длительности поля взаимности и временем, фиксируемым через функциональный центр ФСК взаимности – момент речи. Это она регулирует выбор частей речи в поле взаимности, развивает синтаксис, имея потенциал, заложенный в лексике.

Закрытость модели поля взаимности охраняет семантику взаимных отношений от непосредственного воздействия поля темпоральности, ориентированного на момент речи. За функциональную координацию темпоральных показателей лексики и грамматики, создающих хронотоп поля взаимности, отвечает конкуренция вариантных моделей, реализующих *порождающую модель поля взаимности, строящихся либо на основе глагола* – действия либо *имени* – именования *действия*, *субъектов* взаимного действия или *объекта* – «предмета взаимного интереса» и даже орудия действия (дело дошло до ножей [9, т. III, с. 460]). Для поля взаимных отношений всегда важно лексическое наполнение модели, сопряжённое значение длительности – в нём кроется механизм взаимодействия лексики и грамматики поля взаимных отношений при реализации порождающей модели: 1) через объект взаимных отноше-

ний, по-разному определяемый субъектами в разное время историческое и бытовое (*взятка – благодарность*); 2) именованная лиц (*будущие родители – будущие «родители»* (в детской речи, при стилизации под детскую речь), *господа-товарищи*); 3) наиболее ответствен за функциональную координацию действия в поле взаимности глагол, что может сказаться на понимании/непонимании самого характера взаимных отношений (взаимного понимания, понимания друг друга, понимания друг другом) – последний случай самый трудный, когда слова все понятны, а поля взаимности нет, что показывает в поэтическом творчестве: [*«Привет!» – «Нет, я не пью».*] – [*«Удачный день!» – «Ни слова*

о политике!»] – [*«Прекрасен / отсюда вид. – Давай присядем в тень».*] – [*«Все бабы одинаковы. Согласен.» – / “Я рад тебе».*] – [*«Такое время, друг. – / “Хоть я устал, но дышится свободно».*] – / [*«Оставим эти сплетни на досуг!» – / “Я некий подвиг совершил сегодня».*] / – [*«Так это ты увел мою жену?»*]. – [*«Ты прав. Мир тесен, но зачем толкаться? / Бери повыше!..» – «Голову сверну!»*] – / [*«Я сделал вечный двигатель. Признаться, / Одной кукушки не успел достать. Продай часы».*] – [*«А что она сказала?» – «Так значит, по рукам?».*] – [*«Пойду искать Свою жену... и от него сбежала».*] [12, с. 63]

Статья поступила в редакцию
02.08.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 472 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
3. Бондарко А.В. Системные и коммуникативные аспекты анализа грамматических единств // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000, с. 9–35.
4. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Наука, 1977. 264 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 639 с.
6. Герцен А.И. Кто виноват? М.: Госиздат «Художественная литература», 1948. 256 с.
7. Гоголь Н.В. Ревизор. Мёртвые души. М.: Просвещение, 1968. 562 с.
8. Горький М. Мещане // Полное собрание сочинений в 25 томах. Т. 7. М.: Художественная литература, 1968. С. 5–105.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Олма-Пресс, 2001.
10. Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М.: Советская Россия, 1989. 553 с.
11. Крылов И.А. Басни «Собачья дружба», «Пустынник и медведь» [Электронный ресурс] // Все басни : [сайт]. URL: <https://vsebasni.ru/krylov/> (дата обращения: 01.08.2017).
12. Кузнецов Ю. Разговор глухих // Русский узел. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1983. 235 с.
13. Лем С. Сумма технологии = Summa Technologiae / пер. с польск. Ф.В. Широкова. М.: АСТ, 2002. 668 с..
14. Лосев А.Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания. М.: Наука, 1989. С. 5–92.
15. Лосев А.Ф. О коммуникативном значении грамматических категорий // Статьи и исследования по языкознанию и классической филологии. Учёные записки МПГИ им. В.И. Ленина. 1965. Т. 234. С. 196–231.

16. Недеялков В.П. Типология взаимных конструкций // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 276–280.
17. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо? // Стихотворения. Т. 3. Л.: Советский писатель, 1956. С. 327.
18. Носов Н. Витя Малеев в школе и дома // ЛитМир : [сайт]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=248345> (дата обращения: 28.08.2017).
19. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб.: Издательство И.Л. Овсяннико-Куликовской, 1912. 298 с.
20. Откупщикова М.И. Статус взаимного залога // Проблемы категории залога / отв. ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1978, С. 180–186.
21. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. 275 с.
22. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 50–62.
23. Попов А.В. Синтаксические исследования. Именительный, звательный и винительный, в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянском наречиях. Воронеж: типография В.И. Исаева, 1881. 307 с.
24. Прус Б. Кукла. М.: Вече, 1993. 448 с.
25. Пушкин А.С. Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Евгений Онегин. Роман в стихах. М.: Правда. 1969. С. 5–189.
26. Радзиховская В.К. Конверсивные и дисверсивные трансформы в поле функционально-семантической категории взаимности // Научные труды МПГУ. Серия: гуманитарные науки. Сборник статей. М.: Прометей, 2006. С. 92–98.
27. Радзиховская В.К. Лексикография поля взаимности в свете синергетики // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2(24). С. 128–135.
28. Радзиховская В.К., Кирьянов А.П. О значении изучения детской речи для методологии лингвистических исследований // Преподаватель. 1998. Вып. 5(7). С. 18–21.
29. Рекемчук А.Е. Мальчики // Избранные произведения в двух томах. Т. I. М.: Художественная литература, 1977. С. 363–522.
30. Рождественский Р.И. Баллада о разнице во времени // Все начинается с любви: лирические стихи. М.: Молодая гвардия, 1977. 168 с.
31. Твардовский А.Т. Василий Тёркин. М.: Детская литература, 1967. 232 с.
32. Толковый словарь русского языка / под редакцией Д.Н. Ушакова. В 4 т. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.
33. Толстой Л.Н. Война и мир. Том 4. М.: ГИХЛ. 1957. 357 с.
34. Тургенев И.С. Отцы и дети. Повести. Рассказы. Стихотворения в прозе. М.: АСТ Олимп, 1997. С. 19–211.
35. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука. 1979. С. 161–172.
36. Храковский В.С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 5–38.
37. Чехов А.П. Княгиня // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 7. [Рассказы. Повести], 1888–1891. М.: Наука, 1977. С. 236–247.
38. Шмелёв Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977. 168 с.
39. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Наука, 1962. 247 с.

40. Wilczewska K. Czasowniki zwrótnie we współczesnej polszczyźnie. Toruń: PWN, 1966. 171 s.

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka [Lexical semantics. Synonymous means of language]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 472 p.
2. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [The language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 895 p.
3. Bondarko A.V. [System and communication aspects of the analysis of grammatical unities]. In: Problemy funktsional'noi grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii [Problems of functional grammar. Categories of morphology and syntax in the statement]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. pp. 9–35.
4. Budagov R.A. Chto takoe razvitiye i sovershenstvovaniye yazyka? [What is the development and improvement of language?] Moscow, Nauka Publ., 1977. 264 p.
5. Vinogradov V.V. Russkii yazyk [Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 639 p.
6. Gertsen A.I. Kto vinovat? [Who is to blame?]. Moscow, Gosizdat "Khudozhestvennaya literatura", 1948. 256 p.
7. Gogol' N.V. Revizor. Mertvye dushi [The Government Inspector. Dead souls]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 562 p.
8. Gor'kii M. [The Philistines]. In: Polnoe sobranie sochinenii v 25 tomakh. T. 7 [Complete works in 25 volumes. Vol. 7]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1968. pp. 5–105.
9. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t [Explanatory dictionary of the living great Russian language. 4 volumes]. Moscow, Olma-Press Publ., 2001.
10. Kovalevskaya S.V. Vospominaniya. Povesti [Memories. Stories]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1989. 553 p.
11. Krylov I.A. [The fables "Dog's friendship", "The Hermit and the Bear"]. In: Vse basni [All fables]. Available at: <https://vsebasni.ru/krylov/> (accessed: 01.08.2017).
12. Kuznetsov Yu. [The conversation of the deaf]. In: Russkii uzels. Stikhotvoreniya i poemy [The Russian knot. Verses and poems]. Moscow, Sovremennik Publ., 1983. 235 p.
13. Lem S. Summa Technologiae (Russ. ed.: F. Shirokov, transl. Summa tekhnologii. Moscow, AST Publ., 2002. 668 p.)
14. Losev A.F. [In search of building General linguistics as a dialectical system]. In: Teoriya i metodologiya yazykoznaniya [Theory and methodology of linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1989. pp. 5–92.
15. Losev A.F. [Communicative meaning of grammatical categories]. In: Stat'i i issledovaniya po yazykoznaniyu i klassicheskoi filologii. Uchenye zapiski MPGI im. V.I. Lenina [Articles and studies on linguistics and classical philology. Scientific notes of MPSI named after V.I. Lenin], 1965, vol. 234, pp. 196–231.
16. Nedyalkov V.P. [Typology of mutual constructions]. In: Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost' [The theory of functional grammar. Personality. Voice]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. pp. 276–280.
17. Nekrasov N.A. [Who is happy in Russia?]. In: Stikhotvoreniya. T. 3 [Poems. Vol. 3]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1956. pp. 327.
18. Nosov N. [Vitya Maleev at school and at home]. In: LitMir [LitMir]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=248345> (accessed: 28.08.2017).
19. Ovsyanniko-Kulikovskii D.N. Sintaksis russkogo yazyka [The syntax of the Russian language]. St. Petersburg, Izdatel'stvo I.L. Ovsyaniko-Kulikovskoy Publ., 1912. 298 p.

20. Otkupshchikova M.I. [The status of mutual voice]. In: Khrakovskii V.S., chief. ed. Problemy kategorii zaloga [Problems of voice category]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. pp. 180–186.
21. Panov M.V. Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka [Positional morphology of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., 1999. 275 p.
22. Peshkovskii A.M. [Objective and normative point of view on the language]. In: Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. pp. 50–62.
23. Popov A.V. Sintaksicheskie issledovaniya. Imenitel'nyi, zvatel'nyi i vinitel'nyi, v svyazi s istoriei razvitiya zalozhnykh znachenii i bezlichnykh oborotov v sanskrite, zende, grecheskom, latinskom, nemetskom, litovskom, latyshskom i slavyanskom narechiyakh [Syntactic research. Nominative, vocative and accusative, in relation to the history of the development of voice meanings and impersonal statements in Sanskrit, Zend, Greek, Latin, German, Lithuanian, Latvian and Slavic dialects]. Voronezh, tipografiya V.I. Isaeva Publ., 1881. 307 p.
24. Prus B. Kukla [Doll]. Moscow, Veche Publ., 1993. 448 p.
25. Pushkin A.S. Sobranie sochinenii v shesti tomakh. T. 4. Evgenii Onegin. Roman v stikhakh [Collected works in six volumes. Vol. 4. Eugene Onegin. A novel in verse]. Moscow, Pravda Publ., 1969. pp. 5–189.
26. Radzikhovskaya V.K. [Conversive and disversive transformations in the field of functional-semantic category of reciprocity]. In: Nauchnye trudy MPGU. Seriya: gumanitarnye nauki. Sbornik statei [Scientific works of MPSU. Series: Humanitarian Sciences. A collection of articles]. Moscow, Prometei Publ., 2006. pp. 92–98.
27. Radzikhovskaya V.K. [Lexicography of the field of reciprocity in the light of synergetics]. In: Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2009, no. 2 (24), pp. 128–135.
28. Radzikhovskaya V.K., Kir'yanov A.P. [About the importance of the study of child language for the methodology of linguistic research]. In: Prepodavatel' [Teacher], 1998, no. 5(7), pp. 18–21.
29. Rekemchuk A.E. [Boys]. In: Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. T. I [Selected works in two volumes. Vol. I]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. pp. 363–522.
30. Rozhdestvenskii R.I. [The ballad of the time difference]. In: Vse nachinaetsya s lyubvi: liricheskie stikhi [All begins with love: lyrical poems]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1977. 168 p.
31. Tvardovskii A.T. Vasilii Terkin [Vasily Terkin]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1967. 232 p.
32. Ushakov D.N., ed. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka V 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 volumes]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1935–1940.
33. Tolstoi L.N. Voina i mir. Tom 4 [War and peace. Volume 4]. Moscow, GIKHL Publ., 1957. 357 p.
34. Turgenev I.S. Ottsy i deti. Povesti. Rasskazy. Stikhotvoreniya v proze [Fathers and sons. Stories. Poems in prose]. Moscow, AST Olimp Publ., 1997. pp. 19–211.
35. Kholodovich A.A. Problemy grammaticheskoi teorii [Problems of grammatical theory] Leningrad, Nauka Publ., 1979. pp. 161–172.
36. Khrakovskii V.S. [Diathesis and reference (To the question of the relationship between active, passive, reflexive and reciprocal constructions)]. In: Khrakovskii V.S. Zalogovyje konstruksii v raznostrukturnykh yazykakh [Voice structure in structurally different languages]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. pp. 5–38.

37. Chekhov A.P. [Princess]. In: Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. T. 7. [Rasskazy. Povesti], 1888–1891 [Complete works and letters: In 30 vol. Vol. 7. [Stories. Novels], 1888–1891]. Moscow, Nauka Publ., 1977. pp. 236–247.
38. Shmelev D.N. Russkii yazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostyakh [Russian language in its functional varieties]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 168 p.
39. Yanko-Trinitskaya N.A. Vozvratnye glagoly v sovremennoy russkom yazyke [Reflexive verbs in the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1962. 247 p.
40. Wilczewska K. Czasowniki zwrótnie we współczesnej polszczyźnie. Toruń, PWN Publ., 1966. 171 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Радзиховская Вера Казимировна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры современного русского языка Московского педагогического государственного университета;
e-mail: lkryuchkova@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera K. Radzikhovskaya – PhD in Philological Sciences, associate professor, doctorate at the Department of modern Russian language, Moscow State Pedagogical University;
e-mail: lkryuchkova@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Радзиховская В.К. К взаимодействию функционально-семантических категорий: ФСК взаимности и ФСК темпоральности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 113–129. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-113-129

FOR CITATION

Radzikhovskaya V.K. Interaction of functional-semantic category: FSC of reciprocity and FSC of temporality. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 113–129.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-113-129

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-130-138

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Холодкова М.В.*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина**392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются функционально-семантические особенности просторечной лексики, отличающейся на современном этапе развития языка диффузностью. Анализируются явления перехода нейтральных лексем на периферию литературного языка за счёт распространения вторичных просторечных и жаргонных значений (*жрать, ржать, достать* и т. п.). Показана специфика функционирования десемантизированных просторечных глаголов, которые обозначают действия гиперболизированные, энергичные, совершаемые увлечённо (*махнуть, чесать* и др.). Проведен лингвистический эксперимент на основе данных Национального корпуса русского языка и выявлены случаи перераспределения нейтральных и просторечных значений (*ржать, подохнуть, пахать* и т. п.). Результаты работы могут способствовать более глубокому осмыслению состояния современного русского языка и найти применение в лексикографическом отражении экспрессивного просторечия.

Ключевые слова: экспрессивное просторечие, метафорический перенос, десемантизация, Национальный корпус русского языка.

FUNCTIONAL-SEMANTIC SPECIFICITY OF THE COLLOQUIAL VOCABULARY IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

M. Kholodkova*Derzhavin Tambov State University**33, Internatsionalnaya st., Tambov, 392036, Russian Federation*

Abstract. The article considers functional and semantic features of colloquial vocabulary which differs at the present stage of development of the language by diffusion. The phenomena of transition of neutral lexemes to the periphery of the literary language due to a distribution of secondary colloquial and slang meanings are analyzed (*жрать, ржать, достать*, etc.). The article shows the specifics of the functioning of desemanticized colloquial verbs which indicate exaggerated, vigorous actions, made with enthusiasm (*махнуть, чесать*, etc.). The linguistic experiment on the basis of data of the National Corpus of the Russian Language is made and cases of redistribution of neutral and colloquial meanings are revealed. The results of the work can promote a deeper assessment of the condition of modern Russian and find application in the lexicographic presentation of the expressive colloquial speech.

Key words: expressive vernacular, metaphorical figurative sense, desemantization, National Corpus of Russian Language.

Современное состояние русского языка характеризуется заметными лексическими изменениями, к числу которых относятся, по определению Н.Е. Сулименко, «внутренние заимствования» [9] слов внутри системы: наблюдаются переходы лексических единиц из одной подсистемы языка в другую, например, из жаргона или литературно-разговорной речи в просторечие. Просторечие оказывается в центре внимания, что объясняется его особым промежуточным положением в структуре языка. Именно на границах просторечия фиксируется наибольшее число переходных, диффузных лексико-семантических явлений, которые становятся источником нарушений экологичности языка и речи.

В лингвистических исследованиях начала XXI в. [13; 17] отмечается динамика явления русского просторечия и наблюдается изменение понимания его, отношения к нему. Другой подход к просторечию замечен уже в названии одной из современных монографий: «Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен» [13]. О высокой изменчивости просторечного материала и его использования свидетельствуют отличия в лексикографическом отражении просторечия в разных словарях [15].

Актуальность данной работы связана с лингвоэкологическим направлением в изучении состояния русского языка и речи на современном этапе и диктуется необходимостью рассмотрения вопросов расширения лексического состава просторечия, актуализации грубых значений отдельных слов, процессов перераспределения активности прямых и переносных значений

у некоторых слов, явлений десемантизации.

Объектом нашего исследования стало т.н. «литературное» (Ф.П. Филин [11]), или «экспрессивное» (А.Н. Еремин [1]), просторечие – сниженный, эмоционально и экспрессивно окрашенный способ отображения действительности, который встречается в речи как образованных, так и необразованных людей при определённых обстоятельствах. Предмет изучения – функционально-семантические особенности экспрессивной просторечной лексики на современном этапе. Материалом исследования послужили записи живой речи носителей русского языка, художественные тесты XX–XXI вв., данные Национального корпуса русского языка [6] и словарей [2; 7; 12; 16].

Лексический состав русского просторечия формируется в большей степени за счёт развития экспрессивных значений нейтральных лексем путём метафорических переносов. Наиболее продуктивны так называемые «антропоориентированные» переносы: с животного, предмета или растения на лицо, например, *козёл* (бранное слово по отношению к мужчине), *свинья* («о неопрятном, грязном человеке; человеку, поступающем грубо, неприлично»), *пробка* («о глупом, непонятливом человеке»), *пила* («о сварливом человеке, непрерывно донимающем кого-либо попреками, придирками»), *дуб* («о нечутком, тупом, бесчувственном человеке») и другие. Типы таких переносов подробно описаны в научных работах [1; 3; 10]. Показательно, что подобные метафорические переносы в большинстве случаев характеризуются выраженной отрицательной оценочностью.

Так, в одном из исследований отмечается, что только 38 из 369 зооморфных обозначений человека не содержат явно отрицательной оценки денотата [10, с. 157].

Путём метафорического переноса по модели «животное – человек» образуется также определённый пласт глагольной лексики, обозначающей различные действия человека, например, *гавкать* («говорить злобным тоном, кричать, ругаться, скандалить»), *подохнуть* («умереть») и др.: – *Ты на меня не гавкай!*; – *У тебя уже постоянная прописка?* – *спросил Горохов.* – *Нету? Дак сиди тут и не гавкай* (Е. Богданов. Прописаны по лимиту); – *И говорят неприятности/ ты не подох ещё?* (Разговор с милиционером о телефонных хулиганах // Из коллекции НКРЯ. 2009).

Безусловно, функционирование лексемы в просторечном значении оказывает влияние на её статус в системе языка. Справедливо замечено, что «развитие эмоционально-оценочных сем в коннотациях, сопровождающих возникновение переносных лексикосемантических вариантов, отодвигает единицу на периферию литературного употребления, но делает её в то же время заметным средством создания экспрессии, динамики» [4, с. 23]. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что некоторые лексемы и их просторечные значения широко используются в живой речи и художественных текстах, например, *козёл*, *подохнуть*, а некоторые функционируют в своих переходных значениях не так часто, например, *дуб*, *пила*, *гавкать*.

Исследование современной живой речи показывает, что в отдельных словах переносное значение вытесняет ос-

новное, в результате чего стилистически нейтральная лексема «заражается бациллой» грубости: в сознании многих носителей русского языка актуализируется экспрессивное значение слова. Убедительный пример – слово *козёл*, использование которого даже в первичном значении («домашнее или дикое животное») может вызвать смущение коммуникантов или стать источником комического в процессе диалога. Здесь логично привести рассуждения А.Е. Махова, выступающего на телеканале «Культура»: «Но в целом *козёл* имеет очень сильный позитивный смысл для средневековой культуры, и здесь мы снова сталкиваемся с тем феноменом, что животное воспринимается средневековым человеком совсем не так, как оно воспринимается нами. ... Для нас *козёл* – ну что-то такое совсем смешное, абсценное, такое вот – ну, что тут говорить?» [6].

Слово *жрать* («есть») носителем современного русского языка также воспринимается как просторечное или даже грубо-просторечное. В то время как один из этимологических словарей указывает на то, что первоначально *жрать* было стилистически нейтральной лексемой [16, с. 88]. Вместе с тем, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой отражаются функционально-стилистические ограничения лексемы *жрать*, которая по отношению к животному определяется как нейтральная, а по отношению к человеку – как просторечная [7, с. 195]. Исходя из этого, в сообщении, например, рыбака о дорогой подкормке для рыбы «Сами такую *жрать* не можем / а рыбу кормим» *жрать* следует рассматривать как просторечное слово, а в высказы-

вании «Картошку сажала / так её жук **сожрал**» **сожрал** – как стилистически нейтральное. Однако, как нам представляется, в живой речи функционирование слова *жрать*, в том числе в разговоре о животном или насекомом, ограничено по причине актуализации грубого значения. Аналогичное смещение нейтрального значения экспрессивным, обусловленное спецификой узуса, можно проследить в лексеме *подохнуть*, которая также по отношению к животному в толковом словаре квалифицируется как нейтральная, а при характеристике человека – как грубо-просторечная [7, с. 178].

Специфика узуса позволяет отнести такие единицы, как *жрать*, *подохнуть*, к просторечным лексемам, а *гавкать* («говорить злобным тоном, кричать, ругаться, скандалить») – к имеющим просторечный лексико-семантический вариант.

Функционально-семантические изменения, наблюдаемые в стилистически нейтральных лексемах, могут быть обусловлены также актуализацией жаргонных значений. Очевидно, под влиянием жаргонных значений происходят семантические сдвиги в таких, например, лексемах, как *достать* («надоесть, довести до крайнего раздражения»), *тормозить* («не понимать, не соображать»), *грузить* («навязчиво сообщать что-либо ненужное или неприятное, озабочивать какими-либо проблемами»): – Ты меня уже **достал** с разговорами; – Ты **достал** уже здесь всех со своим шоколадом! («День радио», к/ф (2008)); – Кашель **достал** уже...третий день уже...так горло дерёт... (Разговоры на улице // Из коллекции НКРЯ. 2006); – Лучшие / кстати / заменить валерьянку на чай

с мятой / если его выпьешь больше / чем нужно / ничего не случится / а если переборщишь с валерьянкой / начнёшь **тормозить**... (Разговор ульяновских студенток о подготовке к экзаменам // Из коллекции Ульяновского университета. 2007); – Придёт такая домой и пойдёт своих **грузить** (Разговор в вагоне метро // Из коллекции НКРЯ. 2007); – И он меня так стал **грузить**! – Ну / **грузить** вас все будут (Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ. 2005); – Ой / только не надо меня **грузить** такими вопросами! (Телефонный разговор // Из материалов Ульяновского университета. 2007). В целом имеет место активизация жаргонных значений приведённых глаголов в речи, что позволяет судить об изменении статуса данных лексических единиц в системе современного русского языка и определении их как жаргонно-просторечных. Подобные глаголы не могут быть признаны нейтральными по причине начавшегося в них процесса перераспределения активности нейтральных и жаргонных значений.

Кроме того, в лексическом пласте современного русского языка выделяется особая группа просторечных глаголов, которые отличаются семантической ёмкостью, например, *махнуть*, *рвануть*, *поливать*, *мести*, *дёрнуть*, *драть*, *дуть*, *врезать*, *чесать*, *бахнуть*, *наяривать*, *жахнуть* и т. п. Активное вхождение в речевую практику экспрессивных глагольных лексем, обозначающих широкий круг действий, исследователи связывают с ориентацией русской речи на повышенную «глагольность» [8, с. 21].

Проанализируем, какие значения может развивать, например, глагол *чесать* в художественных текстах, а так-

же в живой речи носителей русского языка. 1. 'Много говорить'. – **Чесать** языком можно много! (Домашний разговор // Из коллекции НКРЯ. 2005). 2. 'Разговаривать на иностранном языке'. – Патрик с ней на скамеечке сидит, по-английски **чешет** ... (С. Мирон. Такая работа). 3. 'Стремительно убежать, уходить'. – Ладно, **чеши** отсюда! – приказал он, но голос звучал довольно миролюбиво (Ю. Нагибин. Тьма в конце туннеля). 4. 'Очень быстро ехать'. – Где это мы сейчас едем?.. Кусково! Мы **чешем** без остановки через Кусково! (В. Ерофеев. Москва – Петушки). 5. 'Ругать, подвергать критике кого-либо'. – Ира, не горячись. Ещё не известно, что за машина и кто был за рулем. А ты подумала, что скажут нам в районе? «Ещё одно ЧП в 302-й школе!» И будут нас **чесать** на каждой конференции (С. Кулиш. Автомобильная леди). 6. 'Петь, играть на музыкальном инструменте'. – Он так лихо **чесал** под фанеру, что, когда фонограмма неожиданно остановилась, он даже не смог достойно выйти из положения (из беседы о концерте). 7. 'Обыгрывать'. – Бразильцы в футбол всех подряд **чешут** (из беседы о футболе).

Приведённые лексические примеры можно определить как явления десемантизации [14], подчеркнув главное отличие десемантизированного слова от многозначного: десемантизированное слово обладает более широким комплексом значений, которые всегда обусловлены речевой ситуацией [5, с. 71]. Заметим, что в словарях фиксируются не все значения подобной лексики, а только те, которые получили распространение в речи и закрепились в сознании носителей языка.

Анализ десемантизированных лексем позволяет сделать вывод о широком распространении глаголов, указывающих на такие действия, как *бить*, *ударять*, *бежать*, *пить спиртное*. Причём подобные слова, как правило, передают действия гиперболизированные, совершаемые быстро, увлечённо, с азартом: так, например, если *бить*, то резко, *ударить* – сильно или неожиданно, *пить* – в большом количестве, *бежать* – энергично и т. д. Десемантизированные глаголы экспрессивного просторечия, указывающие на эмоциональное состояние человека или его отношение к происходящему, часто нарушают экологичность речи, а в некоторых случаях могут привести к непониманию в общении.

При определении статуса лексических единиц, имеющих просторечные значения, таких, например, как *ржать*, *подохнуть*, *грузить*, *достать*, *чесать*, *пила*, *дуб* и т. п., актуальным представляется вопрос выявления объективного критерия их просторечности. Просторечный статус подобных единиц обуславливается, на наш взгляд, степенью распространения их вторичных экспрессивных значений в живой речи, о чём свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в частности, его устного подкорпуса, содержащего записи телефонных и домашних разговоров, разговоров в общественных местах, а также включающего транскрипты кинофильмов и т. д. [6].

Так, например, слово *ржать*, имеющее 2 значения: «1. О лошади: издавать характерные звуки. 2. Громко смеяться (прост.)» [7, с. 679], в устном подкорпусе НКРЯ зафиксировано в 22 контекстах, в которых встретилось только

одно словоупотребление в первичном значении. Остальные контексты иллюстрируют использование лексемы *ржать* в переносном значении. Приведём некоторые примеры: – *Да хватит ржать!* (Разговор сестёр по телефону // Из коллекции НКРЯ. 2015); – *Мы как начали ржать просто* (Телефонный разговор студентов // Из коллекции НКРЯ. 2009); – *Сейчас вот ты будешь ржать/ все так ржали/ подружка тоже ржала/ пока к ней та же обзьяна не пришла в нашем доме* (Разговор о видении // Из коллекции НКРЯ. 2008); – *Ну прекрати ты ржать-то хоть на секундочку* («Масяня», м/ф (2002–2008)) и др. Приведённые словоупотребления свидетельствуют о «заряжении» нейтрального слова *ржать* «бациллой» грубости, возникшем по причине перераспределения активности первичного и вторичного значений. Замеченный в слове *ржать* семантический сдвиг позволяет отнести его к лексическому составу просторечия.

В результате проведённого лингвистического эксперимента на основе контекстов НКРЯ можно утверждать, что наличествует актуализация вторичных экспрессивных значений в таких лексемах, как *подохнуть* («умереть»), *достать* («надоесть»), *париться* («волноваться»), *пахать* («тяжело работать, много и на совесть») и т. п. Для сравнения подчеркнём, что данные устного подкорпуса НКРЯ не подтверждают активизацию в современной речи просторечных значений слов *дуб*, *пила*, *гавкать*. Это доказывает, что они не относятся к просторечным лексемам, а являются просторечными лексико-семантическими вариантами.

Очевидно, диффузный характер имеют и экспрессивные лексические единицы, которые являются следствием словообразования в ходе языковой игры, например, *позвоночник* («о человеке, который добился чего-либо по звонку влиятельного лица»), *садист* («хозяин сада»), *чайник* («о человеке, который любит чай»). Заметим, что представленные значения по причине их окказиональности не нашли отражения в контекстах устного подкорпуса НКРЯ [6]. В художественном тексте зафиксировано такое словоупотребление: – *Первым, кому открылся Иван, купив участок в коллективном саду, был его заместитель. – Значит, садистом стал? – уточнил тот с какой-то нехорошей усмешкой. – Ох, Иван Алексеевич, замучаешься ты с этим садом!* (М. Чванов. Во саду ли, в огороде...). Отличительной чертой данных слов является отсутствие в их значениях внутренней, семантической связи с соответствующими нейтральными словами, ввиду чего их правомерно рассматривать как экспрессивные омонимы. Данные единицы сопровождаются разными пометами в словарях: «просторечное», «ироническое, разговорное», «шутливое, разговорное» [2; 12], что объясняется неопределённостью их функционально-стилистического статуса в системе русского языка. Рассмотренные слова, характеризующиеся стилистической сниженностью, относятся к разговорно-просторечной лексике.

Таким образом, просторечная лексика на современном этапе развития языка пополняется за счёт актуализации экспрессивных метафорических и жаргонных значений литературных лексем. О степени распространения

просторечных значений слова в речи можно судить, ориентируясь на данные Национального корпуса русского языка. Лексемы *козёл*, *подохнуть*, *жрать*, *ржать*, *достать* и подобные им уже не воспринимаются как литературные, поскольку в них наблюдается перераспределение активности нейтрального и экспрессивного значений. Кроме того, очевидна тенденция

к усилению процессов десемантизации просторечных глаголов, которые, обозначая действия энергичные, резкие, в речи могут формировать новые, неожиданные значения, что обусловлено развитием экспрессивных возможностей современного русского языка.

Статья поступила в редакцию 23.08.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерёмин А.Н. Проблемы лексической семантики русского просторечия: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2001. 58 с.
2. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2005. 1021 с.
3. Коняхина О.В. Контекстуально обусловленные лексические средства негативной характеристики человека: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 26 с.
4. Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. М.: Московский государственный университет, 2000. 185 с.
5. Мандрикова Г.М. Слово в процессе десемантизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 2. С. 68–73.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 15.08.2017).
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
8. Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В. и др. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография. Нижний Новгород: Издательство Национального исследовательского Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
9. Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 352 с.
10. Фатюшина Е.Ю., Семина О.Ю. Зоонимические метафоры со значением отрицательной оценки человека в речи билингвов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №12. Ч. 2. С. 156–159.
11. Филин Ф.П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 3–12.
12. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 764 с.
13. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. 272 с.
14. Холодкова М.В. Проблема десемантизации глагольной лексики // Экология языка и речи: материалы Международной научной конференции (12–13 ноября 2013 г.) / отв. ред. А.С. Щербак. Тамбов: Издательский дом Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. 2014. С. 56–58.
15. Холодкова М.В. Функционально-стилистическая квалификация просторечной лек-

- стики в современных словарях // XIII Державинские чтения. Институт русской филологии: Материалы научной конференции преподавателей и аспирантов, посвящённой 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина. Февраль 2008 г. Тамбов, 2008. С. 171–173.
16. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М.: Дрофа, 2001. 400 с.
17. Шапошников В.Н. Просторечие в системе русского языка на современном этапе. М.: Либроком, 2012. 176 с.

REFERENCES

1. Eremin A.N. Problemy leksicheskoi semantiki russkogo prostorechiya: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Problems of lexical semantics of the Russian colloquial speech: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2001. 58 p.
2. Kveseleovich D.I. Tolkovyi slovar' nenormativnoi leksiki russkogo yazyka: ok. 16000 slov [Explanatory dictionary of the profanity of the Russian language: approx. 16,000 words]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2005. 1021 p.
3. Konyakhina O.V. Kontekstual'no obuslovlennyye leksicheskie sredstva negativnoi kharakteristiki cheloveka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Contextually conditioned lexical means of negative characterization of a person: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Tambov, 2005. 26 p.
4. Ledeneva V.V. Osobennosti idiolekta N.S. Leskova [Features of idiolect of N. Leskov]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 2000. 185 p.
5. Mandrikova G.M. [The word in the desementization process]. In: Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"]. 2015, vol. 14, no. 2, pp. 68–73.
6. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 15.08.2017).
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p.
8. Radbil' T.B., Marinova E.V., Ratsiburskaya L.V., et al. Russkii yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst [Russian language of the early twenty-first century: vocabulary, word formation, grammar, text]. Nizhny Novgorod, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2014. 325 p.
9. Sulimenko N.E. Sovremennyy russkii yazyk. Slovo v kurse leksikologii [Modern Russian language. The word in lexicology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 352 p.
10. Fatyushina E.Yu., Semina O.Yu. [Zoonymic metaphors with the meaning of negative evaluation of a man in bilinguals' speech]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 12, iss. 2, pp. 156–159.
11. Filin F.P. [On the structure of the modern Russian literary language]. In: Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the study of language], 1973, no. 2, pp. 3–12.
12. Khimik V.V. Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi [A large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St. Petersburg, Norint Publ., 2004. 764 p.
13. Khimik V.V. Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen [Poetics of low, or colloquial speech as a cultural phenomenon]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2000. 272 p.
14. Kholodkova M.V. [The problem of desementization of the verb vocabulary]. In: Ekologiya yazyka i rechi: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (12–13 noyabrya 2013 g.) [Ecology of language and speech: proceedings of the International scientific conference

- (12–13 November 2013)]. Tambov, Publishing house of Derzhavin Tambov State University, 2014. pp. 56–58.
15. Kholodkova M.V. [Functional and stylistic qualification of colloquial speech in modern dictionaries]. In: XIII Derzhavinskie chteniya. Institut russkoi filologii: Materialy nauchnoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov, posvyashchennoi 265-letiyu so dnya rozhdeniya G.R. Derzhavina. Fevral' 2008 g. [13 Derzhavin reading. Institute of Russian Philology: materials of the scientific conference of teachers and postgraduate students, devoted to the 265 anniversary of the birth of G. Derzhavin. February 2008]. Tambov, 2008. pp. 171–173.
16. Shanskii N.M., Bobrova T.A. Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiskhozhdenie slov [The school etymological dictionary of the Russian language: the origin of the words]. Moscow, Drofa Publ., 2001. 400 p.
17. Shaposhnikov V.N. Prostorechie v sisteme russkogo yazyka na sovremennom etape [The colloquial speech in the system of the Russian language at the modern stage]. Moscow, Librokom Publ., 2012. 176 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Холодкова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;
e-mail: mvholodkova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Kholodkova – PhD in Philological Science, associate professor at the Department of Russian Language as Foreign, Derzhavin Tambov State University;
e-mail: mvholodkova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Холодкова М.В. Функционально-семантическая специфика просторечной лексики в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 130–138.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-130-138

FOR CITATION

Kholodkova M.V. Functional-semantic specificity of the colloquial vocabulary in the modern Russian language. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 130–138.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-130-138

УДК 81.367.335.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-139-146

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ИЗЪЯСНИТЕЛЬНО-ОБЪЕКТНОМ ТИПЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Шаповалова Т.Е.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Автор исследования проводит структурно-семантический анализ сложноподчинённых предложений изъяснительно-объектного типа и выявляет в них особенности синтаксического воплощения времени. Различаются чисто временные значения предшествования, полной и частичной одновременности и следования событий. Обобщается и теоретически осмысливается специфика выражения оттенков одновременности (полной и частичной) / разновременности (предшествования и следования) в изъяснительно-объектных предложениях. Доказывается, что в семантике глагольных временных форм отражаются различные отношения человека к реальному времени, а синтаксическое время, опирающееся на морфологические, синтаксические, лексические, интонационные средства, приобретает возможность отвлекаться от реальных временных характеристик описываемых событий.

Ключевые слова: категория синтаксического времени, изъяснительно-объектные предложения, временная соотнесённость, одновременность, разновременность, предшествование, следование.

SYNTACTIC APPEARANCE OF TIME IN EXPLANATORY-OBJECT TYPE OF COMPOUND SENTENCES

T. Shapovalova*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract. The author of the research conducts a structural-semantic analysis of compound sentences of an explanatory-object type and reveals in them the features of the syntactic appearance of time. There are purely temporal meanings of precedence, total and partial simultaneity and sequence of events. The specificity of the expression of the shades of simultaneity (total and partial) / difference (precedence and sequence) in the explanatory-object sentences is generalized and theoretically interpreted. It is proved that in the semantics of the verbal temporal forms different human relations to real time are reflected, and the syntactic time, based on morphological, syntactic, lexical, intonational means, acquires the possibility to deviate from the real time characteristics of the described events.

Key words: category of syntactic time, explanatory-object sentences, temporal correlation, simultaneity, differentness, precedence, sequence.

Сложноподчинённое предложение представляет собой построенное по определённой модели объединение предикативных единиц на основе синтаксической – подчинительной – связи и выполняющее роль одной синтаксической коммуникативной единицы.

В.А. Богородицкий заложил основы структурно-семантической классификации сложноподчинённых предложений и выделил в качестве отдельного класса изъяснительные предложения [3, с. 231]. Впоследствии Н.С. Поспелов отмечал: «Структурно-семантической особенностью изъяснительных конструкций является то, что их придаточная часть представляет собой изъясняющее содержание модального отношения, которое выражено опорным глагольным словом главной части, недостаточным по своей семантической информации» [10, с. 159].

Изъяснительно-объектный тип сложноподчинённого предложения [1, с. 226–227] распознаётся по соотносённости придаточной предикативной единицы с опорным, или контактным, словом, находящимся в главной части и служащим сигналом её незавершённости, к которому придаточная часть присоединяется с помощью функциональных союзов или союзных слов [2, с. 56–61].

Настоящие заметки нацелены на структурно-семантический анализ изъяснительно-объектных сложноподчинённых предложений и выявление в них особенностей синтаксического воплощения времени. Это актуально, поскольку одной из важнейших тенденций, определяющих современный подход к изучению категории времени, стал переход линг-

вистики на антропоцентрическую парадигму [7].

Языковое время непосредственно связано с оформлением объективного времени. Презентируемые средствами языка значения синтаксического времени [15] представляют собой отражение реального времени с помощью перцептуального времени. Организация языкового времени детерминирована закономерностями реальной действительности, но в то же время обладает своеобразием, обусловленным спецификой отражения времени средствами разных уровней языка. Перцептуальное время связано с личным восприятием и переживанием времени: говорящий оценивает одновременность / разновременность (предшествование или следование) явлений действительности, длительность протекания различных событий жизни или их кратковременность, отнесённость к настоящему, удалённость в прошлое и направленность в будущее. Категория синтаксического времени [13] лексико-грамматическими и интонационными средствами выражает отношения времени реального бытования событий в объективном мире к моменту речи о них.

Значение форм времени включает соотнесение событий с объективным временем в его свойствах и их логико-языковое осмысление. Временные отношения, выражаемые языковыми средствами, конечно, существуют объективно и независимо от говорящего, и всё-таки они непосредственно связаны с участниками и ситуацией общения – время событийно и ситуативно. Относясь к области первичного дейксиса и просто локализуя ситуацию на временной оси, категория времени на-

чинает свой отсчёт от момента речи, момента повествования или же от момента совершения другого действия, что ведёт к разграничению абсолютной и относительной временной ориентации.

Момент речи является критерием выделения временных сфер: настоящего, прошедшего и будущего – и, безусловно, присутствует в сознании говорящего, когда он воспринимает и осознаёт реальное время. В изъяснительно-объектных предложениях точкой отсчёта может стать действие одной из предикативных единиц, поэтому применительно к описанию их темпоральной семантики можно прибегнуть к терминам абсолютное и относительное время [6; 9].

Мы не используем понятия *таксис*, которое, как отмечает Р.О. Якобсон, характеризует «сообщаемый факт по отношению к другому факту и безотносительно к факту сообщения» [16, с. 100]. Учёный отличает категорию таксиса от категории времени, в которой обязательно присутствует отношение к моменту речи. А.В. Бондарко [4] указывает на связь таксиса с категорией времени и с категорией временного порядка. Давая определение темпоральности, исследователь отмечает: «Рассматриваемая семантическая категория отражает языковую интерпретацию восприятия человеком времени обозначаемых ситуаций по отношению к моменту речи говорящего или иной исходной точке отсчёта» [5, с. 473].

Мы разделяем тезис Г.А. Золотовой: таксис «не многим отличается от категории времени, поскольку категория времени также обнаруживает одновременность / разновременность

между двумя событиями (одно из которых речевое); необходимости в новом термине для интерпретации той же категории времени нет, как нет необходимости и в понятии “временного порядка”» [8, с. 325] – и используем термины *относительное время* или *временная соотнесённость*, введённые в научный обиход А.И. Смирницким [12].

Номинация *относительное время* содержит сему ‘отношение к чему-то’ и предполагает одновременность / разновременность – предшествование или следование – событий в рамках синтаксической конструкции. Предшествование, одновременность и следование являются чисто временными значениями.

Предшествование представляет собой такую временную соотнесённость, при которой событие придаточной предикативной единицы закончилось ко времени начала события главной части: *Тут только заметил Кирилл, как всё кругом помрачнело* (К. Федин); *Волны точно понимали, что эта лодка потеряла цель и, всё выше подбрасывая её, легко играли ею, вспыхивая под вёслами своим ласковым голубым огнём* (М. Горький).

Одновременность обозначает совпадение отделённых друг от друга в пространстве двух явлений на всём протяжении их существования: *Григорий по вечерам слышал, как Астаховы играли песни* (М. Шолохов). Следует различать семантику полной и частичной одновременности. При полной одновременности наблюдается такая временная соотнесённость событий, при которой совпадают их начальные и конечные моменты: *Слышали, как ревела публика* (К. Федин); *Глядел я,*

стоя над Невой, как Исаака-великана во мгле морозного тумана **светился** купол золотой (Ф. Тютчев). Частичная одновременность представляет совпадение кратковременного события главной предикативной единицы с какой-то частью временного отрезка длительного события придаточной части: *В тот день я **понял**, что «Взятие снежного городка», может быть, самая удивительная из всех картин Василия Ивановича Сурикова, одно из самых удивительных произведений русской живописи* (В. Солоухин).

Следование – это такая временная соотносённость, при которой событие придаточной части следует за событием главной предикативной единицы: *Гавриле **захотелось**, чтобы хозяин **воротился** скорее* (М. Горький). При этом границы одного и другого события разорваны каким-то временным интервалом.

Категория синтаксического времени, определяющая и формирующая предложение как синтаксическую единицу, объективирующая субъективное содержание высказывания, в изъяяснительно-объектных предложениях имеет свою специфику. Это связано с присловным характером придаточной конструкции, распространяющей опорное слово как носителя определённой лексической семантики. В изъяяснительно-объектных сложноподчинённых предложениях главная предикативная единица эксплицитно выражает модус: в роли опорного слова выступает глагол, обозначающий «речевую, мыслительную, эмоциональную, познавательную, волевою, оценочную деятельность, эмоциональное или интеллектуальное состояние» [11, с. 472], например: Самойленко **го-**

ворил, что у неё перемежающаяся лихорадка, и кормил её хиной (А. Чехов); Такой земли я не видал и **не думал**, что такие земли бывают (В. Маяковский); Слепой **не любил**, когда **нарушали** его одиночество (В. Короленко); До вчерашнего дня я **полагал**, что истерика бывает только у дам (А. Чехов).

Такие признаки, как продолжительность, или длительность, и необратимость времени оказываются важными для нашего исследования. Длительность действия предопределена семантикой несовершенного вида, а необратимость проявляется в невозможности возврата в прошлое. В семантике глагольных временных форм отражаются различные отношения человека к реальному времени, а синтаксическое время, опирающееся на разноуровневые языковые средства презентации, приобретает возможность отвлекаться от реальных временных характеристик описываемых событий [14]. Прежде всего, это касается имперфективных форм настоящего времени, которые в рамках синтаксической конструкции с опорным глаголом восприятия и ощущения несколько приглушают своё конкретное значение одновременно: *А небеса и лес нагорный **глядят**, задумавшись, в тиши, как в светлой влаге голыми **дрожат** мозаикой узорной* (И. Бунин); *А **остаётся попробовать**, такое ли у Рады моей крепкое сердце* (М. Горький); ***Говорят**, что немец **может проехать** по стране, пользуясь всеобщим хлебосольством только из любви к его национальности* (В. Маяковский); *Кто это **любит слушать**, как **стонет**, разрываясь от горя, человеческое сердце?* (М. Горький); *Сами французы **говорят**, что французская музыка **живёт** под нашим сильнейшим*

влиянием (В. Маяковский). Преобладание глаголов несовершенного вида в форме настоящего времени подчёркивает цикличное время, повторяющееся бесконечно. Прикреплённость к определённом моменту актуального настоящего исчезает, происходит свободное передвижение во времени – от прошедшего и настоящего через будущее к вневременности [13].

Семантика гипотетической возможности, объективной ирреальности, выраженная глаголом в форме сослагательного наклонения, коррелирует со значением временной неопределённости, проявляется в конструкциях, где нет соотнесённости с моментом речи, эксплицируется частицей *бы* и реализуется в значении вневременности: *Ах, если бы вы только видели, какие резные и расписные дуги хранятся в подвалах Русского музея!* (В. Солоухин) Глагольная форма *хранятся* прочитывается как называющая действие неопределённого ряда повторений в широком плане настоящего времени, близком к значению вневременности.

Оттенок предшествования в плане прошедшего времени наблюдается при временной соотнесённости глагола совершенного вида прошедшего времени в придаточной части и глагола несовершенного вида в главной предикативной единице: *Словно в тумане, Лаевский видел, как фон Корен встал и, заложив руки в карманы панталон, остановился* (А. Чехов).

Значение предшествования в плане настоящего времени репрезентируется

– глаголом совершенного вида прошедшего времени в придаточной части и глаголом несовершенного вида настоящего времени в главной предикативной единице: *Вы, наверное, знаете, что обострение интереса к древней живописи, а также к иконе возникло сравнительно недавно* (В. Солоухин);

– глаголом несовершенного вида настоящего времени в главной предикативной единице и глаголом несовершенного вида прошедшего времени в придаточной части: *Я представляю, каково было душевное состояние человека, впервые заглянувшего туда, в наше живописное средневековье* (В. Солоухин); *Чаще всего мне думается, что древние мастера писали просто молитву* (В. Солоухин);

– глаголом несовершенного вида настоящего времени в главной предикативной единице и нулевой формой связки *быть* в роли вспомогательного компонента составного именного сказуемого: *Никак не могу понять, почему эта рукопись до сих пор не издана хотя бы в каком-нибудь специальном литературоведческом журнале* (В. Солоухин).

Семантика одновременности в плане прошедшего времени эксплицируется,

– если в главной предикативной единице сказуемое двусоставного предложения или главный член односоставного предложения содержат форму прошедшего времени глагола, а в придаточной – настоящего времени: *Не приходилось ли вам замечать, что в старых гостиницах (я не говорю, что они лучше новых во всех других отношениях) едва ли не главным предметом в номере является письменный стол?* (В. Солоухин) – полная одновременность; *Воробьянинов почувствовал, что теряет сознание* (И. Ильф, Е. Петров) – частичная одновременность;

– если в главной части сказуемое выражено глаголом совершенного вида прошедшего времени, а в придаточной – несовершенного вида прошедшего времени: *Я **понял**, что никакой любви **не было**...* (А. Чехов) – частичная одновременность.

Семантика следования в плане прошедшего времени репрезентируется

– глаголом совершенного вида прошедшего времени в главной предикативной единице и глаголом несовершенного вида будущего времени в придаточной части: *Пришли и **справились**, на каком языке **буду** изъясняться* (В. Маяковский);

– глаголом несовершенного вида прошедшего времени в главной предикативной единице и глаголом совершенного вида будущего времени в придаточной части: ***Клясться** по-*

*французски я **не умел** и поэтому **ждал**, пока **найдут** русского* (В. Маяковский);

– глаголом несовершенного вида прошедшего времени в главной предикативной единице и глаголом совершенного вида будущего времени в придаточной части: *Он **знал**, что ночь **будет** длинная, бессонная* (А. Чехов).

Анализ речевого материала показал, как в изъяснительно-объектном типе сложноподчинённого предложения нерасчленённой структуры обнаруживаются такие важные признаки времени, как продолжительность, или длительность, прерывность и непрерывность, замкнутость и открытость, конечность и бесконечность.

Статья поступила в редакцию 15.10.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.
2. Беднарская Л.Д. Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы XIX–XX. Монография. Орёл: Орловский государственный университет, 2014. С. 56–61.
3. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. Изд. 5-е. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 254 с.
4. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. 219 с.
5. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
6. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове; изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1972. 601 с.
7. Герасименко Н.А. Хронотоп нереального в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 6. С. 15–18.
8. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка, МГУ, 1998. 528 с.
9. Логический анализ языка. Язык и время / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 1997. 351 с.
10. Пospelов Н.С. О структурно-семантической основе объединения и разграничения одночленных конструкций сложноподчинённых предложений в современном русском литературном языке // Пospelов Н.С. Мысли о русской грамматике: Избранные труды; изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 153–160.

11. Русская грамматика: научные труды. Репринтное издание. Т. 2. М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук, 2005. С. 471–488.
12. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 439 с.
13. Шаповалова Т. е. Категория синтаксического времени в русском языке: монография. М.: МПУ, 2000. 154 с.
14. Шаповалова Т. е. От временной обобщённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 4. С. 18–21.
15. Шведова Н.Ю. Синтаксическое время // Шведова Н.Ю. Русский язык: Избранные работы. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 133–143.
16. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.

REFERENCE

1. Beloshapkova V.A. Sovremennyy russkii yazyk. Sintaksis [Modern Russian language. Syntax]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1977. 248 p.
2. Bednarskaya L.D. Osnovnye zakonomernosti v razvitii slozhnogo predlozheniya v yazyke russkoi khudozhestvennoi prozy XIX–XX [The main regularities in the development of complex sentences in the language of Russian art prose of the 19–20th centuries]. Orel, Orel State University Publ., 2014. pp. 56–61.
3. Bogoroditskii V.A. Obshchii kurs russkoi grammatiki [General course of the Russian grammar]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1935. 254 p.
4. Bondarko A.V. Problemy grammaticheskoi semantiki i russkoi aspektologii [The problems of grammatical semantics and Russian Aspectology]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University Publ., 1996. 219 p.
5. Bondarko A.V. Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noi grammatiki: Na materiale russkogo yazyka [The theory of meaning in the system of functional grammar: On the materials of Russian language]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. 736 p.
6. Vinogradov V.V. Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammar teaching on the word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 601 p.
7. Gerasimenko N.A. [Unreal chronotope in a literary text]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2013, no. 6, pp. 15–18.
8. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Institut russkogo yazyka, MSU Publ., 1998. 528 p.
9. Arutunova N.D., ed. Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya [Logical analysis of language. Language and time]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 351 p.
10. Pospelov N.S. [On the structural and semantic basis of the union and delimitation of the single-member constructions of complex sentences in the modern Russian literary language]. In: Pospelov N.S. Mysli o russkoi grammatike: Izbrannye trudy [Thoughts on Russian grammar: Selected works]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. pp. 153–160.
11. Russkaya grammatika: nauchnye trudy. Reprintnoe izdanie. T. 2. [Russian grammar: scientific works. Reprint edition. Vol. 2]. Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS, 2005. pp. 471–488.

12. Smirnitskii A.I. Morfologiya angliiskogo yazyka [The morphology of the English language]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1959. 439 p.
13. Shapovalova T.E. Kategoriya sintaksicheskogo vremeni v russkom yazyke [The syntactic category of time in the Russian language]. Moscow, MPU Publ., 2000. 154 p.
14. Shapovalova T.E. [From temporal generality to timelessness]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2013, no. 4, pp. 18–21.
15. Shvedova N.Yu. [Syntax time]. In: Shvedova N.Yu. Russkii yazyk: Izbrannye raboty [Russian language: Selected works]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005. pp. 133–143.
16. Jakobson R.O. [Shifters, verbal categories and the Russian verb]. In: Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya [The principles of typological analysis of languages of different systems]. Moscow, Nauka Publ., 1972. pp. 95–113.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; академик МАНПО;
e-mail: tshapovalova@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Shapovalova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Modern Russian language, Moscow Region State University; academician of the International Academy of Pedagogical Education;
e-mail: tshapovalova@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаповалова Т. е. Синтаксическое воплощение времени в изъяснительно-объектном типе сложноподчинённых предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 139–146.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-139-146

FOR CITATION

Shapovalova T.E. Syntactic appearance of time in explanatory-object type of compound sentences. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 139–146.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-139-146

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-147-154

К ИСТОРИИ ЛЕКСЕМЫ ОБАЯНИЕ

Шаталова О.В., Головина Т.А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Целью работы является рассмотрение истории лексемы *обаяние* в истории русского языка. С помощью синхронно-диахронного метода и метода компонентного анализа рассматриваются дериваты с точки зрения интегрально-дифференциальных семантических признаков. На основе исследования раскрыты мотивационные связи, представлены лексемы-синонимы, установлено наличие диалектного словообразовательного гнезда с доминантой *баять*. В статье также отмечены случаи развития дополнительных значений слова *обаяние* и его производных. Авторами статьи предложено расширенное толкование лексемы *обаяние* в современном русском языке. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в обобщении данных лексикографических источников и комплексном описании семантической структуры слова *обаяние*. Статья может быть адресована преподавателям высшей школы при подготовке лекций и практических занятий по лексикологии и этимологии, школьным учителям для повышения орфографической грамотности учеников, а также всем, кто интересуется вопросами истории русского языка.

Ключевые слова: семантика, этимология, эволюция, сема, лексема, значение слова, лексико-словообразовательное гнездо, дериваты.

TO THE HISTORY OF THE LEXEME ОБАЯНИЕ

O. Shatalova, T. Golovina*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract. The article's aim is to consider the history of the lexeme *обаяние* in the history of the Russian language. The synchronous-diachronic method and the method of component analysis allow to review the derivatives from the point of view of the integral-differential semantic features. On the basis of the study, motivational links were revealed, lexemes-synonyms were presented, the presence of a dialectal word-formation nest with the top *-баять-* was established. The article also notes cases of the development of the additional meanings of the word *обаяние* and its derivatives. The author of the article proposed an extended interpretation of the lexeme *обаяние* in modern Russian. The theoretical and practical significance of the research lies in the compilation of these lexicographic sources and the complex description of the semantic structure of the word *обаяние*. The article may be addressed to university teachers of the in the preparation of lectures and practical exercises in lexicology and etymology, school teachers to

improve the spelling literacy of pupils, as well as to anyone, who is interested in the history of the Russian language.

Key words: semantic, etymology, evolution, sema, lexeme, meaning of the word, the lexico-derivational nest, derivatives.

Слово репрезентирует отражённый в сознании предмет, «представляет собой особый микромир, в котором отражается какой-то кусочек реальной действительности...» [13, с. 271]. Процессы переосмысления слов, расширение и сужение их лексических значений, включение лексических единиц в группы на основании разных признаков – всё это приводит к качественным изменениям лексической системы языка.

Понятие лексического значения связано с понятием внутренней формы. Внутренняя форма лексической единицы – это её внутреннее строение, складывающееся из корня слова и различных аффиксов, это след того процесса, при помощи которого слово было создано языком. Анализ внутренней формы, обращение к истории становления лексических значений и этимологии, выявление семного состава словоформы обуславливают раскрытие общих глубинных процессов в семантике, которые закрепились за этими понятиями в истории языка.

Обращение к реконструируемым праформам позволяет выявить сложную иерархическую организацию словообразовательного гнезда и проследить семантическую эволюцию составляющих его слов-элементов.

Особый интерес представляет обширное по составу словообразовательное гнездо с древним общеславянским корнем **baj-*. Одним из самых ярких и активно употребляющихся в современном русском языке его дериватов

является лексема *обаяние*, восходящая к общеславянскому корню **baj-* от **ba-* со значением ‘пустословить, говорить небылицы’, ‘заговаривать, зачаровывать, колдовать’ [4].

Составители «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О.Н. Трубачёва устанавливают, что русское церковнославянское **obbajanjje* ‘волхование’, ‘чародейство’ является отглагольным дериватом от церковнославянского **obbajati* ‘обворожить’, ‘обморочить’, ‘околдовать’, ‘очаровать’. Эволюция представляется следующим образом: **ba - *bajati - *obbajati - *obbajanjje* [15, с. 138–141; 16, с. 94–96].

Лексема *обаяние* в старославянском языке, являющимся первой письменной литературной фиксацией славянской речи, функционирует в значении ‘легенда, басня’, обнаруживаются также следующие единицы с подобным корнем: *обавати* ‘заклинать’; *обаваньникъ*, *обаньникъ*, *обаяньникъ* ‘заклинатель, колдун’ [10, с. 460; 464]. Обобщающей для данных слов является архисема ‘говорить’, которая приобретает дополнительную сему ‘заклинать, колдовать’. Старославянский язык «оказал огромное влияние не только на формирование литературного языка восточных славян – он определил основные тенденции развития литературных языков всего славянского мира» [2, с. 234].

Согласно материалам древнерусских словарей, процесс активного формирования лексико-семантической

парадигмы лексем словообразовательного гнезда от глагольной формы *баять* происходил за счёт расширения и детализации значений, которые функционировали ещё в старославянском языке. Архисема 'говорить' с дополнительным оттенком 'выдумывать' реализуется в следующих лексемах: *баснити, баснословити* 'рассказывать сказки'; *баснословие* 'сказка'; *баснось-ставець, баснотворець* 'составитель сказок'; *баснотворение* 'написание сказок'; *басненный, басньный* 'сказочный'; *баснь* 'сказка'; *байка* 'повесть, байка' и др. Появляются дериваты, которые содержат в своей семантической структуре семы 'колдовать', 'заговаривать': *баяльник/баяльница, баальник/баальница* – 'ворожея'; *баяние, баание* 1. 'басня, выдумка', 2. 'ворожба', 'волшебство, колдовство', 'вымысел'; *баянь* 'обаятель, чародей, волшебник'; *обаавникъ, обаванникъ обаянникъ, обаадникъ* 'чародей, заклинатель, волхв'; *обава* 'заклинание'; *обаватель* 'заклинатель, колдун'; *обавникъ* 'врач', 'чародей, волхв'; *обавение, обавити, обавлю* 'заговорить, заклять'; *обавляти, обавляю* 'волховать'; *баяти, баю* 1. 'рассказывать басни, выдумки, баснословить', 2. 'ворожить (наговорами, заклинаниями)' и др. [11, с. 44; 46–47; 496; 499; 7, с. 66, 68; 8, с. 8–10].

В этот период происходит явление семантического сдвига в структуре лексемы *обаяние*. Первоначальное старославянское значение 'легенда, басня' полностью вытесняется значением 'волхование, чародейство, чародейское снадобье', 'заговоренный предмет, носимый для предохранения от болезни, сглаза; заговоренное или лечебное средство, снадобье'. Мы видим, что доминантными становятся семы 'ча-

родейство', 'заклинание', 'колдовство', развивается сема 'лекарство, лечение, средство для исцеления'. Безусловно, у лексемы *обаяние* выявляется семантическое родство с исходным глаголом *баять* 'говорить'. Именно слово является тем орудием, которое способно околдовывать, заклинать, очаровывать или лечить, поэтому обаянием обладает тот человек, который умеет хорошо говорить.

Так, в русском языке XI–XVII вв. все производные связаны между собой семами 'заклинать', 'колдовать', 'выдумывать', которые проявляются как особая манера говорения. Развитие многозначности даёт возможность употребления слов в обобщённом или переносном значении.

В XVIII в. глагол *баять* фиксируется в словаре со стилистической пометой *простонародный*, т. е. он выходит из активного употребления. Но производные от этого глагола начинают активно развивать свои словообразовательные гнезда. Например: *баять* → *басня* (*басноподобный, басносказатель, басносказательный, баснослов, баснословец, баснословие, баснословить, баснословный, баснотворение, баснотворство* и т. д.) [9].

Лексема *обаяние* на данном этапе сохраняет основное значение 'чарование, колдовство', при этом утрачивает конкретное значение 'заговоренный предмет, носимый для предохранения от болезни, сглаза; заговоренное или лечебное средство, снадобье'. В то же время появляется переносное значение 'то, что прельщает, привлекает кого-либо' [9]. Так в XVIII в. начинает развиваться значение 'пленять, обольщать, искушать'. Например: *обаянник, обаятель, обаянница, обая-*

тельница (книжно-славянское) 1. 'чародей, волхвователь' 2. 'обольститель'; *обаяти, обаявати* '1. колдовством, чарами напускать затмение, помрачение рассудка. 2. очаровать, пленить'; *обаятельный* 'исполненный обаяния, чарующий, пленительный'; *обавати* 1. 'колдовством, чарами напускать затмение, помрачение рассудка' 2. 'искушать, обольщать' и др. [9; 5, с. 113].

Сема 'говорить' разворачивается в направлении особой манеры произношения 'припевая, усыплять ласковыми словами' и реализуется в следующих лексемах: *убаюкание* 'действие убаюкавшего'; *баюкать, убаюкать, убаюкивать* 'усыплять, располагать младенца ко сну, приговаривая нараспев слова: баю, баюшки, баю'; *убаюканный* – стр. прич. гл убаюкать; *убаюкиваться*. *убаюкаться* 'быть убаюкиваему'; *убаюкивание* действие по гл. убаюкивать; *баю, бай, баю, баюшки, баю* – слова, употребляющиеся при укачивании младенца; *баюканье* 'повторение слов баю, бай'; *баюкать* 'усыплять младенца, припевая баю, баюшки, баю' [5, с. 113].

Отметим следующие черты данного периода: словообразовательное гнездо приобретает всё более разветвленную многоступенчатую структуру, сема 'говорить' оказывается устойчивой в историческом плане, но детализируется в значении 'нараспев произносить слова, напевать колыбельную', семантические сдвиг лексемы *обаяние* характеризуется формированием дополнительной семой 'обман', 'злой умысел'.

Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, который отражает эпоху XIX в., кодифицирует лексему *обаяние* с пометой *книжное* и фиксирует следующие значения:

1. 'очарование, покоряющее влияние, притягательная сила; первонач. колдовская сила'. 2. 'состояние человека, очарованного чем-нибудь, находящегося под влиянием чего-нибудь (устар.)' [12]. Так употребление слова *обаяние* не связано с особой манерой говорения, а в основе слова находится сема 'воздействие, влияние'. Так же функционируют однокоренные лексемы в следующих значениях: *обаятельность* (книж.) 'отвлеч. сущ. к обаятельный'; *обаятельный* 'очаровательный, привлекательный, полный обаяния'; *байка* 'короткая сказочка'; *баюкать, убаюкать, убаюкивать* 'укачивая и напевая, заставляя уснуть'; *баю* межд. 'слова, которые напевают, усыпляя ребенка, припев колыбельных песен'; *баюканье* – действ. по гл. баюкать.

Таким образом, на основании семантико-словообразовательного анализа мы видим, что историческим мотиватором к лексеме *обаяние* был глагол *баяти* со значением 'говорить', имевший большое количество дериватов. В XVIII–XIX вв. *обаяние* становится вершиной самостоятельного словообразовательного гнезда, в то время как исторически мотивирующая глагольная основа *баяти* выходит из литературной формы языка.

В современном русском языке лексико-семантическая структура слова *обаяние* представлена в трёх значениях, в основе которых наблюдается общая сема 'чары, сила': 1. 'очарование; воздействие пленительного, привлекательного, чарующего'. 2. 'сильное, покоряющее влияние'. 3. *устар.* 'состояние человека, находящегося под воздействием каких-либо чар, внушений' [1, с. 17]. В синонимический ряд наряду со словом *обаяние* входят такие

языковые единицы как: *влияние, прелесть, чарующая сила, обаятельность, очаровательность, притягательность, чарование, демонизм, харизма, неотразимость, чары, шарм, обольстительность, пленительность* [6]. Слово *обаяние* имеет положительную коннотацию и преимущественно употребляется в ситуациях, когда говорится о людях, их внешней или духовной красоте, притягательности, поступках и приятной речи («*Был живой человек, несущий радость непосредственности, обаяние юности, чистоты*» И. Смоктуновский, Хрупкость и твёрдость; «*Красота и обаяние Елены Ивановны притягивали многих*», С. Ключников, Провозвестница Эры Огня; «*И правда, она не поражает красотой, но талантом... но шармом... Но обаяние искупают всё*» Ю. Безелянский, В садах любви). Реже употребляется при описании окружающего мира живой природы («*От них не зависят ни аромат, ни вкус, ни окраска, но они помогут сохранить всё обаяние рябины надолго*». И. Соколов, Душа рябины; «*Сколько раз наши поэты клялись, что смысл в поэзии, будто, – ничто, а главное, будто, – словесная магия, обаяние напевов и звуков, однако никто не додумался до вот таких смехачей и смехунчиков!*» К. Чуковский, Кубофутуристы; «*Это он открыл нам прелесть Севера, обаяние его природы*». Л. Озеров, Онежская бэль) [3].

Баять в значении ‘говорить, толковать, рассказывать’ как самостоятельный глагол в настоящее время имеет пометы *просторечное* и *областное* и широко употребляется в народных говорах, являясь вершиной обширного диалектного лексико-словообразовательного гнезда, в котором архисема

‘говорить, рассказывать’ сохраняется во всех производных. Например: *баять* → *выбаять, забаять, набаять, обаять, перебаять, пробаять, побаять, убаять*; *баять* → *бай* → *обай* → *обайм* и др. Лексемы *баять, обаяти/обавати, обаянник, обаянница, обаватяныцки, обаянство* и др., которые сохраняются в диалектах, рассматриваются литературным языком как архаические или употребляются в исторических произведениях художественной литературы.

Таким образом, в современном русском языке лексема *обаяние* и её производные входят в активный запас лексического состава языка. Анализируя лексикографические источники разных исторических периодов, можно констатировать, что семантическая структура слова *обаяние* изменялась следующим образом: легенда, басня → волхование, чародейство, чародейское снадобье; заклинание; заговоренный предмет, носимый для предохранения от болезни, сглаза; заговоренное или лечебное средство, снадобье → состояние человека, который находится под определённым воздействием, влиянием чего-либо → очарование, покоряющее влияние, притягательная сила. Расширение значения лексемы *обаяние* не привело к утрате семы ‘говорить’, но исключило её из ряда ведущих. Слово частотно вбирает в себя многочисленные семы своих лексических и контекстуальных синонимов. Такой сдвиг в семантике слова создаёт возможность его сочетаемости с другими словами, с которыми ранее это было невозможно.

Обаяние – это колдовство, в котором нет злого умысла, это завораживающая сила, которая выступает бессознательно, это красота поступков

человека, его разговоров, это свойство, способное породить внутреннюю красоту, зачастую компенсирующую внешние недостатки.

«На разных этапах развития языка проявляются сложные формы взаимодействия языковых элементов. Мы можем наблюдать развитие словообразовательных моделей и процесс контаминации (наслоение форм и значений различных слов друг на друга), количественные и качественные изменения связей внутри слов и между словами и т. д.» [14, с. 51].

Настоящее исследование может быть использовано не только преподавателями высших учебных заведений при подготовке лекций и практических занятий по лексикологии и этимологии, но и всеми школьными учи-

телям русского языка, поскольку слово *обаяние* созвучно слову *обоняние*. Они относятся к одной части речи, но не имеют родства корней и семантической связи, обозначая разные реалии действительности. У школьников такая схожесть вызывает лексические ошибки, вызванные незнанием точного значения слов, и орфографические ошибки, возникающие из-за незнания этимологии. Рассматриваемые лексемы в школьном курсе рекомендуется проверять по словарю, но достаточно обратиться к истории слов, чтобы объяснить написание гласной 'а' в лексеме *обаяние* исторически мотивирующим глаголом *баять*.

Статья поступила в редакцию 06.11.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь русского языка / под ред. В.И. Чернышёва, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова [и др.]. Т. 8. М.; Л.: АН СССР, 1959. 763 с.
2. Войлова К.А. Избранные труды / редкол.: В.В. Леденёва (сост., отв.ред.) и др. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 396 с.
3. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.10.2018).
4. Общеславянские корни русского языка на Б [Электронный ресурс] // Словород : [сайт]. URL: <http://www.slovorod.ru/slavic-roots/osl-b.html> (дата обращения: 05.10.2018).
5. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. В 6 т. Т. 1. СПб.: Императорская Академия наук, 1789. 1150 с.
6. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. URL: <https://synonymonline.ru/> (дата обращения: 25.09.2018).
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 1 (А–Б). М.: Наука, 1975. 371 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 12 (О–Опарный). М.: Наука, 1987. 381 с.
9. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–1991 // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 10.10.2018).
10. Словарь старославянского языка. Репринтное издание: В 4 т. Т. 2. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 648 с.
11. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. 1. СПб.: Типография императорской академии наук, 1893. 1420 с.
12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/ushakov.php> (дата обращения: 23.02.2018).

13. Филин Ф.П. Проблемы исторической лексикологии русского языка (древний период) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. М.: Наука, 1983. С. 271–287.
14. Шаталова О.В. *Ценить и каяться*: к вопросу о реконструкции праславянского корня *kai-: *koi- // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 50–56.
15. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1.; под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Наука, 1974. 214 с.
16. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 26; под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Наука, 1999. 237 с.

REFERENCES

1. Chernyshev V.I., Obnorsky S.P., Vinogradov V.V., ed. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 8 [The great academic dictionary of the Russian language. Vol. 8]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Science Publ., 1959. 763 p.
2. Voilova K.A. Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2014. 396 p.
3. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 10.10.2018).
4. [Common Slavonic roots of the Russian language with the letter B]. In: Slovorod [Slovorod]. Available at: <http://www.slovorod.ru/slavic-roots/osl-b.html> (accessed: 05.10.2018).
5. Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyy. V 6 t. T. 1 [Dictionary of the Russian Academy, sorted in alphabetical order. In 6 volumes. Vol. 1]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1789. 1150 p.
6. Slovar' russkikh sinonimov [Dictionary of Russian synonyms]. Available at: <https://synonymonline.ru/> (accessed: 25.09.2018).
7. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vypusk 1 (A–B) [Dictionary of the Russian language 11–17th centuries. Issue 1 (A–B)]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 371 p.
8. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vypusk 12 (O–Oparnyi) [Dictionary of the Russian language 11–17th centuries. Issue 12 (O–Oparnyi)]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 381 p.
9. Sorokin Yu.S., chief. ed. [Dictionary of the Russian language of the 18th century. Leningrad, Nauka Publ., 1984–1991]. In: Fundamental'naya elektronnyaya biblioteka "Russkaya literatura i fol'klor" [Fundamental electronic library "Russian literature and folklore"]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (accessed: 10.10.2018).
10. Slovar' staroslav'yanskogo yazyka. Reprintnoe izdanie: V 4 t. T. 2 [Dictionary of Old Church Slavonic. Reprint: In 4 volumes. Vol. 2]. St. Peteresburg, Saint-Petersburg University Publ., 2006. 648 p.
11. Sreznevskii I.I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka. V 3 t. T. 1 [Materials for the dictionary of the ancient language. In 3 volumes. Vol. 1]. St. Petersburg, Tipografiya imperatorskoi akademii nauk Publ., 1893. 1420 p.
12. Ushakov D.N., ed. Tolkovy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Available at: <http://ushakovdictionary.ru/ushakov.php> (accessed: 23.02.2018).
13. Filin F.P. [Problems of historical lexicology of the Russian language (ancient period)]. In: Slavyanskoe yazykoznanie. IX Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov [Slavic linguistics. IX international Congress of Slavists]. Moscow, Nauka Publ., 1983. pp. 271–287.
14. Shatalova O.V. [To appreciate and to repent: to the question about the reconstruction of proto-slavic root *kai-: *koi-]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo

- universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2017, no. 3, pp. 50–56.
15. Trubachev O.N., ed. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond. Vip. 1* [Etymological dictionary of Slavic languages: The proto-Slavic lexical Fund. Iss. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 214 p.
16. Trubachev O.N., ed. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond. Vip. 26* [Etymological dictionary of Slavic languages: The proto-Slavic lexical Fund. Iss. 26]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 237 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаталова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета русской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

Головина Татьяна Александровна – делопроизводитель кафедры истории зарубежных литератур, ассистент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: box613tagol@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Shatalova – Doctor in Philological Science, professor, the dean of the faculty of the Russian philology, Moscow Region State University;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

Tatiana A. Golovina – clerk at the department of History of foreign literatures, assistant at the department of the modern Russian language of Moscow Region State University;
e-mail: box613tagol@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаталова О.В., Головина Т.А. К истории лексемы *обаяние* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 147–154.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-147-154

FOR CITATION

Shatalova O.V., Golovina T.A. To the history of the lexeme *обаяние*. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 147–154.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-147-154

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-97

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-155-163

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ТОЛКОВАНИЙ НА ДЕКАЛОГ В XVIII В.

Андерс-Намжилова К.Ю.

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС

630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является изучение эволюции жанра толкований на декалог на русской почве в XVIII в. Автором анализируется история жанра и рассматриваются наиболее известные примеры сочинений. В работе исследован мало изученный рукописный сборник «Сочинения, относящиеся до веры» конца XVIII века и впервые сопоставлен с предшествующей традицией катехизисов, неотъемлемой частью которых выступали толкования на декалог. В результате структурно-тематического анализа выявлены некоторые особенности провинциальной духовной литературы рубежа XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: катехизис, декалог, десять заповедей, духовная цензура.

CHARACTERISTICS OF THE DECALOGUE INTERPRETATIONS IN 18TH CENTURY

K. Anders-Namzhilova

Siberian Institute of Management RANEP

6, Nizhegorodskaya st., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

Abstract. The main objective of the article is to study the evolution of Decalogue interpretations in the Russian Empire during the 18th century. In the paper, we analyze the genre history and consider the most popular compositions. We study the unknown manuscript “Pre-religion compositions” of the late 18th century and compare it to the previous catechism literature tradition because Decalogue interpretations are an integral part of catechesis. As a result of the complex analysis, we determine some characteristics of provincial religious literature of the end of 18th - beginning of 19th centuries.

Key words: catechesis, Decalogue, spiritual censor.

1. В Отделе рукописей РГБ в собрании Московской духовной академии хранится малоизвестная рукопись, названная «Сочинения, относящиеся до веры» (1801) неустановленного автора [12]. Рукопись состоит из нескольких разделов и включает в себя богословское сочинение «Доказательства о истинной христианской вере» (л.3–л.33), разделов «Противоположение – Опровергательные ответы» (л.34–л.51), а также «Десять заповедей вновь истолкованных» (л. 52–л.86об.), анализ которых представлен в статье.

На материале архивных документов мы установили, что история рукописи восходит к деятельности Московской духовной цензуры. Рукопись была прислана для цензорского рассмотрения из Черниговской епархии. Её автором был Григорий Левицкий-Рогали, который происходил из малороссийского рода черниговских дворян и служил протоиереем в местечке Городня Черниговской губернии. Кроме того, установлено, что после рассмотрения рукописи цензорами, она была запрещена к печати и оставлена храниться в цензурном архиве. В рамках статьи будут проанализированы «Сочинения» протоиерея Григория с точки зрения их жанровой специфики и определены особенности толкований на десять заповедей в сопоставлении с предшествующей традицией.

2. Десять заповедей (декалог, десятигословие) – перечень основных десяти морально-этических принципов, которые, согласно Пятикнижию, были сообщены Богом Моисею и всему народу Израиля [2, с. 153]. Эти предписания являются основой иудейского религиозного миропонимания.

В соответствии с христианскими традициями, декалог занимал одно из центральных мест в католической церковной практике и в то же время практически игнорировался православной церковью, что было связано с различием в исповедных практиках [10, с. 63]. В православии представления о грехах заимствовались из учения о мытарствах [9, с. 26–27]. В католической традиции преобладало понимание греха «как нарушения установленного Богом правового порядка, и в основу классификации были положены различные виды права: Божественного (прописанные в Ветхом Завете нормы декалога), церковного и светского» [7, с. 259].

В связи с тем, что десятословие не использовалось в церковной практике, жанр изъяснения декалога долго остаётся нетипичным для древнерусской литературы [4, с. 50]. Самые ранние православные толкования десяти заповедей на Руси связаны с появлением в XVII в. первых катехистических сборников, созданных по модели западных катехизисов, для которых изъяснение десятословия являлось неотъемлемой частью: «изложение начиналось с толкования “Символа веры”, затем молитвы “Отче наш”, церковных таинств и Декалога» [5, с. 143].

3. Чтобы проследить традицию жанра, укажем наиболее известные толкования на декалог, созданные на русской почве в XVII–XVIII вв., отметив при этом, что все они находятся в составе катехистических сборников и не встречаются как отдельные произведения.

Самый известный православный катехизис – «Православное исповедание католической и апостольской церкви восточной» Петра Могилы –

сочинение, созданное в 1640-х гг. на латинском языке по образцу католических катехизисов. Большое количество «латинских заблуждений» было исключено из текста при переводе на греческий язык для одобрения православными патриархами. В 1696 г. катехизис был переведён на церковнославянский язык и получил широкое распространение как символическое сочинение православной церкви.

Другим сочинением XVII в., содержащим толкования на декалог, является «Пространный катехизис» Симеона Полоцкого, написанный на церковнославянском языке. По свидетельству М.А. Корзо, толкования на декалог в работах Полоцкого обнаружены только в одной рукописи «Пространного катехизиса», в связи с чем исследователь полагает, что это произведение не имело широкого распространения [8].

В XVIII в. появляется букварь-катехизис «Первое учение отроком» (1720) Прокоповича, который композиционно повторяет лютеранские катехизисы и состоит из трёх частей: толкование декалога, символа веры и молитвы «Отче наш». «Первое учение отроком» переиздавалось многократно и на протяжении всего XVIII столетия служило основным школьным катехизисом в Российской Империи: указом Св. Синода в 1723 г. учебник был введён во всеобщее употребление при обучении не только духовных лиц, но и мирян [6, с. 6].

Следующим важным этапом для духовной литературы Российской империи в XVIII в. становятся сочинения Платона Левшина. Среди нескольких катехистических произведений митрополита Платона, толкование на декалог присутствует в «Православном

учении, или Сокращённой христианской богословии».

Все названные катехизисы (кроме работы Полоцкого) были широко распространены в XVIII в. и могли оказать влияние на позднюю работу протоиерея Григория.

Так, например, схожи интенции, побудившие написать Прокоповича «Первое учение отрокам» с мотивами «Сочинений» Левицкого-Рогали. Во вступлении Феофан пишет о причинах, повлиявших на возникновение его катехизиса: «мнози и благосовестные у нас, и богобоящиеся человецы, не ведая силы и Закона Божия, многих своих грехов не ведают, и в бесстрашии пребывают» [11, с. 4]. В свою очередь протоиерей Григорий в предисловии похожим образом формулирует причины: «В разные времена происходили послучая любопытные разговоры стаковыми персонами кои хотя были питомцы Грекороссийского исповедания, однако, как приметить было можно, незная совершенно догматов веры православной, делали мне в речах довери касающихся противоположения, не с иной причины какой, как толко понезнанию своему инедовидению истины исили Священного Писания»¹[12, с. 3].

В качестве возможного влияния катехизиса Левшина на «Сочинения» протоиерея Григория отметим наличие в «Сокращённой христианской богословии» доказательных разделов: «Доказательство, что есть Бог» и др. Следовательно, с жанровой точки зрения религиозные «доказательства»

¹ В данной статье цитаты из исследуемой рукописи будут приведены в упрощённой орфографии: с заменой графем ъ, і на е, и соответственно и опущением конечного ъ. Другие особенности авторской орфографии сохранены.

могли входить в состав катехизиса. «Сочинения» Левицкого-Рогали имеют в своём составе «Доказательства об истинной христианской вере». В контексте того, что толкования на декалог предваряют вероучительные сочинения, содержащие описание определённых догматических богословских тем, можно говорить о том, что автор встраивает толкования на декалог в жанровую традицию, употребляет их в составе вероучительной литературы.

Традиционной особенностью катехизисов, которая присуща всем предшествующим работам, является построение текста в вопросоответной форме. В «Сочинениях» Григория Левицкого-Рогали такая структура формально отсутствует, но в модифицированном виде отражается во второй части работы в разделе «Противоположения – Опровергательные ответы». Здесь представлены вопросы, которые появились у читателя после знакомства с «Доказательствами об истинной христианской вере». В предисловии Г. Левицкий-Рогали так описывает этот сюжет: автор направил к заблуждающемуся собеседнику «Доказательства», и тот неожиданно тоже «не обленился сообщить на бумаге» свои «неправомыслящие» мнения на этот счёт, в результате чего протоиерей Григорий «дабы оное как наполненное

немалою ересью, немогло остаться без опровержения ... почел занужно написать против оного вредного сочинения Опровергательные ответы, сообразные Священному Писанию» [12, с. 3].

«Сочинения, относящиеся до веры» не являются катехизисом в традиционном смысле: в них не выдерживается структура, сложившаяся под влиянием западных практик, текст не претендует на то, чтобы стать символическим произведением и не определяется автором как катехизис. Однако цель создания, тема и отдельные ключевые составные элементы (толкования на декалог, доказательства веры), типичные для катехизиса, сохранены в «Сочинениях».

В качестве предположения заметим, что жанр катехизиса, который исторически не был типичен для русской духовной литературы, мог достаточно легко, будучи не сдерживаем канонами, модифицироваться в иные жанровые разновидности учительной литературы, тем самым позволяя авторам создавать новые сочинения.

4. Для выявления содержательной специфики «Сочинений» представим на материале шестой заповеди «Не убий» сопоставительный анализ тематических сюжетов, предложенных Левицким-Рогали, и в изложении предшествующих авторов (табл. 1).

Таблица 1

Темы предписаний шестой заповеди в толкованиях на декалог

Тема	Петр Могила	Феофан Прокопович	Платон Левшин	Левицкий-Рогали
Физическое убийство	+	+	+	+
Отступление от веры	+			+
Духовное убийство	+	+	+	+
Самоубийство		+	+	+

Окончание таблицы 1

Тема	Петр Могила	Феофан Прокопович	Платон Левшин	Левицкий- Рогали
Аборты и убийство младенцев				+
Бунтовщики		+	+	+
Покрывание преступников			+	+
Недобросовестные судьи			+	+
Праведное убийство		+	+	+
Как не нарушать предписаний?			+	+

Из данных таблицы видно, что запрет абортов и убийства детей, рассмотренный протоиереем Григорием, отсутствует в более ранних толкованиях на декалог, хотя эта тема не является новацией для литературы такого типа. Как известно из статьи М.А. Корзо, в толковании на декалог С. Полоцкий выбирает для анализа несколько ситуаций причинения смерти, в том числе аборты и невольное удушение младенца в постели [8, с. 163]. Эта тема входила в круг вопросов церковного права и имела важное социальное значение.

Сопоставительная таблица также наглядно демонстрирует, что, хотя протоиерей Григорий объединяет в своём толковании основные предписания, зафиксированные в предшествующих сочинениях, он впервые собирает их воедино.

Среди отличительных особенностей толкований на декалог протоиерея Григория отметим следующие.

Во-первых, автор склонен к детализации проступков: «На теле убийство значит умертвить кого либо боем, стрельбою, мечем, либо другим каким орудием, или отравой явно или тайно, кто кого смерти предаст. Или утопить, или удавить руками или веревкою,

либо чем другим... ест же еще наибольшее убийство от всех вышесказанных таково: ежели кто сам себя убьет, или завесится, или бросится нарочно в воду и утопится, или какую отравой смертною отравит сам себе» [12, л. 17–72].

Во-вторых, автор особым образом трактует отступление от христианской веры. Эта тема в предшествующей традиции присутствует в катехизисе Могила, где проблема связывается с деятельностью раскольников и лжеучителей, которые подают собою пример распутной жизни, иначе говоря, грешников, актуальных для времени создания катехизиса. В толковании на декалог Левицкого-Рогали, помимо нерадивых христиан, называются и другие отступники, – прежде всего, иноконфессиональные представители: «жид, турчин или какой еретик подговорит христианина отступить от православной веры и принять тую противную душепагубную ... Еще душегубные и христиане бывают, которые учат на всякое скверное и невоздержное житие» [12, л. 71об.]. Таким образом, в истолковании предписаний десяти заповедей актуализируются современные автору проблемы.

Другой пример актуализации современности встречается в объяснении автором запрета на бунты. Эта тема традиционна и поддерживается катехизисами Прокоповича и Левшина, но у протоиерея Григория проблема приобретает дополнительный смысл: «Против етой же заповеди согрешают бунтовщики каков был например *главный сего случая Пугачев*, и прочие всякие творители бунта» [12, л. 72об.]. Упомянув восстание Емельяна Пугачёва, произошедшее в последней трети XVIII в., автор напоминает читателю о современных преступниках и о греховном значении недавних событий.

Отметим ещё одну особенность трактовки шестой заповеди в связи с темой самоубийства. Этот сюжет традиционен для декалога: он описывается Прокоповичем и Левшиным с точки зрения того, что таким проступком человек дерзновенно присваивает себе божественную власть, так как на смерть должна быть «Господня воля». В раскрытии этой заповеди Левицким-Рогали присутствует несколько иная семантика: «Таково убийство поелику есть *наваждение диавольское*, и творящий себе такову смерть, суть его послушники и последователи» [12, л. 72]. Представленное понимание согласуется с фольклорными взглядами на самоубийство, которые были зафиксированы этнографами во второй половине XVIII в.: «Народу присуще то воззрение, что человек не сам лишает себя жизни, а доводит его до самоубийства ... Меланхолическое настроение перед самоубийством, душевное расстройство считаются дьявольским наваждением» [1, с. 47].

Завершает толкование шестой заповеди протоиерей Григорий руковод-

ством для согрешившего с призывом к раскаянию: «ежели бы кому случилось согрешить, то неотчаяваясь о своем спасении, и о Божием милосердии как можно скорее должен прибегать к матери Святой Церкви и Богу, не удаляясь от них так, как Иуда. Но немедленно прибегнуть в храм Божий, исповедать духовнику грех свой без утаяния, с истинным раскаянием впредь того не делать» [12, л. 74]. Такой финал дополнительно подчёркивает практическое назначение сочинения.

5. Подводя итоги, заметим, что введение в научный обиход неисследованной ранее рукописи позволяет взглянуть на историю жанра катехизиса под новым ракурсом.

В конце XVIII в. духовная литература в связи с общественными потребностями демократизируется [3]. У провинциального духовенства появляется необходимость в создании новой литературы, которая могла бы быть полезна и применима на практике для провинциального населения, прихожан. Катехизисы XVII–XVIII вв., несмотря на известную степень разнородности, не могли, по всей видимости, совершенно удовлетворять ежедневным требованиям священнослужителя, работающего с прихожанами. В результате этого стимулируется возникновение провинциальных духовных сочинений, имеющих свою аудиторию, важная особенность которых заключается в актуализации содержания и адаптации хорошо известных в традиции тем и сюжетов к практическим нуждам.

Статья поступила в редакцию
23.08.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью русалки. М.: Индрик, 1995. С. 47.
2. Карасик В.И. Декалог: культурологический комментарий // Верхневолжский филологический вестник. 2015. №. 1 С. 153–160.
3. Ковалева Т.В. Традиции создания духовно-нравственной литературы XVIII века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. Вып. 2. С. 61–69.
4. Корзо М.А. «В Десятословии ничтоже являет нам вечного обетования». К вопросу о месте декалога в православной мысли XVII–начала XVIII вв. // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. № 1. С. 49–56.
5. Корзо М.А. Катехизисы Киевской митрополии XVII–XVIII вв.: основные жанры и их источники // Известия Тульского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Вып. 4. С. 142–148.
6. Корзо М.А. О протестантских влияниях действительных и мнимых: православные катехизисы от Стефана Зизания до Феофана Прокоповича // Вивлиоика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2017. Vol. 5. С. 5–17. URL: <https://vivlioika.library.duke.edu/article/view/16039> (дата обращения: 15.08.2018).
7. Корзо М.А. Обзор книги М.В. Корогодиной «Исповедь в России в XIV–XIX вв. Исследования и тексты» // Этическая мысль. 2007. № 8. С. 254–261.
8. Корзо М.А. Толкование предписаний Декалога в рукописном катехизисе Симеона Полоцкого // Этическая мысль. 2010. № 10. С. 156–173.
9. Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV–XIX вв. Исследования и тексты. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. 584 с.
10. Носов Д.М. История института исповеди и его влияние на этическое самосознание в католицизме и православии // Философские науки. 2016. № 2. С. 61–73.
11. Первое учение отроком в нем же буквы и слоги. Краткое толкование законного десятилетия, молитвы Господней, Символа веры и девяти блаженств. С присовокуплением диалогизма. СПб., 1795.
12. Рукопись «Сочинения, относящиеся до веры» неустановленного автора // Отдел рукописей РГБ. Ф. 173.III (по временному каталогу). № 194.

REFERENCES

1. Zelenin D.K. Izbrannyye trudy. Ocherki russkoi mifologii: umershie neestestvennoyu smert'yu rusalki [Selected works. Essays on the Russian mythology: mermaids who died an unnatural death]. Moscow, Indrik Publ., 1995. pp. 47.
2. Karasik V.I. [The Decalogue: a cultural commentary]. In: Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik [Verkhnevolzhsk philological bulletin], 2015, no. 1, pp. 153–160.
3. Kovaleva T.V. [The tradition of creating spiritual literature of the 18th century]. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Saint Petersburg university. Series 6: Philosophy. Culture Studies. Political Science. Law. International Relations.], 2014, no. 2, pp. 61–69.
4. Korzo M.A. ["Nothing gives us an eternal promise in the Decalogue". To the place of the Decalogue in the Orthodox thought, the 17th – beginning of the 18th century]. In: Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2014, vol. 15, iss. 1, pp. 49–56.

5. Korzo M.A. [Kiev metropolis catechisms of the 17th– 18th centuries: basic genres and their sources]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Tula State University News. Humanitarian sciences], 2013, no. 4, pp. 142–148.
6. Korzo M.A. [On Protestant Influences of Actual and Imaginary: Orthodox Catechisms from Stefan Zizania to Feofan Prokopovich]. In: *Vivlioeka: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies* [Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies], 2017, vol. 5, pp. 5–17. Available at: <https://vivliofika.library.duke.edu/article/view/16039> (accessed: 15.08.2018).
7. Korzo M.A. [Review of the book by M. Korogodina "Confession in Russia in the 14–19th centuries. Studies and texts"]. In: *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2007, no. 8, pp. 254–261.
8. Korzo M.A. [Interpretation of Decalogue in Handwritten Catechism of Simeon Polotsky]. In: *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2010, no. 10, pp. 156–173.
9. Korogodina M.V. *Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vv. Issledovaniya i teksty* [Confession in Russia in the 14–19 centuries. Studies and texts]. St. Petersburg, "Dmitrii Bulanin" Publ., 2006. 584 p.
10. Nosov D.M. [History of Confession Institution and its Impact on Ethical Consciousness in Catholicism and Orthodoxy]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2016, no. 2, pp. 61–73.
11. *Pervoe uchenie otrokom v nem zhe bukvy i slogi. Kratkoe tolkovanie zakonno desyatosloviya, molitvy Gospodnei, Simvola very i devyati blazhenstv. S prisovokupleniem dillogizma* [First teaching as the child the same letters and syllables. A brief interpretation of the legitimate Decalogue, the prayer of the Lord, the Creed and the nine blisses. With the addition of dillogism]. St. Petersburg, 1795.
12. [The manuscript of "Essays related to faith" by unidentified author]. In: *Otdel rukopisei RGB* [Department of Manuscripts RSL], F. 173.III (according to the temporary catalog), no. 194.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных МК-3279.2018.6.

ACKNOWLEDGMENTS

This work was supported by a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists МК-3279.2018.6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андерс-Намжилова Кристина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления – филиал РАНХиГС;
e-mail: christinaanders@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kristina Anders-Namzhilova – PhD in Philological Science, associate professor at the Department of International relations and Humanitarian cooperation, Siberian Institute of Management RANEPА
e-mail: christinaanders@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Андерс-Намжилова К.Ю. Особенности жанра толкований на декалог в XVIII в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 155–163.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-155-163

FOR CITATION

Anders-Namzhilova K.U. Characteristics of the Decalogue interpretations in 18th century. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 155–163.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-155-163

УДК 1751. 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-164-172

ПОЭТИКА ГОТИЧЕСКОГО В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ»

Егорова М.А.¹, Шевцова Л.И.²

¹Общеобразовательное частное учреждение «Школа Эрудит»

109544, Москва, ул. Новорогожская, д. 2, Российская Федерация

²Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация

Аннотация. Основной целью представленного исследования является рассмотрение юношеского романа Лермонтова с точки зрения поэтики готического повествования. Элементы готического просматриваются в системе образов, характере конфликта, в хронотопе, сюжете, в пейзажных зарисовках и отдельных художественных деталях. М.Ю. Лермонтов по-своему расширяет и видоизменяет рамки готического повествования. Именно готика позволила юному автору ярко представить картину Пугачёвского бунта в своём первом прозаическом опыте, что было редкостью для литературы 30-х гг XIX в. Данное исследование помогает уяснению жанровой дифференциации готической традиции в русской литературе первой трети XIX в., а также – более полному анализу структуры романа М.Ю. Лермонтова «Вадим».

Ключевые слова: роман М.Ю. Лермонтова «Вадим», готическая литература, сентиментально-готический, френетический, хронотоп, система образов.

THE POETICS OF THE GOTHIC IN M. LERMONTOV'S NOVEL "VADIM"

M. Egorova, L. Shevtsova

Private educational institution "School Erudite"

2, Novorogozhskaya st., Moscow, 109544, Russian Federation

Moscow Region State University

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The main objective of the study is to examine Lermontov's youthful novel from the point of view of gothic narrative's poetics. Gothic elements are noticed in the system of images, in the characters' conflict, in the chronotope, in the plot, in the landscape scatches, and in particular artistic details. M. Lermontov extends and modifies the frameworks of gothic narrative in his own manner. It was the gothic that allowed the young author to present the scene of Pugachev's revolt in his first prosaic experience, which was rare in the literature of the 1830s. This study helps to clarify the genre differentiation of gothic tradition in the Russian literature of the first third of the 19th century. It also analyzes the structure of M. Lermontov's novel "Vadim" in the more complete way.

Key words: M. Lermontov's novel "Vadim", gothic literature, sentimental-gothic, phrenetic, chronotope, system of images.

Роман Лермонтова «Вадим» в литературоведении чаще всего рассматривался в качестве примера романтической прозы. Однако очевидная принадлежность к этому жанру не исключает наличие черт и других жанровых признаков, в данном случае – готического романа» [17].

Современная наука относит готический роман к самостоятельному жанру, указывая на 80-е гг. XVIII в. как на время его расцвета [2]. Это нередко служит основанием для определения готического как предромантического явления в литературе. Причины появления данного стиля учёные видят разные: общественные – политика террора Робеспьера [2], литературные – интерес к рыцарскому эпосу [11] и философские – кризис Просвещения, а вместе с ним отрицание рационального подхода к окружающей действительности [1; 4; 8; 10].

Но важно отметить: именно действительность становится основной видоизменённой частью повествования. Это следствие непринятия рационального мировосприятия, разочарования в действительном мироустройстве, внимания к сенсуалистическому познанию. Окружающий мир подвергается критике при помощи фантастического, доказывающего мнимость человеческого разума.

С этой точки зрения роман Лермонтова «Вадим» не во всём соответствует эталонам готического произведения, но нашей целью является выявление отдельных элементов готического для определения первого прозаического опыта как многогранного явления в творчестве поэта.

В исследовании типологии готического романа магистральной линией

анализа в современном литературоведении является дифференциация Дибелиуса, что подтверждается и суждением Н.Д. Тамарченко: «На сегодняшний день в этой области исследований доминирует идея В. Дибелиуса» [3, с. 17]. Последний вводит два типа готического романа: сентиментально-готический и «чёрный» (френетический) роман. В френетическом романе фантастическое – доминирующая художественная единица, которая носит не условный характер, а напрямую влияет на сюжет.

Относительно определения «френетический» существует не столько жанровая принадлежность, сколько характерологическая особенность литературы: «В связи с этим рациональнее было говорить не о френетическом жанре, а о френетической традиции, которая сохранилась в искусстве вплоть до настоящего времени» [5, с. 5]. Другими словами, в контексте развития романтического движения понятие «френетический», с одной стороны, своего рода синоним «готического», а с другой стороны – оппозиции к понятию «романтический» в связи с вычленением самостоятельного жанра литературы (френетический). В представленной статье мы опираемся на исследования Н.Д. Тамарченко, поэтому определение «френетический» используется в качестве одного из типов готической литературы.

Второй тип готического романа именуется «чёрным», другими словами, «френетическим» романом. Его черты в исследуемом произведении встречаются эпизодически, в отдельных художественных элементах. Например, в описании смерти одного из

второстепенных героев юный Лермонтов наглядно, практически натуралистически рисует момент его гибели. Такого рода «натуралистические описания страданий, мучительной смерти...» характерны именно для «чёрного» романа [3, с. 22].

С точки зрения поэтики готического лермонтовский роман в большей степени соотносим с типом сентиментально-готического романа.

Первостепенно готическое начало обязательно связано с системой персонажей: «положительные» и «отрицательные». Они, в свою очередь, дифференцируются на героя-мстителя, героя-злодея и героя-жертву: «Сюжетная схема готического романа предполагает введение трех главных действующих лиц, поэтому помимо статичного и бледного клишированного образа добродетельной героини, сюжет включает в себя столь же клишированный образ положительного героя – юноши, возлюбленного героини и образ мрачного злодея» [2, с. 67].

Подобная градация героев, позволяющая отнести произведение к сентиментально-готическому роману, закрепились в трудах В. Дибелиуса. Одним из аспектов поэтики сентиментально-готического романа является месть, управляющая героем. Она же служит основной силой генерирующей действия.

В центре внимания – герой-мститель. Антагонистами выступают те, кто вовлечён в круг отмщения: герои, совершившие злодеяние ранее. В данном случае герой-мститель восстанавливает «равновесие». Но при противоположном развёртывании сюжета (мститель совершает несправедливые поступки) действующее лицо из ка-

тегории положительного персонажа переходит в категорию героя-злодея. Можно сделать вывод о том, что именно на различении характеров героев строится основная дифференциация типов готического романа.

Главный герой – Вадим – является жертвой обстоятельств, как и его сестра. Данный аспект типичен для сентиментально-готического романа («Старый английский барон» К. Рив, «Полночный колокол, или Таинства Когенбургского замка» Ф. Лэтома, «Замок Отранто» А. Радклиф и другие).

Вадима можно было бы считать идеальным «готическим» героем, который стремится восстановить потерянную справедливость. Но он превращается в героя отрицательного: по мере развития сюжета изменяется личность героя, его захватывает ненависть, в сердце возрастает желание мести. Однако данный момент борьбы добра и зла не типичен для персонажа канонического готического повествования. Можно считать этот аспект предпосылкой не столько готического эпоса, сколько психологического романа в первом прозаическом произведении Лермонтова. В дальнейшем развитии событий Вадим из жертвы и мстителя превращается в злодея. Жертвой уже становится не только его сестра, но и её возлюбленный – Юрий Палицын.

Неоднозначны и другие персонажи: Ольга и Юрий. Ольга – героиня, являющаяся жертвой рока, а впоследствии – и воли брата [18]. В её душе происходит антагонистическая борьба между чувством любви к Юрию и сестринским чувством к Вадиму. Но выбор, сделанный в пользу Палицына-младшего, автоматически определяет её судьбу, во мнении Вадима.

Сам Юрий Палицын занимает место героя-злодея формально, так как к истории с разорением семьи Ольги и Вадима причастен опосредованно, исключительно на основании родственной связи. В дальнейшем его можно уже отнести к герою-жертве, так как он становится объектом мести Вадима в большей мере из-за родившихся чувств Ольги к Юрию.

Очевидно, что в романе прослеживается система образов, подобная треугольнику: Юрий, Ольга и Вадим. Каждый из героев тесно связан с другим. Вадим венчает данный «треугольник», являясь отрицательным персонажем, мешающим возлюбленным быть вместе, что отвечает требованиям сентиментально-готического романа.

Но в отличие от вышеназванного жанра романа в лермонтовском произведении чёткая грань между положительным и отрицательным героями становится размытой, что подтверждается не только развитием конфликта, но и анализом внутреннего мира действующих лиц.

Рассматривая конфликты в первом романе Лермонтова, можно отметить два сюжетообразующих узла: любовный и социально-философский. И тот, и другой соответствуют жанру сентиментально-готического романа.

Социально-философский конфликт, на первый взгляд, упирается в проблему возмездия, которая диктует логику развития сюжета, а вместе с ним и композицию. Так, в основе социально-философского конфликта заложена диалектическая ситуация сосуществования добра и зла, равновесия между этими философскими понятиями, что указывает на связь с восприятием мира через призму готической философии.

Равновесие нарушается в прошлом, а в настоящем дополняется ситуацией разлуки. Разлука в романе Лермонтова показана в двух ракурсах: разлука Вадима с сестрой, разлука Ольги и Юрия Палицына во время народных волнений.

Художественность готического романа подкрепляется не только идеей, выраженной в образах и композиции романа, но и смыслообразующими элементами. В первую очередь элементом такого рода является хронотоп.

Основной хронологической тенденцией готического романа можно назвать обращение к эпохе Средневековья, что не раз отмечалось учёными [2; 3; 6; 7]. В лермонтовском произведении изображаемое событие не носит оттенок Средневековья. Но для готического эпоса важна была не просто эпоха, в которой разворачиваются события, а тайна, скрывающаяся во времени: «...в готическом произведении, как правило, присутствует несколько временных пластов, разделенных между собой несколькими десятилетиями или даже веками» [3, с. 28].

История разорения семьи Ольги и Вадима уходит в прошлое, тайна которого раскрывается в рассказе самого Вадима. Подобная ситуация типична для готической литературы. Стоит отметить, что тайна, как художественная единица, задерживает повествование во времени, создавая эффект загадки и таким образом заставляя читателя ждать и фантазировать. Возбуждение воображения читателя – одна из целей авторов готического повествования, ставшая ярким признаком такого рода литературы. Данная особенность не раз отмечалась учёными [13–15].

Готический канон тесно связан не только с особым временем, но и с особым топосом.

В романе Лермонтова «Вадим» топос – это Пензенская губерния. Именно там разворачиваются события. В аспекте готического повествования важным является локальное место действия, которое связано, как правило, с родовым имением, чаще с замком [2; 3; 13–16]. В произведении Лермонтова можно выделить несколько топографических элементов: имение Палицыных, церковь и площадь перед ней, дом солдатки, где скрывается Палицын-старший, Чортово логовище и место службы Юрия – Петербург. Петербург вводится юным писателем в качестве воспоминания. Таким образом, указанные топографические единицы не в полной мере отражают каноническое понимание топоса. Но художественная подача, а вместе с ней идея топографических элементов носит оттенки готического.

Родовое имение, как и церковь, являются характерными местами в готическом эпосе. Примечательно, что описание церкви и площади рядом с ней даётся писателем отрывочно. На фоне пейзажа впервые появляется главный герой произведения.

Безусловно, зарисовки пространства присутствуют и в дальнейшем, но они показаны Лермонтовым с акцентом на природу Пензенского края, которая вторит чувствам героев в определённые моменты. Такой характер обрисовки присущ готическому роману. Хотя зачастую в готике это именно «наводящий тоску и ужас пейзаж, буйство стихий, описание грозы, бури и т. п.» [3, с. 26].

Один из показательных эпизодов, где писателем создан пейзаж, типичный для готического повествования, связан с изображением Чортова логовища. Именно там Ольга и Юрий скрываются во время начала бунта. Но сначала в XIX главе органично выстроен хронотоп, базирующийся на ожидании Юрия Палицына. Герой остаётся наедине со своими мыслями на фоне ночного леса, поглощённого мраком. Подобная картина природы, предвещающая переход к следующему эпизоду, создаёт атмосферу страха.

Автор, описывая Юрия, употребляет лексему «воображение». Именно возбуждённое неизвестностью воображение открывает «длинный свиток воспоминаний» [9, с. 220] юного Палицына. Так читатель погружается в прошлое. Происходит расширение хронологических и топографических границ. Мы оказываемся во времени, связанном с военной службой героя на Дунае. По первому впечатлению здесь появляется элемент экзотики, запрограммированный готическим жанром. Но в данном случае это не совсем готический контекст экзотического, так как это не основное место действия. Хронотоп в романе расширяется именно за счёт воспоминания.

«Объединение в готическом романе двух временных планов способствует выявлению ещё одной характерной черты: внезапной “переменчивости” художественного времени» [2, с. 65] – отмечают исследователи. Это и происходит в романе «Вадим». Повествование в нём отличается динамичностью, что продиктовано развитием сюжета и характерно для готического жанра. Это подтверждается фрагментом, связанным с местом, где встретились

Палицын-старший, Ольга и Юрий. Именно Чортово логовище становится временным убежищем героев-антогонистов, спасающихся от расправы составших крестьян. А с точки зрения поэтики представляет собой готическую единицу повествования.

Чортово логовище как топографическая единица овеяно легендами, хранящими в себе ужас людского суеверия. Но важен не только созданный слухами страх при знакомстве с Чортовым логовищем. Примечательно описание места встречи героев. Это подземелье, атмосфера которого внушает тревогу. Двигаясь по нему, герои будто углубляются в готическое неведомое пространство, что придаёт всему описанию повышенную напряжённость, характерную для романов готического типа. В подобного рода топографическом элементе и способе его описания угадывается влияние готической литературы.

Таким образом, можно выдвинуть тезис о наличии традиции готической литературы в первом юношеском романе Лермонтова. Элементы готического просматриваются в системе образов, характере конфликта, в хронотопе, сюжете, в пейзажных зарисовках и отдельных художественных элементах. Безусловно, готический принцип повествования не является основополагающим в данном произведении, так как автор зачастую расширяет или переосмысливает художественную и идейную сторону го-

тического. В данном случае надо иметь в виду, что именно в этом юношеском, первом романе Лермонтова дана редкая для литературы 30-х гг. XIX в. картина, изображающая накал и причины крестьянского бунта под руководством Пугачёва: «Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь < его > могла смыть эти постыдные летописи... В XVIII столетии дворянство, потеряв уже прежнюю неограниченную власть свою и способы её поддерживать, – не умело переменить поведения: вот одна из тайных причин, породивших пугачёвский год!» [9, с. 156–157].

Нарисованные в «Вадиме» картины есть первый прозаический опыт Лермонтова [12] и потому он представляет собой синтез нескольких жанров. О присутствии готической культуры в творческом сознании поэта можно судить уже по тому сравнению, к которому прибегает автор при описании кукушки, повторяющей свой «унылый напев» ранним летом в лесу, «...как бой часов в сырой готической зале» [9, с. 230]. Готическое было присуще и самой натуре юного Лермонтова, мощно пробивавшегося сквозь все искажения личной судьбы и времени к «чудесному».

*Статья поступила в редакцию
27.08.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Барский О.В. Творчество А.С. Пушкина 1813–1824 гг. и английский «готический» роман: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 18 с.
2. Буденц Ю.Б., Потанина А.В. Готический роман Е. Марлит в контексте женской литературы Германии XIX столетия: монография. Набережные Челны: Набережночел-

- нинский филиал Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова, 2013. 140 с.
3. Готическая традиция в русской литературе / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 349 с.
 4. Григорьева Е.В. «Готический» роман и своеобразие фантастического в прозе английского романтизма: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1989. 17 с.
 5. Дроздов Н.А. Французская «неистовая совесность» в русской рецепции 1830-х годов: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 230 с.
 6. Заломкина Г.В. Механизмы страшного в готическом сюжете // Теория литературы: актуальные проблемы современной науки: сборник научных статей / под ред. Э.П. Хомич. Барнаул: Алтгпа, 2009. С. 122–132.
 7. Заломкина Г.В. Подходы к пониманию готического мифа // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 5 (79). С. 178–184.
 8. Константинова И.Г. Становление жанра исторической повести в русской литературе конца XVIII–начала XIX, дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. 154 с.
 9. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 4. Проза, письма. М.: Художественная литература, 1976. 542 с.
 10. Макарова Л.С. Роман Ч.Р. Метьюрина «Мельмот-Скиталец» в контексте готической и романтической традиции: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2001. 20 с.
 11. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. 136 с.
 12. Москвин Г.В. Начало прозы Лермонтова (К вопросу о датировке «Вадима») // Тарханский вестник. 2004. № 17. С. 82–92.
 13. Напцок Б.Р. Английская готическая проза XVIII в.: жанровая типология и поэтика: монография. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2010. 344 с.
 14. Напцок Б.Р. Становление «готической» традиции и «готической» прозы в английском преромантизме // Филология, журналистика и лингвистика: центробежное притяжение: сборник научных трудов. Краснодар: Издательство Кубанского государственного университета, 2014. С. 71–79.
 15. Напцок Б.Р. Традиция литературной «готики»: генезис, эстетика, жанровая типология и поэтика: на материале английской литературы: дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2016. 479 с.
 16. Полякова А.А. Готический канон и его трансформация в русской литературе 2-ой половины XIX века (на материале произведений А.К. Толстого, И.С. Тургенева и А.П. Чехова): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 189 с.
 17. Седина Е.В. Мифопоэтическая картина мира М.Ю. Лермонтова в контексте русского романтизма // Гуманитарный вектор. 2010. № 2 (22). С. 146–152.
 18. Таврина А.М. Типология героев в русской романтической повести 20–40-х годов XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 2016. 22 с.

REFERENCES

1. Barskii O.V., Tvorchestvo A.S. Pushkina 1813–1824 gg. i angliiskii “goticheskii” roman: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [A. Pushkin’s works in 1813–1824 and the English “Gothic” novel]. Tomsk, 2002. 18 p.
2. Budents Yu.B., Potanina A.V. Goticheskii roman E. Marlit v kontekste zhenskoi literatury Germanii XIX stoletiya [The gothic novel by E. Marlit in the context of women’s literature

- in Germany of the 19th century]. Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny branch of the Nizhny Novgorod State Linguistic University N.A. Dobrolyubova Publ., 2013. 140 p.
3. Tamarchenko N.D.. ed. *Goticheskaya traditsiya v russkoi literature* [The Gothic tradition in the Russian literature]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2008. 349 p.
 4. Grigor'eva E.V. "Goticheskii" roman i svoeobrazie fantasticheskogo v proze angliiskogo romantizma: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk ["Gothic" novel, and the originality of the fantastic in the prose of English romanticism: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Leningrad, 1989. 17 p.
 5. Drozdov N.A. *Frantsuzskaya "neistovaya sovesnost" v russkoi retseptsii 1830-kh godov*: dis. ... kand. filol. nauk [French "furious world" in the Russian reception of the 1830s: St.Petersburg, 2013. 230 p.
 6. Zalomkina G.V. [The mechanisms of the terrible in the Gothic plot]. In: Khomich E.P., ed. *Teoriya literatury: aktual'nye problemy sovremennoi nauki: sbornik nauchnykh statei* [Theory of literature: actual problems of the modern science: collection of scientific articles]. Barnaul, Algtpa Publ., 2009. pp. 122–132
 7. Zalomkina G.V. [Approaches to understand the Gothic myth] In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University], 2010, no. 5 (79), pp. 178–184.
 8. Konstantinova I.G. *Stanovlenie zhanra istoricheskoi povesti v russkoi literature kontsa XVIII–nachala XIX v.: dis. ... kand. filol. nauk* [The formation of the genre of historical novel in the Russian literature of the late 18th – early 19th century: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 154 p.
 9. Lermontov M.Yu. *Sobranie sochinenii: v 4-kh t. T. 4. Proza, pis'ma* [Collected works: in 4 vol. Vol. 4. Prose, letters]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, Publ, 1976. 542 p.
 10. Makarova L.S. *Roman Ch.R. Met'yurina «Mel'mot-Skitalets» v kontekste goticheskoi i romanticheskoi traditsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The novel "Melmot the Wanderer" by Ch.R. Maturin in the context of the Gothic and Romantic tradition: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Nizhny Novgorod, 2001. 20 p.
 11. Meletinskii E.M. *O literaturnykh arkhetyпах* [On literary archetypes]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1994. 136 p.
 12. Moskvina G.V. [The beginning of Lermontov's prose (To the question about the dating of "Vadim")]. In: *Tarkhanskii vestnik* [Tarkhansky Gazette], 2004, no. 17, pp. 82–92.
 13. Napsok B.R. *Angliiskaya goticheskaya proza XVIII v.: zhanrovaya tipologiya i poetika* [English Gothic prose of the 18th century: genre typology and poetics]. Maykop, Adyghe State University Publ., 2010. 344 p.
 14. Napsok B.R. [The formation of "Gothic" tradition and "Gothic" prose in English preromanticism]. In: *Filologiya, zhurnalistika i lingvistika: tsentrobezhnoe prityazhenie: sbornik nauchnykh trudov* [Philology, journalism and linguistics: centrifugal attraction: collection of scientific papers]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2014. pp. 71–79.
 15. Napsok B.R. *Traditsiya literaturnoi "gotiki": genezis, estetika, zhanrovaya tipologiya i poetika: na materiale angliiskoi literatury: dis. ... dokt. filol. nauk* [The tradition of literary "Gothic": the genesis, aesthetics, genre typology and poetics: on the material of English literature: D. thesis in Philological Sciences]. Krasnodar, 2016. 479 p.
 16. Polyakova A.A. *Goticheskii kanon i ego transformatsiya v russkoi literature 2-oi poloviny XIX veka (na materiale proizvedenii A.K. Tolstogo, I.S. Turgeneva i A.P. Chekhova): dis. ... kand. filol. nauk* [Gothic Canon and its transformation in the Russian literature of the

- 2nd half of the 19th century (on the material of A. Tolstoy's, I. Turgenev's and A. Chekhov's works): PhD of Philological Sciences]. Moscow, 2006. 189 p.
17. Sedina E.V. [Mythopoetic picture of the world of M. Lermontov in the context of the Russian romanticism]. In: Gumanitarnyi vektor. [Humanitarian Vector], 2010, no. 2 (22), pp. 146–152.
18. Tavrina A.M. Tipologiya geroev v russkoi romanticheskoi povesti 20–40-kh godov XIX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Typology of heroes in the Russian romantic tale of 1820–40s: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Vologda, 2016. 22 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егорова Мария Анатольевна – учитель русского языка и литературы Общеобразовательного частного учреждения «Школа Эрудит»;
e-mail: allogizm@gmail.com.

Шевцова Лариса Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: larisashev@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria A. Egorova – teacher of the Russian language and literature, Private educational institution “School Erudit”;
e-mail: allogizm@gmail.com.

Larisa I. Shevtsova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of Russian classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: larisashev@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Егорова М.А., Шевцова Л.И. Поэтика готического в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 164–172.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-164-172

FOR CITATION

Egorova M.A., Shevtsova L.I. The poetics of the gothic in M. Lermontov's novel “Vadim”. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 164–172.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-164-172

УДК 821.161.1 (091)

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-173-184

С.И. ПОНОМАРЕВ О РОЛИ В.А. ЖУКОВСКОГО В РАЗВИТИИ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ

Макиенко К.И.*Московский государственный областной университет**114014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Вниманию предлагается фрагмент уникального труда С.И. Пономарева, посвящённого исследованию русской журналистики, подготовленный к 1854 г. Это кандидатская диссертация С.И. Пономарева, которая неизвестна научной общественности. При жизни С.И. Пономарева труд не публиковался, но известно, что в 1853 г., когда С.И. Пономарев находился в Москве, он был завершён; в библиографическом списке трудов, составленном самим автором, указание на кандидатскую диссертацию отсутствует. Ценность исследования представляет тот материал, в котором С.И. Пономарев даёт оценку журналистскому творчеству писателей. И в этом ключе недооценённая журнальная деятельность В.А. Жуковского представляет наибольший интерес. Исследовательский материал С.И. Пономарева вносит значительный вклад в историю русской литературы.

Ключевые слова: словесность, журналистика, творчество, исследования, поэзия, публицистика, философия, перевод.

S. PONOMAREV ON V. ZHUKOVSKY'S ROLE IN THE DEVELOPMENT OF JOURNALISM

K. Makienko*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract. The article presents the unique part of S. Ponomarev's work. It was written in 1854 and is dedicated to the study of Russian journalism. It's S. Ponomarev's PhD thesis, which is little-known. During the Ponomarev's life, the work wasn't published. But it's known that it was completed in 1853, when S. Ponomarev was in Moscow. The author didn't mention it his own bibliography. The value of the research is the material in which S. Ponomarev evaluates the journalistic work of writers. In this regard, the underestimated V. Zhukovsky's works have the highest interest. Research material of S. Ponomarev has made a great contribution to the history of Russian literature.

Key words: literature, journalism, creativity, research, poetry, philosophy, translation, publicism.

С.И. Пономарев – выдающийся общественный и литературный деятель середины XIX столетия. Он стяжал славу библиографа и издателя литературных трудов отечественных писателей-классиков – Н.А. Некрасова, К.Я. Грота, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Н.М. Карамзина, Н.В. Гоголя и др. Но особое внимание заслуживает его исследование, посвящённое русской журналистике. Труд под названием «Исследования о русской журналистке» представляет собой работу на соискание степени кандидата наук. С.И. Пономарев его никогда не печатал при жизни. Сегодня диссертация хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)¹. В 1854 г. С.И. Пономарев, в ту пору в чине действительного студента Императорского университета св. Владимира, блестяще защитил написанную работу. В письме к матери от ноября 1853 г. С.И. Пономарев сообщает, что ему необходимо закончить к январю 1854 г. начатое им кандидатское сочинение, а 29 марта констатирует, что работа рассмотрена факультетом: «Я окончил уже свою диссертацию, отправил ее в Киев 8 генваря и получил уведомление, что диссертация признана не только хорошею, но и отличною, и диплом мне будет выслан немедленно, как напечатается» [15, с. XLVI]. В конце 1853 г., когда С.И. Пономарев находился в Москве, работа над диссертационным исследованием была завершена. Исследование получилось масштабным. Автор создал новаторский труд по истории русской журналистики. Но особого

внимания в этом труде заслуживает оценка публицистической деятельности писателей XIX в. – Н.М. Карамзина, И.А. Крылова, В.А. Жуковского, кн. П.А. Вяземского, В.Ф. Одоевского, А.С. Пушкина, А.А. Дельвига, А.Ф. Мерзлякова, Н.А. Полевого, М.П. Погодина, В.И. Даля и др. Москва содействовала развитию выбранной темы: С.И. Пономарев оказался в окружении московских литераторов, журналистов и литературных критиков. Закономерным этапом станет издание С.И. Пономаревым в 1880 г. в Петербурге сборника «Москва в родной поэзии».

Университет, в котором С.И. Пономарев обучался, был создан указом императора Николая I. Из истории университета известно, что после Польского восстания 1830–1831 гг. на базе закрытых Виленского университета и Кременецкого лицея министр народного просвещения гр. С.С. Уваров разработал положение об открытии в Киеве Императорского университета [24]. Его открытие состоялось в день памяти равноапостольного князя Владимира в 1834 г. Он стал вторым по значимости университетом в Императорской России. В 1848 г. на один из первых факультетов университета – историко-филологический (образовался из философского, из которого выделился ещё физико-математический) – и поступил С.И. Пономарев. М.П. Погодину он писал о том интересе к русской словесности, который возник в период обучения: «В кругу наук, слушаемых мною, всего более занимает меня словесность; среди проявления творческой мысли человека всего более привлекает меня литература; в широкой области литературы всего более поглощает мои досуги

¹ Пономарев С.И. Исследование о русской журналистике [кандидатское сочинение] // РГАЛИ. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 520. 275 л.

журналистика, составляющая самый любимый предмет моих добросовестных трудов и самое приятнейшее из всех удовольствий»¹. В год поступления С.И. Пономарев не всех застал из блестящей плеяды педагогов. Славу университета составили выдающиеся учёные и педагоги: М.А. Максимович, первый ректор Императорского университета Св. Владимира, декан историко-филологического факультета, исследователь истории русской литературы, древнерусской книжности [21, с. 187]; И.Н. Данилович, декан юридического факультета, историк и правовед, автор работ по литовскому законодательству [7, с. 89]; Н.Д. Ива́нишев, декан юридического факультета, историк и юрист, член Киевской археографической комиссии [5, с. 207–224]; К.А. Неволин, проректор университета, один из создателей юридической науки в России, составитель «Энциклопедии законоведения» [14]; К.Ф. Кесслер, декан физико-математического факультета, крупнейший учёный-зоолог [4]; А.Ф. Миддендорф, адъюнкт при кафедре зоологии, учёный-путешественник, основоположник мерзлотоведения, впоследствии академик Петербургской академии наук [13].

С М.П. Погодиным С.И. Пономарев будут связывать дружеские и творческие связи всю жизнь. В журнале «Москвитянин», который М.П. Погодин начал издавать с 1841 г. в Москве, вышла первая корреспонденция С.И. Пономарева «Славянские элемен-

ты в Греции»². В 20-м номере «Москвитянина» С.И. Пономарев предлагает читателю аналитический обзор сочинения Я.Ф. Фальмерайера, а в 21-м – сам перевод фрагмента из сочинения Фальмерайера «Отрывки с Востока». Историк и журналист Я.Ф. Фальмерайер, посвятивший свои труды изучению происхождения греков, был популярен в середине XIX в., особенно среди славянофилов и примыкающих к ним. Я.Ф. Фальмерайер выдвинул теорию о том, что после Великого переселения народов земли южных Балкан были заселены славянами, эти славяне принесли «истребление древнего эллинизма», но в VI–IX вв. византийские императоры покорили славян, при этом Я.Ф. Фальмерайер не отождествлял современных ему греков со славянами. Научные концепции Я.Ф. Фальмерайера не имели поддержки среди европейских учёных, его много критиковали и не без основания, но среди критиков не нашлось ни одного имени, которое бы получило поддержку в российской науке того времени, напротив, именно Я.Ф. Фальмерайер, несмотря на свою русофобскую позицию, вызвал немалый интерес и уважение, как пытливый исследователь и путешественник, добывающий фактический материал, что называется, на месте. Я.Ф. Фальмерайер много путешествовал: Иерусалим, Константинополь, Кипр, Родос, Халкидия, Македония, Афины и проч.; старательно изучал топонимику Мореи, Чехии, России. В России Я.Ф. Фальмерайер становится известным благодаря, с одной сторо-

¹ Языков Д.Д. Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц (В одной тетради). Выпуск 33. Л–П // РГАЛИ. Ф. 637. Оп. 1. Ед. хр. 80.

² Языков Д.Д. Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц (В одной тетради). Выпуск 33. Л–П // РГАЛИ. Ф. 637. Оп. 1. Ед. хр. 80.

ны, поддержке графа А.И. Остермана-Толстого, который во время своего путешествия на Восток пригласил Я.Ф. Фальмерайера в качестве компаньона, а с другой – глубоким интересом русских учёных и литераторов к русско-византийской истории. Греческая теория Я.Ф. Фальмерайера была подвергнута критике современниками – европейскими учёными, но тем не менее всегда оставалась в центре внимания в политическом ключе, поскольку спровоцировала дискуссию о расовом разрыве греков как этноса в истории и призывала рассматривать политику России в восточном вопросе как славяно-экспансионную. Тем не менее, топонимические исследования Я.Ф. Фальмерайера вызвали интерес у редакционной коллегии погодинского «Москвитянина», которая в 20-м номере журнала за 1850 г. опубликовала аналитический обзор фрагмента исследования Я.Ф. Фальмерайера («Отрывки с Востока»), а в 21-м номере перевод, выполненный С.И. Пономаревым. Споры о происхождении народов и о влиянии славянского элемента в становлении государственности европейских народов велись в России со второй половины XVIII в. В этих спорах принимали участие и М.В. Ломоносов, и В.К. Тредиаковский, и Г.З. Байер, и Г.Ф. Миллер, и А.Л. Шлёцер. Именно греческие источники и дали повод судить о славянской древности.

С.И. Пономарев, как нам представляется, скорее всего руководствовался историческими изысканиями Н.В. Гоголя, которого уважал на протяжении всей своей жизни, а в период работы над кандидатским исследованием мог опираться на исторические и публицистические работы писателя. С.И. По-

номарев находился в Москве, где последнее время своей жизни провёл Н.В. Гоголь. У Н.В. Гоголя, в частности, «В набросках и материалах по славянской, русской и украинской истории» встречается такая фраза: «Славяне жили уже очень давно на местах своих. Их расселение по восточной Европе случилось в те тёмные времена, когда восточная Европа была облечена киммерийскими баснями. Это переселение явственно в нашествии сарматов, безотчётном общем имени, данном греками ордам народов» [8, с. 18.]. Под «киммерийскими баснями» следует понимать «восходящие к XII в. до Р. Х. баснословные сведения греческих поэтов Ономакрита, Гомера и др. о древних обитателях Южной России – киммериянах. Об этих сведениях упоминает в 1-й главе первого тома «История государства Российского» Н.М. Карамзин» [6, с. 623.]. Первые сведения, полученные о киммерийцах, восходят к одиннадцатой песне «Одиссеи» легендарного Гомера, из содержания Песни одиннадцатой: «Одиссей продолжает рассказывать свои приключения. Северный ветер приносит корабль его к берегам Киммериян, где поток Океана ввергается в море; совершив жертву теньям, Одиссей призывает их ...» [9, с. 290.]. В переводе В.А. Жуковского, выполненного в 1849 г., киммерийцы охарактеризованы следующим образом: «Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана: // Там Киммериян печальная область, покрытая вечно // Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет // Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль // Он покидает всходя на звездами обильное небо, // С неба ль, звездами обильного сходит к земле

обращаясь; // Ночь безотрадн там искони окружает живущих» [9, с. 291].

В конце 1830-х гг. в России большим интересом пользуются труды чешского учёного П.Й. Шафарика, который заявил о том, что исследования европейских учёных о древности славян сомнительны, поскольку не опираются на знания славянских языков и мотивируются «неприятною и нерасположением к славянам». С.П. Пономарев, проанализировав заграничные журнальные публикации, посвящённые славянской теме в истории Греции (Софокла Эконома, К. Папаригопуло и др.), утверждает, что исследования зарубежных греческих коллег полны «грубыми историческими ошибками», а влияние эллинизма мешает объективности в изучении существа вопроса [19, с. 132]. Славянский язык, «оригинальный, самостоятельный, чистый, так совершенный своим грамматическим строем, богатый, разветвившийся на столько наречий» П.Й. Шафарик считает мощнейшим аргументом в пользу исторической древности славян. Он убеждён, что «народы славянского племени с незапамятных, или, что одно и то же, доисторических времён, были обитателями древней Европы, населяя её вместе с другими коренными племенами одинакового происхождения, именно, Кельтами, Немцами, Литовцами, Фракийцами, Греками, Римлянами» [22, с. 71.]. М.П. Погодин высоко оценил труд П.Й. Шафарика. Согласно высказывания М.П. Погодина, мысль П.Й. Шафарика не нова сама по себе для русской науки (её, как известно, в начале XIX в. убеждённо отстаивал А.С. Шишков), но именно П.Й. Шафарик «возвёл эту мысль на степень ося-

зательной истины» [17, с. 322.]. Заметим, однако, что А.С. Шишков создал так называемый «Славяно-русский корнеслов», в подзаголовке книги значится недвусмысленно: «Язык наш – древо жизни на земле и отец наречий иных». «Славяно-русский корнеслов» при жизни А.С. Шишкова опубликован не был, но лингвистическая теория А.С. Шишкова предметно представлена в его трудах: «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), «Прибавление к рассуждению о старом и новом слоге российского языка» (1804), «Рассуждение о красноречии Священного Писания и о том, в чём состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно» (1811) и др. [2]. С.П. Пономарев был убеждён в том, что «В прилежащих с севера землях к Дунаю и Понту-Эвксинскому, в так называемой Скифии, обитал издревле народ, продливший своё существование и до нашего времени, и известный во все времена под общим именем Славян. Во все времена история находила этот народ в каком-то разъединённом положении, под частыми именами. И во второй половине III в. (250–270), отдельные племена этих Славян, обитавшие ближе к Дунаю, пользуясь положением, в которое повергло Грецию оружие Рима, впервые бросают копье на Балканский полуостров. По морю и суше переходят Дунай и Понт в Иллирию, Мизию, Фракию и южную Грецию» [20, с. 130.]. Славянская тема соответствовала взглядам самого М.П. Погодина. Он был сторонником «теории официальной народности», разработанной гр. С.С. Уваровым и

поддержанной в первом номере журнала С.П. Шевырём. В журнал «Москвитянин» пришла группа молодых славянофилов, идеологом которых стал А.С. Хомяков. В журнале печатались Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, Н.М. Языков, Ф.Н. Глинка, кн. П.А. Вяземский, А.Ф. Вельтман, Ап. Григорьев, А.Н. Островский и др. Славянофилы, мировоззрение которых во многом было определено А.С. Пушкиным, нередко выступали сторонниками патриархальной допетровской Руси, в то время как М.П. Погодин, будучи сторонником нормандской теории, признавал положительными преобразования Петра Великого. Как отмечает в своём исследовании А.В. Шмелёва, «Интерес к родному прошлому активизировал литераторов к общественно-политическим и историософским темам, к осмыслению национально-исторической идентификации, к национальному самоопределению. В это время укрепляется общественное значение театра, и заслуга в открытии нового арсенала театрального искусства принадлежала Пушкину» [23, с. 143.]. Сам М.П. Погодин высоко ценил талант А.С. Пушкина как литератора и философа истории. О гибели поэта он писал чешскому учёному П.Й. Шафарику в феврале 1837 г.: «Пушкин, наш славный Пушкин – погиб. Потеря сия невозвратима для литературы русской. Он первый наш народный поэт», а в 1865 г. в «Русском архиве» опубликовал свои воспоминания о А.С. Пушкине, в которых, в частности, говорится: «Имя Пушкина принадлежит Русской истории – это одна из лучезарных звёзд отечественной славы, и я не считаю слов моих неуместными на исторической лекции: как сотво-

рением Ломоносовым первой его оды основался настоящий наш язык, как жизнью Карамзина, этого доброго гения-хранителя нашего просвещения, так и сочинениями Пушкина начинается новая эпоха в Русской литературе, эпоха национальности» [16, с. 107].

Будучи студентом 3 курса С.И. Пономарев впервые выступает в печати в журнале М.П. Погодина «Москвитянин» с материалом о славянской теме, а впоследствии знакомит читателей с литературными и научными новостями, театральными постановками, книжными новинками и другими культурными событиями, происходящими в Киеве¹. С.И. Пономарев не был активным корреспондентом журнала «Москвитянин». За свою историю сотрудничества (1850–1852) с погодинским изданием он опубликовал тринадцать материалов, одиннадцать из которых корреспонденции («Вести из Киева» [18], письма к редактору «Москвитянина», «Письма к издателю») с 1851 по 1852 гг. Эти письма содержали новости: открытие учебных заведений, литературные новости, художественные новости, театральные новости, новости погоды, о контрактах, перечень газет и журналов, получаемых в Киеве. Опыт сотрудничества с журналом и послужил созданию столь уникального по замыслу диссертационного сочинения по истории русской журналистики.

Материал, который С.И. Пономарев включил о В.А. Жуковском, любопытен, в первую очередь, тем, что автор обращается к тем страницам

¹ Языков Д.Д. Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц (В одной тетради). Выпуск 33. Л-П // РГАЛИ. Ф. 637. Оп. 1. Ед. хр. 80.

творческой деятельности В.А. Жуковского, которая менее всего исследована в истории литературы и журналистики. С.И. Пономарев раскрывает личность В.А. Жуковского в сравнении с крупнейшей фигурой, какой был Н.М. Карамзин. В.А. Жуковский привлекателен тем, что, как пишет о нём В.Н. Касаткина (Аношкина), «В рассуждениях Жуковского об искусстве, в частности о литературе, тот же задушевный тон, что и его поэзии. Он дружески-искренне, как бы по-семейному ведёт разговор о писателе в обществе, о призвании издателей журналов, о действии литературного творчества, о нравственных требованиях к ним ко всем» [12, с. 24].

В содержании диссертации в пункте 15 о журнальной деятельности В.А. Жуковского С.И. Пономарев отмечает вопросы для рассмотрения, ключевым из которых С.И. Пономарев выделяет заслуги В.А. Жуковского в развитии русской журналистики и русской журнальной прозы. С.И. Пономарев был современником В.А. Жуковского, оттого особенно ценным предстаёт для современного литературоведения взгляд студента, дающего оценку метру русской словесности, тем более что В.А. Жуковский, как отмечает В.Н. Касаткина (Аношкина), «и в 30-х, и в 40-х годах, времени активного и успешного развития русской прозы, остаётся верен традициям “золотой” поэзии» [12, с. 143]. В.Н. Касаткина (Аношкина) также отмечает эту сторону личности поэта: «Жуковский-переводчик никогда не стремился к точному воспроизведению подлинника, он обычно пересоздавал оригинальный текст и даже творил на его основе собственное произведение» [3, с. 82].

С.И. Пономарев, «Жуковский: его заслуги в журналистике; его замыслы об ней; другие издания его; участие его в разных журналах»:

«Карамзин издавал Вестник Европы¹ только два года; после него являются издателями Сумароков, Макаров, Каченовский, но трудно им было поддерживать это издание на той степени, на которую вознес его Карамзин. От Каченовского в 1808 принял Жуковский в свое заведывание Вестник Европы и возвратил изданию ту жизнь и занимательность, которыми оно всех привлекало к себе при его основателе. Карамзин основал в журнале только два отдела: 1) Литература и Смесь, 2) Политика. Жуковский в 1809 г. разделил его на 5 отделов: Изящная словесность; Изящные искусства; Наука и Литература; Критика; Смесь и Политика. Перебирая этот журнал, убеждаешься, что он был действительным посредником между читателями и своей эпохой. В нем ничто не забыто, ничто не упущено. Как драгоценная летопись современности, Вестник указывает на все явления истории, литературы и общественной жизни. Конечно, лучшим украшением журнала были собственные сочинения и переводы редактора. Но он, как талант, как законный судья в деле и как образцовый писатель, не бесплодно употреблял свои способы, чтобы произведениям других придать правильность, точность и силу выражений, без которых нет физиономии ни в стихах, ни в прозе. Журнал тогда не был складочным листом дюжинных романов. Он обогащал ум читателя указаниями, а не губил его времени. Если мы встречаем в журна-

¹ Все выделения приводятся согласно оригиналу рукописи.

ле Жуковского так называемое чтение легкое, необходимое для известного круга людей, – оно никого не отводило от главной цели издания, очищая вкус и нравы. Это были по большей части собственные его переводы небольших повестей, выбранных с таким умом, что их чтение до сих пор может служить лучшей школой образования. Число прозаических статей Жуковского очень ограничено: они составляют один том в полном собрании его сочинений. Влияние Карамзинской школы видно как в прозе, так и в некоторых стихотворениях его, преимущественно журнальных. Критические статьи построены на тех же основаниях, на каких критика Карамзина. Повесть Марьяна Роша есть заметное подражание Бедной Лизе. Статьи же критические: о сатире и сатирах Кантемира, о басне и баснях Крылова, рассуждение о критике имели для своего времени значительное достоинство содержания. Замыслы Жуковского, как журналиста, были слишком мечтательны; но нам интересны они, как взгляд великого поэта на журналистику, на отношения журналистов. Он желал, чтобы “журналисты составили согласное, исполненное взаимного доброжелательства, семейство авторов, семейство, в котором каждый член, имея в виду и пользу и усовершенствование других сочленов своих, без всякого пристрастия замечал бы их ошибки, предлагал им свои замечания, не повелительным языком учителя, не с колкой насмешливостью соперника, но с кроткой, благородной непринужденностью любителя истины”. Правда, это волшебный замок журналистики, но основная мысль его верна, прочна и важна, как нельзя более: только при согласии

общем и совместном труде, можно достигать добрых, многоплодных результатов. Притом же мечта Жуковского о сословии литераторов, основанном на желании взаимного совершенствования, олицетворилась несколько в Арзамасском обществе, известном литературном круге, в котором сияли имена, равно славные на поприщах государственном и литературном. В 1810 г., стал являться в свет, по мысли Жуковского, сборник всего лучшего в Русской поэзии, под названием: Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев Российских и из многих русских журналов. В последствии (раздельно. – К.М.) времени явилось множество таких сборников; размножение их и неловкое до смешного подражание образцу охладили к ним общее внимание. В 1817 и 18 г. Жуковский издавал собрание переводов с немецкого, именно собрание лучших небольших переводных стихотворений, с приложением подлинников. Издания этого вышло 6 книг, под заглавием: Для Немногих. Оно печаталось им в самом небольшом числе экземпляров; в продаже его никогда не было; их получили от автора некоторые особы, дорогие для его сердца. Оно выходило тетрадками, в 12 д. листа, на прекрасной бумаге, с белой оберткой, где стояла на двух языках надпись: Д. Н.

И. Крылов [11, с. 36–45], и Карамзин [1, с. 279–288], и Жуковский [10] недолго были издателями журналов. Это, конечно, от того, что срочная работа чрезвычайно неприятна и тягостна для человека с высшими понятиями о литературных трудах. Более важные, более полезные труды скоро увлекали наших писателей от журналов. Жуков-

ский участвовал более чем в 40 изданиях, в течение долгой и славной своей литературной деятельности. Список их можно видеть при статье Шевырёва о Жуковском, где приложен хронологический перечень его произведений, составленный Н.С. Тихонравовым / Москвитянин, 1853 г., № 2/»¹.

Пономарев был убеждён в том, что Жуковский как литературный критик сложился именно в ту пору, когда редактировал журнал «Вестник Европы».

Его статьи «О критике», «О нравственной пользе поэзии», «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов», «О сатире и сатирах Кантемира», «О басне и баснях Крылова» и др. имеют историко-литературное значение. Изучая литературно-критические статьи Жуковского, наблюдая за деятельностью Жуковского в редакционных коллегиях журналов, Пономарев вырабатывал свой творческий метод как критика и литературоведа.

¹ Пономарев С.И. Исследование о русской журналистике [кадидатское сочинение] // РГА-ЛИ. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 190–194.

*Статья поступила в редакцию
27.06.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурина А.Р. Н.М. Карамзин – издатель, переводчик и критик. Журналистика с человеческим лицом // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-ские чтения. Материалы VII Международной научной конференции: сборник статей. Вып 7. М.: Международные отношения, 2017. С. 280–288.
2. Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. 448 с.
3. Аношкина-Касаткина В.Н. Русский романтизм. В.А. Жуковский, А.С. Пушкин. М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 82.
4. Банина Н.Н. Карл Федорович Кесслер и его роль в развитии биологии в России. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962. 141 с.
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Св. Владимира (1834–1884) / сост. и издан. под ред. ордин. проф. В.С. Иконникова. Киев: типография Императорского университета св. Владимира, 1884. С. 207–224.
6. Виноградов И.А., Воропаев В.А. Наброски и материалы по славянской, русской и украинской истории: Комментарий // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. VIII / сост., подгот. текстов и комм. И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.-Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009. С. 623.
7. Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII–начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М.: Янус-К: Московские учебники и картолитогрфия, 2006. 300 с.
8. Гоголь Н.В. Классные сочинения. Лекции и материалы по истории и географии. Заметки о русском быте // Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. VIII / сост., подгот. текстов и комм. И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.-Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009. С. 18.
9. Гомер. XI Песня. Вечер тридцать третьего дня / Гомерова Одиссея: Поэма в 24 песнях / пер. В.А. Жуковского // Жуковский В.А. Собрание сочинений: В 6 т.; Т. V. изд. 6. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1869–1888. 408 с.
10. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 10. Проза 1807–1811 гг. Кн. 1. / ред. кол. И.А. Айзикова, Э.М. Жиликова и др. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 527

11. Иван Андреевич Крылов, 1769–1844 // В мире русской поэзии. Учебное пособие по обучению анализу русского поэтического текста: в 2 ч. Ч. 1. / сост. И.И. Толстухина. СПб.: Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, 2016. С. 36–45.
12. Касаткина В.Н. «Здесь сердцу будет приятно...»: Поэзия В.А. Жуковского. М.: Община, 1995. 184 с.
13. Леонов Н.И. Александр Фёдорович Миддендорф. М.: Наука, 1967. 152 с.
14. Неволин К.А. Энциклопедия законовещения. В 2 т. Киев: Университетская типография, 1839–1840.
15. Письма И.С. Аксакова, Н.П. Барсукова, [и др.] к библиографу С.И. Пономареву с примечаниями издателя. Материалы для биографии С.И. Пономарева с хронологическим списком его трудов. М.: Издание Л.Э. Бухгейм, 1915. 386 с.
16. Погодин М.П. Из воспоминаний о Пушкине // Русский архив. 1865. Вып. 1. С. 107.
17. Погодин М.П. Происхождение варягов-Руси. О славянах // Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории: В 7 т. Т. 2. М.: Императорское Московское общество истории и древностей российских, 1846–1857. С. 322.
18. Пономарев С.И. Вести из Киева // Москвитянин. 1852. № 24. Кн. 2. С. 171–189.
19. Пономарев С.И. Славянский элемент в Греции // Москвитянин. 1850. № 20. Кн. 2. С. 130.
20. Стоюнин В.Я. Александр Шишков // Стоюнин В.Я. Исторические сочинения: Ч. 1–2. Ч. 1. СПб.: типография А.С. Суворина, 1880. 371 с.
21. Черейский Л.А. Современники Пушкина: Документальные очерки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 186–187.
22. Шафарик П.И. Славянские древности (в 2-х т.) Т. 1. Ч. 1. / перев. О.М. Бодянского. М.: Университетская типография, 1847. С. 71.
23. Шмелёва А.В. А.С. Пушкин и славянофилы. О влиянии поэта на творческое самоопределение ранних славянофилов // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2011. № 3. URL: <https://vestnik-mgou.ru> (дата обращения: 10.09.2018).
24. Шульгин В.Я. История университета Святого Владимира. СПб.: Альфарет, 2015. 240 с. Репринт. изд. 1860.

REFERENCES

1. Akchurina A.R. [N. Karamzin a publisher, a translator and a critic. Journalism with a human face]. In: Fenomen tvorcheskoi lichnosti v kul'ture: Fatyushchenkovskie chteniya. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: sbornik statei. Vyp. 7 [The phenomenon of creative individual in culture: Petushinskiy reading. Materials of VII International scientific conference: collection of articles. Iss. 7]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2017. pp. 280–288.
2. Al'tshuller M.G. Beseda lyubitelei russkogo slova: U istokov russkogo slavyanofil'stva [Conversation of lovers of the Russian word: At the origins of Russian Slavophilism]. Moscow, 2007. 448 p.
3. Anoshkina-Kasatkina V.N. Russkii romantizm. V.A. Zhukovskii, A.S. Pushkin [Russian romanticism. V. Zhukovsky, A. Pushkin]. Moscow, MRSU Ed. Off. Publ., 2014. pp. 82.
4. Banina N.N. Karl Fedorovich Kessler i ego rol' v razvitii biologii v Rossii [Karl Kessler and his role in the development of biology in Russia]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Science Publ., 1962. 141 p.

5. Ikonnikov V.S., ed. and comp. Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira (1834–1884) [Biographical dictionary of professors and teachers of the St. Vladimir Imperial University (1834–1884)]. Kiev, tipografiya Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira Publ., 1884. pp. 207–224.
6. Vinogradov I.A., Voropaev V.A. [Sketches and materials on the Slavic, Russian and Ukrainian history: the review]. In: Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. T. VIII [The complete works and letters: in 17 volumes. Vol. VIII]. Moscow, Kiev, Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2009. pp. 623.
7. Volkov V.A., Kulikova M.V., Loginov V.S. Moskovskie professora XVIII–nachala XX vekov. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Moscow Professors of the 18th – early 20th centuries. Humanities and social Sciences]. Moscow, Yanus-K Publ., Moskovskie uchebniki i kartolitografiya Publ., 2006. 300 p.
8. Gogol' N.V. [Class composition. Lectures and materials on history and geography. Notes on the Russian life]. In: Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. T. VIII [The complete works and letters: in 17 volumes. Vol. VIII]. Moscow, Kiev, Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2009. pp. 18.
9. Zhukovskii V.A., transl. [Homer. XI Song. The evening of the thirty-third day / Homerova Odyssey: a Poem in 24 Cantos]. In: Zhukovskii V.A. Sobranie sochinenii: v 6 t.; T. V [Collected works: In 6 volumes; Vol. V]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1869–1888. 408 p.
10. Zhukovskii V.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem. T. 10. Proza 1807–1811 gg. Kn. 1. [Complete works and letters. Vol. 10. Prose 1807–1811. Book 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. pp. 527.
11. [Ivan Andreevich Krylov, 1769–1844]. In: Tolstukhina I.I., comp. V mire russkoi poezii. Uchebnoe posobie po obucheniyu analizu russkogo poeticheskogo teksta: v 2 ch. Ch. 1 [In the world of the Russian poetry. Textbook for teaching analysis of the Russian poetic text: 2 p. Part 1]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ, 2016. pp. 36–45.
12. Kasatkina V.N. “Zdes' serdtsu budet priyatno...”: Poeziya V.A. Zhukovskogo [“Here the heart would be happy...”: the Poetry of V. Zhukovsky]. Moscow, Obshchina Publ., 1995. 184 p.
13. Leonov N.I. Aleksandr Fedorovich Middendorf [Alexander Fedorovich Middendorf]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 152 p.
14. Nevolin K.A. Entsiklopediya zakonovedeniya. V 2 t [Encyclopedia of jurisprudence. In 2 vol.]. Kiev, Universitetskaya tipografiya Publ., 1839–1840.
15. Pis'ma I.S. Aksakova, N.P. Barsukova, [i dr.] k bibliografu S.I. Ponomarevu s primechaniyami izdatel'ya. Materialy dlya biografii S.I. Ponomareva s khronologicheskim spiskom ego trudov [Letters from I. Aksakov, N. Barsukov [and others] to the bibliographer S. Ponomarev, with a note from the publisher. Materials for the biography of S. Ponomarev with chronological list of his works]. Moscow, L.E. Buhgeim Publ., 1915. 386 p.
16. Pogodin M.P. [From memoirs about Pushkin]. In: Russkii arkhiv [Russian archive], 1865, iss. 1, pp. 107.
17. Pogodin M.P. [The origin of the Varyags–Rus. About Slavs]. In: Pogodin M.P. Issledovaniya, zamechaniya i lektsii o russkoi istorii: V 7 t. T. 2 [The Study, comments and lectures on the Russian history: In 7 vol. Vol. 2]. Moscow, Imperatorskoe Moskovskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh Publ., 1846–1857. pp. 322.
18. Ponomarev S.I. [News from Kiev]. In: Moskvityanin [Moskvityanin], 1852, no. 24, Book 2, pp. 171–189.

19. Ponomarev S.I. [The Slavic element in Greece]. In: Moskvityanin [Moskvityanin], 1850, no. 20, Book 2, pp. 130.
20. Stoyunin V.Ya. [Alexander Shishkov]. In: Stoyunin V.Ya. Istoricheskie sochineniya: Ch. 1–2. Ch. 1. [Historical works: Part 1–2. Part 1]. St. Petersburg, tipografiya A.S. Suvorina Publ., 1880. 371 p.
21. Chereiskii L.A. Sovremenniki Pushkina: Dokumental'nye ocherki [Pushkin's Contemporaries: Documentary Essays]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 1999. pp. 186–187.
22. Shafarik P.I. Slavyanskije drevnosti (v 2-kh t.). T. 1. CH. 1. [Slavic antiquities (in 2 volumes). Vol. 1. Part 1]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1847. pp. 71.
23. Shmeleva A.V. [A. Pushkin and the slavophil. The aspect of the poet's influence on the early slavophil's creative self-definition]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal) [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2011, no. 3. Available at: <https://vestnik-mgou.ru> (accessed: 10.09.2018).
24. Shul'gin V.YA. Istoriya universiteta Svyatogo Vladimira [The history of St. Vladimir University]. St. Petersburg, Alfaret Publ., 2015. 240 p. Reprint.ed. 1860.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макиенко Константин Игоревич – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: konstantin.makienko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin I. Makienko – postgraduate student at the Department of Russian classical literature, Moscow state regional University;
e-mail: konstantin.makienko@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Макиенко К.И. С.И. Пономарев о роли В.А. Жуковского в развитии журнальной прозы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 173–184.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-173-184

FOR CITATION

Makienko K.I. S. Ponomarev on V. Zhukovsky's role in the development of journalism. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 173–184.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-173-184

УДК 821.111-31 Лондон Дж.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-185-194

ТВОРЧЕСТВО И ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОНИМАНИИ ДЖЕКА ЛОНДОНА

Лунина И.Е.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы взгляды Джека Лондона на творчество и творческую личность с точки зрения понимания целей и форм творческого процесса, а также в связи с проблемой личностного развития человека. Основное содержание исследования составляет анализ статей и некоторых художественных произведений писателя, позволяющих выявить авторскую позицию. В результате проведенного исследования сделаны выводы о понимании писателем важной роли литературного творчества в жизни общества, о значимости данной проблемы в связи с пониманием особенностей художественного мира Лондона. Автор представил новый взгляд на творческую лабораторию писателя, актуализировал вопрос о новом прочтении произведений классика американской литературы.

Ключевые слова: творчество, творческая личность, писатель, образ, мотив, американская мечта.

CREATIVITY AND CREATIVE PERSONALITY IN JACK LONDON'S UNDERSTANDING

I. Lunina

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the views of Jack London on the creativity and the creative personality from the point of view of understanding purposes and forms of creative process, and also in connection with the problem of the personal development of a person. The basic content of the study consists of the analysis of articles and some artistic works of the writer, which makes it possible to reveal the author's position. As a result of the study, the conclusions were made about the writer's understanding of the important role of literature in the life of society, about the significance of this problem in connection with the understanding of the special features of the artistic world of London. The author presented a new view on the creative laboratory of the writer, actualized an issue of the new reading of the American classical literature.

Key words: creativity, creative personality, writer, image, motive, the American dream.

Активная жизненная позиция Джека Лондона, прозаика, публициста, поэта и драматурга, сформированная в юности, обусловила не только развитие его характера, но и становление «философии творчества», «писательской философии жизни». Понять, какой должна быть жизнь, для американского писателя было столь же важно, как и определить роль и характер творческого отношения к миру, законы литературного творчества. Лондон, аналитик и художник, творчество понимает в двух аспектах: философском (цели и формы творческого процесса) и психологическом (прежде всего, в связи с проблемой личностного развития). Его интересует психологический «механизм» творческого акта, будь то создание литературного произведения, построение отношений между людьми, реализация личностного потенциала в любых формах труда, направленного на создание нового. Е.Г. Наумова, рассматривая творческий потенциал человека как исходную предпосылку для его «саморазвития», видит в нём фактор, который «способствует выведению личности на новый уровень жизнедеятельности – творческий, преобразующий общественную сущность...» [7, с. 363]. Для Лондона вопрос о творческом потенциале человека, вовлечённого в процесс общественной и культурной деятельности, является приоритетным.

В обширном публицистическом наследии американского писателя Д.Дж. Вичлан выделяет журнально-газетную публицистику, в частности статьи о литературном творчестве [13, р. 185]. Взгляды Лондона на задачи и формы литературного творчества оформились в 1899–1905 гг., ког-

да была написана большая часть его статей, эссе, посвящённых философии творчества: «Первая помощь начинающим авторам», «Как я начал печататься», «Ещё о начинающих литераторах», «О писательской философии жизни» и др. В них он рассматривает литературное творчество как особую сферу культурной жизни общества; предметом анализа становятся процесс создания художественного произведения как творческий акт и личность писателя, участника творческого процесса.

Задаваясь вопросом, что есть истинное творчество, разделяя понятия творчество как потребность человека выразить себя, своё «я» и творчество как погоня за успехом, Лондон противопоставляет писателей «в литературных доспехах» [3, с. 16], «литературных ремесленников» [3, с. 35] и тех, кого называет «прирождёнными поэтами» [3, с. 13], «носителями «искромётного огня...» [3, с. 16], кто «стремится к настоящему творчеству...» [3, с. 35]. Литературное творчество – это не только «священный огонь», но и ответственность, ибо литературное произведение должно быть «посланием» миру: писатели, для кого творчество – это потребность души и ума, кто имеет «идеи, в которых мир нуждается...» [3, с. 15]. Источники этих идей следует искать в реальной жизни и интеллектуальном, художественном наследии прошлого, при этом у писателя должен быть «собственный взгляд на вещи» [3, с. 37]. Он даёт советы начинающим авторам касательно отбора материала, работы над стилем; учиться этому он призывает у признанных мастеров слова: «Изучайте приёмы писателей, завоевавших известность» [3, с. 28]. Предостерегая от слепого копирова-

ния, Лондон призывает к созданию собственного индивидуального стиля, в котором проявится «печать личности»: в творческом процессе важно, полагает он, выработать собственную «философию жизни», которая «станет пробуждать... оригинальные мысли» [3, с. 39]. Предлагая «формулу» творческого отношения к жизни, он разделяет понятия оригинальность и индивидуальность, полагая второе истинным критерием оценки творческих потенций писателя (да и любого человека, занимающего активную жизненную позицию).

Лондон представляет свой взгляд на «лабораторию творческого процесса» писателя: рассматривает вопрос о соотношении факта и вымысла, влияния характера мышления в современном мире на изменение стиля и формы литературного произведения, о трансформации «образного языка» [3, с. 51] в условиях стремительно меняющейся жизни, исследует «парадоксы литературного творчества» [13, р. 188]. Анализируя механизм творческого отношения к слову, создания художественного образа, писатель обнаруживает связь между творящим сознанием художника и воспринимающим сознанием читателя, с учётом того, что оба живут в условиях убыстряющего темпа развития жизни.

Литературное творчество, полагает Лондон, это не «процесс самоудовлетворения», творчество должно иметь «практическую значимость» [3, с. 53], он является частью общественной жизни. Во многих статьях, апеллируя к жизни, идеям великих писателей прошлого, Лондон ставит творческую задачу перед современным писателем – встраивать диалог с читателем,

имеющий цель – осуществить посредством литературного творчества преемственность национальных идеалов, мировых традиций культуры, системы общечеловеческих ценностей. Призывая к краткости, он отмечает важную роль создаваемых в произведении образов – именно они стимулируют творческое мышление читателя, помогают ему стать участником творческого процесса. Писатель получает через своё творение особую власть над читателем, благодаря чему может и должен включаться в процесс культурного строительства. Однако, полагает Лондон, восприятие произведения читателем и успех произведения у публики – это разные вещи. Поэтому, идя на поводу у интересов (зачастую весьма примитивных) читателей-обывателей, стремясь к успеху, писатель рискует утратить искру творческого огня: он перестанет творить, рождать новое, превратившись в машину по производству текстов, думая только о цене за слово.

В фокусе внимания Лондона-публициста оказывается проблема литературного творчества и законов массовой литературы: он размышляет о коммерческом подходе к творчеству писателей, о создании «имени» в литературе, без которого невозможен успех [3, с. 69]. На пути к литературному успеху писатели сталкиваются с препятствиями: некомпетентностью критиков, бюрократизмом издателей, которые руководствуются «коммерческим расчётом» [3, с. 30], диктуя свои законы, оказывают негативное влияние на литературный процесс.

Оценивая творческий потенциал личности писателя, Лондон полагает важным понимание законов развития

общества, стремление акцентировать внимание на общечеловеческих ценностях, осмысливая их с позиции своего времени. Другим критерием оценки творческих возможностей писателей он считает способность вызывать активный эмоциональный отклик в сердцах читателей, умение возбудить в сознании читателей «чувств симпатии к изображаемому явлению», в чём видит «назначение искусства» [3, с. 108].

Вопрос о творческой активности человека Лондон напрямую связывает не только с характером его мыслей, но и степенью его участия / неучастия в общественной жизни. Представляя в статье «Что значит для меня жизнь» свой взгляд на общество, писатель создаёт собирательный образ тех, кого представляет как «высший свет»: это люди, которые достигли в жизни материального успеха, занимаясь бизнесом, искусством, политикой. Характеризуя их как людей лицемерных (говорят одно – делают другое), думающих исключительно о собственной выгоде, он отмечает при этом их жизненную активность. Противопоставляя им тех, кто благороден и «чист» помыслами, автор-аналитик с сожалением констатирует: «Люди жизнедеятельные – но грязные и подлые; или чистые и благородные – но мёртвые среди живых» [3, с. 80]. Нравственная чистота и благородство без активной жизненной позиции, в глазах Лондона, – столь же негативное явление, как и деятельная инициатива людей нечестных, лицемерных, корыстных. Писатель декларирует мысль о том, что творческая активность должна быть направлена на благородные цели.

Человек как личность, отмечают российские культурологи

Л.А. и А.В. Ткаченко, может быть рассмотрен как «субъект выбора индивидуального жизненного пути, в ходе которого им осуществляется преобразование природы, общества и самого себя», а также «как деятельное существо, сущность которого порождается, преобразуется и отстаивается в совместном существовании с другими людьми» и в роли субъекта «свободного, ответственного, целенаправленного поведения...» [8, с. 79]. Установка Лондона-писателя на формирование себя как личности, ориентированной на творческое созидание становится лейтмотивной чертой героев его художественных произведений.

В определении критериев личностной состоятельности героев автор акцентирует внимание на степени их творческой активности в созидании себя и мира. Герой Лондона – американец, т. е. «сделавший себя сам» (self-made man), исповедующий индивидуализм в американском понимании: для него важно творить своё «я». Он предстаёт перед читателем в динамике: эволюционирует от пассивной жизненной позиции к творческой – таковы герои некоторых рассказов о Севере, Ван-Вейден («Морской волк»), Билл и Саксон («Лунная долина»), Стэндинг («Межзвёздный скиталец») и др. Причём в ранних произведениях писателя (1900–1909 гг.) предметом созидательной активности персонажей чаще становится собственное «я», в то время как для героев поздних – в большей мере характерно творческое отношение к жизни, определяемое желанием менять жизнь (романы «День пламенеет» (1909), «Лунная долина» (1913), «Маленькая хозяйка Большого дома» (1916), пьеса «Сеятель желудей»

(“Acorn-planter”, 1915), рассказы 1913–1916 гг..

Анализ творческого потенциала человека в произведениях Лондона непосредственно связан с осмыслением изменений в обществе, обусловивших трансформацию основополагающих национальных культурных идеологем, в частности американской мечты. Центральная идея, а следовательно, и поэтика его поздних произведений, определяется комплексом размышлений писателя о нравственном, духовном поиске личности в контексте особенностей развития цивилизации и культуры. Формирование творческого мышления Лондон считает одним из факторов развития цивилизации и культуры. В романе «До Адама» (1907), изображая исторический этап, предшествующий возникновению цивилизации, писатель образно представляет смену инстинктов чувствами, в том числе выражением эмоций, проявляющихся в случае реакции на неожиданные действия (например, первые шаги на пути к возникновению музыки, открытия в области использования в быту окружающих предметов).

Вопрос о свободе творчества Лондон связывает с проблемой нравственного выбора. В рассказах «Сила сильных», «Первобытный поэт» (1911) тематическая доминанта – ангажированность художника в обществе, цена свободы творчества художника. Аллегоричность повествования, обусловленная особенностями хронотопа (конфликт разворачивается в первобытную эпоху), символичность образов придают рассказам притчевый характер. Так, в рассказе «Первобытный поэт» автор представил конфликт человека, наделённого творческими

способностями, с вождём племени. Трагичность судьбы поэта, выбирающего свободу творчества, верность собственным идеалам и погибающего, его одиночество неизбежны в условиях противостояния с людьми, представляющими власть, – эту проблему Лондон считает «вечной», актуальной и в доисторические времена, и в XX в., в связи с чем более правильным представляется иной перевод названия рассказа – «Первый поэт» (в оригинале *The First poet*).

В романе «Мартин Иден» (1909) проблема творчества представлена в двух планах: творчество как акт литературной деятельности и творчество как акт личностного самоопределения, строительство, формирование собственного «я». Идея романа реализуется в раскрытии важных тем, определивших композиционно-образную структуру произведения: «художник и общество»; истинные и ложные ценности в буржуазной культуре; творческое созидание и механистичность жизни; индивидуальность и индивидуализм; свобода / несвобода (в том числе творческая) и др. История пути Идена к успеху, к своей «американской мечте» представляет собой рассказ не только о частной судьбе писателя, но и о судьбе идеалов нации, утрачивающей связь с подлинной культурой, что выражается среди прочего в динамике психологического развития героя, постепенно утрачивающего способность творчески мыслить и действовать, превращающегося в «литературного ремесленника». Друг и антагонист Идена во взглядах на литературное творчество, Рэсс Бриссенден, – человек самобытный, оригинальный. Их дружба основана на общности инте-

ресов, прежде всего – отношении к искусству, литературе: они обсуждают особенности творческого процесса, критерии настоящей литературы, редакторскую практику издательств и т. д. Позиция Бриссендена относительно творчества: «Радость поэта в самом творчестве, а не в достигнутом успехе» [2, с. 254] – совпадает с авторской. Известно, что прототипом этого образа, наряду с поэтом Джоном Китсом, послужил его близкий друг – поэт Джордж Стерлинг. Рассуждая об особом «поэтическом инстинкте» Лондона, Дж. Адамс отмечает его проявление не только в собственных стихах, но и в обращении писателя к творчеству других поэтов [9, р. 236]. Так, поэма Бриссендена «Эфемерида», её судьба содержат аллюзии на поэму Стерлинга «Вино волшебства».

Ч. Лондон в книге «Жизнь Джека Лондона» пишет о том, что его разочаровывали эгоизм и инертность людей; после 1908 г. писатель приходит к мысли, что единственный успех в жизни, к которому должен стремиться человек, – это деятельная жизнь в труде, гармонии с миром природы и своим «я»: «Когда я вернусь в молчание... я хочу знать, что оставил после себя клочок земли, который после тщетных попыток других сумел сделать плодородным» [4, с. 121].

Наиболее полно понимание идеала как деятельного творческого отношения к жизни находит в романах, которые К. Старр рассматривает как «Калифорнийскую трилогию»: «День пламенеет» (1910), «Лунная долина» (1913) и «Маленькая хозяйка Большого дома» (1916). Основания для такого определения произведений, безусловно, есть: единое место действия

(Калифорния) и общий лейтмотив «возвращения к земле» [12, р. 405]. Объединяет романы также общий мотив поиска героями жизненного пути, раскрытие процесса их личностного самоопределения, осмысление роли творческого начала в вопросе культурного строительства нации.

В романе «День пламенеет» Лондон, не оспаривая исходный мотив в развитии образа Элама Харниша – стремление к успеху, фиксирует внимание на процессе изменений жизненных приоритетов. Рассуждения Элама и Дид, его возлюбленной и главного оппонента в спорах, о принципах «честного бизнеса», содержат в подтексте мысль о том, что цивилизованным, подлинно культурным можно считать человека, способного к творческому труду, созиданию – в сферах материальной или духовной жизни, взаимобусловленность которых для писателя очевидна. Деятельность Харниша Дид считает «бесполезной»: «Вы ничего не создаёте. От ваших финансовых операций не появится ничего нового» [1, с. 211]. Автор разводит понятия «дело» и «творчество», критерием в оценке понятий становится цель деятельности (социальная ориентированность, психологическая мотивировка, критерий нравственной целесообразности и т. д.).

Журнал, в котором первоначально была напечатана «версия романа “Лунная долина”, озаглавил его “Лунная долина, история борьбы против неравенства за любовь и дом”» [11, р. 373]. Подобное поверхностное прочтение этого романа станет в последующем общим местом в лондоноведении. Путь героев романа, воспитанных американской цивилизацией, к своей

мечте, воплощённой в образе Лунной долины, участка земли, который они сделают плодородным, – это обретение героями новых личностных позиций в условиях современной цивилизации. Динамика образов Билла и Саксон, героев романа, обусловлена обращением к теме «американской мечты», раскрываемой автором в связи с её трансформацией в новых исторических условиях. Творческое начало, определяющее вектор их психологического развития, реализуется в лейтмотиве интеллектуального и нравственного поиска, направленного на личностное саморазвитие через понимание природы и любви как источников жизненной силы – Лондон интерпретирует их как положительные факторы, активизирующие творческий процесс в сознании человека.

Свои размышления о том, может ли следование «американской мечте» обеспечить прогресс американской цивилизации, может ли “self-made man” быть счастливым, реализуя свои творческие потенции в условиях труда на лоне природы, Лондон продолжил в романе «Маленькая хозяйка Большого дома». Процесс созидания в рамках стремления к личному успеху, полагает писатель, может обернуться утратой способности созидания в сфере духовной, потерей чувства гармонии жизни – в этом Лондон видит серьёзную опасность для современного человека. С образом главного героя, Дика Форреста, в первую очередь, в романе связано воплощение мысли автора о созидательном труде как важном факторе «цивилизационного развития» [5]. Интертекстуальные связи романа с пьесой «Сеятель желудей», прослеживаемые на уровне реминисценций:

прозвище, песни Дика, совпадения некоторых мотивов, связанных с интерпретацией индейских мифов, – позволяют говорить, что писатель рассматривает процесс созидания как альтернативу силам разрушения (этот мотив является главным в пьесе [6, с. 323–335]).

Лондон, хорошо знакомый с трудами А. Бергсона [10, р. 37, 60], во многом разделял концепцию творчества философа, понимая творчество как непрерывный, объективно совершающийся процесс рождения нового в природе и в сознании человека. Писатель не раз акцентирует внимание в своих произведениях на антитезе «мёртвое – живое», апеллирует к образу «машинной цивилизации», ориентированной на механическое существование, уничтожающей в человеке всякую мысль о творчестве как возможности самоопределения (рассказ «Отступник», романы «Железная пята», «Мартин Иден», автобиографические книги «Дорога», «Джон Ячменное зерно» и др.). Дж. Уильямс, отмечает интерес американского писателя к проблеме «машинной цивилизации»: Лондон понимает её как процесс «машинизации труда», который «приводит к уменьшению духовных сил человека» [14, р. 2]. «Механистичность» жизни представлена писателем в разных образах: общественной или бюрократической машины, почти метафизической сущности (законы государства), механизмов развития цивилизации (война и т. д.).

Творческое начало в жизни, по Лондону, – это важное условие поступательного развития цивилизации: человек созидаящий (себя и мир вокруг себя) формирует культурную среду,

которая является, в его понимании, важной неотъемлемой частью цивилизационного процесса. Однако в современном состоянии дел писатель видит и трагедию: новое в сфере нравственного поиска (психологический аспект творческого, созидательного) не нужно буржуазной цивилизации, составляющей приоритеты не в пользу нравственных, духовных ценностей. Отсюда антиномия в системе тем, мотивов, образов его романов, рассказов, публицистических книг: мир природы – мир городов; тема любви – тема

войны; факторы, активизирующие творческие процессы созидания (любовь, природа) – факторы, тормозящие творческие процессы (война, механистичность, бездушие жизни в городах и др.). Феномен творчества, являющийся доминантным в определении мировоззрения Лондона, обусловил во многом его художественную систему, определил структуру художественного мира писателя.

*Статья поступила в редакцию
22.10.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Лондон Дж. День пламенеет // Лондон Дж. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 8. пер. с англ. М.: Правда, 1976. С. 5–302.
2. Лондон Дж. Мартин Иден // Лондон Дж. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. пер. с англ. М.: Правда, 1976. С. 5–367.
3. Лондон Дж. Сочинения: в 2 т. Т. 1. пер. с англ. М.: Терра, 2001. 384 с.
4. Лондон Ч. Жизнь Джека Лондона / пер. с англ. Киев: Радуга, 1992. 127 с.
5. Лунина И.Е. Интертекстуальные связи в романе Джека Лондона «Маленькая хозяйка Большого дома» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2013. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru. (дата обращения: 01.10.2018).
6. Лунина И.Е. Художественный мир Джека Лондона: человек – природа – цивилизация: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 618 с.
7. Наумова Е.Г. Творчество и творческая личность в современной репрезентативной культуре // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 356–365.
8. Ткаченко Л.А., Ткаченко А.В. Личность художника и развитие индивидуального творческого стиля // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 31. С. 77–81.
9. Adams J. Jack London as Poet // The Oxford Handbook of Jack London / ed.by J. Williams. New York: Oxford University Press, 2017. P. 224–238.
10. Hamilton D.M. The Tools of My Trade: The Annotated Books in Jack London's Library. Seattle, London: University of Washington Press, 1986. 326 p.
11. Nurenberg S., Dunkle I.J., Archer A. The Valley of the Moon: Quest for Love, Land, and a Home // The Oxford Handbook of Jack London / ed.by J. Williams. New-York: Oxford University Press, 2017. P. 373–386.
12. Starr K. Americans and the California Dream, 1850–1915. New York.: Oxford University Press, 1973. 494 p.
13. Wichlan D.J. The Essays, Articles, and Lectures of Jack London // The Oxford Handbook of Jack London / ed.by J. Williams. New York: Oxford University Press, 2017. P. 177–202.
14. Williams J.W., Williams J. Author Under Sail: The Imagination of Jack London, 1893–1902. Lincoln: University of Nebraska Press, 2014. 616 p.

REFERENCES

1. London J. [Burning daylight] // London J. *Sobranie sochinenii*: v 13 t. T. 8 [Collected works: in 13 vol. Vol. 8]. Moscow, Pravda Publ., 1976. pp. 5–302.
2. London J. [Martin Eden]. In: London J. *Sobranie sochinenii*: v 13 t. T. 7 [Collected works: in 13 vol. Vol. 7]. Moscow, Pravda Publ., 1976. pp. 5–367.
3. London J. *Sochineniya*: v 2 t. T. 1. [Compositions: in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Terra Publ., 2001. 384 p.
4. London Ch. *Zhizn' Dzheka Londona* [The live of Jack London]. Kiev, Raduga Publ., 1992. 127 p.
5. Lunina I.E. [Intertextual connections in Jack London's novel "The Little Lady of the Big House"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2013, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru. (accessed: 01.10.2018).
6. Lunina I.E. *Khudozhestvennyi mir Dzheka Londona: chelovek – priroda – civilizacia* [The art world of Jack London: the man – nature – civilization: D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2010. 618 p.
7. Naumova E.G. [Creativity and creative personality in the modern representative culture]. In: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The Humanities and social sciences], 2012, no. 2, pp. 356–365.
8. Tkachenko L.A., Tkachenko A.V. [The Artist's Personality and Development of Individual Creative Style]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 31, pp. 77–81.
9. Adams J. Jack London as Poet. In: Williams J., ed. *The Oxford Handbook of Jack London*. New York, Oxford University Press, 2017. pp. 224–238.
10. Hamilton D.M. *The Tools of My Trade: The Annotated Books in Jack London's Library*. Seattle, London, University of Washington Press, 1986. 326 p.
11. Nurenberg S., Dunkle I.J., Archer A. *The Valley of the Moon: Quest for Love, Land, and a Home*. In: Williams J., ed. *The Oxford Handbook of Jack London*. New-York, Oxford University Press, 2017. pp. 373–386.
12. Starr K. *Americans and the California Dream, 1850–1915*. New York, Oxford University Press, 1973 484 p.
13. Wichlan D.J. *The Essays, Articles, and Lectures of Jack London*. In: Williams J., ed. *The Oxford Handbook of Jack London*. New York, Oxford University Press, 2017. pp. 177–202.
14. Williams J.W., Williams J. *Author Under Sail: The Imagination of Jack London, 1893–1902*. Lincoln, University of Nebraska Press, 2014. 616 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лунина Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: lounir_odin@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Y. Lunina – Doctor in Philological Sciences, professor, the Head of the Department of History of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: lounir_odin@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лунина И.Е. Творчество и творческая личность в понимании Джека Лондона // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 185–194.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-185-194

FOR CITATION

Lunina I.Y. Creativity and creative personality in Jack London's understanding. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 185–194.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-185-194

УДК 1751

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-195-204

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОД КАК СМЫСЛОВОЕ ЯДРО ПОЭМЫ «КРЕСТЬЯНИН ГЕЛЬМБРЕХТ» В. САДОВНИКА

Маркова А.С.¹, Мамукина Г.И.²

¹Независимый исследователь

г. Москва, Российская Федерация

²Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

115054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования обусловливается активным изучением в диахроническом аспекте проблем новой национальной (немецкой) идентичности в европейском социокультурном пространстве и в литературном сознании XIX–XXI вв. В статье предлагается рассмотреть поэму Вернера Садовника «Крестьянин Гельмбрехт» не как социокультурное произведение, затрагивающее вопросы вертикальной мобильности и нравственных устоев, а как элемент мифического сознания; не столько переиначенную притчу о блудном сыне, сколько открытое противостояние типов мышления: архаично-мифического и линейного, выраженное в древнем мотиве битвы отца и сына, и убедиться в многозначности и бесконечности постижения смысла средневековой поэмы, критически осмыслить в ней приметы новейшей немецкой действительности.

Ключевые слова: национальный код, средневековая литература, мифическое сознание, крестьянская поэма, шванк, битва отца с сыном, «Крестьянин Гельмбрехт», городская литература, бюргерство, синкретизм, синкретические авторские технологии.

THE NATIONAL CODE AS THE SEMANTIC CORE OF THE POEM “THE PEASANT HELMBRECHT” BY WERNHER DER GARTNAER

A. Markova, G. Mamukina

Independent researcher

Moscow, Russian Federation

Plekhanov Russian University of Economics

36, Stremyannyy pereulok, Moscow, 115054, Russian Federation

Abstract. The relevance of the study is determined by the active research of the diachronic aspect of the problems of a new national (German) identity in the European social and cultural space and in the literary consciousness of the 19th–21st centuries. The article proposes to consider the poem by Wernher der Gartnaer “The Peasant Helmbrecht” not as a social and cultural product that addresses the issues of upward mobility and morals, but as an element of the mythic consciousness. Not only as a reworked story about the prodigal son but as an open opposition of types of thinking: archaic-mythical and linear. The opposition which is expressed in the ancient motive of the battle of the father and the son. The authors convince in ambiguity

and infinity of ways to comprehend the medieval poem, to critically analyze the signs of the latest German reality in it.

Key words: national code, medieval literature, mythical consciousness, peasant poem, schwank, the battle between father and son, "The Peasant Helmbrecht", urban literature, burghers, syncretism, syncretic copyright technology.

В отечественном литературоведении средневерхненемецкая поэма поэта Вернера Садовника «Крестьянин Гельмбрехт» ("Maier Helmbrecht") рассматривается как дидактический шванк (В.А. Пронин) [7, с. 41], как социально-историческое явление и как средневековая притча о блудном сыне, «вывернутая наизнанку» (А.Я. Гуревич) [3], а также как произведение, отражающее падение нравов (Р.В. Френкель) [11, с. 79]. Однако практически не учитывается тот факт, что поэма, написанная в конце XIII в., основана «на примате трансцендентных реальностей» [4, с. 168], как и любое творение средневековой культуры. Она создана человеком, обладающим *мифическим сознанием*, и потому содержит глубинные смыслы, скрытые в символах («Миф не есть ни схема, ни аллегория, но символ» [4, с. 254]), *национальный код*. Следовательно, если мы желаем понять истинный смысл работы В. Садовника, то должны исследовать данное произведение как синкретический жанр, учитывая все аспекты.

О точной дате написания поэмы не осталось достоверных сведений. Однако мы можем дать характеристику времени, к которому относят рукопись.

Я.В. Погребная так характеризует конец XIII в. в германской городской литературе: «К концу Зрелого Средневековья всё больше становится имущественное расслоение между городской беднотой и зажиточным

бюргерством, пользующимся "городским правом" как своей привилегией и только себе во благо. Тогда же намечается противопоставление народной культуры основного населения города и бюргеровской, изображающей богобоязненного, рачительного горожанина, ведущего правильный образ жизни и поэтому-то достигающего материального благополучия» [6, с. 86]

Действительно, слова героя поэмы, старшего Гельмбрехта, которого нередко называют «главным героем поэмы» (А.Я. Гуревич), позволяют отнести этот шванк к бюргеровской литературе: «Всегда я верность уважал/ Я никого не обижал/ Платил исправно десятину/ Что и завещаю сыну/ Не ненавидя, не враждуя/ Я жил и мирно смерти жду я» [8, с. 14].

Об этом говорит и А.Я. Гуревич, отмечая, что майеры – это зажиточные крестьяне. И так как им было, что терять, то самое разумное – придерживаться того сословия, в котором те родились.

В.А. Пронин и А.Я. Гуревич считают это лейтмотивом поэмы. А.Я. Гуревич также подчёркивает сходство речей известного проповедника Бертольда Регенсбургского и текста поэмы, отмечая, что речь «идёт однако, не о литературных влияниях, или заимствованиях, а, скорее, о перекличке некоторых морально-дидактических установок в проповеди Бертольда Регенсбургского и в поэме Вернера Садовника» [3]. И приходит к выводу,

что произведение было написано «для знати», так как подобная точка зрения вряд ли принадлежала крестьянину, потому что «голос простолюдина заглушают другие голоса» [3].

Подтвердить или опровергнуть основательность этого суждения могли бы сведения об авторе. Но о нём также малоизвестно. В.А. Пронин пишет, что «высказывалось предположение, что он происходил из крестьянской среды, которую хорошо знал» [7, с. 40], А.Я. Гуревич, напротив, приводит цитату Ф. Панцера: «искусство Вернера “расцвело не под сельскими липами, а при дворе”» [3]. С чем, впрочем, не соглашается Р.В. Френкель, замечая, что В. Садовник «не мог быть воспитан в рыцарском кругу, о чём свидетельствует его эрудиция» [11, с. 83].

Однако важно другое, у поэмы, по всей вероятности, был первоисточник, о чём упоминает В.А. Пронин, замечая, что «сюжет произведения, возможно, заимствован из популярной песни, в которой рассказано о крестьянском парне, вознамерившемся стать рыцарем» [7, с. 40].

И Р.В. Френкель называет эту песню. Она написана известным баварским рыцарем Нейдгартом фон Рейенталем. Но, как отмечает переводчик поэмы «Крестьянин Гельмбрехт», «поэты стоят на различных идейных позициях» [11, с. 85]. Нейдгарт обеспокоен возрастающим достатком крестьян, опасаясь за то, что те попытаются предъявлять свои права и захотят изменить свой социальный статус. Вернер же «встревожен переменами в молодом поколении, небрежением к труду и неуважением к собственному сословию» [11, с. 85].

Р.В. Френкель полагает, что проблема произведения глубже социальных отношений и вопросов вертикальной мобильности и что оно касается не только крестьянской среды: «Современность воспринята поэтом как момент величайшего кризиса, разрушившего моральные ценности и в замке, и в селе» [11, с. 92].

Однако не будем забывать, что данное произведение в мировой культуре является именно крестьянской поэмой, поэтому (хотя и будучи жанром городской литературы, затрагивающим интересы всех классов), в первую очередь, она освещает проблему деревни.

И проблема эта глубже не только социальных вопросов, даже кризис моральных ценностей не сравнится с ней. Перед поэтом открывался вопрос изменения национального менталитета. А именно – проблема кризиса аграрно-мифического сознания.

В работе «Приметы и гадания» С.А. Токарев [10], характеризуя аграрно-фольклорную культуру германского средневекового крестьянства, отмечает, что большинство верований и обрядов были связаны с погодой, ветром, солнцем и луной, полями, злаками, травами. Обязательно были свои требования к правильному сбору урожая. Автор приводит пословицы, связанные с сезонными приметами, а также говорит об обрядах.

В. Садовник не мог не знать, что крестьянское сознание – это *целостная мифическая система*. Время в такой системе тоже представляется особенному – циклично, нелинейно: «Мифическому времени присущи все признаки природно-культурного фе-

номена, оно архетипично ..., антите-
тично ..., голографично» [12, с. 402].

И поэтому для такого мышления вполне очевидны те истины, которые высказывает *старший Гельмбрехт*: «Вот если б ты пошёл за плугом /И, мерясь силами друг с другом, /Мы за-
пахали бы свой клин, /Счастливей был бы ты, мой сын, /И даром не потратив
силы, /Дожил бы честно до могилы» [8, с. 14]. Для *старшего Гельмбрехта* очевидно, что сын продолжит его дело, как и он продолжал дело отца. Так как в этом честный земледелец видит сам закон природы – последовательное течение человеческой жизни, сравнимое с природными и сезонными циклами. И умиротворённость благочестивого старца исходит не от осознания забытых закровов, как можно предположить, а от понимания своей целостности, гармонии с природой, жизнью, миром и совестью. И так должно продолжаться *постоянно*, с точки зрения мифического сознания, так же, как отличается постоянством восход солнца на востоке. Даже имя Гельмбрехт передаётся из поколения в поколение. Речь идёт о целом роде, а не о конкретном человеке.

И что же происходит? Происходит смена вех. *Младший Гельмбрехт* не просто желает стать рыцарем, а прямо заявляет, что готов на разбой и грабёж, чтобы улучшить своё материальное положение. Иными словами, он противопоставляет себя всему целостному космосу германской деревни, отличительной особенностью которого является и крепкая связь с реальностью, с вещественным миром, и ощущение мифического, сакрального начала в каждом моменте времени.

Но юноша обладает уже совсем иным сознанием, которое будет свойственно последующей эпохе Нового времени, которое, как замечает А.Ф. Лосев, превратило миф в «субъективные идеи» [4, с. 168].

И в результате этого превращения происходит девальвация морали и утрата граней, исторической глубины смысла. Рыцарство для отца-старика – это особая культура, доступная только для духовно подготовленных людей, способных на благородные дела. Именно с такого рыцарства берёт пример и село, для которого честное исполнение долга – нравственный подвиг. И в этом подвиге все сословия едины: «Ты быть стремишься благородным, / Сумей же оказаться годным / На благородные дела, / Они для замка и села /Единый истинный венец» [8, с. 24].

Для отпрыска рыцарство – это возможность силой отнять, присвоить себе чужое. Хорошо жить за чужой счёт: «Чем честно бедствовать с тобой, / Уж лучше я пущусь в разбой, / Одежду заведу их меха, / Нам зимний холод не помеха – / Всегда найдем и стол, и кров, /И стадо тучное быков...» [8, с. 20].

Говоря об одежде, нельзя не упомянуть наряд молодого Гельмбрехта, описанием которого открывается поэма. Как гласит немецкая пословица, *Kleider machen Leute* (нем. посл. – «Одежда определяет людей»). И это определение, как справедливо замечает А.Я. Гуревич, свидетельствует далеко не в пользу героя: «Роскошь и цвета одежды юного Гельмбрехта находились в кричащем противоречии с предписаниями и законоположениями XIII в., которые запрещали крестьянам такие излишества» [3]. Дело не только

в том, что одежда определяла статус человека в современном понимании, а в том, что в Средние века внешний облик человека был строго регламентирован. Особые уставы (*Kleiderordnungen, Speiseordnungen*) определяли, что надлежит носить и принимать в пищу людям разных сословий.

А *Гельмбрехт-младший* этого не понимает или просто не желает понимать. Для него шапка – предмет «*аллегорического* обозначения тщеславия» (А.Я. Гуревич) [3]. А между тем, судя по детализированному описанию, которое являет читателю автор, она почти сказочный объект. А точнее, мифический символ, призванный образно раскрыть важнейшие составляющие рыцарства: мудрости и силы духа (фрагмент Энея, выводящего свой народ из горящей Трои), доблести и верности (изображения Карла Великого и Роланда), самоотверженное заступничество за обиженных (портрет Дитриха Бернского). Но, согласно немецкой народной мудрости, “*Mit Gold kauft man weder Tugend noch Verstand*” – перевод на русский язык: «За деньги не купить ни ума, ни доблести», из всего великолепия шапки *Гельмбрехта* прельщает только колпак, на котором изображены застолья и танцы.

Упрощённое понимание действительности заставляет *молодого Гельмбрехта* оставаться глухим не только к отцовским наказаниям, но и к сновидческим предзнаменованиям, которые играют важную роль в мифическом сознании, подкреплённые узнаваемой историей об Икаре: «Отец промолвил: Дорогой, / Мне сон привиделся другой, / Как будто ты под небесами / Парил над лесом и полями, / Но миг стре-

мительный настал, – / Теряя перья, ты упал...» [8, с. 28].

Этот приём, «забегание вперёд», как пишет Я.В. Погребная, был присущ культуре Средневековья и выражался в «показе эпической перспективы, первоначально чтобы поддержать интерес у слушателей» [6, с. 254]. В данном случае, он служит не только для того, чтобы поддержать интерес читателя, но и для создания кольцевой композиции – предсказания в точности сбываются, подтверждая правоту *старшего Гельмбрехта*.

Диалоги отца с сыном занимают значительную часть повествования и являются важными элементами произведения. Дважды *Гельмбрехт-старший* пытается отвести беду от глупого и упрямого сына, но тот отказывается внять словам родителя. В.А. Пронин и А.Я. Гуревич склонны видеть в повествовании отсылку к притче о блудном сыне, только в искажённом варианте: взяв за основу фабулы евангельскую притчу о блудном сыне, автор завершает её по-иному. *Гельмбрехт-младший* не заслуживает прощения, его разгульное поведение должно быть наказано, дабы другим юнцам лиходейство было неповадно. Однако именно постоянное речевое взаимодействие героев позволяет предположить включение в текст более древнего мотива.

Речь идёт о противостоянии отца и сына, которое выражалось в битве, в физическом столкновении двух богатырских фигур. Этот мотив лёг в основу песен и сказаний многих народов.

И.Г. Матюшина так определяет этнографию этого явления: «Былины о битве Ильи Муромца и Сокольника, несомненно, следует поставить в один ряд с памятниками, повествующими

о том, как сын рождается от встречи героя с чужеземной женщиной, а возмужав, отправляется на поиски своего отца. Почти всегда в них говорится о том, что отец убивает своего сына раньше, чем происходит признание. Так, в осетинском эпосе Урызмаг случайно убивает мальчика и лишь тогда выясняет, что это был его сын; в персидском эпосе Рустам наносит смертельный удар, а потом узнаёт в умирающем противнике своего сына Сухраба; Кухулин убивает своего сына Конлаха, а затем горько раскаивается в этом; в кельтских сказаниях Клизамор убивает своего сына Картона, а на четвёртый день умирает и сам. Эстонский богатырь Кивви-аль так надавливает сыну коленом на грудь, что сын умирает, тогда отец бросается с высокой скалы. Если сыну случается победить отца, то они погибают оба. Киргизский герой Сайдилда, например, победив своего отца Гали, бросается в пропасть. Параллели этому сюжету найдены и в античном эпосе (Одиссей и Телегон), и в армянском (Давид Сасунский и его сын Мгер), и в ближневосточных (азербайджанском и турецком) вариантах эпических сказаний (Кёроглы и его сын Хасан-Бек), и в арабском романе «Антар», а также в более поздних средневековых литературных традициях — французских и немецких эпических поэмах и рыцарских романах» [5]. Также автор отмечает, что одной из основных литературных черт героического противостояния является попытка отца вразумить сына: «Кульминацию повествования о единоборстве отца и сына составляет сцена перебранки, предвещающей поединок (похвальба сына и насмешки над старостью отца) ... За

словесным поединком отца с сыном следует реальный, который неизменно заканчивается победой отца, обычно после временной победы сына» [5]. Важнейший исторический мотив находит своё воплощение и в «Песне о Хильдебранте», восходящей к Великому переселению народов: в центре эпоса — неминуемая битва отца Хильдебранта с сыном, который не может внять голосу «врага», за которого принимает своего родителя. Хильдебрант речами пытается образумить юношу, но видя, что тот непреклонен, готов к сражению, предпочтя воинскую честь отцовским чувствам.

Именно стремление к высшей справедливости, а вовсе не жестокосердие, заставляет Гельмбрехта отречься от сына, не впустить его в дом, даже когда тому грозит страшная расправа: «Затрясся тут старик от смеха,/ Хоть эта горькая потеха/ Грозила сердце расколоть. /(Его дитя, родня плоть, / Незрячим перед ним стояло)» [8, с. 68]. И с этим, рвущим сердце смехом, старик «добивает» своего сына, припоминая всё, «как гвоздь, вбивая каждый довод» [8, с. 69].

И смех становится его оружием в борьбе за высшие идеалы, так же, как смеховая культура Средневековья стала тем, что бросало вызов высокомерию и несправедливости. «Вся богатейшая народная культура смеха в Средние века жила и развивалась вне официальной сферы высокой идеологии и литературы. Но, именно благодаря этому своему неофициальному существованию, культура смеха отличалась исключительно радикальной свободой и беспощадной трезвостью» [1, с. 80].

Разве могла поэма, написанная в духе такой свободы и трезвости, служить просто назиданием, не выходить за границы социального статуса и при этом быть произведением, «отразившим развитие самосознания немецкого народа» [11, с. 79].

В конце повествования В. Садовник прямым текстом говорит читателю, с какой целью писался текст: «Рассказ поведен до конца. /Да служит он предупреждением /Юнцу, который от рождения /Живёт у матери с отцом /Себялюбивым гордецом» [8, с. 72].

Гордыня в Средние века считалась самым тяжким из семи смертных грехов. Однако здесь её стоит понимать не столько в рамках христианской традиции, с которой прямых противоречий не возникает, сколько в понимании мифического сознания. Для коллективного сознания гордыня – то, что лишает истинности, бескорыстности служения общему делу, обесценивает труд и подвиг, ведёт к неминуемым бедам. В немецкоязычной литературе того времени эта мысль находила своё воплощение и в эпосе (в «Песни о Нибелунгах» хотя и говорится, что Зигфрид тайком снимает и уносит пояс и перстень Брюнхильды из-за её беспечности, но читатель догадывается, что для героя – это воинские трофеи, его гордость, которые он дарует даме сердца; именно гордость и становится причиной его гибели), и в фольклоре.

В легенде о Голубом цветке, увековеченной в фонтане в городе Гуденсберг, некий свинопас Брехт замечает, что одна из его свиней всё время куда-то удаляется с пастбища, а потом возвращается сытой. Он проследил за ней. И вдруг увидел пещеру, у входа в которую рос дивной красоты голубой

цветок. Брехт втыкает его в свою шапку. В пещере он находит свинку, но, – что более важно – золото. Обезумев от радости, крестьянин снимает шапку и заполняет её богатством, не замечая, что при этом теряет голубой цветок. На обратном пути он слышит голос: «Не оставляй самого ценного». Но не внимает ему. У самого выхода из пещеры случается несчастье, из-за которого Брехт становится калекой или, по одной из версий, погибает.

Погибает, потому что из-за гордыни лишился самого ценного – души – связи с мифическим сознанием, с первоначалом, с единым целым, способности «видеть небо в чашечке цветка» (У. Блейк) [2]. То же происходит и с младшим Гельмбрехтом. Из-за своей гордыни он превращается в опустевший сосуд, прах, пыль. А, как гласит немецкая пословица, Staub bleibt Staub und wenn er bis zum Himmeld fliegt (перевод на русский: «Пыль останется пылью, даже если она долетит до небес»), то есть, без искренности, добрых намерений, все усилия тщетны.

В этом посыл поэмы: нельзя опускаться до того, чтобы стать этой пылью – только прахом, лишённым божьей искры (духа). И в контексте произведения это означает не просто следовать социальным установкам и придерживаться своего сословия, не только жить согласно законам морали и нравственности, но и не терять связи с духом своего народа, не презирать его труд и устои, сохранять в себе, как в маленькой крупинке вселенной, весь национальный код, хранить в малом большое (лат. *multum in parvo*). Необходимо учитывать особое, целостное, мировоззрение автора поэмы, как основного компонента произведения,

для выявления национального (немецкого) кода произведения, который невозможно ни понять, ни описать, ни постигнуть без опоры на мифическое сознание. Национальный код даёт постижение сути поэмы, в которой средневековое *мифическое сознание* является определяющим компонентом произведения и позволяет раскрыть/вычленить этот код. Без учёта данного

компонента системный анализ текста представляется невозможным, потому как поэма являет собой *синкретическое* произведение, и для её понимания необходимо «единство концептуального подхода»[9].

Статья поступила в редакцию
17.08.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 530 с.
2. Блейк У. Стихотворения. В одном мгновенье видеть вечность... // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=3097> (дата обращения: 29.07.2018)
3. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. Притча о блудном сыне, вывернутая наизнанку, или эпизод из жизни рода Гельмбрехтов [Электронный ресурс] // ВикиЧтение : [сайт]. URL: <https://fil.wikireading.ru/87310> (дата обращения: 28.07.18).
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.
5. Матюшина И.Г. Былины об Илье Муромце и Сокольнике в древнегерманском контексте [Электронный ресурс] // Скандинавский информационный центр : [сайт]. URL: <https://norse.ulver.com/articles/matyushina/ilja.html> (дата обращения: 28.07.18).
6. Погребная Я.В. История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение: учеб. пособие; практикум. М.: ФЛИНТА, Наука, 2011. 312 с.
7. Пронин В.А. История немецкой литературы: учеб. пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2007. 384 с.
8. Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт / пер. Р.Ф. Френкель. М.: Наука, 1971. 111 с.
9. Творческие способности и синкретичные авторские технологии [Электронный ресурс] // Инфопедия : [сайт]. URL: <https://infopedia.su/8xa5f8.html> (дата обращения: 09.08.2018).
10. Токарев С.А. Приметы и гадания // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев / редкол.: И.Н. Гроздова, Ю.В. Иванова, С.Я. Серов, С.А. Токарев (отв. ред). М.: Наука, 1983. С. 55–67.
11. Френкель Р.В. Вернер Садовник и его поэма «Крестьянин Гельмбрехт» // В. Садовник. Крестьянин Гельмбрехт. Москва: Наука, 1971. С. 79–92.
12. Чучин-Русов А.Е. Единое поле мировой культуры. Кижли-концепция. Кн. 1. Теория единого поля. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 664 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rabelais i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965. 530 p.
2. Blake W. [Poems. To see the eternity in a moment...]. In: Otkrytyi tekst. Elektronnoe periodicheskoe izdanie [Open text. Electronic periodical]. Available at: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=3097> (accessed: 29.07.2018).

3. Gurevich A. Ya. [The medieval world: the culture of the silent majority. The story of the prodigal son turned inside out, or an episode from the life of the Helmbrecht genus]. In: VikiChlenie [Wikireading]. Available at: <https://fil.wikireading.ru/87310> (accessed: 28.07.18).
4. Losev A. F. Dialektika mifa [Dialectics of myth]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 320 p.
5. Matyushina I. G. [Bylinas about Ilya Muromets and Sokolnik in the ancient German context]. In: Skandinavskii informatsionnyi tsentr [Scandinavian information centre]. Available at: <https://norse.ulver.com/articles/matyushina/ilja.html> (accessed: 28.07.18).
6. Pogrebnaya Ya. V. Istoriya zarubezhnoi literatury. Srednie veka i Vozrozhdenie [The history of foreign literature. The Middle Ages and the Renaissance] Moscow, FLINTA, Nauka Publ., 2011. 312 p.
7. Pronin V. A. Istoriya nemetskoi literatury [History of the German literature] Moscow, Universitetskaya kniga; Logos Publ., 2007. 384 p.
8. Gartenaeer W. Meier Helmbrecht (Russ.ed.: Frenkel' R. F. Krest'yanin Gel'mbrekht The Peasant Helmbrecht. Moscow, Nauka Publ., 1971. 111 p.)
9. [Creative abilities and syncretic authoring technologies]. In: Infopediya [Infopedia]. Available at: <https://infopedia.su/8xa5f8.html> (accessed: 09.08.2018).
10. Tokarev S. A. [Signs and divination]. In: Kalendarnye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoi Evropy: Istoricheskie korni i razvitie obychaev [Calendar customs and ceremonies in foreign countries of Europe: Historical roots and development of customs]. Moscow, Nauka Publ., 1983. pp. 55–67.
11. Frenkel' R. V. [Wernher der Gartnaer and his poem “The Peasant Helmbrecht”]. In: V. Sadovnik. Krest'yanin Gel'mbrekht [The Peasant Helmbrecht]. Moscow, Nauka Publ., 1971. pp. 79–92.
12. Chuchin-Rusov A. E. Edinoe pole mirovoi kul'tury. Kizhli-kontseptsiya. Kn. 1 Teoriya edinogo polya [The unified field of world culture. Kizhli concept. No. 1. The theory of a unified field.]. Moscow, Progress-Tradition, 2002. 664 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркова Анна Сергеевна – независимый исследователь; инженер Московского вертолётного завода имени М.Л. Миля;
e-mail: lirel@yandex.ru

Мамукина Галина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова;
e-mail: mamukina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna S. Markova – independent researcher; engineer, Mil Moscow Helicopter Plant;
e-mail: lirel@yandex.ru

Galina I. Mamukina – PhD in Sociological Sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages No. 3, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: mamukina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркова А.С., Мамукина Г.И. Национальный код как смысловое ядро поэмы «Крестьянин Гельмбрехт» В. Садовника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 195–204. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-195-204

FOR CITATION

Markova A.S., Mamukina G.I. The national code as the semantic core of the poem “The Peasant Helmbrecht” by Wernher der Gartnaer. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 195–204. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-195-204

УДК 882-1Костров

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-205-219

ОБРАЗЫ ПРИРОДЫ В ПОЭЗИИ Е.И. КОСТРОВА

Маслова А.Г.*Вятский государственный университет**610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследуются особенности образов природы в произведениях Е.И. Кострова. Творчество Кострова рассмотрено как составной элемент художественной системы, связанной с традиционным классицистическим взглядом на природу, который в последней трети XVIII в. претерпевает качественные изменения. В панегирической поэзии образы природы призваны передать восторженные эмоции, создать иллюзию установившегося в России «золотого века». Начиная с 1780-х гг., Костров всё чаще вводит в свои условные пейзажи отдельные детали, придающие картинам природы пластичность и живописность. В ряде случаев Костров демонстрирует своё умение замечать малейшие изменения природного мира, отражая присутствующее в душе человека естественное «чувство природы». В то же время во всех случаях природа оказывается символом или аллегорией, призванными выразить те или иные «всеобщие» переживания. Автор статьи приходит к выводу, что Кострову свойственно «этикетное смирение» перед классиками, которые оставались для него образцом высокого служения искусству и отечеству.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII в., классицизм, жанровое мышление, художественное пространство, переходные явления в литературном процессе, натурфилософия, пейзаж.

IMAGES OF NATURE IN E. KOSTROV'S POETRY

A. Maslova*Vyatka State University**36, Moskovskaya st., Kirov, 610000, Russian Federation*

Abstract. The article investigates the features of the images of nature in E. Kostrov's works. Kostrov's creative work is considered as an integral element of the artistic system associated with the traditional neo-classical view on nature, which underwent qualitative changes in the last third of the 18th century. In panegyric poetry, the images of nature are called to convey enthusiastic emotions, create the illusion of the «golden age» that has been established in Russia. Since the 1780s, Kostrov increasingly introduces into his conditional landscapes individual details that animate abstract neo-classical images, give plasticity and picturesqueness to the pictures of nature. In a number of cases, Kostrov demonstrates his ability to notice the slightest changes in the natural world, reflecting the natural «sense of nature» present in the human soul. At the same time, in all cases, nature is a symbol or an allegory, designed to express certain «universal» experiences. The author of the article comes to the conclusion that Kostrov is char-

acterized by «etiquette humility» before the classics, who remained a model of high service to art and the motherland for him.

Key words: Russian poetry of the 18th century, classicism, genre thinking, artistic space, transitional phenomena in the literary process, natural philosophy, landscape.

Е.И. Костров – поэт, создававший свои произведения в последней четверти XVIII в. Это время переходное, когда в русской литературе происходят качественные изменения, ведущие к смене эпох: традиционализм и риторическое слово уступают место индивидуальному авторскому мировидению. Новые процессы захватывают все сферы, в творчестве большинства художников слова этого периода можно увидеть «сложный синтез традиционных мотивов, реализующих сложившуюся в недрах рационалистической поэтики классицизма нормативную систему, и, с другой стороны, новое видение поэзии, открывавшее путь той самой индивидуально-творческой эстетике, развитие которой и будет продолжаться в рамках романтической поэтики в XIX веке» [3, с. 181]. Складывается новая концепция человека, изменяются формы образного мышления в целом, что, безусловно, сказалось и на формировании нового подхода к образам природы в художественном тексте. Как пишет об этом периоде Л.А. Сапченко, «новая концепция человека и новые принципы художественного мышления, как всегда, оказались тесно связанными: изображение природы приобрело особое значение и особое качество» [15, с. 1].

Научная проблема. В данной статье мы обращаемся к анализу образов природы в поэзии Е.И. Кострова, чтобы проследить, как отразились новые веяния переходной эпохи в творчестве конкретного поэта, который не совер-

шил качественного прорыва в литературном процессе, подобно своему современнику Г.Р. Державину, но в то же время чутко улавливал эстетические веяния времени и, как заметил Г.А. Гуковский, в краткий период своего творческого пути «совершил эволюцию, последовательно отразившую основные этапы развития русской литературной культуры второй половины XVIII в.» [5, с. 462].

Актуальность и научная значимость. Наиболее ярко процессы изменения художественного мировидения можно наблюдать, изучая сквозные для культуры темы, мотивы и образы, а образы природы, без сомнения, являются таковыми. Значимость исследования образов природы в литературном творчестве аргументирует М.Н. Эпштейн, отметивший, что «анализ пейзажных мотивов помогает понять не только национальное своеобразие литературы, но и её историческое движение... Образы природы, которая остаётся равной себе на протяжении столетий, позволяют проследить движение самой художественной образности, не смешивая его с движением изображаемой действительности» [17, с. 6]. Е.И. Костров начинает свой творческий путь как ученик М.В. Ломоносова, затем усваивает творческие принципы М.М. Хераскова и духовно-нравственные концепции масонской антропологии, отразившейся в поэзии журналов, издаваемых Н.И. Новиковым в типографии Московского университета, впоследствии ориентирует-

ся на открытия Г.Р. Державина, в 80-е годы начинает создавать «лёгкую» поэзию в духе сентиментализма, в конце 1780-х–начале 1790-х гг. открывает для себя и для всей русской литературы Оссиана, способствуя зарождению на русской почве нового романтического взгляда на природу и человека. В этом смысле Костров является знаковой фигурой своего времени, творчество его оказывается вовсе не на периферии, а в самом центре художественных исканий эпохи, поэтому анализ образов природы и их художественной функции в его поэзии раскрывает как ведущие тенденции всей эпохи, так и особенности индивидуально-авторской эстетической концепции.

Степень изученности проблемы. Изучение образов природы в литературе – одна из наиболее привлекательных сфер исследовательского внимания. В литературоведении сложилась определённая концепция, отражающая процессы изменения в использовании образов природы в художественных текстах разных эпох, в том числе и интересующего нас периода последней четверти XVIII в., когда происходит качественное изменение «чувства природы». Именно в этот период художественное мышление в рамках традиционных жанров, сковывающее проявление непосредственного индивидуально-авторского переживания природы, уступает место новому субъективному образу природы, способному передать и разнообразие звуков и красок природного мира, и личное авторское восприятие природы, созвучное психологическому состоянию души лирического героя.

И.О. Шайтанов, анализируя типы отношения к природе в искусстве раз-

личных эпох, подчеркнул, что «чувство природы» у классицистов было сковано рамками жанрового мышления, но именно XVIII в. «повернулся лицом к природе, почувствовал её притяжение и загадочность» [16, с. 23]. Как таковое «открытие природы» ещё не было завершено в XVIII в., так как в век Разума представление об абсолютной неизменяемости природы ещё оставалось центральным для мировоззрения, классицисты стремились «выразить то, что ощущает каждый человек и всегда, а не отдельная личность в данный момент» [16, с. 130], поэтому при обращении к природным образам преобладает «аллегорическое воображение», можно говорить об «условности» в создании образов природы. Индивидуальное «чувство природы» появляется только к концу века, в творчестве М.Н. Муравьёва, Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина. В то же время нельзя говорить об абсолютной неизменности отношения к природе в XVIII столетии. И.О. Шайтанов выделяет различные типы зарисовок природы, органично сменяющие друг друга: *пасторальная* поэзия, создающая условный образ природы с обязательными «пастушескими» атрибутами, *описательная* и *дидактическая* поэзия, предполагающая дистанцию между природой и человеком, её наблюдающим и над ней размышляющим, *живописная* поэзия, стремящаяся к созданию зримого образа природы, *ночная* поэзия, призванная передать меланхолическое состояние души лирического героя.

К.Н. Григорьян, рассматривая особенности образов природы в русской поэзии XVIII в., пишет: «Примитивные зарисовки картин природы

встречаются ещё в первой трети XVIII века, у В.К. Тредиаковского, но они приобретают эстетическую значимость лишь в конце века. В творчестве М.Н. Муравьёва намечается процесс постепенного отхода от описательности к собственно пейзажным мотивам» [4, с. 133]. В классицизме образы природы носили преимущественно декоративно-украшательный характер, использование их регламентировалось «правилами», как, например, в идиллиях или элегиях, где преобладал так называемый «улыбающийся» пейзаж с цветущими лужайками, тёплым ветерком, зелёной рощицей и сверкающим ручейком. Новое отношение к природе приносит сентиментализм. Так, Н.М. Карамзин призывает к познанию «жизни сердца» через поэтическое созерцание природы [4, с. 133].

О роли природных образов в творчестве М.В. Ломоносова, традициям которого следует Е.И. Костров в начале своего творческого пути, писал Л.В. Пумпянский. Исследователь отметил, что в одах М.В. Ломоносова 40-х гг. в XVIII в. «природа есть либо 1) аллегория (худший случай), либо 2) аллегорическая декорация (лучший)» [13, с. 314]; «природа у Ломоносова ... подчинена истории, представленной в оде тематизмом, и превращается в ряд означений; это высший тип символизма ("символизм классиков"), достижимый только восторженным забвением и себя и природы» [13, с. 315]. Как подчеркнул А.В. Западов, «в русской поэзии до Державина пейзаж почти отсутствовал, а если появлялся, носил совершенно условный характер» [7, с. 220]. Образы природы в додержавинской поэзии выполняли служебную функцию.

Т.А. Алпатова уделила внимание метафизике образа осени в поэзии последней трети XVIII в., подчеркнув, что именно освоение «осенней» образности такими поэтами, как Г.Р. Державин и Н.М. Карамзин, стало «одним из основных направлений в осуществившемся на рубеже веков процессе смены типов художественного сознания» [2, с. 42].

М.Н. Эпштейн, анализируя образы природы у русских поэтов XVIII–XX вв., внёсших наиболее заметный вклад в развитие пейзажа, кратко охарактеризовал особенности пейзажных образов в творчестве таких поэтов XVIII в., как В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, М.Н. Муравьёв, Н.М. Карамзин. Если у Тредиаковского природа предстаёт в трогательно-наивном перечислении общих перемен в погоде и сезонных примет, то зрелая классицистическая поэзия Ломоносова возвеличивает природу до вселенских масштабов и одновременно ставит её в зависимость от явлений государственной жизни: «Создатель величественного пейзажа, Ломоносов раскрывает природу в её бесконечной мощи, неисчерпаемом разнообразии, в яростном круговращении всех стихий» [18, с. 225]. Державин проявляет интерес не только к космически масштабным явлениям природы, но и к мельчайшим звуковым и цветовым подробностям, вносит свой вклад в формирование национального пейзажа. Муравьёв создаёт первые образцы сентиментального пейзажа в русской поэзии, а Карамзин открывает глубинную поэтичность самой природы, закладывает основы для психологизма в пейзажной лирике.

М.Н. Эпштейн отметил, что Г.Р. Державин «ввёл в русскую поэзию мрачный, таинственно-зловещий пейзаж (бледная луна, свист бури, ревущие волны)» [18, с. 226], однако такой тип пейзажа приходит в русскую поэзию благодаря костровскому переводу «Песен Оссиана» (1792). Распространившаяся и получившая небывалую популярность мифология оссианизма оказала огромное влияние на развитие романтической поэтики в русской литературе. Принято говорить об особом «оссианическом» пейзаже, который имеет свои специфические характеристики. Так, А.И. Разживин выделяет такие типы восходящего к оссианизму образа природы, как оссианическая вариация «меланхолического» пейзажа с его мрачным колоритом и ощущением тревоги, и «бурный пейзаж», открывающий для поэзии «мрачный и мятежный дух северной природы» [14, с. 173]. А.Н. Пашкуров и А.И. Разживин отмечают в поэзии Кострова проявление нового отношения к природе в стихах «суворовского цикла», где великий полководец предстаёт «как мистическая новая сила природы, способная потрясти всё мироздание: “Единым именем он – молнии удар...”» [10, с. 363].

Так, во всех исследованиях отмечается качественное изменение поэтического взгляда на природу в русской поэзии последней трети XVIII в.: от классицистического восприятия природы как сферы Божественного мироздания до осознания глубоких внутренних взаимосвязей каждого человека с окружающим природным миром. В соответствии с этим меняется и отношение поэтов к образам природы в литературе: от абстрактных

примет и «условных» пейзажей, от образов-эмблем и аллегорий литература приходит к субъективным и психологическим пейзажам, призванным раскрыть внутренний мир лирического героя. В рассмотренных работах на первом месте имена ведущих поэтов XVIII в.: М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина. Творчество Е.И. Кострова и особенности природных образов в его поэзии литературоведами не изучены, в то же время в современных исследованиях отмечен вклад Кострова в утверждение на русской почве оссианического пейзажа, получившего распространение в творчестве романтиков.

Цель исследования. Анализ природных образов в творчестве Е.И. Кострова в контексте общекультурных процессов переходной эпохи позволит выявить художественную позицию автора в литературном процессе последней четверти XVIII столетия.

Ход исследования и результаты. В первых одах Е.И. Кострова присутствуют образы природы как «общие места», позволяющие передать эмоциональное состояние одического автора, испытывающего необходимый для этого жанра «лирический восторг». Поэт использует образ восходящего солнца в приступах к торжественным одам, символически передавая идею восхождения одического певца на Парнас. «Ода на всерадостный день коронации Екатерины II, 1778 года» открывается следующими строками:

*Златого светоносца персты
Открыли в тверди горизонт;
Врата восточные отверзты,
Оставлен Фебом хладный понт*

[8, с. 5].

Солнце пробуждает от сна всех «тварей» земных, и поэт, наблюдая восход, призывает к пробуждению свою Музу; восходящее солнце также символизирует начало «всерадостного» дня коронации. Подобный же приступ, содержащий мотивный комплекс «восходящее солнце – весна – пробуждающаяся Муза», открывает оду «На день рождения Екатерины II и на празднество первой четверти столетия от учреждения Московского университета, 21 апреля 1780 года», но здесь символическая картина восходящей зари наполняется подробностями природного мира, звучат трели недремлющего соловья, упоминается об утренней прохладе:

*Весенних дней любитель нежный,
Певец недремлющ – соловей
Ты в час прохладный, безмятежный
Пред восходящею зарей
Приятный голос напрягаешь
И тем ея восход срываешь* [8, с. 33].

Картина природы, хотя и продолжает играть в приступе служебную символическую роль, обретает за счёт этих деталей живописность и конкретность.

Примечательно, что, используя образ восходящего солнца в приступе к оде, Костров создаёт и другую картину – образ заката в заключении к оде. Такой приём мы видим в оде «На открытие губернии в столичном граде Москве, Екатерине II, 5 октября 1782 года». В оде создаётся картина вечернего пейзажа: на смену солнцу на небо восходит луна, которую автор называет «сестрой огнеобразна Феба» [8, с. 77]. Образы солнца и его сестры луны не случайно появляются в торжественной оде: они с высоты неба

поочередно взирают на «росски торжества».

Так, мы видим, что картины расвета и заката в одах Кострова создают необходимый для панегирика эмоциональный фон. В то же время поэт в отдельных случаях вводит в обобщённые символические картины детали, придающие образам природы большую конкретность и живописность.

Одним из частотных «общих мест» оды является тоpos преобразования природного пространства в связи с благотворным влиянием прославляемой особы. Подобный образ природы появляется и в одах Е.И. Кострова. Так, в оде «На рождение его императорского величества Александра Павловича 1778 года» показана преобратившаяся в весну зимняя природа:

*Журчащи реки и пенисты,
Нарушив естества союз,
Как в летни дни, спокойны, чисты,
Изъяты тяжких мразных уз,
Стремясь, весело протекают,
Брегам обилие вещают...* [8, с. 20]

В оде Е.И. Кострова «На день рождения государыни императрицы Екатерины II, 21 апреля 1781 года» мотив преобразования пространства объединяется с идиллическим тоposом: речь, взгляд, движение одической героини повсюду вызывают ликование в природе: «Речет: бесплодные пустыни / Преобратятся в вертоград», «Воззрит в поля: и зреют класы», «Под кроткими Ея стопами / Одевшись луга цветами / Струи нектарные лиют» [8, с. 55].

Контаминация идиллического и одического тоposов – закономерное явление в торжественной поэзии, и это доказано в исследованиях Н.Д. Кочетковой [9] и Т. е. Абрамзон [1]. Как отмечает В.М. Живов, возможность вза-

имопроникновения идиллического и одического начал заложена в самой абсолютистской государственной мифологической структуре с её ориентацией на символику райских блаженных времён, «в её пасторальной мотивике, в постоянно повторяемых темах Аркадии и Золотого века» [6, с. 450]. Закрепившаяся за русским монархом мессианская функция проявляется в мифологическом восприятии его как установителя социальной гармонии, распространителя блаженства, восстановившего Рай на земле.

Нередко картины весенней природы используются в торжественных панегириках для воссоздания образа «золотого века», установившегося в Российском государстве благодаря деяниям идеального правителя:

*Вы, горы, источайте сладость
И дайте весть крутым холмам.
Да с высоты взирая низу,
В зелену облекутся ризу,
Покроют цветом рамена,
Весельем чресла препояшут
И с нами в торжестве воспрянут
В сии златые времена* [8, с. 37].

Образ ликующей и изобильной природы передаёт основную эмоцию торжественного панегирика – восторг перед деяниями монарха. В той же оде «На день рождения Екатерины II и на празднество первой четверти столетия от учреждения Московского университета, 21 апреля 1780 года» ликующей природе противопоставлен образ напуганной природы, призванный передать эмоциональное состояние врага, против которого направлен гнев монарха:

*Дубравы и леса трепещут,
Сердца недвижных стонут гор,
С долиной холмы сравнились,*

*Вспять реки с ужасом стремились
И зверь бежал во мрачность нор*
[8, с. 35].

Идиллический пейзаж, преобразующаяся природа – часто встречаемые в одах и других произведениях панегирического характера мотивы. В то же время следует отметить особое мастерство Е.И. Кострова в воссоздании некоторых деталей природного мира:

*Там нежными Зефир устами
Целуя жатву на полях,
И легкими носясь крылами,
Резвился в класах, как в волнах;
Они то кверху поднимались,
То книзу томно преклонялись,
Являя злачна моря вид.
Когда они твой образ зрели,
То зерна в них тучнее спели.
Тебя Церера тако чтит* [8, с. 51].

Из приведённого отрывка видно, что картина природы играет символическую роль, для её воссоздания используются мифологические образы, цель одического певца – подчеркнуть богоизбранность адресата, передать эмоции радости и блаженства, но при этом символичность не исключает живописности. Автор искусно показывает живую природу; это не застывший в вечном блаженстве мир, а мир, в котором всё живёт и движется: колосающееся поле переливается волнами под воздействием тёплого южного ветра.

Так, образы природы используются для передачи особой «ритуальной» коллективной эмоции, которая должна, согласно официальной идеологии, переполнять сердца граждан в те или иные моменты. Е. Погосян отмечает то, что эмоция русской панегирической оды тесно связана с политикой и идеологией: «Официальная идеология в очень большой степени определяет,

каким должно быть переживание того или иного события, то есть речь идёт о том, что официальный быт требует не только строго ритуального поведения, но и ритуального переживания, и ода это ритуальное переживание фиксирует и в то же время этому ритуальному переживанию «обучает» [12]. Образы природы, как можно убедиться, играют в данном случае далеко не последнюю роль. Сопоставляя картины природы с переживаниями благодарных российской правительнице граждан, автор оды наглядно показывает естественность и необходимость подобных эмоций. Выше уже были проанализированы отрывки, когда природа демонстрировала пример радостных или, наоборот, тревожных эмоций, которые должен испытывать народ под властью монарха.

Органично включает Е.И. Костров природные образы и в такой особый поэтический жанр, как эонические стихи (стихи на Новый год). Предсказывая отраду и веселье всему русскому народу в новом году, поэт передаёт радостные эмоции через восторг всей природы:

Взыграют холмы все, луга, поля, долины!

Нельзя иного ждать во дни Екатерины [8, с. 176].

Природа! воспрями, почувствуй силы новы,

Коль можно, хладные потицись преврать оковы

И холмы снежные низринь с высоких плеч,

Спеши себя в цветы и в мягкий злак облечь [8, с. 177].

В процитированных стихах на Новый 1780 и 1781 год природа предстаёт в самом обобщённом виде, для

поэта важен лишь условный образ, призванный выполнять заданную ему символическую функцию и передавать необходимые эмоции, связанные с восторженными переживаниями «златого века», пришедшего в Россию в период правления Екатерины. Эонические стихи, созданные Костровым в начале 1780-х гг., невелики по объёму, с канонической одой несоразмерны, но, как заметил А.В. Петров, они и по функциям, и по содержанию отсылают к жанру торжественной оды, призванной выражать официальную государственную идеологию: «Перед нами – светское новогоднее поздравительное стихотворение в рамках “государственной” поэзии» [11, с. 139].

Для выражения просветительских взглядов автора также могут использоваться образы природы. Так, в оду «На день рождения Ея императорского Величества Екатерины II, 21 апреля 1781 года» вводится мотив неукротимой юности, нуждающейся в поддержке опытных и мудрых учителей, а для большей наглядности, демонстрируя опасность, ожидающую страстных, но неопытных молодых людей, Е.И. Костров вводит образ неукрощённого коня, налетевшего на неожиданную преграду и летящего в бездну:

*Что юность? – Конь неукротенный,
Отважен, горд, надмен, свиреп,
И, жаром бодрым воспаленный,
Преград не любящ, ни заклеп,
Который не презрять напасти
И не терпя чужия власти,
Летит чрез горные хребты,
Летя, в груди сугубит пламень,
Но вдруг, в пути преткнись о ка-
мень,*

Стремглав стремится с высоты [8, с. 56].

Картина падающего в бездну коня играет роль поучения: как конь нуждается в руководстве, так и юные души нуждаются в наставлении.

Отметив выше отдельные случаи мастерства Е.И. Кострова в создании пейзажей, обратим внимание на более показательные примеры живописности поэтического взгляда писателя. В «Эпистоле на всерадостный день восшествия на престол Ея Императорскаго Величества Екатерины II, 28 июня 1786 года», Е.И. Костров создаёт образ Балтики:

*Там грозный вал, клубясь, одет се-
дою пеной,*

*Другие пред собой стремится на брег
зеленой;*

*Они, кипя, спешат друг друга упре-
дить,*

*Стремятся горы там чрез горы пре-
скокочить.*

*Любимец тишины и сын желанна
пира,*

*Приятный, сладостный, как золото-
струнна лира,*

*Зефир простер крыле, простер –
умолкло все,*

*Играет Фебов луч лазорных вод в
красе.*

<...>

*Там лебедь, распростря сребристыя
крыле,*

*На гладком плавает в безмолвных
вод стекле,*

*И легкий пух его Фавоний развева-
ет,*

*То поднимает вверх, то книзу опу-
скает [8, с. 89].*

Балтийское море в начале процитированного отрывка – это бурная и грозная стихия, в «бурном» представлении которой прочитывается пейзаж в духе Оссиана, поэтизирующий

«мрачный и мятежный дух северной природы» [14, с. 173]. Грозной Балтике противопоставлен образ тихого и спокойного моря, которое отражает солнечный свет в чистейшей глади своих вод. Природа представлена в движении: необыкновенно грациозно выглядит лебедь, и поэт позволяет читателю заметить мельчайшие движения лебяжьего пуха, колеблемого лёгким ветерком. Такие картины природы в XVIII в., даже в 80-е гг., безусловно, уникальны и притягивают внимание читателя своей завораживающей живописностью. В то же время пейзаж и здесь не играет самостоятельной роли. Чудесное преображение грозной стихии в идиллический пейзаж призвано показать великие свершения Екатерины, несущей счастье, тишину и спокойствие россиянам.

Не менее замечательными выглядят картины природы в эклоге «Три грации», посвящённой дню рождения Великой княжны Александры Павловны. В стихотворении создаётся образ радующейся рождению юной княжны Невы:

*Но златовласный Феб утехой сей
любуюсь,*

*И росским торжествам с высот со-
образуюсь,*

*Животворительны с превыспрен-
ных зыбей*

*Льет в Неву огни от радостных
очей:*

*Огни сии в водах различно прелом-
ляясь,*

*От влаги бисерной со блеском от-
ражаясь,*

*Играющий нам вид являют во струях
И поздравляют тем дочь Павла в
пеленах [8, с. 102–103].*

Здесь же выписанный не менее искусно, чем в предыдущем случае, образ лебедя:

Так лебедь в озере со легкостью плывет,

Так ласковый Зефир, ему стремясь в след,

Подъемлет пух его, и нежит, и лобзает,

Сжимает скромностью, обратно распускает,

И наконец во мзду полета своего

Стремится опочить под крыльями его [8, с. 103–104].

Можно зримо представить нарисованную автором картину: в невской воде отражаются и переливаются световыми бликами солнечные лучи, дует лёгкий ветер, который едва заметно колеблет перья плывущего по глади вод царственного лебедя. Как и в предыдущем случае, живописность пейзажа, искусно выписанные детали не отрицают символической роли природных образов: здесь картины природы передают атмосферу безмятежной радости, царящей в мире в связи с рождением прекрасной юной княжны. Безусловно, поэт, чутко подмечающий отдельные природные детали и любующийся ими, следуя общему движению литературы к созданию индивидуального и имеющего самостоятельную ценность пейзажного образа, не мог не отразить в своей поэзии эти качественно новые явления.

Примечательно, что в поэзии Е.И. Кострова появляются случаи изображения частного отношения человека к природе, созерцания красоты природы и наслаждения ею:

Так сад, кусточками и тенью древ прелестен,

Стоящий на горе над током чистых вод,

Хотя и будет нам совсем уже известен,

Хотя известен в нем по вкусу каждый плод,

Хотя дорожки все знакомы,

Но, тайным чувствием влекомы,

Еще охотно мы гулять в него спешим:

Повсюду взоры обращаем,

Увидеть новости желаем,

Хоть взором много раз все видели своим [8, с. 113].

Но Костров всё же остаётся верным традициям поэзии XVIII в. Приведённая картина не имеет самостоятельного значения в «Письме к творцу оды, сочинённой в похвалу Фелицы, царевны Киргизсайсацкой»: чувство эстетического любования природой призвано продемонстрировать подобное же отношение автора послания и его современников к поистине новаторскому сочинению Г.Р. Державина. Как природа, пусть даже в хорошо знакомом саду, способна постоянно возбуждать в сердце человека чувство восхищения её красотой, так и ода Державина вызывает восхищение в сердцах читателей, сколько бы раз они ни прослушивали уже знакомые строки.

Особое внимание стоит обратить на роль природных образов в так называемых «лёгких» стихотворениях, создававшихся Костровым под влиянием всё более набравшего силу сентиментализма. В «Стихах Анете» образы природы, как и в одических произведениях, позволяют передать восторженные эмоции лирического героя, любующегося юной красавицей:

Счастлив стократно ручеек,

Достоин зависти поток,

*Захочет где узреть лице свое Анета.
Явится в новый знак и роища та одета,
Где ей полдневный зной
Велит искать себе покой* [8, с. 198].

Лирический герой испытывает радость при виде Анеты, аллегорически это состояние передаётся с помощью образов счастливого ручья, в воды которого смотрится красавица, а также тучнеющих злаков и зеленеющей роищи, облюбованных Анетой для полуденного отдыха.

В стихотворении «К бабочке» создаётся образ беззаботно порхающей от цветка к цветку бабочки: она целует «гвоздичку», торжествует «над целомудрием и розы и лилеи», летит к фиалке, обнимает «незабудочку». Но и здесь образ бабочки используется в качестве аллегории: бабочка соотносится с образом человека, не отличающегося постоянством и проводящего жизнь в развлечениях, этот образ служит антитезой лирическому герою, который влюблён в красавицу и не может ей изменить.

Выводы. Анализ поэзии Е.И. Кострова показывает, что в целом поэт остаётся в рамках классицистической поэтики, включая в свои произведения природные образы-символы и аллегории. В панегирической поэзии образы природы призваны передать восторженные эмоции, подчеркнуть благотворное воздействие прославляемого субъекта на окружающее пространство, создать иллюзию установившегося в России «золотого века». Утренний восход символизирует день восшествия на престол Екатерины II, момент пробуждения Музы, восхождение поэта на Парнас. Ночной пейзаж, появляющийся в панегирических текстах, неизменно освещён лунным

сиянием, что должно подчеркнуть мысль о неусыпном Божественном покровительстве, нисходящем на российские пространства. В произведениях, написанных к знаменательным датам Московского университета, подчёркивая просветительскую мысль о благотворном влиянии образования на молодого человека, Костров также использует аллессию, сопоставляя не умеющего управлять своими страстями юношу с необузданным конём. В «лёгкой» поэзии образы природы призваны передать чувства человека, любующегося юной красавицей, или аллегорически отразить беззаботность и безмятежную радость человека, не испытывающего чувства любви. В то же время, начиная с 1780-х гг., Е.И. Костров всё чаще вводит в свои условные пейзажи отдельные детали, оживляющие абстрактные классицистические образы, придающие картинам природы пластичность и живописность. В ряде случаев Костров демонстрирует своё умение замечать малейшие изменения природного мира, изображать природу в динамике, отражая присутствующее в душе человека естественное «чувство природы».

Проблемными остаются закономерные для исследователя вопросы, которые, на наш взгляд, необходимо сформулировать, чтобы осмыслить творческий феномен Кострова. Почему, улавливая все новые веяния в литературе, восхищаясь новаторскими произведениями Г.Р. Державина, включаясь в группу авторов, публикующихся в карамзинских «Аонидах» в 1790-е гг., открыв для русской литературы «оссианический» пейзаж, Е.И. Костров не посчитал возможным изменить классицистической поэтике,

не создал ни одного оригинального произведения, в котором бы выразился в полной мере новый художественный подход к образам природы? Почему мы не обнаруживаем у Кострова характерных для усадебной поэзии, утверждающейся в поэзии последней трети XVIII в., сельских пейзажей? Почему он не следует за подражателями Карамзина и не создаёт стихотворений, где бы природа отражала индивидуальные, а не «коллективные», переживания лирического героя? Почему нет в поэзии Кострова оригинальных классицистических пейзажей, подобных тем, что создал Г.Р. Державин в оде «На взятие Измаила» или в «Водопаде»?

Анализ поэтических текстов Кострова показал, что у поэта вполне хватало таланта, чтобы всё это осмыслить и воссоздать в своём творчестве, однако он не пошёл ни по одному из этих новых «путей», а остался в рамках классицизма. Наверное, это стоит рассматривать как сознательное следование поэта «своему» пути, как скромное смирение перед классиками, которые, несмотря ни на какие новые модные веяния, были для Кострова образцом высокого служения искусству и отечеству.

*Статья поступила в редакцию
25.09.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон Т. е. Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин). Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2006. 480 с.
2. Алпатова Т.А. Метафизика Осени в поэтическом мире Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина // Поэтика Г.Р. Державина и литературные диалоги. Казань: Издательство Казанского университета, 2017. С. 38–49.
3. Алпатова Т.А. Поэтология М.Н. Муравьёва в художественной системе русской лирики последней трети XVIII века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 180–187.
4. Григорьян К.Н. Пейзаж в русской живописи и поэзии // Литература и живопись. Л.: Наука, 1982. С. 128–146.
5. Гуковский Г.А. Костров // История русской литературы: В 10 т. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 462–472.
6. Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения // Разыскания в области истории и предисории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 439–460.
7. Западов А.В. Поэты XVIII века (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин). М.: Издательство Московского университета, 1979. 312 с.
8. Костров Е.И. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова: В 2 ч. Ч. 1. СПб: Императорская типография, 1802. 177 с.
9. Кочеткова Н.Д. Тема «золотого века» в поэзии Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и его время: сборник научных трудов. Вып. 2. СПб.: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2005. С. 8–17.
10. Пашкуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века : в 2 ч. Часть 2. М.: ФЛИНТА : Наука, 2017. 536 с.
11. Петров А.В. Новогодняя поэзия в России (от Тредиаковского до Бенедиктова). Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2009. 267 с.

12. Погосян Е.А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг.: дисс. ... д-ра философии по рус. лит. Тарту, 1997. 159 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.6> (дата обращения: 15.08.2018).
13. Пумпянский Л.В., Николаев Н.М. К истории русского классицизма (поэтика Ломоносова) // Контекст: Литературно-теоретические исследования. 1983. Т. 1982. С. 303–335.
14. Разживин А.И. Оссианизм в русской литературе рубежа XVIII–XIX веков. Мифология, поэтика, основные концепты // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 50-летию факультета иностранных языков ЕИ К(П)ФУ, 23 октября 2015. Елабуга: Елабужский институт Казанского федерального университета, 2015. С. 168–174.
15. Сапченко Л.А. Природа в художественном сознании Державина, Карамзина и раннего Жуковского (К проблеме эволюции образного мышления): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989. 16 с.
16. Шайтанов И.О. Мыслящая муза. «Открытие природы» в поэзии XVIII века. М.: Прометей, 1989. 260 с.
17. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.
18. Эпштейн М.Н. Стихи и стихия. Природа в русской поэзии XVIII–XX вв. Самара: Издательский Дом «БАХАРАХ-М», 2007. 352 с.

REFERENCES

1. Abramzon T.E. Poeticheskie mifologii XVIII veka (Lomonosov, Sumarokov, Kperaskov, Derzhavin) [The poetic mythology of the eighteenth century (Lomonosov, Sumarokov, Kheraskov, Derzhavin)]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University Publ., 2006. 480 p.
2. Alpatova T.A. [Metaphysics of Autumn in the poetic world of G. Derzhavin and N. Karamzin]. In: Poetika G.R. Derzhavina i literaturnye dialogi [The poetics of G. Derzhavin and literary dialogues]. Kazan, Kazan University Publ., 2017. pp. 38–49.
3. Alpatova T.A. [M. Muravyov's poetics in the art system of the Russian lyrics of the last third of the 18th century]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2016, no. 5, pp. 180–187.
4. Grigor'yan K.N. [Landscape in Russian painting and poetry]. In: Literatura i zhivopis' [Literature and painting]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. pp. 128–146.
5. Gukovskii G.A. [Kostrov]. In: Istoriya russkoi literatury: V 10 t. T. IV: Literatura XVIII veka. Ch. 2 [History of the Russian literature: in 10 vol. Vol. IV: Literature of the 18th century. Part 2]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1947. pp. 462–472.
6. Zhivov V.M. [The state myth in the age of Enlightenment]. In: Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury [Researches in the history and prehistory of Russian culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. pp. 439–460.
7. Zapadov A.V. Poety XVIII veka (M.V. Lomonosov, G.R. Derzhavin) [Poets of the 18th century (M. Lomonosov, G. Derzhavin)]. Moscow, Moscow University Publ., 1979. 312 p.
8. Kostrov E.I. Polnoe sobranie vseh sochinenii i perevodov v stikhakh g. Kostrova: V 2 ch. CH. 1 [Complete collection of all writings and translations in verse of Mr. Kostrov: 2 p. Part 1]. St. Petersburg, Imperatorskaya tipografiya Publ., 1802. 177 p.

9. Kochetkova N.D. [The theme of the “Golden age” in the poetry of G. Derzhavin]. In: G.R. Derzhavin i ego vremya: sbornik nauchnykh trudov. Vip. 2 [G. Derzhavin and his time: a collection of scientific papers. Iss. 2]. St. Petersburg, The National Pushkin Museum, 2005, pp. 8–17.
10. Pashkurov A.N., Razzhivin A.I. Istoriya russkoi literatury XVIII veka : v 2 ch. Chast' 2 [History of the Russian literature of the 18th century : in 2 parts. Part 2]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2017. 536 p.
11. Petrov A.V. Novogodnyaya poeziya v Rossii (ot Trediakovskogo do Benediktova) [New Year's poetry in Russia (from Trediakovsky to Benediktov)]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University Publ., 2009. 267 p.
12. Pogosyan E.A. Vostorg russkoi ody i reshenie temy poeta v russkom panegirike 1730–1762 gg.: dis. ... dokt. filosofii po rus. lit. [The delight of the Russian ode and the solution of the theme of the poet in the Russian panegyric of 1730–1762: D. thesis in Philosophy on Russian literature]. Tartu, 1997. 159 p. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.6> (accessed: 15.08.2018).
13. Pumpyanskii L.V., Nikolaev N.M. [On the history of Russian classicism (poetics of Lomonosov)]. In: Kontekst: Literaturno-teoreticheskie issledovaniya [Context: Literary and Theoretical Studies], 1983, vol. 1982, pp. 303–335.
14. Razzhivin A.I. [Ossianism in Russian literature of the turn of the 18th –19th centuries. Mythology, poetics, basic concepts]. In: Sovremennyye problemy filologii i metodiki prepodavaniya yazykov: voprosy teorii i praktiki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu fakul'teta inostrannykh yazykov EI K(P)FU, 23 oktyabrya 2015 [Modern problems of Philology and methods of teaching languages: questions of theory and practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 50th anniversary of the Faculty of Foreign Languages EI K(P)FU, October 23, 2015]. Elabuga, Elabuga Institute of Kazan Federal University Publ., 2015. pp. 168–174.
15. Sapchenko L.A. Priroda v khudozhestvennom soznanii Derzhavina, Karamzina i rannego Zhukovskogo (K probleme evolyutsii obraznogo myshleniya): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Nature in the artistic consciousness of Derzhavin, Karamzin and early Zhukovsky (On the problem of the evolution of figurative thinking): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1989. 16 p.
16. Shaitanov I.O. Myslyashchaya muza. “Otkrytie prirody” v poezii XVIII veka [The thinking Muse. “Discovery of nature” in the poetry of the 18th century]. Moscow, Prometei Publ., 1989. 260 p.
17. Epshtein M.N. Priroda, mir, tainik vselennoi: Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii [Nature, the world, crypt of the universe: the System of landscape images in Russian poetry]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 303 p.
18. Epshtein M.N. Stikhi i stikhiya. Priroda v russkoi poezii XVIII–XX vv. [Poetry and the element. Nature in the Russian poetry of 18–20th centuries]. Samara, “BAKHARAKH-M” Publ., 2007. 352 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Творчество Е.И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII века» № 17-04-50062-ОГН.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the project “Kostrov’s Creativity in the Context of Russian Poetry of the 18th Century” No. 17-04-50062-ОГН.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маслова Анна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета;
e-mail: ag.maslova@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna G. Maslova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University;
e-mail: ag.maslova@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслова А.Г. Образы природы в поэзии Е.И. Кострова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 205–219.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-205-219

FOR CITATION

Maslova A.G. Images of nature in E. Kostrov’s poetry. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 205–219.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-205-219

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-220-229

А.П. БУНИНА НА СТРАНИЦАХ «ДАМСКОГО ЖУРНАЛА»

Пуряева Н.Н.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Российская Федерация*

Аннотация. Цель статьи – описать одну из мало освещённых сторон биографии А.П. Буниной – сотрудничество в периодических изданиях на примере журналов «Сын Отечества» и особенно «Дамский журнал». Автором произведён анализ эмпирического материала (публикации, посвящённые А.П. Буниной на страницах журналов «Сын Отечества», «Дамский журнал»), дана оценка редакторской политики в отношении неё издателей журналов – Н.И. Греча и П.И. Шаликова. Эмпирически проверен тезис о моделировании литературной репутации Буниной. Выявлены причины, не позволившие надолго закрепить её репутацию в качестве лучшей поэтессы. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в уточнении одной из сторон творческой биографии Буниной. Статья адресована филологам, специалистам, занимающимся историей женской литературы в России.

Ключевые слова: А.П. Бунина, первая поэтесса, «Дамский журнал», П.И. Шаликов, М.Н. Макаров, «Сын Отечества», Н.И. Греч.

ANNA BUNINA IN “LADIES’ MAGAZINE”

N. Puryaeva*Moscow State Pedagogical University**1 build. 1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russian Federation*

Abstract. The objective of the article is to describe one of the poorly covered sides of Anna Bunina’s biography, namely her cooperation with periodicals. “The Son of the Fatherland” and especially “Ladies’ magazine” are chosen as examples. The article analyses publications dedicated to Bunina as well as the editorial policy of the publishers of journals – Nikolay Grech and Petr Shalikov. A hypothesis is advanced that both editors significantly contributed to modeling Bunina’s literary reputation as one of the best poetesses of her time, as well as reasons are revealed for fixing her in this status. The theoretical and practical significance of the research is the clarification of one of the aspects of Bunina’s creative biography. The article is addressed to philologists, specialists in the history of women’s literature in Russia.

Key words: Anna Bunina, first Russian poetess, “Ladies’ Magazine”, Petr Shalikov, Mikhail Makarov, “Son of the Fatherland” (“Syn Otechestva”), Nickolay Grech.

Имя А.П. Буниной, одной из первых русских поэтесс, в последнее время привлекает всё больше внимания отечественных исследователей. Однако многие вопросы, связанные с её биографией и, в частности, с сотрудничеством в

© СС ВУ Пуряева Н.Н., 2018.

периодических изданиях по-прежнему мало освещены. В данной статье будут рассмотрены публикации на страницах «Дамского журнала», посвящённые Буниной.

За тридцатилетний период своего творчества, начиная с первой публикации (1799) и до конца жизни (1829), Бунина печаталась примерно в двенадцати московских и петербургских периодических изданиях: «Иппокрена», «Вестник Европы», «Любитель словесности», «Лицей», «Московский зритель», «Московский курьер», «Драматический вестник», «Чтения в Беседе любителей русского слова», «Сын Отечества», «Благонамеренный», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Дамский журнал». В основном это были публикации отдельных её стихотворений, за исключением «Сына Отечества».

Помимо трёх стихотворений Буниной [5; 8; 13] здесь вышла её заметка «Спасение несчастного семейства» [14], а в 1817 г. – стихотворный перевод драмы С.-Ф. Жанлис «Агар в пустыне» [3]. Кроме того, в 1815 г. в «Сыне Отечества» были напечатаны посвящённые отъезду Буниной в Англию на лечение стихотворения А.П. Степанова [31] и Е.Н. Пучковой [28]. В 1820 г. в журнале вышла благожелательная рецензия В.К. Кюхельбекера на «Собрание стихотворений Анны Буниной» (СПб, 1819) [23]¹, а несколькими годами позже тот же Кюхельбекер её единственную среди писательниц упомянул в полемической статье по поводу переводов русских стихотворений

немецким поэтом фон дер Боргом [24]. Таким образом, «Сын Отечества» в известной мере позиционировал Бунину как лучшую современную поэтессу.

Более того, именно Н.И. Греч, издатель журнала, занимавшийся также педагогической деятельностью, попытался ввести творчество русских писательниц в школьную традицию. В своей «Учебной книге российской словесности» (СПб, 1819–1822), он называет А.П. Бунину в сущности первой писательницей, которая, по его характеристике, «занимает отличное место в числе писателей и первое между писательницами России» [17, с. 606]. Примечательно, что, упоминая целый ряд писательниц и поэтесс, Греч приводит в тексте «Учебной книги ...» только стихотворение Буниной – «Капризы не беда, твердит философ Сава...» [16, с. 257], используя его в качестве иллюстрации редкого в отечественной поэзии жанра рондо.

За более чем двадцать лет своего использования «Учебная книга ...» Греча выдержала три издания. Во втором издании (1830) разделы, в которых упоминались писательницы, в том числе и Бунина, не претерпели каких-либо изменений [18; 19], а вот третье (1844) было существенно переработано. Текст стихотворения Буниной был исключён, значимость её творчества оценена скромнее: «хорошая писательница русская, оставила прекрасные стихотворения дидактические и лирические» [20, с. 329]. Учитывая, что Бунина умерла в 1829 г., а последнее издание её стихотворений вышло в 1819–1821 гг., это было вполне закономерно: к 1840-м гг. её имя уже мало что значило в текущем литературном процессе. Тем не менее, включение

¹ Кюхельбекер в частности писал: «Г-жа Бунина – женщина-Поэт, явление редкое в нашем отечестве, и сверх того, Поэт с дарованием, Поэт не подражатель» [23].

автора в школьный учебник можно рассматривать как один из способов кодификации, закрепления значимости в литературном процессе, поэтому «Учебная книга ...» Греча, безусловно, способствовала репутации Буниной.

И в целом, политику «Сына Отечества» в отношении поэтессы в 1810-е – первую половину 1820-х гг. вполне можно рассматривать как попытку моделирования её литературной репутации. Эту линию на рубеже 1820-х–30-хх гг. продолжило другое издание – «Дамский журнал» П.И. Шаликова. Причём, в отличие от «Сына Отечества», издание Шаликова в основном писало о Буниной *ad metopiam*, то есть работало на некий миф о ней как о первой поэтессе.

Ко времени основания журнала Бунина была уже тяжело больна и отошла от активного творчества. В «Дамском журнале» вышла лишь одна её прижизненная публикация и та – объёмное. Однако Бунину и Шаликова связывали достаточно длительные литературные отношения. Их знакомство, видимо, произошло в Москве в 1805 г. [21; 1, с. 31], а через Шаликова Бунина познакомилась и со своим будущим «биографом» – М.Н. Макаровым. В следующем, 1806 г., Шаликов опубликовал пять её стихотворений в своём журнале «Московский зритель» [6; 15]. Бунина же передала Шаликову журнал «Лицей» [7], в котором были опубликованы три её стихотворения: «К богине сновидений», «При взгляде на гробницы великих: императора Петра I и императрицы Екатерины II в Петропавловской крепости», «Брату моему». Шаликов отозвался посланием «К А*** П*** Б-й, которая прислала мне в подарок “Лицей”, желая, чтобы

я узнал стихи ея, напечатанные в сем журнале» [35, с. 17–20].

Видимо, Шаликов был автором комплиментарного стихотворения «К А.П. Б-ой, в день рождения» [30, с. 228], анонимной положительной рецензии на первую часть сборника «Неопытная муза» (1809), опубликованной в журнале «Аглая» [9, с. 491], а также благожелательной заметки «Об отъезде в Англию девицы Буниной и о сочинениях сей стихотворицы» [27, с. 11].

Впрочем, это был не просто обмен литературными посланиями. В биографическом очерке, посвящённом Буниной, Макаров писал, что, по собственному её признанию, Шаликов был одним из её первых поэтических наставников [25, с. 130]. Наставничество Шаликова, видимо, преувеличение, однако он последовательно поддерживал Бунину и если не генерировал, то укреплял её репутацию первой поэтессы.

Видимо, Шаликов одним из первых использовал в отношении Буниной эпитет «Сафо», и в своих печатных обращениях иначе как Сафо или Стихотворица её не называл¹. Номинация «Сафо», «Невская Сафо» довольно устойчиво закрепились за Буниной в 1820-е гг. [30, с. 238–239], однако, по замечанию Свиясова, с конца XVIII–

¹ Например, в стихотворении «К А*** П*** Б-й...» Шаликов писал:

Я прав!.. и веселюсь удачей предсказания,
И даже думаю, что верно я пророк –
Не в храме идолов, но в храме дарованья:
Ты часто слышала из уст моих свой рок!
По первым опытам руки твоей на лире
Я назвал Сафою тебя,
И ждал, и говорил, что скоро, скоро в мире
Явишь ты Музою Лесбийскою себя!..
Сбылось!.. [35, с. 17]

начала XIX вв. характеристика «русская Сафо» начала употребляться по отношению к «поэтессам, получившим какую-либо известность – дилетантками, функционировавшим, так сказать, на низовом, бытовом уровне» [30, с. 227], иными словами, отнюдь не свидетельствовала о достоинствах. О том же писал Грот [21].

Последнее поэтическое обращение Шаликова к Буниной в начале 1820-х гг. – стихотворение «Ответ приятелю (Требовавшему мнения моего о сочинениях одной из наших стихотвориц, которую называет он Невскою Сафою)» [34, с. 99]. Затем на несколько лет творческо-издательские отношения Шаликова и Буниной прервались.

В новом проекте Шаликова – «Дамском журнале»¹, начавшем выходить в 1823 г., Бунина не участвовала, как уже было отмечено, в связи с серьёзной болезнью. Тем более примечательно, что за несколько месяцев до смерти, в апреле 1829 г. Бунина прислала Шаликову свой изданный перевод «Нравственных бесед» шотландского проповедника Хью Блэра.

Бунина работала над этой книгой в 1824–1827 гг., и перевод, безусловно, был очень значим для неё. Обращение к творчеству религиозного автора, принадлежавшего иной конфессии, весьма необычно для 1820-х гг., однако Бунину не остановило отсутствие в данном случае поддержки обычного её покровителя – А.С. Шишкова [36, р. 310–311]. В итоге издание книги ей пришлось осуществить за свой счёт, а не счёт Академии наук, как это бывало раньше [36, р. 316–318]. Обратившись к Шаликову, Бунина, видимо,

рассчитывала на его дружескую поддержку в распространении книги и не ошиблась. Шаликов отозвался стихотворением «К Анне Петровне Буниной, приславшей детям моим в дар ею переведенные Нравственные беседы Блера» [33], к которому была сноска: «Известно, что сия знаменитая Писательница наша с некоторого времени одержима сильною болезнью».

В следующем номере в разделе «Известия» было помещено пространное, на две страницы, объявление о книге «Нравственные и философические Беседы из сочинений доктора Блера» в переводе Буниной. Издатель привёл краткую историю создания перевода и охарактеризовал достоинства автора, завершив статью словами: «Желающие иметь сию книгу могут относиться к Издателю Дамского Журнала. Она стоит 10 руб. ассигнациями» [10].

Однако большая часть публикаций, посвящённых Буниной, появилась на страницах «Дамского журнала» после её смерти.

Первая из этих публикаций – эпитафия Д.И. Хвостова на смерть Буниной [32]. Однако ещё более примечательна сноска Шаликова к ней: «Она <Бунина> скончалась 4го ноября 1829 года, после продолжительной жестокой болезни. Надеемся сообщить биографию сей славной Стихотворицы нашей» [32, с. 59]. Таким образом, Шаликов декларирует значительный интерес к ней, который, впрочем, вполне укладывался в общую политику журнала, регулярно публиковавшего биографии выдающихся женщин. Что же касается писательниц, им была посвящена целая серия публикаций Макарова под названием «Материалы для истории

¹ Журнал с таким названием выходил в 1806 г. под редакцией Макарова.

русских женщин-авторов», выходившая в журнале в 1830 г.

Прошло около года, прежде чем биография Буниной наконец была опубликована, а тем временем Шаликов поддерживал интерес к теме, печатая связанные с ней материалы. Так, в декабрьском номере под заголовком «Последние стихи Анны Петровны Буниной» появились два стихотворения: «Ближним», «К.Н.П-й» (стоит дата 11 июля 1823) [4].

Затем был помещён ответ двоюродного племянника Буниной и её душеприказчика, Д.М. Бунина, к которому Шаликов обратился за сведениями о поэтессе [2]. Бунин сообщал, впрочем, что последняя воля тёти налагает на него ограничения: «Всё, что я могу сделать в удовлетворение вашего желания, должно ограничиться с моей стороны присылкою вам завещания покойницы, – её последнее воли. Вы сами усмотрите из сей рукописи, что я почти ни на что не должен решиться. Но если вы найдёте что-либо занимательное или назидательное; то, думаю, не укорит совесть ни вас, ни меня, когда некоторые отрывки из сего завещания соделаются известными, в особенности прекрасному полу, которому вы так много и так давно усердствуете» [2, с. 127].

В первом номере за 1831 г. было опубликовано само письмо Буниной к племяннику [12] с инструкциями относительно её записок передать их М.Н. Семенову (другому племяннику Буниной): «Оставляю тебе мои записки. ... Прочти их внимательно с милейшею сердцу моему и ни в чем не искусившеюся твоею супругой. Когда прочтёшь, вникнешь иобразишь

обстоятельства, то вручи сии записки П.Н.С.» [12, с. 14–15].

В следующем номере были опубликованы отрывки из завещания Буниной [11]. Видимо, этим источником позднее воспользовался Мордовцев, воспроизведя тексты завещания и письма в своём очерке о поэтессе [26, с. 52–56].

И наконец, в февральском номере журнала вышла статья Макарова «Анна Петровна Бунина» [25]. Она не входит в уже упоминавшийся цикл статей «Материалы для истории русских женщин-авторов», однако по структуре и духу близка к ним.

В начале статьи Макаров приводит очень краткие биографические сведения о Буниной и комментированный перечень основных её публикаций. О репутации поэтессы как «русской Сафо» он говорит довольно сдержанно: «Сафические стихи Буниной если не имели достоинства подлинника, то по крайней мере заставили о себе говорить многих литераторов с особенною похвалою» [25, с. 132]. Макаров отдаёт должное переводу «Науки о стихотворстве» Буало: «всё близко, всё исполнено красот, и всё заслуживает особенную признательность Отечества!» [25, с. 132]. Большее значение Макаров придаёт стихотворной повести «Падение Фаэтона»: «Баснословную повесть А.П. Буниной “Падение Фаэтона” сам Державин, как говорят, при похвале Стихотворице усваивал себе» [25, с. 134]. О баснях Буниной говорит, что «почти все подражательны», хотя «назидательны и чисты» [25, с. 136]. Иными словами, Макаров в значительной степени опирается на памятные факты литературной биографии Буниной. Так, чтение

И.А. Крыловым «Падения Фазтона» (за эту поэму Бунина получила от императрицы Елизаветы Алексеевны бриллиантовую брошь в форме лиры) на заседании «Беседы любителей русского слова» стало едва ли не вершиной её карьеры.

Сколько-либо целостного анализа творчества Буниной Макаров не предлагает, из всех разрабатывавшихся ею тем, выделив лишь одну – «стихотворица-наставница» [25, с. 135] имея в виду наставления Буниной поэтессам. Но и здесь он ограничивается пространством цитированием стихотворения «Ещё простой подам тебе урок // Ты женщина...» [25, с. 135]. В заключение Макаров говорит, что многие стихотворения опубликованы пока лишь в журналах и ждут издателя, чтобы «сохранить для памяти потомства всё то, что принадлежало учёному перу нашей Стихотворицы, по своим занятиям и познаниям едва и не одной из первых Писательниц в России» [25, с. 137].

Тем не менее, значение этого текста трудно переоценить: до 1861 г., когда появился очерк М.Д. Хмырова о Бу-

ниной, он оставался единственной более-менее информативной статьёй о поэтессе. В самой первой, ещё прижизненной статье о Буниной, помещённой в «Библиографическом каталоге российских писательниц» С.П. Руссова [29, с. 8] фактической информации о поэтессе очень мало.

Таким образом, «Дамский журнал» продолжил, как и «Сын Отечества», конструирование репутации Буниной в качестве первой поэтессы. Замысел не вполне удался, с одной стороны, поскольку журнал занимал довольно узкую читательскую нишу – развлекательное дамское чтение¹, а с другой стороны, поскольку имя Буниной в литературном процессе начала 1830-х гг. утратило свою значимость. Тем не менее, этот опыт заслуживает внимания как попытка создания первого классика женской литературы.

*Статья поступила в редакцию
30.07.2018 г.*

¹ Кроме того, сам Шаликов своей сентиментальной чувствительностью вызывал насмешку многих современников [22, с. 142–143, 146–147], что не могло не влиять на отношение к его журналу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелин М., Нестеренко М. «Девушка Анна Бунина». Хроника жизни и творчества // Бунина А.П. Неопытная муза: Собрание стихотворений. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2016. С. 27–60.
2. Бунин Д.М. Письмо издателю // дамский журнал. 1830. Ч. 32. № 51–52. С. 126–127.
3. Бунина А.П. Агар в пустыне // Сын отечества. 1817. Ч. 40. № 17. С. 170–186.
4. Бунина А.П. Ближним. К Н.П.-й // Дамский журнал. 1830. Ч. 32. № 47–48. С. 88.
5. Бунина А.П. Г.Р. Державину // Сын Отечества. 1814. Ч. 13. № 17. С. 185.
6. Бунина А.П. Два экспромта // Московский зритель. 1806. Ч. I. С. 40.
7. Бунина А.П. К богине сновидений // Лицей. 1806. Ч. IV. кн. 3. С. 18.
8. Бунина А.П. На смерть капитана гвардейской артиллерии Р.И. Захарова // Сын Отечества. 1813. Ч. 4. № 12. С. 299.
9. Бунина А.П. Неопытная муза: Собрание стихотворений. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2016. 560 с.
10. Бунина А.П. Нравственные и философические Беседы из сочинений доктора Блера // Дамский журнал. 1829. Ч. 26. № 19. С. 95.

11. Бунина А.П. Отрывки из завещания А.П. Буниной // Дамский журнал. 1831. Ч. 33. № 2. С. 23–24.
12. Бунина А.П. Письмо А.П. Буниной к Д.М. Бунину // Дамский журнал. 1831. Ч. 33. № 1. С. 13–15.
13. Бунина А.П. Призывания Мальвины из Брайтона в Бат, или с приморского берега в загородный дом // Сын отечества. 1816. Ч. 30. № 20. С. 9–14.
14. Бунина А.П. Спасение несчастного семейства // Сын Отечества. 1813 Ч. 3. № 2. С. 88–93.
15. Бунина А.П. «Так! Нет тебя!.. И та, которая блистала...», На случай смерти Н.П. Хлебникова // Московский зритель. 1806. Ч. III. С. 35.
16. Греч Н.И. Учебная книга российской словесности или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе: в 4 ч. Ч. 3. СПб, 1820. 363 с.
17. Греч Н.И. Учебная книга российской словесности или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе: в 4 ч. Ч. 4. СПб, 1822. 663 с.
18. Греч Н.И. Учебная книга русской словесности или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе: 2-е изд., испр. в 4 ч. Ч. 3. СПб, 1830. 327 с.
19. Греч Н.И. Учебная книга русской словесности или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе: 2-е изд., испр. в 4 ч. Ч. 4. СПб, 1830. 282 с.
20. Греч Н.И. Учебная книга русской словесности или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах: 3-е изд., испр. и пополн. в 4 ч. Ч. 4. СПб, 1844. 387 с.
21. Грот К.Я. Поэтесса Анна Петровна Бунина [Электронный ресурс]. URL: http://www.ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm. (дата обращения: 13.03.2018).
22. Жихарев С.П. Записки современника. Дневник чиновника. Воспоминания старого театрала: в 2 т. Т. 1. Л.: Искусство, 1989. 311 с.
23. Кюхельбекер В.К. «Собрание стихотворений Анны Буниной» (СПб, 1819). // Сын отечества. 1820. Ч. 61. № 26. С. 166–174.
24. Кюхельбекер В.К. Разбор фон-дер-Броговых переводов русских стихотворений // Сын Отечества. 1825. Ч. 103. № 17. С. 68–71.
25. Макаров М.Н. Анна Петровна Бунина // Дамский журнал. 1831. Ч. 33. № 9. С. 129–137.
26. Мордовцев Д.Л. Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории: Женщины XIX века. СПб.: типография О.И. Бакста, 1874. 323 с.
27. Нестеренко М. Уроки «Неопытной музыки» // Бунина А.П. Неопытная муза: Собрание стихотворений. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2016. С. 11–26.
28. Пучкова Е.Н. Любезной путешественнице, А.П. Буниной, при отъезде в Англию // Сын Отечества. 1815. Ч. 24. № 33. С. 26.
29. Руссов С.В. Библиографический каталог российским писательницам. СПб.: типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1826. 46 с.
30. Свиясов Е.В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII–начала XIX веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 400 с.
31. Степанов А.П. А.П. Буниной на отъезд в Англию // Сын отечества. 1815. Ч. 23. № 32. С. 245.
32. Хвостов Д.И. Эпитафия А.П. Буниной // Дамский журнал. 1830. Ч. 29. № 4. С. 59.
33. Шаликов П.И. К Анне Петровне Буниной, приславшей детям моим в дар ею переведенные Нравственные беседы Блера // Дамский журнал. 1829. Ч. 26. № 18. С. 73.
34. Шаликов П.И. «Ответ приятелю (Требовавшему мнения моего о сочинениях одной из наших стихотвориц, которую называет он Невскою Сафою)» // Вестник Европы. 1820. Ч. 109. № 2. С. 99.

35. Шаликов П.И. Послания в стихах князя П. Шаликова. М.: типография С. Селиванского, 1816. 103 с.
36. Rosslyn W. Anna Bunina (1774–1829) and the Origins of Women's Poetry in Russia. Lewiston–Lampeter: The Edwin Mellen Press. 1997, 359 p.

REFERENCES

1. Amelin M., Nesterenko M. ["The maiden Anna Bunina". Chronicle of life and creativity]. In: Bunina A.P. Neopytnaya muza: Sobranie stikhotvorenii [Inexperienced Muse: a Collection of poems]. Moscow, B.S.G.-Press Publ., 2016. pp. 27–60.
2. Bunin D.M. [A letter to the publisher]. In: Damskii zhurnal [Ladies' magazine], 1830, vol. 32, no. 51–52, pp. 126–127.
3. Bunina A.P. [Agar in the desert]. In: Syn otechestva [Son of the Fatherland], 1817, vol. 40, no. 17, pp. 170–186.
4. Bunina A.P. [To significant others. To N. P.]. In: Damskii zhurnal [Ladies' magazine], 1830, vol. 32, no. 47–48, pp. 88.
5. Bunina A.P. [To G. Derzhavin]. In: Syn otechestva [Son of the Fatherland], 1814, vol. 13, no. 17, pp. 185.
6. Bunina A.P. [Two impromptu]. In: Moskovskii zritel' [Moscow viewer], 1806, vol. I, pp. 40.
7. Bunina A.P. [To the goddess of dreams]. In: Litsei [Lyceum], 1806, vol. IV, no. 3, pp. 18.
8. Bunina A.P. [On the death of the captain of the guards artillery R. Zakharov]. In: Syn otechestva [Son of the Fatherland], 1813, vol. 4, no. 12, pp. 299.
9. Bunina A.P. Neopytnaya muza: Sobranie stikhotvorenii [The inexperienced Muse: a Collection of poems]. Moscow, B.S.G.-Press Publ., 2016. 560 p.
10. Bunina A.P. [Moral and philosophical Discussions on the writings of Dr. Blair]. In: Damskii zhurnal [Ladies' magazine], 1829, vol. 26, no. 19, pp. 95.
11. Bunina A.P. [Excerpts from A. Bunina's Will]. In: Damskii zhurnal [Ladies' magazine], 1831, vol. 33 no. 2, pp. 23–24.
12. Bunina A.P. [Letter from A. Bunina to D. Bunin]. In: Damskii zhurnal [Ladies' magazine], 1831, vol. 33, no. 1, pp. 13–15.
13. Bunina A.P. [Calling Malvina from Brighton to Bath, or from the seashore to a country house]. In: Syn otechestva [Son of the Fatherland], 1816, vol. 30, no. 20, pp. 9–14.
14. Bunina A.P. [The salvation of the unfortunate family]. In: Syn otechestva [Son of the Fatherland], 1813, vol. 3, no. 2, pp. 88–93.
15. Bunina A.P. ["So! There're not you!.. And the one that shone...". In the event of the death of N. Khlebnikov]. In: Moskovskii zritel' [Moscow viewer], 1806, vol. III, pp. 35.
16. Grech N.I. Uchebnaya kniga rossiiskoi slovesnosti ili Izbrannyya mesta iz ruskikh sochinenii i perevodov v stikhakh i proze: v 4 ch. Ch. 3 [Textbook of the Russian literature or Selected places from Russian works and translations in verse and prose: 4 volumes. Vol. 3]. St. Petersburg, 1820. 363 p.
17. Grech N.I. Uchebnaya kniga rossiiskoi slovesnosti ili Izbrannyya mesta iz ruskikh sochinenii i perevodov v stikhakh i proze: v 4 ch. Ch. 4 [Textbook of Russian literature or Selected places from Russian works and translations in verse and prose: 4 volumes. Vol. 4]. St. Petersburg, 1822. 663 p.
18. Grech N.I. Uchebnaya kniga russkoi slovesnosti ili Izbrannyye mesta iz russkikh sochinenii i perevodov v stikhakh i proze: 2-e izd., ispr. v 4 ch. Ch. 3 [Textbook of the Russian literature or Selected places from Russian works and translations in verse and prose: in 4 volumes. Vol. 3]. St. Petersburg, 1830. 327 p.

19. Grech N.I. Uchebnaya kniga russkoi slovesnosti ili Izbrannye mesta iz russkikh sochinenii i perevodov v stikhakh i proze: 2-e izd., ispr. v 4 ch. Ch. 4 [Textbook of the Russian literature or Selected places from Russian works and translations in verse and prose: in 4 volumes. Vol. 4]. St. Petersburg, 1830. 282 p.
20. Grech N.I. Uchebnaya kniga russkoi slovesnosti ili Izbrannye mesta iz russkikh pisatelei v proze i stikhakh: 3-e izd., ispr. i popoln. v 4 ch. Ch. 4 [Textbook of the Russian literature or Selected places from Russian works and translations in verse and prose: in 4 volumes. Vol. 4]. St. Petersburg, 1844. 387 p.
21. Grot K.Ya. Poetessa Anna Petrovna Bunina [Poetess Anna Bunina]. Available at: http://www.ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm. (accessed: 13.03.2018).
22. Zhikharev S.P. Zapiski sovremennika. Dnevnik chinovnika. Vospominaniya starogo teatrala: v 2 t. T. 1 [Notes of a contemporary. Diary of an official. Memories of the old theatergoer: in 2 vol. Vol. 1]. Leningrad, Iskustvo Publ., 1989. 311 p.
23. Kyukhel'beker V.K. ["Collection of poems by Anna Bunina" (St. Petersburg, 1819)]. In: Syn otechestva [Son of the Fatherland], 1820, vol. 61, no. 26, pp. 166–174.
24. Kyukhel'beker V.K. [The analysis of von der-Brog's translations of Russian poems]. In: Syn otechestva [Son of the Fatherland], 1825, vol. 103, no. 17, pp. 68–71.
25. Makarov M.N. [Anna Bunina]. In: Damskii zhurnal [Ladies' magazine], 1831, vol. 33, no. 9, pp. 129–137.
26. Mordovtsev D.L. Russkie zhenshchiny novogo vremeni. Biograficheskie ocherki iz russkoi istorii: Zhenshchiny XIX veka [Russian women of the new time. Biographical sketches from the Russian history: women of nineteenth century]. St. Petersburg: tipografiya O.I. Baksta Publ., 1874. 323 p.
27. Nesterenko M. [The lessons of "the Inexperienced Muse"]. In: Bunina A.P. Neopytnaya muza: Sbranie stikhotvorenii [Inexperienced Muse: a Collection of poems]. Moscow, B.S.G.-Press Publ., 2016. pp. 11–26.
28. Puchkova E.N. [Dear traveler, A. Bunina, on her departure to England]. In: Syn otechestva [Son of the Fatherland], 1815, vol. 24, no. 33, pp. 26.
29. Russov S.V. Bibliograficheskii katalog rossiiskim pisatel'nitsam [Bibliographic catalogue of Russian writers]. St. Petersburg, tipografiya Meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1826. 46 p.
30. Sviyasov E.V. Safo i russkaya lyubovnaya poeziya XVIII–nachala XIX vekov [Sappho and love Russian poetry of the 18th – early 19th centuries]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 400 p.
31. Stepanov A.P. [To A. Bunina, on her departure to England]. In: Syn otechestva [Son of the Fatherland], 1815, vol. 23, no. 32, pp. 245.
32. Khvostov D.I. [Epitaph of A. Bunina]. In: Damskii zhurnal [Ladies' magazine], 1830, vol. 29, no. 4, pp. 59.
33. Shalikov P.I. [To Anna Bunina, who sent my children her translation of Moral conversations by Blair as a gift]. In: Damskii zhurnal [Ladies' magazine], 1829, vol. 26, no. 18, pp. 73.
34. Shalikov P.I. ["Reply to a friend (Demanding my opinion about the writings of one of our poetess, whom he calls Nevskaya Sappho)"]. In: Vestnik Evropy [Herald of Europe], 1820, vol. 109, no. 2, pp. 99.
35. Shalikov P.I. Poslaniya v stikhakh knyazya P. Shalikova [Epistles in the poems of Prince P. Shalikov]. Moscow: tipografiya S. Selivanskago Publ., 1816. 103 p.
36. Rosslyn W. Anna Bunina (1774–1829) and the Origins of Women's Poetry in Russia. Lewiston–Lampeter, The Edwin Mellen Press Publ., 1997. 359 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пуряева Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: nadia_np@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezda N. Puryaeva – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of the Russian language for foreign students, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: nadia_np@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пуряева Н.Н. А.П. Бунина на страницах «Дамского журнала» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 220–229.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-220-229

FOR CITATION

Puryaeva N.N. Anna Bunina in “Ladies’ Magazine”. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 220–229.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-220-229

УДК 821.111

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-230-240

ФУНКЦИИ ОБРАЗА ЗЕРКАЛА: К ПРОБЛЕМЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ГЕРОЕВ В РОМАНАХ А. КАРТЕР

Семенец А.В.*Литературный институт имени А.М. Горького**123104, г. Москва, ул. Тверской бульвар, д. 25, Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение функций образа зеркала в романах А. Картер с обращением особого внимания на его роль в процессе самоидентификации героев произведений. В ходе исследования были проанализированы как общие теоретические наработки, связанные с проблемой семантики образа зеркала в художественных произведениях, так и отдельные заключения по данному вопросу, базирующиеся на материале творчества А. Картер. Для наиболее полного изучения данной проблемы была привлечена концепция Ж. Лакана о «стадии зеркала». Отмечено, что учёные указывают на взаимосвязь образа зеркала с процессами самоидентификации. В статье выделены положительные и негативные моменты в налаживании связей между протагонистами романов и их зеркальными отражениями. Автору удалось по-новому посмотреть на проблему семантики зеркала в контексте самоидентификации героев произведений, рассмотрев гендерный аспект репрезентативных практик в романах А. Картер. Статья адресована специалистам-филологам широкого профиля.

Ключевые слова: самоидентификация, образ-символ, стадия зеркала, феминизм, А. Картер, двойник.

FUNCTIONS OF THE MIRROR IMAGE: TO THE SELF-IDENTIFICATION PROBLEM OF THE CHARACTERS IN A. CARTER'S NOVELS

A. Semenets*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing**25, Tverskoy Boulvar, Moscow, 123104, Russian Federation*

Abstract. The objective of the article is to examine functions of the mirror image in A. Carter's novels, paying particular attention to its role in the self-identification process of the characters in her works. In the course of the study, both general theoretical advances related to the semantic problem of the mirror image in literary works and separate conclusions on this issue that based on A. Carter's creativity were analyzed. J. Lacan's concept of "mirror stage" was put into use for a more comprehensive study. It is noted that scientists point to the relationship between the mirror image with self-identification processes. Positive and negative aspects in establishing links between the protagonists of the novels and their mirror reflections were highlighted in this article. The author managed to cast a new light on the problem of the semantics of the mirror in its connection with self-identification problem of the characters in writer's works by

considering the gender aspect of the representative practices in A. Carter's novels. The article is addressed to philologists.

Key words: self-identification, image-symbol, mirror stage, feminism, A. Carter, twin.

Образ зеркала уже долгое время вызывает острый исследовательский интерес. Поэтому кажется закономерным, что проблема семантики зеркала достаточно хорошо разработана, в частности, к данному вопросу обращались такие известные учёные как М.М. Бахтин, Ж. Лакан, Ю.М. Лотман, Ю. И. Левин, А.Ф. Лосев, У. Эко, М. Фуко, А.З. Вулис. Особый интерес представляет трактовка зеркального образа М.М. Бахтиным, которая достаточно ёмка, однако наиболее показательны рассуждения учёного о видении себя как «другого» посредством зеркального образа. В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» М.М. Бахтин указывает, что «мы остаёмся в себе самих и видим только своё отражение, которое не может стать непосредственным моментом нашего видения и переживания мира ... зеркало может дать лишь материал для самообъективации, и притом даже не в чистом виде» [1, с. 112].

Стоит также отметить известный сборник работ учёных московско-тартуской семиотической школы «Зеркало. Семиотика зеркальности», в котором данный предмет также определяется как значимый «инструмент индивидуального самоотождествления» [4, с. 3]. Однако авторы рассматривают зеркало не только в контексте самоидентификации, но и через призму семиотики культуры. Вообще же, в сборнике обозначен достаточно широкий круг значений, которые может приобретать указанный предмет в художественном тексте.

Можно прийти к выводу, что при исследовании функций зеркала в литературном произведении учёные почти всегда указывали на его роль в процессе личностной самоидентификации. Они акцентировали внимание на взаимосвязи зеркального образа как с объективацией себя через «другого», некоего постороннего, так и с формированием двойственности, постижением себя через различие и тождество.

Особенности функционирования образа зеркала в произведениях А. Картер изучали зарубежные филологи, обращая внимание на его символичность (С. Димовиц, Э. Филимон, Д. Кавалларо). Также достаточно полно определила смысловую нагрузку образа зеркала В. Егорова на материале романа А. Картер «Страсть новой Евы». В своей статье исследовательница опиралась на работы Ю. Лотмана и Ю. Левина и рассматривала зеркало в трёх контекстах: 1) как материальный объект; 2) как средство реализации двойничества; 3) зеркальность на уровне композиции. При этом В. Егорова также указывала на роль зеркала в самопознании и самоутверждении [3].

Поэтому кажется целесообразным обратить внимание на роль зеркала в процессе самоидентификации героев произведений А. Картер. Особенно показательным его значение в становлении женской субъективности, на которое указывал Ж. Лакан, предложивший концепцию «стадии зеркала», в дальнейшем нашедшую широкий отклик, как в теориях психоанализа, так

и в поле феминистских дискуссий. Исследователь С. Димовитц акцентирует внимание на том значении, которое А. Картер придавала образу зеркала в своих произведениях и чаще всего именно в контексте теорий Жака Лакана: «Я должен сказать пару слов о получившей широкую популярность концепции стадии зеркала, которую он (Ж. Лакан) достаточно полно изложил в работе “Стадия зеркала и её роль в формировании функции Я”, поскольку её влияние распространилось почти на все произведения А. Картер» [13, с. 86]. Исследовательница Г. Альбан также отмечает, что «творчество А. Картер пронизано повышенным интересом к идеям Лакана касательно “стадии зеркала”» [8, с. 25].

Известный французский психоаналитик рассматривал данную стадию как «некую идентификацию во всей полноте смысла, придаваемого этому термину анализом, а именно, как трансформацию, происходящую с субъектом, когда он берёт на себя некий образ» [7]. При этом одной из её важных функций становится утверждение индивида в реальности. И кажется, что данную стадию можно охарактеризовать как состоящую из нескольких этапов. Начиная с возраста шести месяцев, ребёнок уже замечает своё отражение в зеркале, реагирует на него и постепенно отождествляет себя с ним. Однако вследствие недостаточно развитой моторной координации, у индивида складывается ощущение некоторой фрагментированности своего тела. Но на начальном этапе такой возникший дискомфорт можно компенсировать зеркальным отражением, предлагающим целостный образ собственного тела, который можно ис-

пользовать как некий корсет, форму для становления будущей идентичности.

Так, в детском возрасте зеркало сначала становится опорой, фиксирующей целостность Я-образа ребёнка. Однако в дальнейшем развиваясь, индивид внутренне опережает развитие своего внешнего зеркального образа, поэтому происходит постоянный конфликт между раздробленностью и целостностью, который приводит к нестабильности личности и к отчуждению идентичности. Ж. Лакан в своей работе «Стадия зеркала и её роль в формировании функции Я» указывает, что «стадия зеркала есть драма, внутренний посыл которой стремительно развивается от недостаточности к опережению» [7]. Также одной из важных особенностей «стадии зеркала» является индивидуальное понимание того, что данный визуальный образ санкционируется кем-то извне. Как отмечает автор книги «Теория литературы: Комплексный гид» М. Кледжс, «зеркальное имаго одновременно меньше и устойчивей, чем сам ребёнок, и оно всегда “другое” по отношению к нему – нечто по ту сторону» [15, с. 55].

А. Картер достаточно много внимания уделяла образу зеркала как источнику разного рода значений. Исследовательница Н.В. Водолажченко отмечает, что «английские писатели традиционно проявляют интерес к зеркалу, копирующему реальную жизнь» [2, с. 45]. В первую очередь следует остановиться на положительных функциях данного предмета в процессе самоидентификации, которые можно выявить на материале текстов А. Картер. Согласно Ж. Лакану «ста-

дия зеркала» изначально закрепляет идентичность [7]. С того момента, как ребёнок начинает видеть своё отражение и старается соотнести себя с ним, индивид также начинает воспринимать себя как отдельное от родителей существо.

Роман А. Картер «Волшебный магазин игрушек» знакомит читателей с главной героиней Мелани, которая, в свою очередь, находится в процессе самопознания. Сцена разглядывания себя в зеркале, разыгрывающаяся на первых же страницах произведения, кажется наиболее показательной. Можно предположить, что она характеризует процесс женской идентификации в целом. «Летом ей было пятнадцать лет, Мелани обнаружила, что она сделана из плоти и крови. О, моя Америка, моя новая открытая земля. ... Часами она смотрела на себя обнажённую в зеркало на своём платяном шкафу» [9, с. 1]. В данном акте исследования себя, кажется, во всей полноте можно распознать эффект «стадии зеркала» как закрепление своей идентичности посредством внешнего образа.

Кроме того, именно зеркало становится тем предметом, при помощи которого можно не только создать визуальный образ себя, но и постоянно его поддерживать. Такую роль зеркала можно проследить на примере главной героини романа «Любовь» Аннабель, которая разучивала свой образ и даже репетировала улыбки. Её муж жаловался: «Иногда я застаю её врасплох у зеркала – она репетирует улыбки» [5, с. 63]. Данную сцену можно рассмотреть в трёх аспектах: зеркало играет положительную роль в идентификации главной героини, она боится поте-

рять своё привычное отражение, при помощи которого стремится утвердить целостность своего Я, этим можно объяснить и столь частое наблюдение за собой; с другой стороны, здесь прослеживается эффект некой карнавализации, где женственность определяется через понятие маскарада, что созвучно концепциям Ж. Лакана, но в обоих этих случаях зеркальный образ фиксируется как двойник, позволяющий посмотреть на себя со стороны.

Также утрата возможности видеть своё зеркальное отражение может стать фундаментом личностной нестабильности, если индивид изначально испытывает некоторый душевный кризис. Можно заметить, что Мелани страдает от того, что в доме дяди Филиппа, в котором ей предстоит жить после смерти родителей, нет зеркал. Сам же акт утраты либо повреждения данного предмета также символизирует наступление кризиса в жизни героев. Девушка после смерти своих родителей разбила зеркало в своей комнате, условно совершив некое самоуничтожение: «она до сих пор хотела видеть своё зеркало и комнату, в нём отражённую, но чтобы она (Мелани) исчезла» [9, с. 25]. Главная героиня будто совершила символический суицид. Находясь в состоянии душевного кризиса, Мелани испытывает проблемы с самоидентификацией, девушке кажется, что она потеряла себя. Особенно это чувство усиливается в доме дяди Филиппа. Главная героиня ощущала дискомфорт, «была охвачена паникой, что она так долго не видела своего лица. “Я до сих пор выгляжу также? О, Боже, смогу ли я ещё узнать себя?”» [9, с. 103]. Можно прийти к выводу, что отсутствие зеркал, как и их

чрезмерное присутствие, указывает на проблемы в самоидентификации.

Аннабель также беспокоилась о том, чтобы наладить связь со своим привычным зеркальным образом, боясь, что, утратив его, она потеряет и часть себя. «Когда ей было тринадцать, она целый год умудрялась не смотреться в зеркало, боясь увидеть там совершенно чужое лицо» [5, с. 112]. То есть отражательная поверхность помогает героиням романов засвидетельствовать свою реальность в мире, а чрезмерное количество зеркал порождает систему власти, которая навязывает человеку множество внешних образов, способных детерминировать его идентичность.

Также на примере романов А. Картер можно проследить и негативное влияние зеркального образа на процесс самоидентификации. Ж. Лакан отмечал, что «стадия зеркала» для «субъекта, пойманного на наживку пространственной идентификации, измышляет фантазмы, постепенно переходящие от раздробленного образа тела к форме, каковую мы назовём ортопедической, его целостности» [7]. Данный процесс характеризуется тем, что индивид, принимая своё отражение, частично идентифицирует себя с ним. Зеркальный образ переходит в имago, навязываемое индивиду снаружи, а с его принятием уменьшается самосознание личности, потому что в данной ситуации становится невозможным индивидуальный выбор.

Отражения как нечто чужеродное, даже фатальное, изображаются при описании клоунов в романе «Ночи в цирке». Грик и Грок, привыкшие выступать в паре, рассказывают Уолсеру о том ужасе, который они переживают,

постоянно меняя свои лица посредством макияжа и разглядывая себя в зеркале: «Лица, ждущие в зеркалах неизвестных гримерок, невидимые в глубине стекла, как ... рыба-людоед, готовая проглотить твою сущность, дав взамен другую» [6, с. 195]. В данной реплике очень хорошо прослеживается позиция А. Картер в отношении зеркала как предмета, символически связанного с процессом самоидентификации. Клоун озвучивает, что зеркало способно дать индивиду лицо, предложить ему внешний образ, тем самым стабилизировать процесс идентификации. С другой стороны, за это оно отнимает у индивида часть его сущности, его личности.

Если рассматривать феминистский подтекст образа зеркала в романах А. Картер, то оно служит неким воплощением объективизирующего мужского взгляда, закрепляет механизмы патриархального господства. Исследовательница Д. Кавалларо также ассоциирует зеркало с мужским виденьем, средством «маргинализации женщин внутри патриархальной системы» [12, с. 185]. А. Картер достаточно большое внимание уделяет данному аспекту. Она раскрывает силу мужского видения, которая отчасти может детерминировать женскую идентичность, на примерах образов актрис. Показательно, что героинями романов английской писательницы становятся девушки, связавшие свою жизнь с этой творческой профессией, стремящиеся извлечь материальную выгоду из своего соответствия гендерным и другим социальным стереотипам. При описании спектра тождеств и предлагаемых ролей, детерминированных зеркальными отображениями, писа-

тельница также анализирует методы, при помощи которых общество внедряет стереотипные представления о феминном.

Образ зеркала иногда функционирует в текстах А. Картер по таким же принципам, как и мужской взгляд, превращающий женщин в пассивные объекты мужского желания, в жертв разрушительной силы, скрывающейся в глазах неумолимых наблюдателей. Чужой взгляд, таким образом, трансформирует индивида и его идентичность из самостоятельного субъекта в объект своего воздействия.

В произведениях А. Картер героини изначально показаны как объекты наблюдения, мужчины же выступают в качестве наблюдателей. Однако в последующем протагонистки романов чаще всего начинают борьбу против такого установившегося порядка. Мелани, героиня романа «Волшебный магазин игрушек», испытывает ужас, когда видит дыру в стене, которую её кузен Финн сделал, чтобы иметь возможность следить за ней из своей прилегающей комнаты. Девушка осознаёт, что она совершенно не защищена от подглядывания. «Так, она (Мелани) не только сама наблюдает за миром, но и является объектом наблюдения, даже когда думает, что находится наедине с собой» [9, с. 109]. Героиня в данной ситуации осознает себя пассивным объектом, беззащитной жертвой патриархального господства.

Интересно, что А. Картер в своих произведениях иногда наделяет сами глаза функциями зеркала, его способностью создавать визуальные копии. При этом отражение протагонисток романа в глазах отрицательных героев становится пугающим, символизирует

их зависимость от тираничного владельца данного взгляда. Когда Мелани видит, как она отражается в глазах своего кузена, она предчувствует своё мрачное будущее. При этом главная героиня романа «Волшебный магазин игрушек» сравнивает свою судьбу с судьбами всех женщин, воспринимая пример жертвенности тёти Маргарет как показательный. Для девушки важно видеть себя в зеркале, а не отражённой в глазах дяди Филиппа, чтобы самой созерцать и формировать свой образ. Отражённая же только чужим взглядом, главная героиня детерминирована им, перестаёт существовать в своей индивидуальности. А. Картер обрисовывает интересную ситуацию, когда человек выбирает своё зеркальное отражение, потому что отражающая поверхность более объективна, чем чужой взгляд, наделённый подавляющей силой.

Зеркальный образ также можно рассматривать как каркас, некую чёткую форму для поддержания целостности своего «Я», но иногда такое единство, обусловленное сдерживающими факторами или же воспринимаемыми как таковые, перерастает во внутреннюю несвободу. Как указывал Ж. Лакан, «целокупная форма тела ... ему (субъекту) является со статуарной рельефностью, которая ее выкристаллизует, и в симметрии, которая её инвертирует, в противовес к завихрению движений, его, как он ощущает, оживляющих. Таким образом, этот гештальт ... ещё чреват соответствиями, которые соединяют я со статуей, на которую человек проецирует себя, как и с призраками, его подавляющими, с автоматом, наконец, в котором в двойственном отношении

стремится завершиться мир его изготовления» [7].

Можно предположить, что модификациями зеркального отражения могут быть и другие предметы, связанные с визуализацией внешнего образа индивида: фотографии, портреты, статуи, куклы и т. д. Стоит обратить внимание, что в романах А. Картер довольно часто содержатся отсылки к данным предметам. Достаточно вспомнить фотографа Базза из романа «Любовь», который, казалось, познавал мир только через объектив, при этом чаще всего он старался запечатлеть образы людей, к которым был привязан. «Он проявлял и печатал снимки в своей задней комнате и увешал ими все стены. ... Он без счёта фотографировал Ли и Аннабель, и от такого вуайеризма ему становилось легче» [5, с. 39–40]. Кажется, что герою достаточно важно запечатлеть на фотоснимках людей, которые ему дороги, тем самым получив к ним, как ему кажется, некий доступ и возможность влияния.

Одной из модификаций зеркального образа в произведениях А. Картер можно считать изображение марионетки как некоего визуально застывшего объекта, символа угнетаемой женщины. При этом следует вспомнить и упоминание автором образа человека-статуи в романе «Ночи в цирке», когда главная героиня Феверс изображала крылатую Нику, статую, приводившую в восторг посетителей заведения матушки Нельсон. Образ марионетки в контексте властных практик, применяемых по отношению к женщинам, наиболее ярко представлен в романе «Волшебный магазин игрушек».

Множество готовых и ещё незавершённых кукол – это не столько игрушки, с которыми любят играть дети, это зеркальные отображения людей, попавших под воздействие своевольного дядюшки Филиппа. Ему приятна эта власть над игрушками, он стремится в полном объёме перенести её и на людей. Кажется, что идентичность остальных персонажей, особенно женщин, формируется под влиянием его установок, а сами их личности подавляются авторитетом тираничного мужчины.

Образ куклы как угнетённой женщины, застывшей в своём пассивном бездействии, ненадолго появляется и в романе «Ночи в цирке», при этом его можно рассматривать как расширивший своё влияние зеркальный образ. Приглашённая в гости к Великому князю, Феверс рассматривала его коллекцию необычных экспонатов. В одной из галерей главная героиня пришла в ужас от того, что увидела странные фигуры в виде яиц с необычным наполнением внутри. Экспонаты данной коллекции содержали в себе уменьшенную копию птиц, деревьев, живых существ, которые на самом деле были заводными миниатюрными игрушками.

Великий князь, казалось, сам предлагал девушке подчиниться и стать чем-то похожим на один из шедевров его коллекции. Он специально показывал ей необычные яйца, внутри которых либо оставалось место для воздушной гимнастики, либо там находились крылатые существа, символизировавшие необычную девушку. Вот содержание одного из экспонатов: «внутри яичка обнаруживается микроскопическая рамка, украшенная

бриллиантовыми песчинками, обрамляющая миниатюрное изображение самой воздушной гимнастки, расправившей крылья, как на трапеции, с жёлтыми волосами и голубыми глазами, как у оригинала» [6, с. 310]. Кажется, что все представленные творения намекают на возможное заточение и угнетение Феверс.

Ещё одним аспектом рассмотрения символического наполнения образа зеркала может стать такое его свойство как способность не только давать индивиду единство либо надежду на него, но и быть постоянной угрозой его личностной децентрализации. В контексте «стадии зеркала» выделяется концепт фрагментированного тела, который во всей полноте реализуется А. Картер в романе «Страсть новой Евы». Так, исследователь С. Димовитц ассоциирует зеркало с неким гермафродитом, видимо делая акцент на телесной фрагментации, на которой индивид может зафиксировать внимание ещё на «стадии зеркала». Литературовед замечает, что «для А. Картер мнимое единство на стадии зеркала с последующей фрагментацией, выстроенной в символическом порядке, всегда подразумевает некий солипсизм» [13, с. 87].

В данном контексте показательна сцена с зеркалом в романе «Страсть новой Евы», когда главная героиня, прошедшая процесс гендерной трансформации из Эвелина в Еву, исследует пещеры в поиске места, в котором она бы смогла возродиться. Но единственным предметом, который она там находит, становится зеркало, которое «настолько потрескалось, что ничего не отражало, оно было просто кучей осколков, в которых я не могла увидеть себя» [10, с. 142]. Исследовательница

Э. Филимон отмечает, что в данной ситуации разбитое зеркало «обозначает символическое возвращение к фазе, предшествовавшей самоосознанию, что указывает на то, что она (Ева) теряет изначальное представление о том, как быть мужчиной» [14, с. 73]. Можно заключить, что лишённая своих свойств отражательная поверхность становится символом кризиса идентичности, проблем самоидентификации. Однако разбитое зеркало указывает здесь и на фрагментацию личности Евы. Это кажется достаточно интересным художественным ходом писательницы, потому как из осколков личности Эвелина Ева может сформировать своё уникальное «Я».

Стоит напомнить о ставшей уже классической взаимосвязи зеркала с порождением разного рода дуальностей. На эту его особенность обращало внимание большинство учёных (М. Бахтин, А. Вулис, Ю. Левин). Ж. Лакан указывал, что «зеркальный образ является, кажется, порогом видимого мира, мы замечаем роль зеркального аппарата в появлении дубля» [7]. Тема двойственности и двойников достаточно полно раскрыта в романе «Мудрые дети», в котором главные героини – сёстры-близнецы. При этом девушки постоянно находятся в состоянии внутреннего конфликта: с одной стороны, они хотят подчеркнуть свою похожесть, чтобы создать коммерчески успешный дуэт, с другой стороны, они стремятся найти и выделить свою внутреннюю индивидуальность [11].

Показательно и то, как Грик и Грок, клоуны из романа «Ночи в цирке» накладывают на себя макияж, чтобы «их грим был зеркальным, повторяющим друг друга до мелочей, разве что

у Грика было лицо левши, а у Грока – правши» [6, с. 195]. Здесь можно проследить эффект зеркала как удвоения, которое нагнетает эффект кризиса идентичности героев. Если в «Мудрых детях» близнецы стремятся утвердить свои отличия друг от друга, тем самым укрепив свою индивидуальность, то здесь происходит обратный процесс. Интересно то, что в данном случае именно зеркальное отражение детерминирует идентичность, заполняя внутреннюю пустоту из-за отсутствия сформированной личности.

Можно прийти к выводу, что образ зеркала достаточно часто встречается в романах А. Картер и несёт сложную смысловую нагрузку. При этом писательница преимущественно задействует данный предмет как имеющий непосредственное отношение к самоидентификации главных героев произведения. Как символический образ зеркало связано с внутренним состоянием протагонистов романов, с их попытками найти и утвердить себя в мире. Для более детального изучения функций данного образа в контексте проблемы самоидентификации была задействована концепция Ж. Лакана о «стадии зеркала». Такой подход позволил выявить положительные и отрицательные моменты в налаживании героями произведений связей со своим зеркальным образом.

К положительным моментам можно отнести стремление героев утвердить свою идентичность посредством отражения, где оно выступает неким доказательством их существования как отдельной личности в объективном мире. Такое значение зеркало отчасти приобретает для женских персонажей А. Картер: для Мелани, Аннабель, Лей-

лы. Но стоит уточнить, что девушки обращаются к данному методу самопознания и самоутверждения лишь в наиболее кризисные моменты.

Негативной стороной воздействия зеркала на героев произведений А. Картер можно считать его способность порождать фантазмы, некую застывшую «ортопедическую» целостность, которая приводит к проблемам с самоосознанием и даже к отчуждению идентичности. Наиболее отчётливо такой эффект воздействия зеркала можно проследить на примере клоунов Грика и Грока, личность которых, кажется, полностью стала подчинённой внешним, сценическим образам. Также были рассмотрены и предметы, связанные с визуализацией и представляющие собой разные модификации зеркального отражения, на примере фотографий, статуй и марионеток. Можно проследить, что образ женщины-куклы стал одним из основополагающих в романе «Волшебный магазин игрушек», который, в свою очередь, имел выраженный феминистский подтекст, направленный против угнетения женщин.

А. Картер уделяла большое внимание гендерной проблематике и концепции телесности. Поэтому «стадия зеркала» рассматривалась во взаимосвязи с фрагментацией тела и отчуждением идентичности. Примером такой личностной нестабильности стал образ Эвелина/Евы из романа «Страсть новой Евы». А примером реализации эффекта зеркальной дуальности можно считать клоунов Грика и Грока. Хотя тема двойничества, удвоения, часто связываемая с мотивом зеркала, находит своё наиболее полное выражение в романе «Мудрые дети».

В завершении можно отметить, что образ зеркала остаётся одним из самых неоднозначных. Играя то положительную, то отрицательную роль в процессе самоидентификации героев, он сам откликается на внутренние

потребности протагонистов романа и в кризисные моменты даже стремится оказать им помощь.

Статья поступила в редакцию 18.10.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Том 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. 958 с.
2. Водолаженко Н.В. Зеркальный концепт в сборнике готических новелл Дж. Ш. Ле Фаню «В зеркале отуманенном» // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2015. № 4 (87). Ч. 1. С. 44–48.
3. Егорова В. Семиотика зеркала в романе Анджелы Картер «Страсть новой Евы» // Актуальные проблемы исследования англоязычных литератур: международный сборник научных статей. Вып. 7. Классики и современники / отв. ред. А.М. Бутырчик. Минск, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bsu.by/Cache/pdf/313023.pdf> (дата обращения: 11.09.2018).
4. Зеркало. Семиотика зеркальности / под ред. З.Г. Минц. Тарту: Тартуский государственный университет, 1988. 165 с.
5. Картер А. Любовь. М.: Эксмо, 2002. 176 с.
6. Картер А. Ночи в цирке. СПб.: Амфора, 2004. 479 с.
7. Лакан Ж. Стадия зеркала // Электронная Библиотека Гумер. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/lakan/st_zerk.php (дата обращения: 07.09.2018).
8. Alban G. Medusa Gaze in Contemporary Women's Fiction: Petrifying, Maternal and Redemptive. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2017. 299 p.
9. Carter A. The Magic Toyshop. New York: Penguin Group, 1996. 208 p.
10. Carter A. The Passion of New Eve. London: Gollancz, 1977. 191 p.
11. Carter A. Wise Children. London: Vintage, 1992. 234 p.
12. Cavallaro D. The World of Angela Carter: A Critical Investigation. Jefferson: McFarland & Co, 2001. 208 p.
13. Dimovitz S.A. Angela Carter: Surrealist, Psychologist, Moral Pornographer. London – New York: Routledge, 2016. 212 p.
14. Filimon E.C. Heterotopia in Angela Carter's Fiction: Worlds in Collision. Hamburg: Anchor Academic Publishing, 2014. 332 p.
15. Klages M. Literary Theory: The Complete Guide. London, New York: Bloomsbury, 2017. 288 p.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. Sbranie sochinenii v 7-mi tomakh. Tom 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov [Collected works in 7 volumes. Vol. 1. Philosophical aesthetics of 1920s years]. Moscow, Russkie slovari Publ., Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 958 p.
2. Vodolazhchenko N.V. [The mirror concept in the collection of gothic novellas by J.Sh. Le Fanu "In a glass darkly"]. In: Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo [Vestnik of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University], 2015, no. 4 (87), Part 1, pp. 44–48.
3. Egorova V. [Semiotics of mirrors in the novel "The Passion of new Eve" by Angela Carter]. In: Butyrchik A.M., chief ed. Aktual'nye problemy issledovaniya angloyazychnykh literatur: mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh statei. Vyp. 7. Klassiki i sovremenniki [Actual

- problems of the study of English literature: the international collection of scientific articles. Iss. 7. Classics and contemporaries]. Minsk, 2008. Available at: <https://www.bsu.by/Cache/pdf/313023.pdf> (accessed: 11.09.2018).
4. Mints Z.G., ed. Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti [Mirror. The semiotics of mirror reflection]. Tartu, Tartu State University Publ., 1988. 165 p.
 5. Karter A. Lyubov' [Love]. Moscow, Eksmo Publ., 2002. 176 p.
 6. Karter A. Nochi v tsirke [Nights at the circus]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2004. 479 p.
 7. Lacan J. [Mirror stage]. In: Elektronnaya Biblioteka Gumer [Electronic library Gumer.]. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/lacan/st_zerk.php (accessed: 07.09.2018).
 8. Alban G. Medusa Gaze in Contemporary Women's Fiction: Petrifying, Maternal and Redemptive. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2017. 299 p.
 9. Carter A. The Magic Toyshop. New York, Penguin Group Publ., 1996. 208 p.
 10. Carter A. The Passion of New Eve. London, Gollancz Publ., 1977. 191 p.
 11. Carter A. Wise Children. London, Vintage Publ., 1992. 234 p.
 12. Cavallaro D. The World of Angela Carter: A Critical Investigation. Jefferson, McFarland & Co Publ., 2001. 208 p.
 13. Dimovitz S.A. Angela Carter: Surrealist, Psychologist, Moral Pornographer. London, New York, Routledge Publ., 2016. 212 p.
 14. Filimon E.C. Heterotopia in Angela Carter's Fiction: Worlds in Collision. Hamburg, Anchor Academic Publishing, 2014. 332 p.
 15. Klages M. Literary Theory: The Complete Guide. London, New York, Bloomsbury Publ., 2017. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенец Антонина Валерьевна – аспирант кафедры зарубежной литературы Литературного института имени А.М. Горького;
e-mail: tonjjas@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Antonina V. Semenets – postgraduate student of the Department of Foreign Literature, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing;
e-mail: tonjjas@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семенец А.В. Функции образа зеркала: к проблеме самоидентификации героев в романах А. Картер// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 230–240.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-230-240

FOR CITATION

Semenets A.V. Functions of the mirror image: to the self-identification problem of the characters in A. Carter's novels. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 230–240.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-230-240

УДК 821.111

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-241-247

БОРЬБА ЧЕЛОВЕКА СО СВОЕЙ СУДЬБОЙ В ДРАМЕ Ю. О'НИЛА «ВСЕ БОЖЬИ ДЕТИ ИМЕЮТ КРЫЛЬЯ» (1924)

Сохряков Ю.И.*Московский государственный областной университет**141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. В статье на материале драмы Ю. О'Нила «Все Божьи дети имеют крылья» исследуются причины трагического положения человека в обществе. Как проникновенный психолог, О'Нил исследует процесс превращения социальных норм законов во внутренние психологические нормы каждой отдельной личности. Представляется, что проблема расового антагонизма решается драматургом как часть этической проблемы взаимоотношений людей в эгоистическом и хищническом мире. Автором статьи выявляются художественные особенности драмы, отражающие принципы мышления О'Нила и являющиеся отображением его мироощущения. Неторопливое начало представляемых сцен сменяется высоким психологическим накалом, создаваемым при помощи концентрации всех социальных проблем во взаимодействии двух людей, потенциально способных к идеальному союзу любви, который не осуществляется в силу социальных условий.

Ключевые слова: трагизм человеческой жизни, психологические нормы личности, этика, социальная несправедливость, судьба человека.

THE STRUGGLE OF A MAN WITH HIS DESTINY IN E. O'NEILL'S DRAMA “ALL GOD'S CHILLUN GOT WINGS”

Y. Sohryakov*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract. The article studies the causes of the tragic situation of a man in society on the material of O'Neill's "All God's Chillun Got Wings". O'Neill as a shrewd psychologist examines the process of transformation of social norms into the internal psychological norms of each individual. The problem of racial antagonism is solved by the playwright as part of the ethical problem of human relationships in the selfish and predatory world. The author reveals the artistic features of the drama, reflecting the principles of O'Neill's thinking and representing his worldview. The slow beginning of the drama scenes is replaced by a high psychological intensity created by the concentration of all social problems in the interaction of two people capable of love, which is not realized due to social conditions.

Key words: tragedy of human life, psychological norms of personality, ethics, social injustice, human destiny.

Тема трагического положения человека в обществе занимала Ю. О'Нила на протяжении всего его творчества, и лучшие достижения автора влились в богатый поток американской литературы критического реализма. Именно обращение О'Нила к острым актуальным проблемам американской действительности, «к политической, экономической и культурной жизни Америки» [3, с. 23], которые не нашли своего разрешения по сию пору, позволяет сделать вывод об огромном социальном заряде его произведений.

Концепцию судьбы, ставшей в двадцатых годах центральным понятием в эстетике О'Нила, драматург сформулировал в 1924 г., когда произнёс слова о древней теме, которая «была и навсегда останется единственной темой драмы: человек в борьбе с собственной судьбой» [6, с. 206]. О'Нил приходит к осознанию бесперспективности проблемы разрешения абсолютного детерминизма, герои его пьес не столько заняты поисками первопричин зла и несчастий, творящихся вокруг, сколько отчаянным стремлением найти выход, путь к лучшей жизни; судьба в концепции О'Нила связана с «враждебным человеку социальным механизмом» [6, с. 206].

Несмотря на то что идея рока из древнегреческой трагедии не могла оказать определённого влияния на формирование подобной концепции, О'Нил не стремился выразить особое чувство судьбы в современном понимании – в понятии судьбы у драматурга нет ничего мистического, причём он подчёркивал: «Прежде борьба велась богами, теперь человек борется с самим собой, с собственным прошлым в стремлении определить своё место» [5,

с. 115]. Формула О'Нила «судьба человека в самом себе» нашла яркое художественное воплощение в пьесе «Все Божьи дети имеют крылья» (1924), пронизанной неподдельными теплотой и сочувствием к неграм и выражающей идею протеста главного героя против условностей жизни, обрекающих людей на безумие и смерть.

Главный герой пьесы – негритянский юноша Джим Гаррис – один из тысяч угнетённых негров Америки, напряжённо ищет своё место в жизни. Уже в детстве Джим Гаррис ощущает, что значит быть в Америке чернокожим. С горечью говорит он восьмилетней белокурой девочке Элле Доуней, наивно заявляющей о своём желании стать чёрной, что он три раза в день пьёт мел, чтобы его не называли Сажей или Шоколадом. Автор не случайно в начале пьесы обращается к детству героя. Первые сцены картины происходят в Нью-Йорке на перекрёстке двух улиц, на одной стороне которого живут белые, а на другой – чёрные. Атмосфера праздничности, надежды и света пронизывает эту картину: дети, негры и белые, играют вместе. Будучи мастером создания художественных контрастов и звуковых эффектов, О'Нил вносит диссонансом в картину праздника мотив расового различия, подчёркивает импульсивность негров, которые искренне радуются весне, и натянутость и принуждённость смеха белых людей, которым чужда непосредственность, потому что они испорчены капиталистической цивилизацией. Первостепенная важность этой картины в структуре пьесы объясняется тем, что в ней в художественной форме выражена мысль об отсутствии у человека врождён-

ных расистских предрассудков, когда «общенациональное не уступает места общечеловеческому» [7, с. 295], автор показывает, что расовый антагонизм не является неизбежным и не принадлежит к тому комплексу инстинктов, с которыми человек рождается. Такой чистой и светлой жизнь может быть в детстве, и такой она должна быть в идеале – вот подтекст этой сцены пьесы, ключ, который позволит читателю оценить последующие события, разрушающие «мифическую гармонию между чёрными и белыми» [2, с. 24].

Действие второй картины переносит читателя на несколько лет вперёд, когда Джим делает вторую попытку поступить в университет. Университет – это возможность почувствовать себя равным с белыми, средство самоутверждения и избавления от чувства собственной неполноценности, которое появляется у человека, когда ему постоянно внушают мысль о том, что он – существо низшего сорта. Всё, чего добивается Джим, – это уважение к своей личности, которое, по его мнению, он мог бы приобрести, став адвокатом. О’Нил лаконичными средствами создаёт яркую картину угнетённого положения негров. Драматург показывает, как формируется характер героя, его внутренний мир, образ мышления под влиянием непосредственного социального окружения. Чувство неполноценности негра Гарриса не врождённое, ибо в первой картине мальчик не испытывал его, напротив, он обещал защищать Эллу. Но недовольны Джимом и негры. Джо, его чёрный приятель, упрекает Гарриса, что тот забыл своё место и стремится «подделаться» под белых и отречься от своей расы. В мире жестокости и непонимания

Джим выглядит глубоко порядочным, благородным, но бесконечно одиноким человеком. Элла Доуней уже не прежняя наивная девочка, она также приобрела большинство предрассудков, которые бытовали среди взрослых, её окружавших. В образе Эллы О’Нил показывает процесс психологической отчуждённости, когда человек, принимая обычаи мира, конформистски пытается подавить естественные и нормальные человеческие проявления, чтобы только быть таким, как все. На этом фоне чувство бесконечной личной порядочности делает Джима одиноким в атмосфере грубости и эгоизма. В этой связи становится понятной антитеза «белый чёрный Джим», в которую драматург вкладывает мысль о том, что людей надо делить не по цвету кожи, а по их внутренней порядочности и человечности, отсутствие же деления по внешнему виду «встаёт рядом с чувством свободы» [1, с. 115].

О’Нил затрагивает проблему чрезвычайной важности – в своеобразной художественной форме он исследует процесс взаимоотношения индивида и группы. Не случайно многие критики, отмечая реализм пьесы, указывали, что она является художественным исследованием расовых взаимоотношений, сравнивали её с исследованиями в области общественных наук.

Проблема расового антагонизма решается драматургом как часть этической проблемы взаимоотношений людей в мире, основанном на эгоизме и хищничестве. В этом как раз и заключается тот обстоятельный общечеловеческий элемент, который, по мнению А.П. Чехова, должен присутствовать в настоящем художественном произведении. В конце второго

действия перед читателем уже другая Элла – встреча с миром жестокости для неё не прошла бесследно, от её былой гордости и уверенности в себе не осталось и следа. Два несчастных и одиноких человека – Джим Гаррис и Элла Доуней – объединяются для того, чтобы вместе противостоять враждебному миру, в их отношениях подчеркнута важная для обоих духовная глубина и бескорыстие, в основе их отношений лежит не чувство влюблённых, а чувства двух потерявших себя и одиноких людей, для которых жизнь не борьба, но бегство. Церемония их свадьбы проходит под звуки печальной негритянской песни. Взявшись за руки, Элла и Джим шагают сквозь враждебно настроенную толпу: слева в ней стоят белые люди, справа – чёрные. Прямое столкновение двух молодых людей с социальным окружением, которому они бросили вызов, принимает в этой сцене форму напряжённого психологического поединка. Элла не в силах произнести ни одного слова, в голосе Джима – истерика, он говорит жене, что они уедут за океан, в Европу, где «под всякой кожей видят душу». Почти без сил, Джим хриплым голосом зовёт такси, чтобы тотчас прямо из церкви успеть на пароход. Трагизм любви двух молодых людей в том, что они, бросив вызов окружающему обществу, сами не смогли до конца освободиться от законов этого общества, не смогли найти в себе достаточно сил, чтобы быть верными самим себе и своей любви. То, от чего они пытались бежать, герои пьесы унесли с собой.

И здесь читатель находит ответ на вопрос, что же такое судьба в понимании О'Нила. На первый взгляд, может показаться, что главные герои

пьесы преследуемы неким роком. Однако при более внимательном анализе мы ясно видим, как за понятием рока, судьбы скрываются могущественные и враждебные героям социальные обстоятельства. Так, рассказывая о жизни во Франции, Джим говорит о боязни жены даже в глухой французской деревне выходить из дома, вызванной страхом быть встреченной случайными американскими туристами, которые могли оскорбить, унижить её, как это случалось в Америке. В описании этого страха О'Нил достигает клинической точности, подчёркивая, что человек в состоянии психологического одиночества не сохранит надолго те качества, которые и делают его человеком. Как проникновенный психолог О'Нил исследует в драме вопрос кардинальной важности – процесс превращения социальных норм законов во внутренние психологические нормы каждой отдельной личности. Драматург останавливает пристальное внимание на тех исключительно тяжёлых ситуациях, когда личность вместе с комплексом необходимых социальных норм впитывает в себя обветшалые обычаи, предрассудки, господствующие в окружающей среде, которые не выражают глубинных свойств личности и, более того, приводят в столкновение с ней. Именно эту проблему не смогла разрешить Элла Доуней. С одной стороны, она видит в Джиме чуткого, доброго человека, который приходит к ней на помощь всякий раз, когда ей приходится в одиночку переносить удары, полученные от жизни. С другой стороны, она испытывает чувство примитивной расовой ненависти к этому негру, который волей судеб стал её мужем. В этом про-

является «лейтмотивное указание на двуличие героини» [4, с. 25]. Глубокое психологическое расстройство Эллы подчёркивается авторскими ремарками, в которых отмечается и её измождённое лицо, и отрывистые, неровные движения, и горящие глаза, – в подобном состоянии душевного помешательства она не просто употребляет, но сыплет стереотипными фразами, выражающими ходячие в то время представления о негре как о грязном существе, которое необходимо держать в узде для собственной пользы, которое самой природой предназначено служить белым людям.

Для сценического выражения психологического раздвоения личности Эллы О'Нилом был найден оригинальный художественный приём. В одной из сцен драмы происходит диалог героини с негритянской маской, висящий на стене. В бытовом плане маска – религиозный атрибут, произведение прикладного искусства, подарок на свадьбу героев. В художественном аспекте маска – это реальное существо, оживляемое больной психикой Эллы, на маске концентрируется вся ненависть героини к неграм. В финале, пронзая маску ножом, она словно убивает в самой себе всё то отвратительное и злое, что мешало ей жить, весь тот комплекс расистских чувств, который явился причиной трагического конца.

Сложность поставленной О'Нилом проблемы трансформации социального и психологического в полной мере раскрывается в последних картинах драмы. Именно эту проблему решает Джим, когда спорит со своей сестрой, утверждающей, что оскорбительные выражения в адрес негров,

которые изрекает Элла, – это и есть проявление истинной сущности женщины. «Нет, это не она сама!» – говорит Джим. Проблема эта, действительно, сложнейшая, и об этом говорят сами философы. Так, И. Кон замечает: «социальные нормы и потребность согласовывать свои действия с другими настолько прочно укореняются в психике самого индивида, что он даже не сознаёт общественной природы своих поступков и степень своей зависимости от окружающих. Это хорошо иллюстрируют социально-психологические исследования конформизма» [2, с. 62]. Нет сомнений в том, что самочувствие человека неблагоприятно, когда его личное мнение расходится с мнением большинства, даже в тех случаях, когда это личное мнение истинно, а мнение других ложно. Отсюда становится понятной социальная подоплёка происходящего в Элле психологического раздвоения личности, когда в «едином организме развиваются две или более организованные системы поведения, каждая из которых интегрирована как отдельное обособленное единство» [2, с. 86]. Личности, подобные Элле, со слабой нервной конституцией и конформистским отношением к миру, не могут справиться с решением трудной проблемы – преодоления отрицательных психологических последствий в случае расхождения своего личного мнения с мнением большинства.

Другая стилистическая особенность драмы заключается в том, что каждая сцена начинается спокойно, неторопливо, затем постепенно приобретает высокий психологический накал и заканчивается на самой высокой ноте, на уровне катарсиса. Интересно и то, что число действующих

лиц к концу драмы уменьшается, трагический финал произведения разыгрывается уже только между двумя героями – обречёнными Эллой и Джимом. Кажущаяся на первый взгляд камерность пьесы ни в коей мере не умаляет её социального звучания, ибо в трагедии Эллы и Джима отразилась трагедия личности в Америке.

В финале драмы Джим получает очередной отрицательный ответ из университета, в его словах слышится отчаяние, ведь всё, чего он добивался, должно быть уделом каждого человека – равные права с другими людьми независимо от цвета кожи, элементарное уважение человеческого достоинства. И здесь поистине великий художественный штрих – Элла внезапно приходит в себя и совершенно обыкновенно спрашивает Джима, о чём она говорила и над чем смеялась. Она вонзает нож в чёрную маску, словно убивает нечто, что мешало ей быть счастливой, мешало быть самой собой, и начинает говорить – о своей вине перед Джимом, о своей болезни, о том, что жить ей осталось совсем недолго. Элла преображается, в её словах

звучит и светлый мотив детства, когда ничто не омрачало её душу, когда они с Джимом по-настоящему были счастливы. Она сама бы хотела очутиться на той улице, где они когда-то играли детьми.

Исследователи не раз сводили проблематику драмы О'Нила к невозможности белой женщины быть женой негра, не замечая взрывной характер пьесы, – драма О'Нила стала обвинительным актом социальным условиям Америки, калечащим судьбы людей. Исключительная художественная интуиция О'Нила позволила ему разрешить основную проблему пьесы в реалистическом духе. Именно в финале пьесы героиня сбрасывает с себя шелуху традиционных обычаев и предрассудков, которые очерствляли её душу, заставляли стыдиться своей естественной человечности. Финальное обращение героини к светлой поре детства знаменует победу лучших человеческих начал над тем грузом омертвевших моральных предрассудков, которые довлеют над душами людей.

Статья поступила в редакцию 21.09.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киселева И.А., Поташова К.А. Одежда у Н.М. Карамзина как примета исторического времени и национального характера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 113–121.
2. Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.
3. Курбанова Ш.Я. Описание образа негра в американской литературе // Наука и бизнес. Пути развития. 2013. № 6(24) С. 23–25.
4. Лунина И.Е. «Мятеж на “Эльсиноре”» Дж. Лондона: человек в системе культурных ценностей // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе. Межвузовский сборник научных трудов. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 19–30.
5. О'Нил Ю. Театр и его средства // Писатели США о литературе. Т. 2. М.: Прогресс, 1982. С. 110–121.
6. Пинаев С.М. Человек и судьба в драматургии О'Нила // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 2. С. 206–214.
7. Шамина В.Б. Образ ирландской глубинки в пьесах Мартина Макдонаха // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 292–295.

REFERENCES

1. Kiseleva I.A., Potashova K.A. [Clothing in N. Karamzin's works as a sign of historical time and national character]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2017, no. 5, pp. 113–121.
2. Kon I.S. Sotsiologiya lichnosti [Sociology of personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1967. 383 p.
3. Kurbanova Sh.Ya. [Description of the image of the Negro in American literature]. In: Nauka i biznes. Puti razvitiya [Science and Business: Ways of Development], 2013, no. 6(24), pp. 23–25.
4. Lunina I.E. [J. London's "The Mutiny of the Elsinore": a man in the system of cultural values]. In: Khudozhestvennoe osmyslenie deistvitel'nosti v zarubezhnoi literature. Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Artistic interpretation of reality in literature. Interuniversity collection of scientific papers]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2015. pp. 19–30.
5. O'Neill E. [The theatre and its tools]. In: Pisateli SShA o literature [USA Writers on literature]. Moscow, Progress. 1982. pp. 110–121.
6. Pinaev S.M. [Man and Fate in O'Neal Drama]. In: Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki" [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2014, vol. 156, Book 2. pp. 206–214.
7. Shamina V.B. [The image of Irish province in the plays of Martin McDonagh]. In: Filologiya i kul'tura [Philology and Culture], 2013, no. 2 (32), pp. 292–295.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сохряков Юрий Иванович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета.
e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuriy I. Sohryakov – doctor in Philological Science, professor at the Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University.
e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сохряков Ю.И. Борьба человека со своей судьбой в драме Ю. О'нилы «Все божьи дети имеют крылья» (1924) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 241–247.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-241-247

FOR CITATION

Sohryakov Yu.I. The struggle of a man with his destiny in E. O'Neill's drama "All God's chillun got wings". In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 241–247.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-241-247

УДК: 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-248-257

ГОЛОД В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ И.С. ШМЕЛЁВА, К. ГАМСУНА, ЛЮ ЧЖЭНЬЮНЯ

Сюе Чэнь*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119992, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье автором выявляется типология изображения голода в произведениях писателей, принадлежащих к русской, европейской, азиатской культурам, – И. Шмелёва («Солнце мёртвых»), К. Гамсуна («Голод»), Лю Чжэньюня («Воспоминания 1942»). Произведён анализ мотивов и образов в контексте специфики разных исторических условий, национального менталитета, биографических ситуаций. Отмечены стилевые доминанты текстов. Описывая голод как личную или национальную трагедию, экзистенциальное, онтологическое, социально-историческое явление, показывая пределы физических и моральных страданий, изображая психотипы голодающих и их рефлексии, Гамсун, Шмелёв, Лю Чжэньюнь выстроили повествование на сходных лейтмотивах. Человек представлен в условиях нисходящей эволюционной лестницы как биологический, но разумный, устремлённый к спасению феномен. Автором статьи установлены литературные аналогии, общие и специфические характеристики художественного восприятия стрессовых ситуаций.

Ключевые слова: библейский, бытие, витальные, голод, жизнь, каннибалический, мотив, смерть, теодицея, трагедия, филогения.

HUNGER IN THE ARTISTIC PERCEPTION OF I. SHMELEV, K. HAMSUN, LIU ZHENYUN

Xue Chen*Moscow State Pedagogical University
1 build. 1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russian Federation*

Abstract. The author of the article identifies the typology of images of hunger in the works of writers that belong to Russian, European and Asian cultures – I. Shmelev (“The Sun of the Dead”), K. Hamsun (“Hunger”), Liu Zhenyun (“Remembering 1942”). The author analyzes the motives and images in the context of the specifics of different historical conditions, national mentality, biographical situations and marks style dominants of the texts. Describing hunger as a personal or national tragedy, an existential, ontological, socio-historical phenomenon; showing the limits of physical and moral suffering; depicting the psychotypes of the famished and their reflections; Hamsun, Shmelev, Liu Zhenyun built a narration on similar keynotes. A man is represented in the conditions of a downward evolutionary ladder as a biological, but also a rational, phenomenon towards salvation. It consists in establishing literary analogies, general and

specific characteristics of artistic perception of stressful situations. The content of the article is an example of comparative studies.

Key words: Biblical, being, vital, hunger, life, cannibal, motive, death, theodicy, tragedy, phylogeny.

Наше исследование посвящено описанному в мировой литературе физическому и духовно-нравственному состоянию преобразования человека в условиях, когда преобразование внешнего мира практически невозможно. Акцент сделан на переоценке отношения к смерти и жизни. Мы остановились на текстах, представляющих три цивилизационных пространства – северную Европу, Евразию, Восток. Материал исследования – «эпопея» И.С. Шмелёва «Солнце мёртвых» (1926), которая написана автором после пережитой крымской трагедии, роман К. Гамсуна «Голод» (1890), к которому Шмелёв обратился во время крымского голода, и повесть китайского писателя Лю Чжэньюня «Воспоминания 1942» (1993). В этих произведениях поставлен вопрос «о смысле существования вообще и человеческой жизни в частности», а также вопрос о том, имеет ли «всё действительное и возможное» [12, с. 35] свой смысл. Повествования о голоде выстраиваются на сходных мотивах. Например: предел витальных возможностей человека, цивилизационный регресс, биологическая инволюция, людоедство, голод детей, голод животных, «равнодушная природа», смерть от голода, психологизированное восприятие текущего или статичного времени, обманутый и брошенный властью голодный человек, ожидание помощи Бога и др. Их типология выстраивается как «структурные семиотические компоненты художественного текста» [5, с. 93], как

выражение эпохи, мировоззрения писателей, их ментальности. Но априори заметим, что этническая, национальная идентичность не получила в теме голода определяющего значения.

В «Солнце мёртвых» отражено сознание человека в чрезвычайных условиях гражданской войны: в ноябре 1920 г. в Крыму устанавливается Советская власть, и как следствие – разрастаются голод и массовый террор (сто двадцать тысяч репрессированных, от стариков до детей). События, лёгшие в основу повествования, соответствуют реальным фактам, изложенным Шмелёвым в обращении «Защитнику русского офицера Конради – г-ну Оберу, как материал для дела» (1927). Шмелёв выстраивает повествование на реальных событиях. Голод в его изображении опустошает крымский мир, разрушает обжитое «природное пространство гармонично-культурного бытия» [7, с. 198]. Отметим, что массовый голод – мощный механизм истребления: «Если Первая мировая война унесла жизни 1,5 млн россиян, то голод 1921 г. уничтожил по разным данным от 5 до 7,5 млн населения страны» [1, с. 35]. Реалистичность описания в «Солнце мёртвых» синтезирована с чертами модернистской прозы. Так, «эпопея» выстраивается на мотивах и архаичных мифах, неомифах, символах. Доминирующая мифологема солнца утрачивает в тексте коннотацию источника жизни («Оно и в мёртвых глазах смеётся» [13, с. 16], «Солнце смеётся мёртвым» [13,

с. 231]), оно – «свидетель и соучастник зла, действительной национальной катастрофы» [10, с. 71]; актуализируется библейский сюжет об Иове, выстраивается аллюзия на каннибалический миф о Бабе-Яге, на мотивы Данте; крымские тюрьмы-подвалы осмыслены как символ смерти, голос с минарета – как символы спасения человека высшими силами и т. д.

Повесть «Воспоминания 1942» также основана на реальных фактах. Событиям российской жизни соответствует социальная обстановка в Китае 1942 г.: беспрецедентный голод вследствие Второй мировой войны, когда территории Китая были оккупированы Японией. Шмелёв описал тотальный голод как сопутствующий войне, Лю Чжэньюнь также изобразил, как война вносит в устоявшуюся жизнь хаос, неурожай, голод: «около тридцати миллионов китайцев пострадали от голода, три миллиона умерли от голода» [6, с. 4]). Голод в провинции Хэнань и в Крыму показаны не только как социальные, но и бытийные трагедии.

Роман «Голод» написан К. Гамсуном после возвращения из эмиграции на родину, опубликован полностью в 1890 г. Само название говорит о теме, к которой впоследствии обратились Шмелёв и Лю Чжэньюнь. Как и в произведении Шмелёва, повествование ведётся от первого лица. Автор описывает историю молодого непризнанного писателя, который каждый день находился на грани голодной смерти. Реальность и причудливые, болезненные фантазии переплетаются в его сознании, мысли мучительно бродят между идеальным и реальным мирами. «Голод» – не столько социальный, сколько психологический роман, в котором ав-

тор прибегает к аллюзиям на произведения Ф.М. Достоевского. В одном из писем Гамсуна есть такое признание: «Достоевский – единственный художник, у которого я кое-чему научился, он – величайший среди русских гигантов» [8, с. 7]. Человек, как в прозе Достоевского, изображён в пограничном с точки зрения психики состоянии. В этом тексте речь идёт о экзистенциальных проблемах одиночки на фоне благополучной Христиании.

В трёх произведениях события происходят в разные исторические времена, авторы принадлежат к разным национальным культурам, но и в «Голоде», и в «Солнце мёртвых», и в «Воспоминаниях 1942» развёрнута универсальная в мировой литературе тема пределов человеческих возможностей, описаны психотипы, так или иначе проявившие себя в экстремальных ситуациях, прозвучал вопрос о воле Бога в судьбах человечества и человека, по сути – о теодицее.

Шмелёв – свидетель крымской трагедии. Гамсун, как его герой, жил в Христиании в пору своей голодной юности и, скорее всего, был прототипом. Лю Чжэньюнь, напротив, не имел личного опыта своих персонажей и не пережил описанного в повести, однако жертвами голода и без вести пропавшими были его родные. Повесть Шмелёва – философская, но, как и повесть Лю Чжэньюня, исторически-документальна, тогда как роман Гамсуна – целенаправленно психологизированное повествование.

Мотивации поступков и сами поступки, интеллектуальная жизнь, эмоциональные рефлексии описаны в условиях и социального слома, и религиозно-мыслительных пережи-

ваний, и физических лишений, и моральных поражений, и биологических искажений. Так, человек становится статистом в бытийном эксперименте – ему нечего есть. Иссакают витальные силы, и герой Гамсуна не может даже плакать. В «Воспоминаниях 1942» людям не под силу похоронить умерших. Больница не принимает опухших с голоду, приюты не берут детей – и в какой-то момент страдальцы ожидают смерть как спасение. Характерен эпизод в «Солнце мёртвых»: рассказчик встречает женщину с бессмысленным, тупым выражением лица. Голод уродует внешний вид человека, и если в «Солнце мёртвых» встречаем, например, такую деталь: «Его опухшее жёлтое лицо – лицо округи – говорит ясно, что голодают» [13, с. 109]]; то и в «Воспоминаниях 1942» читаем: «У пострадавших от голода лицо опухло, потемнело в глазах. Они съели отравленные травы» [6, с. 15].

По мысли П. Сорокина («Голод как фактор», 1922), человек – своего рода машина, но биологически чрезвычайно сложная, и, «подобно всякой машине, человеческий организм для своей работы-жизнедеятельности, которая представляет собой расходование энергии, нуждается в её притоке извне (как паровоз нуждается в топливе)» [9, с. 54], иначе – в пище. Как биологический вид человек в названных произведениях пытается жить в навязанных ему условиях обратной филогении, перед ним – нисходящая эволюционная лестница. Во всех трёх произведениях описаны аналогичные ситуации: «Когда доели все листья, начали варить кору деревьев. Сегодня сказали, что кто-то умер от голода, кто-то отравился от сорной травы...»

[6, с. 15]; «Будем кормиться виноградными косточками, жмыхом! Его едят люди и умирают. Продают на базаре, как хлеб когда-то» [13, с. 156]; «Я оторвал карман от своей куртки и принялся жевать его» [2, с. 153]. Герой Гамсуна, голодая несколько дней подряд, доходит до психологической точки невозврата – голод мучает его до бешенства. Он глотает слюну, он сует чистые стружки и камешек в рот, жуёт поднятую с земли щепку, но реальное физическое состояние оказывается сильнее наивных фантазий. В романе Гамсуна человек, как собака, гложет кость без мяса, от неё исходит омерзительный запах спёкшейся крови. Меняется аксиология существования, выстраивается абсолютно биологический смысл жизни: «Всю свою жизнь за чечевичную похлёбку» [2, с. 150]. Обратной филогенией отмечена жизнь доктора из «Солнце мёртвых».

В произведениях описано, как человек словно пятится к предшествующему филогеническому звену. Например: «Когда в мире не осталось ничего, что можно было бы съесть, человек подобно собаке мог съесть человека, проявилась волчья натура» [6, с. 39]). Разрушение моральных скреп проявляется в описанном Лю Чжэньюнь и Шмелёвым людоедстве: «А здесь звери в железе ходят, здесь люди пожирают детей своих, и животные постигают ужас» [13, с. 24]; «Одна мать варила своего двухлетнего ребёнка и ела; один отец задушил своих двух детей, варил и ел» [6, с. 39].

В повестях Шмелёва и Лю Чжэньюня апогей катастрофичности бытия – страдания детей. Читаем у Лю Чжэньюня: «они худые – кожа да кости, в глазах как будто яма с гноем, опухший

живот от голода, кожа потрескалась от сурового климата. Их голос хриплый и слабый, они уже не в силах попросить еды» [6, с. 57]. Читаем у Шмелёва: «Гляжу – мальчишки, чего такое с костями делают? Гляжу... лежат на брюхе, копыто гложут. Грызут-урчат. Жуть взяла...» [13, с. 42].

Онтологический смысл трагедии в «Солнце мёртвых» и «Воспоминаниях 1942» выражен и в теме голода животных. Шмелёв создал запоминающийся образ кричащего и долбящего сухую землю павлина, описал трупы брошенных добровольцами коней, особенно трогательно изображена беспомощность курочек, они день ото дня худеют, слабеют, становятся лёгкими, как их перья. Рассказчик не может их есть – курочка Торпедка умирает на его руках, и он закапывать её в землю. Судя по письмам к В. Вересаеву, курочки напоминали Шмелёву о расстрелянном в Крыму сыне, и, скорее всего, именно это заключено во фразе: «Бедные мои птицы, они худеют, тают, но они связывают нас с прошлым...» [13, с. 12]. Корова Тамарка раньше каждый день давала бутылки три молока для всей семьи, а теперь: «В её стеклянных глазах я вижу слёзы. Немые коровьи слёзы. Голодная слюна тянется-провисает к колючей ажине, которую она жевала» [13, с. 18]. Умирают и дома, они опустошены и разрушены.

Но и Лю Чжэньюнь пишет о том же: «Уже убили всех коров, от свиней остались только кости, курочки даже не в силах открыть глазки» [6, с. 15]). С одной стороны, он, как Шмелёв, сочувствует участи животных. С другой – отметим, что в 1942 г. в Хэнани собаки были гораздо более защищены биологически, чем люди: по дорогам были

разбросаны трупы незахороненных людей. Лю Чжэньюнь, таким образом, ввёл в текст философу бумеранга: человек ел животных – животные ели человека. При этом деформация в цепочке «зверь – человек» происходит «перед глазами природы» – вечной, равнодушной, не прерывающей законов своего бытия: «Шёл первый снег зимой в 1942 году, пострадавшие спали на снежном поле, становясь скульптурами под снегом» [6, с. 98]. Сравним с высказыванием Шмелёва, в интонационной ровности которой – та же безучастность: «На перевале снега, пустые дороги в море... пустые – за горами» [13, с. 212].

Бытийное содержание происходящего выражено и через мотив времени. В «Солнце мёртвых» время, с точки зрения голодного доктора, теряет всякий смысл, символизирует бесконечные страдания и путь в ничто. Время как бы не существует в крымском пространстве: часы доктора – буржуазный пережиток, прошедший день для рассказчика – убитый. Рождается новая философия времени: «День теперь ни к чему, и календаря не надо. Бессрочнику всё едино» [13, с. 7]. Главным пространственно-временным феноменом выступает солнце, обозначающее круговорот без начала и конца. Восходя день за днём, оно ослепляет, выжигает, «все мысли плавит» [13, с. 85]. Оно высоко ходит за горами, равнодушно смотрит на умирающих в Крыму: «Здесь расстреляли на полном солнце» [13, с. 104]; «Это же смеётся солнце, только солнце. Оно и в мёртвых глазах смеётся» [13, с. 16]. И.А. Ильин писал, что «заглавие “Солнца мёртвых”, по виду бытовое, крымское, историческое, таит в себе религиозную глуби-

ну: ибо указывает на Господа, живого в небесах, посылающего и жизнь и смерть, – и на людей, утративших Его и омертвевших во всем мире» [3, с. 45]. Солнце уже не источник жизни, а символ смерти, является единственным царём в космосе.

В романе «Голод» Гамсуна мотив времени также значим, оно равнодушно отсчитывает жизнь героя: «Я лежу без сна... как часы внизу бьют шесть» [2, с. 3]; «Когда я встал, часы внизу пробили восемь» [2, с. 4]); «Пробило девять часов» [2, с. 4]. Время в психологическом пространстве героя течёт медленно, напоминает ему о продолжительности голода. Солнце у Гамсуна тоже выступает как временной феномен: «Солнце светило с юга, было около полудня» [2, с. 18]; «Солнце уже пригревало, было девять часов» [2, с. 80]. Герой бредёт по холодному городу, и солнце угнетает его, усугубляет физические терзания.

В «Воспоминаниях 1942» время также знаковый мотив, оно – свидетель массового голода. Сюжет развёртывается хронологически. Причём один из персонажей, убегая, бросая нажитое добро, забирает с собой настенные часы, но они для него – не измеритель времени, а показатель социального статуса, по сути утраченного им в ужасной реальности. Он, в отличие от шмелёвского доктора, держится за этот буржуазный пережиток.

И в «Солнце мёртвых», и в «Воспоминаниях 1942» решаются вопросы отношения человека и власти. Власть обманула гибнущий в голоде народ: «На хлебной Волге погибают миллионы от голода... а радио оповещает мир, как все довольны...» [13, с. 93]. Доктор говорит о красном терроре: «только в

одном Крыму, за какие-нибудь три месяца! – человечье мясо, расстрелянного без суда! Восемь тысячи вагонов, девять тысяч вагонов! Поездов триста! Девять тысяч тонн свежего человеческого мяса, мо-ло-до-го мяса! Сто двадцать тысяч го-лов! Че-ло-ве-ческих» [13, с. 70]. Писатель развернул картину хамских зверств большевиков не только по отношению к их политическим противникам, но и к обманутому народу, к самой жизни человека, животных и природы. «Большевики для Шмелёва всё равно что старёвщик, который для будущего наварит из человеческих костей клей...» [11, с. 127]. Уничтожительно описан некий Шура – благополучный и сытый представитель новой власти. К этой же теме обратился Лю Чжэньюнь, он пишет о лжи местных властей и иллюзиях верховной власти: «президент даже не верит, что в Хэнани произошли голодные бедствия, ему лгали местные правители» [6, с. 22]. В Хэнани народ подневолён: «В страшные голодные годы местные правители вжимали продналог, пострадавших заставляли отдать свои последние зёрна армии» [6, с. 24].

Гамсун, Шмелёв, Лю Чжэньюнь, описав трагизм существования, как бы помещают своих героев между полюсами жизни и смерти. В рассматриваемых нами произведениях отражён процесс физического и духовного уничтожения человека. Читаем у Шмелёва: «Ожидающие своей смерти голодные говорили: налопались чужой коровятины... вот и сдохли» [13, с. 230]; «Не надо бояться смерти... за ней истинная гармония» [13, с. 113] и т. п. Лю Чжэньюнь пишет: «Умирай! Умирай! Теперь лучше в земле, чем на земле» [6, с. 157] и т. п. Читаем у Гамсуна: «Голод

мучил меня, мне хотелось умереть» [2, с. 67]; «У меня было такое чувство, что жизнь почти покинула меня и песенка моя спета» [2, с. 156] и т. п. Жизнь выглядит как погост. Тема смерти от голода и в «Голоде», и «Солнце мёртвых», и «Воспоминаниях 1942» – яркий пример литературной танатологии. Смерть описана как следствие переживания сильнейшего эсхатологического кошмара. В непрекращающихся страданиях они привычно ожидают гибели, смерть у Шмелёва приобретает философско-религиозный смысл: «Смерть у дверей стоит, и будет стоять упорно, пока не уведёт всех. Бледной тенью стоит и ждёт» [13, с. 218]; «Я видел смертёныша, выходца из другого мира – из мира Мёртвых» [11, с. 231]; «Но прорицать можем. Финал-то нам виден: смерть!» [13, с. 58]; «Мы потеряли не счёт... мы потеряли жизнь! Для мёртвых всё – ни-че-го!» [13, с. 92].

Однако писатели всё же не уподобляют человека животному. Их герои наделены интеллектом (так, герои Шмелёва изучают географию и иностранные языки). У них есть душа, пусть опустошённая («и души, души опустошённые, человеческие» [13, с. 61]), но живая. Экзистенциальный комплекс героя Гамсуна разрешается совестью: он присваивает себе кроны продавца лавки и признаётся в своём преступлении. Герои наделены волей. В «Солнце мёртвых» далеко не все тупо существуют, люди живут вопреки обстоятельствам, шлют друг другу еду, чистят дверные ручки, вырываются из тюрем-подвалов.

Наконец, в «Голоде», «Солнце мёртвых», «Воспоминаниях 1942» прозвучала тема Божьей силы. В ряде эпизодов танатологические ситуации

описаны в контексте мотива веры. Жители провинции Хэнань в отчаянии обращаются к высшим силам. Иностранные миссионеры из разных стран приезжают в Китай, пытаются привить населению христианство – чтобы оно укоренилось в этой древней восточной стране. Они устраивают площадку для раздачи каши, создают больницу: «Хотя беженцы неграмотные, они уже осознали, что эти “чужие” миссионеры – их единственный спаситель» [6, с. 55]; «Только эти миссионеры поселили надежду в их душах» [6, с. 55]. Их усилия воспринимаются как Божья помощь. Китайский священник старается убедить страдальцев, убегающих из голодающих мест, верить в Бога: «Бог приказал Моисею организовать Исход евреев из Древнего Египта, и мне тоже Бог приказал вывести вас отсюда» [6, с. 96]. Он пел умершим реквием («пусть они умирают как люди» [6, с. 56]).

Мотив Божьей помощи усилен в «эпопее» Шмелёва. Причём национальный аспект веры не имеет значения. Герой-рассказчик Шмелёва, получив помощь от татарина Гафара, укрепляется в христианской вере: «Теперь ничего не страшно. ... Знаю я: с нами Бог! Хотя на один миг с нами» [13, с. 205]; «Великий Бог, и будет пребывать вечно, и всё сущее Его Воля. Вознесите великому молитву за день грядущий!» [13, с. 99]; Смерть и воскресение – доминанты православного сознания. Как отметил И. Ильин, «наша земная смерть есть не что иное, как наше сверхземное рождение» [4, с. 346]. Этот мотив также отмечается у Шмелёва, «Весна... не отомкнёт ли она земные недра, не воскресит ли Мёртвых? Чаю Воскресенья Мёртвых! Я верю в чудо! Великое Воскресе-

ные – да будет» [13, с. 231]. В «Солнце мёртвых» описано духовное возрождение человека, пребывающего в земном аду, обретение Бога. Путь к этому обретению лежит через кризис веры. Крест, выступающий символом христианства, на время утратил сакральный и онтологический смысл: «Крест – само естество живое – в опустевшей Глубокой балке. Будет стонать, вопить» [13, с. 101]. Однако рассказчик желает чуда, и через чудо – спасения: «Я верю в чудо! Великое Воскресенье – да будет» [13, с. 231].

В «Голоде» Гамсуна также звучит мотив веры. Герой жалуется Богу: «Господи, до чего же мне всё-таки не везёт» [2, с. 12]; он задаётся вопро-

сом: «Неужель перст Божий коснулся меня? ... что во всём мире он отыскал именно меня» [2, с. 20]. После острой психологической рефлексии он попросил у Бога милости и покоя: «Господи всемогущий. Я жизнь готов отдать за единый миг счастья!» [2, с. 150].

Гамсун, Шмелёв, Лю Чжэньюнь осмыслили трагизм мира экзистенциально, онтологически, социально-исторически. Однако трагизм не абсолютизирован, каждый в поисках разрешения катастрофы обращается к Господу.

*Статья поступила в редакцию
29.10.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко В.В. «...Я видел голод и знаю теперь, что это значит»: П.А. Сорокин о голоде 1921 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 3. С. 34–43.
2. Гамсун К. Голод. М.: АСТ, 2018. 224 с.
3. Ильин И.А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелёв. М.: Скифы, 1991. 216 с.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. 590 с.
5. Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. М.: Языки славянской культуры, 2015. 488 с.
6. Лю Чжэньюнь. Воспоминания 1942. Ухань: Издательство художественное Янцзы, 2012. 220 с.
7. Нариевская В.Д., Степанова А.А. Иван Шмелёв как крымский человек (на материалах переписки И. Шмелёва и О. Бредиус-Субботиной) // И.С. Шмелёв и литературно-эмигрантские процессы XX века. Симферополь: Алуштинский литературно-мемориальный музей С.Н. Сергеева-Ценского, 2007. С. 197–206.
8. Сучков Б. Кнут Гамсун // Гамсун К. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. С. 5–42.
9. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia, LVS, 2003. 684 с.
10. Солнцева Н.М. Иван Сергеевич Шмелёв: Аспекты творчества. М.: КРУГЪ, 2006. 256 с.
11. Солнцева Н.М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 2007. 510 с.
12. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: АСТ, 2003. 396 с.
13. Шмелёв И.С. Солнце мёртвых. М.: Комсомольская правда, Директ-Медиа, 2015. 240 с.

REFERENCES

1. Vasilenko V.V. [“I’ve seen the famine and now I know what it is”: P. Sorokin about the famine in 1921]. In: Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanities and law studies], 2016, no. 3, pp. 34–43.

2. Hamsun K. Golod [Hunger]. Moscow, AST Publ., 2018. 224 p.
3. Il'in I.A. O t'me i prosvetlenii: Kniga khudozhestvennoi kritiki. Bunin. Remizov. Shmelev [On darkness and enlightenment: Book of art criticism. Bunin. Remizov. Shmelev]. Moscow, Skify Publ., 1991. 216 p.
4. Il'in I.A. Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 3 [Collected works in 10 volumes. Vol. 3]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994. 590 p.
5. Krasil'nikov R.L. Tanatologicheskie motivy v khudozhestvennoi literature [Thanatological motives in literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2015. 488 p.
6. Liú Zhènyún. Vospominaniya 1942 [Memories 1942]. Wuhan, Izdatel'stvo khudozhestvennoe Yantszy Publ., 2012. 220 p.
7. Narievskaya V.D., Stepanova A.A. [Ivan Shmelev as a Crimean man (on the correspondence materials of I. Shmelev and O. Bredius-Subbotina)]. In: I.S. Shmelev i literaturno-emigrantskie protsessy XX veka [I. Shmelev and literary emigrant processes of the twentieth century]. Simferopol, Alushta literary and memorial Museum of S.N. Sergeyev-Tsensky Publ., 2007. pp. 197–206.
8. Suchkov B. [Knut Hamsun]. In: Gamsun K. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1 [Hamsun K. collected works: in 6 volumes. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. pp. 5–42.
9. Sorokin P.A. Golod kak faktor. Vliyanie goloda na povedenie lyudei, sotsial'nuyu organizatsiyu i obshchestvennyuyu zhizn' [Hunger as a factor. The influence of hunger on human behavior, social organization and social life]. Moscow, Academia, LVS Publ., 2003. 684 p.
10. Solntseva N.M. Ivan Sergeevich Shmelev: Aspekty tvorchestva [Ivan Shmelev: Aspects of creativity]. Moscow, KRUG' Publ., 2006. 256 p.
11. Solntseva N.M. Ivan Shmelev. Zhizn' i tvorchestvo [Ivan Shmelev. Life and work]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. 510 p.
12. Trubetskoi E.N. Smysl zhizni [The meaning of life]. Moscow, AST Publ., 2003. 396 p.
13. Shmelev I.S. Solntse mertvykh [The sun of the dead]. Moscow, Komsomol'skaya Pravda Publ., Direkt-Media Publ., 2015. 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сюе Чэнь – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: xuechen0430@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Xue Chen – postgraduate student at the Department of the history of the modern Russian literature and the modern process, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: xuechen0430@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сюе Чэнь. Голод в художественном восприятии И.С. Шмелёва, К. Гамсуна, Лю Чжэньюня // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 248–257.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-248-257

FOR CITATION

Xue Chen. Hunger in the artistic perception of I. Shmelev, K. Hamsun, Liu Zhenyun. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 248–257.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-248-257

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-258-261

语言文化的传播与交流国际学术研讨会 2018年东北亚国际语言文化研究基地年会

2018年9月15日-16日 吉林·长春

ЧАНЧУНЬСКИЙ ФОРУМ В ЦЗИЛИНЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА)

Лю Цзоянь, Нагорный И.А.

Цзилинский университет

130012, Чанчунь, ул. Куанвэй, д. 10, Китайская народная республика

CHANCHUN FORUM AT JILIN UNIVERSITY (PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA)

Liu Zuoyan, I. Nagornyy

Jilin University

10 Qianwei Road, Changchun 130012, People's Republic of China

15–16 сентября 2018 г. в Цзилинском университете, Китайская народная республика (Jilin University, China), состоялась Международная научная конференция по вопросу распространения и обмена опытом изучения языка и культуры

© CC BY Лю Цзоянь, Нагорный И.А., 2018.

«Чанчуньский Форум – 2018» и годовое совещание Международной базы по изучению языков и культур Северо-Восточной Азии.

На конференции обсуждались важные вопросы, отражающие актуальные проблемы развития и современного состояния языков Северо-Восточной Азии и привлекающие серьёзное внимание учёных из Китая, Японии, России, Кореи, США и других стран мира.

Для развития научно-теоретической и практической сфер изучения языков Северо-Восточной Азии, а также культуры стран, расположенных в данном регионе, при содействии Канцелярии руководящей рабочей группы планирования по вопросам философии и общественных наук провинции Цзилинь (Jilin) в 2013 г. была учреждена «Международная база по изучению языков и культур Северо-Восточной Азии», занимающаяся разработкой важных лингвистических вопросов в области общественных наук. Данная база является открытой, развивающейся на основе фактора интернационализации, осуществляет специальные научные исследования, обеспечивающие содействие социальному, экономическому и культурному строительству в регионе, стимулирующие международный обмен между странами Северо-Восточной Азии.

Для активизации национального и международного научного сотрудничества в сфере исследования языков и культур Северо-Восточной Азии, разработки новых лингвистических и лингвокультурологических аспектов применительно к данному региону усилиями Международной базы по изучению языков и культур Северо-Восточной Азии, Научно-исследо-

вательского международного центра языков и культур Северо-Восточной Азии при Цзилиньском университете, Института иностранных языков Цзилиньского университета организуются ежегодные Международные научные конференции «Чанчуньский Форум» и годовые совещания по изучению языков и культур региона, на которых ведущими учёными поднимаются актуальные лингвистические и культурологические проблемы, отражающие аспекты развития различных сторон языка; вопросы взаимодействия языка и культуры; языковую специфику диалектных зон; функциональные, когнитивные, концептологические аспекты изучения языка; обмен опытом в решении методических проблем преподавания лингвистики в вузе.

В докладах учёных, принявших участие в работе форума, отмечалось, что изучение языка и культуры данного региона, вне всякого сомнения, играет основополагающую роль для культурного обмена между странами и развития взаимопонимания между различными регионами Северо-Восточной Азии.

На пленарном заседании конференции прозвучали доклады лингвистов из разных стран мира: Сузуки Садаи (Япония), Грегори М. Садлека (США), Юй Наймин (Тайвань), Оки Казуо (Япония), Ким Джин А (Южная Корея), Кенко Ууро (Япония), Т. е. Шاپоваловой (Россия), И.А. Нагорного (Россия).

На конференции работало девять секций, в том числе секция «Русский язык и русская культура», на заседании которой прозвучали и были обсуждены пять докладов:

1) С.Ю. Нагорная, к.филол.н., доцент (Россия) – «К вопросу о реали-

зации коммуникативных стратегий и тактик в период тесного межкультурного взаимодействия»;

2) Ли Шуцзинь, д. филол. н., доцент (Китай) – «К проблеме актуальности исследования русского текста»;

3) Лю Цзоянь, д. филол. н., профессор (Китай) – «Специфика научных исследований в области когнитивной лингвистики в российской науке»;

4) Ли Ли, к. филол. н., доцент (Китай) – «Сопоставительный анализ концепта “семья” в русской и китайской культуре»;

5) Ван Сяоянь, к. филол. н., доцент (Китай) – «Методическая значимость русских анекдотов».

Своим опытом преподавания русского языка как иностранного поделились д.ф.н., профессор И.А. Нагорный (Россия), д. филол. н. С. Гармаева (Россия).

О Московском государственном областном университете рассказала д. филол. н., профессор Т.Е. Шаповалова (Россия).

Участники конференции положительно оценили проведение данного научного мероприятия, отметили актуальность и перспективность поднимавшихся в ходе заседаний проблем, выразили уверенность в том, что работу форума необходимо продолжить в будущем.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лю Цзоянь – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института иностранных языков Цзилиньского университета;
e-mail: nancylzy1992@163.com.

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков Цзилиньского университета;
e-mail: ignago@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Liu Zuoyan – Doctor in Philological Sciences, professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages, Jilin University;
e-mail: nancylzy1992@163.com.

Igor Nagornyy - Doctor in Philological Sciences, professor, professor at the Institute of Foreign Languages, Jilin University;
e-mail: ignago@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лю Цзоянь, Нагорный И.А. Чанчуньский форум в Цзилиньском университете (Китайская Народная Республика) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 258–261.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-258-261

FOR CITATION

Liu Zuoyan, Nagornyy I.A. Chanchun forum at Jilin University (People's Republic of China). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 5, pp. 258–261.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-258-261

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.161.1'26"11/17"

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-262-267

ДИДКОВСКАЯ В.Г. ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (XI–НАЧАЛО XVII В.): УЧЕБ.-МЕТОД. ПОСОБИЕ / В.Г. ДИДКОВСКАЯ; НОВГУ ИМ. ЯРОСЛАВА МУДРОГО. – ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД: ИЗД.-ПОЛИГР. ЦЕНТР НОВГУ ИМ. ЯРОСЛАВА МУДРОГО, 2015. 159 С.

Никитин О.В.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

V. DIDKOVSKAYA. HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE (11 – BEGINNING OF THE 12 CENTURY): TEXTBOOK / V. DIDKOVSKAYA; YAROSLAV-THE-WISE NOVGOROD STATE UNIVERSITY. VELIKIY NOVGOROD, PUBLISHING HOUSE OF POLIGRAPHIC CENTER OF YAROSLAV-THE-WISE NOVGOROD STATE UNIVERSITY, 2015. 159 P.

O. Nikitin

*Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation*

Курс истории русского литературного языка для студентов-филологов – один из самых значимых. Он позволяет проследить эволюцию языка с самых ранних периодов его развития и письменной фиксации до времени становления современной традиции. Но традиционно считается, что до XVII в. включительно происходит формирование культурно-исторического поля *литературного* языка, разрастание его жанров и социальных разновидностей, попытки нормализации стилей и кодификации книжно-славянской и деловой речи. Поэтому данный этап исключительно важен для осмысления характера развития языка и понимания той высокой духовной миссии, которую он несёт потомкам.

Учебно-методическое пособие В.Г. Дидковской во многом решает указанные выше задачи и построено в соответствии с программой курса. В начале книги автор знакомит с определением понятия «литературный язык» [2, с. 8] и опи-

© СС BY Никитин О.В., 2018.

рается при этом на мнение академика В.В. Виноградова. В то же время она рассматривает и другие взгляды, представленные в работах А.И. Горшкова, А.И. Ефимова, А.М. Камчатнова, Н.С. Трубецкого. Другой вопрос, который всегда возникает в данном ключе, – это понятие нормы. В.Г. Дидковская приводит и здесь разные точки зрения: от М.В. Ломоносова до К.С. Горбачевича и В.Г. Костомарова.

Не раз в историко-лингвистической науке ставилась проблема периодизации русского литературного языка, которая и в рецензируемом пособии также изложена, но слишком кратко.

Отдельный раздел посвящён анализу происхождения русского литературного языка. В.Г. Дидковская излагает концепции ведущих представителей диахронического языкознания – А.А. Шахматова, С.П. Обнорского, Л.П. Якубинского, с одной стороны, и В.В. Виноградова – с другой. Она коснулась освещения и взглядов Б.А. Ларина, Г.О. Винокура, Н.А. Мещерского, А.И. Горшкова, Н.И. Толстого. Считаю, что более подробно можно было бы отразить дискуссии 1920–1940-х гг. (С.П. Обнорский – А.М. Селищев), высветить позицию Г.О. Винокура, на наш взгляд, очень сбалансированную и корректную, а также и позднего времени – 1970–1980-х гг. (Б.А. Успенский – Ф.П. Филин) для того, чтобы ознакомить студентов с неоднозначностью решения данных вопросов, идущих главным образом от понимания хронологии и языковой ситуации.

Далее В.Г. Дидковская излагает взгляд на развитие русского литературного языка эпохи Киевского государства и периода феодальной раздробленности (XI–XIV вв.). Здесь,

напротив, на первое место выходят проблема диглоссии и характеристика языковой ситуации, обстоятельно и весьма объективно описаны точки зрения учёных разных направлений лингвистической мысли.

Затем автор характеризует основные памятники указанного времени. Она отмечает особенности старославянского языка [2, с. 50–51], говорит о манере построения текста в книжных источниках [2, с. 52–53], более подробно анализирует «Изборник Святослава 1076 г.» [2, с. 54–56] и «Слово о законе и благодати» [2, с. 56–59]. В.Г. Дидковская справедливо отметила важность русского летописания для характеристики языковых и культурно-исторических процессов в области народно-разговорной традиции [2, с. 64–69], юридических документов, «Слова о полку Игореве» и других текстов.

Отдельно в этой части разбирается деловой язык Древней Руси [2, с. 84–89]. Автор указывает на особенности «Русской Правды», её фонетические черты и словарь, касается обзора лингвистических свойств первых новгородских грамот, упоминает о ценности изучения текстов, записанных на бересте, но, к сожалению, не приводит их и не показывает признаков этих уникальных «грамоток». Нам кажется, что данный вопрос можно было бы осветить подробнее.

В следующем разделе «Русский литературный язык эпохи Московского государства (XIV–первая половина XVII в.)» описывается возникновение двуязычия в Московской Руси [2, с. 92–98], второе южнославянское влияние [2, с. 98–108], отдельно излагается вопрос о стиле плетения словес [2, с. 108–115], рассказывается о древ-

нерусских повестях и роли «хожений» в расширении границ культурного пространства языка за счёт включения иноязычных элементов [2, с. 122–123], анализируется переписка Ивана Грозного, «Домострой» и др. Важно, что и в этой части автор говорит о деловом языке, отмечает его связь с «новой русской государственностью, с меняющимися условиями общественной и повседневной жизни» [2, с. 133–134], упоминает о формировании русской терминологии, речевых штампах и близости приказной стихии к разговорной речи.

Весьма уместны в пособии такого типа сведения о первых русских словарях и грамматиках, начиная с азбучников и завершая сочинением Мелетия Смотрицкого. Действительно этот пласт лингвистической литературы сыграл важную роль в языковом просвещении и ускорил процессы нормализации грамматических форм. Однако в перечне литературы к данной части [2, с. 148–149] автор почему-то не отметил ни одной современной публикации таких источников.

В конце каждого раздела книги приводится основная и дополнительная литература, что всегда удобно для погружения в контекст филологической проблематики. Правда, и здесь в основном использованы общеизвестные книги и не указаны статьи и публикации текстов последних лет.

Пособие завершается проверочными тестами.

Достоинством книги является популярное изложение основных этапов в развитии русского литературного языка, несложное для понимания даже слабыми студентами. Автор старался не перегружать свою работу терми-

нологией и «высокой научностью». Вместе с тем В.Г. Дидковская, несомненно, расширила образовательные рамки традиционного курса за счёт включения некоторых редких деталей, например, упоминания об изменениях в пунктуации и др. Учебное пособие стилистически выдержано, «проглатывается» на одном дыхании и в этом смысле, конечно же, не вызовет затруднений у читателей.

Всякий раз, когда мы знакомимся с подобными трудами, возникает желание увидеть их несколько с другой стороны. Ведь данный предмет – не только проникновение в текст эпохи и его культурную традицию, а своеобразный учебник жизни языка, в котором многое сплетено воедино: история, этнология, география, религия, искусство, народное творчество. В этой связи заметим, что с эстетической точки зрения нам не хватило элементов оформления: копий наиболее значимых памятников письменности, портретов деятелей славянского просвещения, фотографий исторических мест. Понятно, что в тесных рамках вузовских возможностей это часто является непреодолимым препятствием, но настоящий историк всегда должен быть оптимистом.

Весьма ценно, на наш взгляд, было бы приобщение студентов к лингвистической литературе по данному вопросу шире, чем предполагает утверждённая программа, тем более, что ряд изданий публикует целые подборки статей на данную тему: журналы «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», «Русская речь», «Русский язык в научном освещении» и др.

Во многом полезны окажутся коллективные труды лингвистов широ-

кого историко-культурного направления [4; 5], в которых содержится идея «лингвистического отечествоведения».

Необходимо обратить внимание студентов на необходимость знания и пользования лексикографическими источниками. Из новых следовало бы указать в библиографии «Словарь общерусского языка Московской Руси XVI–XVII веков». Почему бы не упомянуть и региональные исторические словари?

То же пожелание стоит отнести и к популярным книгам по истории языка. Они-то скорее всего будут востребованы непреходящими читателями. С таких «пособий» и можно начинать посвящение в историю русского литературного языка [1; 9].

Наконец, как же новгородцам жить без книг о берестяных грамотах?..

Принципиальным для нас является вопрос изучения лингвистической классики – трудов А.Х. Востокова, И.И. Срезневского, Ф.И. Буслаева, А.А. Шахматова, А.М. Селищева и других. Их идеи, выдвинутые много лет тому назад, получают ныне вполне осознанное очертание в смысле популяризации их опыта, включения идей в научные полемики и переосмысления творческого наследия. Как хороши были хрестоматии Ф.И. Буслаева, С.П. Обнорского и С.Г. Бархударова! Нам говорят, что они устарели, подавайте «передовые» труды. Но увы, таких нет. Эти имена должны быть для наших студентов путеводными звёздами в обучении. А чтобы легче было освоить такие работы, им можно было бы порекомендовать ознакомиться с современными очерками о них [8].

Оригинальные взгляды на развитие русского литературного языка высказывали наши эмигранты Н.С. Трубецкой, Б. Унбегаун, Р.О. Якобсон и др. Их точки зрения и интереснейшие наблюдения, думается, стоило бы включить в такой курс в виде оригинальных отдельных вкраплений.

Ещё один важный аспект должны иметь в виду авторы подобных книг: каждое пособие по *истории* языка – это открытие *нового* факта, а не только стандарт, набор необходимых для ответа на экзамене разделов. Значит, в таких пособиях по возможности необходимо давать фрагменты интересных рукописных текстов, редких книжных собраний, свежие архивные находки. Эти источники покажут читателям, что данная наука живая, она развивается, дышит историей, в ней ещё могут быть уникальные источники. В этом смысле очень показателен оригинальный курс Б.А. Ларина [3], где, например, культура посадской речи впервые заняла подобающее место в традиции изучения литературного языка, а исследование иностранных словарей-разговорников позволило расширить исторические и географические рамки понимания книжности, «очеловечило» скупые факты застывших текстов яркими разговорно-бытовыми красками.

Во многом полезными в данном ключе могут оказаться и другие курсы изучения русского литературного языка. Так, в первом систематическом труде А.И. Соболевского [10] мы видим совсем иную (скажем сразу: не поддержанную большинством учёных) концепцию развития нашей письменной традиции, основанную на анализе именно деловых текстов. И этот вопрос, несмотря на дискуссии и

авторитетное мнение Б.А. Успенского, не решён до сих пор.

Интересными «сюжетами» истории русского литературного языка могут стать описание местных разновидностей «деловых наречий» и в целом их внедрение в книжную стихию [6], а также наблюдение над языком русской дипломатии [7].

Сказанное выше стоит воспринимать лишь как маргиналии.

Одним словом, сделать учебное пособие выделяющимся из потока одноименных книг совсем не сложно. Надо лишь помнить о том, что история языка – это искусство книжности. В.Г. Дидковская очень постаралась нас в этом убедить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко В. Удивительные истории о словах самых разных. Книга о том, что мы говорим, сами того не ведая. М.: Ломоносов, 2015. 240 с.
2. Дидковская В.Г. История русского литературного языка (XI–начало XVII вв.): учебно-метод. пособие. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2015. 159 с.
3. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1975. 324 с.
4. Лингвистическое отечествоведение: Коллективная монография. Т. 1 / под ред. В.И. Макарова. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2001. 276 с.
5. Лингвистическое отечествоведение: Коллективная монография. Т. 2 / под ред. В.И. Макарова. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2001. 239 с.
6. Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 47 с.
7. Никитин О.В. Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилиобразующие свойства) // Филологические науки. 2005. № 1. С. 81–89.
8. Никитин О.В. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков // Ф.И. Буслаева как памятник филологического искусства XIX века // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 82–88.
9. Откупщиков Ю.В. К истокам слова: Рассказы о происхождении слов; издание пятое. СПб.: Азбука-Классика, Авалонъ, 2008. 352 с.
10. Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л.: Наука, 1980. 193 с.

REFERENCES

1. Babenko V. Udivitel'nye istorii o slovakh samykh raznykh. Kniga o tom, chto my govorim, sami togo ne vedaya [Amazing stories about various words. The book is about what we say, without even knowing it]. Moscow, Lomonosov Publ., 2015. 240 p.
2. Didkovskaya V.G. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–nachalo XVII vv.) [The history of the Russian literary language (11–beginning of 12 centuries)]. Velikiy Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2015. 159 p.
3. Larin B.A. Lektzii po istorii russkogo literaturnogo yazyka [Lectures on the history of the Russian literary language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1975. 324 p.
4. Makarov V.I., ed. Lingvisticheskoe otechestvovedenie. T. 1. [Linguistic national studies. Vol. 1]. Yelets, Bunin Yelets State University, 2001. 276 p.

5. Makarov V.I., ed. Lingvisticheskoe otechestvovedenie. T. 2. [Linguistic national studies. Vol. 2] Yelets, Bunin Yelets State University, 2001. 239 p.
6. Nikitin O.V. Delovaya pis'mennost' v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Business writing in the history of the Russian language (11–13th centuries): abstract of D. thesis in Philological Science]. Moscow, 2004. 47 p.
7. Nikitin O.V. [The business language of the Russian diplomacy of the 16–17th centuries (the formal and stylistic properties)]. In: Filologicheskie nauki [Philological Sciences], 2005, no. 1, pp. 81–89.
8. Nikitin O.V. ["Historical anthology of church Slavonic and old Russian languages" by F. Buslaev as a monument to the philological culture of the 19th century]. In: Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2018, no. 4 (173), pp. 82–88.
9. Otkupshchikov Yu.V. K istokam slova: Rasskazy o proiskhozhdenii slov [To the origins of the word: stories about the origin of words]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika, Avalon» Publ., 2008. 352 p.
10. Sobolevskii A.I. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka [The history of the Russian literary language]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 193 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of History of Russian Language and General Linguistics, Moscow Region State University;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин О.В. Дидковская В.Г. История русского литературного языка (XI–начало XVII вв.): учебно-метод. пособие. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2015. 159 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 262–267.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-262-267

FOR CITATION

Nikitin O.V. V. Didkovskaya. History of the Russian literary language (11 – beginning of the 12 century): textbook / V. Didkovskaya; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. Velikiy Novgorod, publishing house of poligraphic center of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2015. 159 p.. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 262–267.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-262-267

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-268-269

ЖУРНАЛУ «ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ» - 20 ЛЕТ

Двадцать лет назад, в 1998 году, увидели свет первые публикации журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология». За истекший период число выпусков в год выросло с одного (1998 г.) до пяти (в настоящее время). Журнал укрепил свои позиции и сумел стать известным в научной среде изданием. Показателем этого стало включение журнала в Перечень изданий ВАК Минобрнауки РФ и индексирование в российских и международных базах данных.

В редакционную коллегию серии «Русская филология» входят известные российские и зарубежные учёные: В.Н. Аношкина (Касаткина), П.А. Лекант, И.А. Киселёва, Л.Ф. Копосов, В.В. Леденёва, Б.Ю. Норман, В.И. Супрун, Л.В. Рацибурская и др.

Журнал содержит четыре рубрики: «Языкознание», «Литературоведение», «Научная жизнь» и «Рецензии», в которых публикуются материалы, посвящённые актуальным проблемам современного языкознания и литературоведения. Статьи остаются приоритетными для учёных, представляющих научные школы В.Н. Аношкиной, П.А. Леканта – заслуженных деятелей науки Российской Федерации. Материалы журнала отражают современное состояние лингвистики и литературоведческой науки с характерной для них тенденцией к установлению междисциплинарных связей и использованию достижений смежных наук, с опорой на современные парадигмы научного знания. Публикуемые в журнале материалы отличаются актуальностью, научной новизной, разнообразным интересным содержанием, глубиной анализа, соответствуют современным достижениям научно-теоретической мысли. Авторы наиболее серьёзных работ уточняют, расширяют, детализируют актуальные проблемы грамматики, стилистики, текстологии русского языка и литературы. Метаязык статей ясный, что делает публикуемые материалы доступными читателям, на которых они рассчитаны.

Среди наиболее актуальных проблем современной филологии, рассматриваемых в серии «Русская филология» в течение последних лет, следует отметить:

1) теоретико-методологическое освещение проблем взаимодействия языка, мышления и культуры;

2) методологические аспекты современных филологических и культурологических исследований;

3) когнитивно-дискурсивный анализ современных языковых, литературных и культурных процессов, включая аспекты перевода, а также отдельные теоретические и прикладные аспекты современного общего и сравнительного языкознания, литературоведения и культурологии, которые выходят за рамки основных перечисленных направлений.

В издании, кроме научных статей теоретического и прикладного характера, представляется информация о научных форумах – конгрессах и конференциях, круглых столах, хроника жизни работающих на факультете кафедр, отчёты о работе диссертационных советов, новинки в области исследования русского языка и литературы, публикуются рецензии на вышедшие монографии, учебники и учебные пособия, словари.

Редколлегия прилагает все усилия к тому, чтобы сделать журнал настоящим современным и динамичным. Качество публикуемых материалов обеспечивается действующим институтом рецензирования. Рецензенты – ведущие специалисты соответствующих профилю журнала отраслей наук – требовательны к содержанию статей, к соблюдению правил оформления аннотации и всего рецензируемого текста.

На факультете русской филологии Московского государственного областного университета успешно функционирует диссертационный совет Д 212.155.01 по литературоведению. И филологическая серия «Вестника Московского государственного областного университета» стала важным

звеном единой системы подготовки высококвалифицированных кадров в университете.

Помимо авторов из московского региона, в издании регулярно публикуются статьи учёных из Архангельска, Астрахани, Брянска, Великого Новгорода, Владимира, Волгограда, Ельца, Калуги, Кирова, Курска, Мурманска, Петропавловска-Камчатского, Рязани, Смоленска, Тамбова и др. городов России, статьи коллег из Китайской народной республики.

Выражаем признательность авторам, представляющим результаты научных исследований, соответствующие высокому статусу научного журнала. Надеемся, что очередные выпуски журнала будут интересны и полезны сообществу филологов как на территории России, так и за её пределами – в ближнем и дальнем зарубежье.

Приглашаем наших читателей к творческому сотрудничеству.

П.А. Лекант, ответственный редактор серии «Русская филология», доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, вице-президент Международной академии наук педагогического образования, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Т.Е. Шаповалова, заместитель ответственного редактора серии «Русская филология», доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, академик Международной академии наук педагогического образования

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2018. N 5

Над номером работали:

Литературные редакторы Т.Е. Шаповалова, М.С. Тарасова
Переводчик И.С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка – Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70х108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 18,25, усл. п.л. 17.

Подписано в печать: 27.12.2018 г. Дата выхода в свет: 29.12.2018 г. Заказ № 2018/12-08.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, 10А